klassenkampf

ПОЛЕЗНЫЕ КНИГИ
О КУЛЬТУРЕ, ТЕОРИИ
И ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИЙ.
СОСТАВИТЕЛИ СЕРИИ
Б. КАГАРЛИЦКИЙ
И А. ТАРАСОВ

УПРАВЛЯЕМАЯ ДЕМОКРАТИЯ

БОРИС КАГАРЛИЦКИЙ

УЛЬТРА.КУЛЬТУРА
ЕКАТЕРИНБУРГ • 2005

УДК 323(470+571)"1992/20"
ББК 66.3(2Рос)
К12

Серия «Klassenkampf»
Составители — Б. Кагарлицкий и А. Тарасов

Издательство благодарит галерею Гельмана за помощь в подготовке оформления книги и группу «Синие Носы» за разрешение использовать работы «Хлеб наш насущный» и «Ребята с нашего двора»

Кагарлицкий, Борис Юльевич

К12 Управляемая демократия: Россия, которую нам навязали. — Екатеринбург: Ультра.Культура, 2005. — 576 с.

ISBN 5-9681-0066-4
Агентство CIP РГБ

Политическая история постсоветской России, написанная с марксистских позиций. Анализ социальной природы сложившегося государства, основных политических сил и действующих лиц, показывающий несовместимость демократии и капитализма в современных условиях.

ББК 66.3(2Рос)

© Б. Кагарлицкий, 2005
© Издательство «Ультра.Культура», 2005
© К. Иванов, А. Касьяненко, художественное оформление, 2005
© «Синие Носы», художественное оформление, 2004

ISBN 5-9681-0066-4

ПРЕДИСЛОВИЕ

В одном из городов Эллады древней
Стоял в порту корабль, который греки
Святынею своею почитали.
На корабле герой, что свет объехал,
Домой вернулся, цел и невредим.
Однако время шло, и непогода
Святыню постепенно разрушала.
Тогда, чтоб сохранить корабль, решили
Гнилые части целыми сменить.
Вот так и обновлялось это судно,
Пока ни щепки старой не осталось.

Эдуардо Мендоса. Реставрация
(*перевод И. Глущенко*)

Книга, лежащая перед читателем, имеет довольно причудливую историю.

В середине 1990-х гг., когда в Москве ни одно издательство меня не печатало, я написал серию очерков о тогдашнем политическом и социальном порядке. Опубликована она была в Лондоне в 1995 г. на английском языке в издательстве «Verso» под названием «Restoration in Russia». То есть «Реставрация в России».

Спустя пять лет возможность опубликовать книгу на родном языке у меня все же появилась — в издательстве «Эдиториал УРСС». Однако к тому времени первоначальный текст, вышедший в Англии, серьезно устарел, а главное, меня самого больше не устраивал. Эпоха

Ельцина подошла к концу, вместе с ней потеряли прежнее значение многие события и персонажи.

Старое название, однако, сохранилось, несмотря на то, что под этим заголовком оказывалась, по существу, новая книга. С названием, кстати, произошел курьез: по крайней мере, в одном магазине я обнаружил свою книгу, лежащей в отделе «Архитектура и строительство».

Итак, «Реставрация в России» вышла в свет по-русски в 2000 г. — как раз под занавес операции «Наследник», когда режим Бориса Николаевича Ельцина сумел болезненно, но успешно преобразовать себя в режим Владимира Владимировича Путина.

Поскольку книга была радикально переработана, перечитав ее, я обнаружил, что получился совершенно новый текст. Настолько отличающийся от старого, что спустя некоторое время он вышел по-английски под заголовком «Russia Under Yeltsin and Putin» (Россия при Ельцине и Путине). Разумеется, в этом издании все фрагменты, повторявшие первоначальный вариант «Реставрации в России» были либо сокращены, либо полностью переписаны заново.

В 2002 г. «Эдиториал УРСС» воспроизвел книгу безо всяких изменений. Политическая конъюнктура менялась, и на левую литературу был спрос. Но именно поэтому текст в очередной раз устарел. Правление Путина нуждалось в самостоятельном анализе, в то время как мои размышления основывались на опыте ельцинской эпохи. К тому же события начали приобретать драматический оборот: если в конце 2003 г. в Кремле хвастались тем, что сумели наконец обеспечить стране стабильность, то уже полтора-два года спустя сама администрация президента пугала публику распадом России.

Когда «Russia Under Yeltsin and Putin» появилась на прилавках английских книжных магазинов, рецензент газеты Independent, в целом весьма положительно отнесшийся к книге, в конце статьи недоумевал, как может серьезный автор без всякой иронии писать о возможности в будущем каких-то революций. Прошло несколько

лет, и про революции заговорили все — другой вопрос, что подразумевается под этим словом.

Надо было все радикально переписывать. Что я и сделал.

Новая версия настолько отличается от двух предыдущих, что надо было снова менять и название, и отчасти даже композицию. В общем, как говорит герой испанского драматурга Эдуардо Мендосы, «ни щепки старой не осталось».

Признаюсь, мне самому такая многократная переработка доставила удовольствие, хотя кому-то она может показаться проявлением слабости автора. В любом случае история, описываемая в книге, остается незаконченной: режим капиталистической реставрации продолжает функционировать, несмотря на периодические кризисы. Значит, вполне возможно, что и эта версия не окончательная. Книга живет и меняется вместе со страной, в которой (и про которую) написана.

И все же мне бы очень хотелось, чтобы история поскорее закончилась. И не только потому, что развивается она в соответствии с логикой детской сказки, по принципу «чем дальше, тем страшнее», но и потому, что заключительной точкой неминуемо должен быть революционный взрыв.

А это еще одна причина того, что текст оставляет у самого автора впечатление незавершенности. Предстоит еще написать историю революции. Но сначала ее предстоит совершить.

Ленин был прав, когда прервал работу над книгой «Государство и революция» со словами, что делать революцию куда интереснее, чем писать о ней. Страна, пережившая трагифарс реставрации, заслуживает очередной порции «великих потрясений». Ведь именно благодаря таким потрясениям люди могут заслужить право гордиться своей страной и своей (а не далеких предков) историей.

Часть I
Необходимая реакция

[Глава 1]

Логика перемен

Когда в 1989 г. рухнула Берлинская стена и восточноевропейские страны дружно ринулись в объятия Запада, никто не хотел думать о тех проблемах и трудностях, которые ждут впереди. Спустя три года, когда распался Советский Союз, и возникшая на его обломках Российская Федерация объявила о решительном переходе к капитализму, все уже знали, что преобразования будут болезненными — об этом свидетельствовал опыт бывших братских стран Восточной и Центральной Европы. К тому же советская экономика переживала нешуточный кризис. Однако ни в 1989, ни в 1991 г. почти никто не сомневался в правильности выбранного пути, как и в том, что в итоге торжество капитализма гарантировано. А вместе с ним придут эффективная экономика, свобода и процветание. Немногие несогласные могли протестовать, но их голосов никто не слышал.

В 1989—1991 гг. в Восточной Европе капитализм одержал историческую победу. Но последствия этой победы оказались далеко не такими, как ожидали либеральные идеологи. Жизненный уровень большинства населения катастрофически снизился по сравнению с советскими временами, сократилось производство, увеличилась технологическая отсталость от Запада. Для многих (причем не только представителей старшего поколения) советское время стало представляться своего рода

«золотым веком», «потерянным раем». Но и это очень далеко от правды. Тем более для нас важно сегодня осмыслить причины и исторические последствия случившегося с Россией за последние десять лет.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Перемены, начавшиеся в Советском Союзе и Восточной Европе в конце 1980-х гг., поражали своими темпами. Система тоталитарной власти, доказавшая свою устойчивость на протяжении нескольких десятилетий, выдержавшая многочисленные потрясения в 1950-е и 1960-е гг., неожиданно рассыпалась в прах. На ее месте возникало новое общество, непривычное и незнакомое для самих его обитателей.

Почему СССР рухнул? Обычные ответы либеральных идеологов сводятся к тому, что система изначально никуда не годилась. Тем не менее эта система могла просуществовать более 70 лет, обеспечивала высокие темпы роста, технологическую модернизацию и повышение жизненного уровня. Почему она развалилась именно в 1989—1991 гг.?

Более изощренный ответ состоит в том, что система не выдержала технологического и потребительского соревнования с Западом. С точки зрения либералов, рыночная экономика более адекватна новейшим технологиям, нежели централизованная. Этот тезис довольно убедителен, но почему-то после перехода России к рыночной экономике технологическое отставание не только не сократилось, но стремительно увеличилось, а жизненный уровень сократился. То же относится и к Восточной Европе. Даже Чешская республика, самая преуспевающая из бывших коммунистических стран, по технологическим показателям к началу 2000-х гг. отставала от Германии больше, чем в 1988 г.

На самом деле то, что изменения оказались такими стремительными, было лишь следствием естественной

эволюции, происходившей на протяжении многих лет в недрах самой системы. Частичные структурные сдвиги в обществе постепенно накапливались на протяжении всех 1970-х гг., готовили последующий кризис. К концу 1980-х гг. они дали себя знать. Количество перешло в качество. Система естественным образом изжила себя. Поворот к капитализму был подготовлен самим развитием советского общества.

Привозные и доморощенные идеологи неолиберализма обещали народам Восточной Европы приобщение к Западу. За десять лет уровень жизни двух частей континента не сблизился. Страны Восточной Европы пережили глубочайший экономический спад. Некоторые из них затем смогли достичь определенного роста, но к 1999 г. превзойти докризисные показатели, а тем более сократить разрыв с западными соседями, не удалось практически никому[1].

За десять лет, прошедших после падения Берлинской стены, Восточная Европа не только отказалась от коммунистических лозунгов и приватизировала государственные предприятия, создав собственную финансовую олигархию, — она включилась в мировую капиталистическую экономику, став ее новой периферией. Долговая зависимость, ставшая серьезной проблемой коммунистических режимов уже в 1980-е гг., стремительно возросла в 1990-е, когда на смену коммунистам пришли либералы. Усилилась зависимость от иностранных рынков и технологий, выросла неформальная экономика. Общей проблемой всех стран стал дефицит капиталов, накладывающийся на растущую потребность в модернизации изнашивающегося оборудования.

---

[1] Исключением из общего правила выглядит Польша, которая смогла к 1999 г. восстановить уровень 1989 г., но не сумела существенно превзойти его. При этом важно отметить, что Польша в 1989 г. не только не находилась на подъеме, но переживала спад производства, начавшийся еще за десять лет до этого! Иными словами, поднявшись за десять лет до уровня 1989 г., Польша все еще отставала от уровня 1979 г.

Все страны бывшего советского блока унаследовали от прежних режимов серьезный промышленный потенциал. Даже если учесть, что эффективность производства и качество продукции неизменно уступали западным нормам, этот потенциал был впечатляющим в сравнении с другими регионами мира. Именно это и было здесь источником многочисленных иллюзий относительно будущего успешного развития. Между тем даже немногие инвестиции, которые удавалось привлечь, явно шли мимо промышленности. Оценивая приоритеты инвесторов, венгерский экономист Йозеф Ороч выделяет три руководящих принципа: «1) недвижимость привлекательнее производства; 2) деньги вкладываются в завоевание венгерского или центрально-европейского рынка для импорта, а не в развитие местного экспортного потенциала; 3) возрождаются черты довоенной зависимости»[2].

ЧТО ЭТО БЫЛО?

1989 год не был концом истории. Он не был и ее началом. Никто не может начать с чистого листа. Страны Восточной и Центральной Европы (за исключением Чехии) до Второй мировой войны были периферией или полупериферией Запада. Национальный капитал был слаб и зависим от иностранцев, государственные структуры были авторитарны, чиновничество коррумпировано. Именно слабостью восточноевропейского капитализма объясняется неспособность местных элит устоять перед натиском Германии в 1939—1941 гг. и последующее включение этих стран в советскую сферу влияния. За время существования коммунистического блока Восточная Европа вынуждена была жить в смирительной рубашке однопартийной системы, но одновременно в ней происходила стремительная модернизация. Польша,

---

[2] Eszmelet-Consciousness / Ed. By T. Krausz. Budapest, 1997. P. 107.

Югославия и Венгрия были буквально подняты из руин. Выросли города и промышленность, сформировалась система всеобщего образования и здравоохранения. Для низов общества открылись социальные возможности, совершенно недоступные в прежние времена. Когда после смерти Сталина политический кризис охватил почти все страны советского блока, решение было найдено за счет сочетания репрессий против активной оппозиции с внутренними реформами, улучшающими положение большинства населения. Эта политика оказалась предельно эффективной. До середины 1970-х гг. непрерывно рос жизненный уровень. Да и сфера свободы постоянно расширялась. Антикоммунистические идеологи предпочитают забывать, насколько жесткими были политические режимы в большинстве стран региона до Второй мировой войны. В сравнении с ними коммунистические режимы, по крайней мере в Венгрии и Польше, к 1970-м гг. выглядят либеральными. Все это обеспечивало определенную массовую базу коммунистическим властям, которые держались отнюдь не только на советских штыках. В самом Советском Союзе политическая система становилась все более мягкой, давая людям надежду на дальнейший постепенный прогресс.

«Классический» тоталитарный режим установился в Советском Союзе с начала 1930-х гг., когда был окончательно уничтожен частный сектор в городе, независимые крестьянские хозяйства были экспроприированы, сельские жители РАСКРЕСТЬЯНЕНЫ и согнаны в колхозы, оппозиционные группировки в партии окончательно подавлены, а на место экономики, сочетавшей государственное регулирование с рынком, пришла система централизованного планирования. Однако возникли эти новые отношения не на пустом месте.

Революция 1917 г., как и всякая революция, провозглашала лозунги социального освобождения. Но объективно перед новой властью стояла задача модернизации страны. Именно неспособность царского режима и российской буржуазии быстро осуществить модернизацию

привела к катастрофическим поражениям в войне с Японией в 1904—1905 гг. и в Первой мировой войне. Капиталистическая индустриализация создала в России не только крупные промышленные предприятия, но и породила все противоречия, характерные для раннего индустриального общества конца XIX — начала XX в. И в то же время она не обеспечила динамичного развития, которое дало бы возможность встать на один уровень с Западом. Появились пролетариат и социал-демократическое движение, но правящие классы, в отличие от Запада, не имели ни ресурсов, ни опыта, для того чтобы предотвратить социальный взрыв с помощью компромиссов, повышения жизненного уровня и частичного удовлетворения требований низов.

Задача модернизации, так и не решенная старым режимом, осталась в наследство новому. И от способности новой власти решить эту задачу зависело теперь будущее режима. Переход власти от Советов к большевистской партии, установление в ходе гражданской войны однопартийной диктатуры, подчинение профсоюзов государству и постепенное утверждение авторитарного стиля руководства внутри самой партии означало, что революция утрачивала не только демократический, но и социалистический характер. Рабочий класс, по-прежнему провозглашавшийся господствующей силой и до известной степени все еще составлявший опору режима, оказался подчинен новой партийно-государственной бюрократии, сформировавшейся в недрах революционного движения.

Социалистические и марксистские теоретики растерянно смотрели на новое государство, вырастающее из революции, но трагически не похожее на то, чего они ожидали. «Бедность и культурная отсталость масс, — писал Лев Троцкий, — еще раз воплотились в зловещей фигуре повелителя с большой палкой в руках. Разжалованная и поруганная бюрократия снова стала из слуги общества господином его. На этом пути она достигла такой социальной и моральной отчужденности от народных

масс, что не может уже допустить никакого контроля ни над своими действиями, ни над своими доходами»[3].

По аналогии с французской революцией Троцкий назвал это «советским Термидором». И в самом деле, похоже, что послереволюционное советское общество прошло те же фазы, что и французское, хотя и в других формах и в иные сроки. «Термидорианский» режим бюрократических наследников революции понемногу приобрел имперский характер, началась военная экспансия, порабощение соседних стран и установление там режимов, организованных по подобию Большого Брата. Подобно наполеоновским завоеваниям в Европе XIX в., советская экспансия в Восточную Европу была не просто попыткой завладеть чужой территорией ради эксплуатации ее ресурсов и населения. Вместе с советской «моделью власти» приходили и новые общественные отношения, открывавшие для низов общества доступ к образованию, политической карьере. Происходила модернизация стран Восточной Европы. Иными словами (как и в начале XIX в.), унижение национальных чувств и подавление свободы зависимых народов сопровождалось действительным социальным прогрессом. Создав собственный военно-политический блок, Советский Союз фактически отодвинул границу на Запад, обезопасив себя от вторжений, неоднократно происходивших в ходе русской истории (в этом смысле советское движение на запад подчинялось той же геополитической логике, которой следовал Наполеон в начале своего движения на восток).

Распад имперской системы в свою очередь и у нас, как и во Франции, означал частичную реставрацию старых дореволюционных отношений, но на основе уважения к правам и собственности новой господствующей верхушки, возникшей благодаря революции. В этом смысле перестройка и последующий за ней период для

---

[3] *Троцкий Л. Д.* Что такое СССР и куда он идет? Париж, 1988. С. 127.

русской истории оказались своеобразным аналогом реставрации Бурбонов во Франции...

Осуществить подобную реформу господствующие слои не могли без окончательного отказа от остатков революционной идеологии. Термидор еще не является полным разрывом с революционной идеологией и практикой. Сталинский Термидор, так же как и Термидор французский, был по своей сути **контрреволюцией, выросшей из самой революции и являющейся в значительной степени продолжением и завершением революции.** Именно поэтому одинаково бессмысленны и попытки отделить большевизм от сталинизма, и попытки свести большевизм к подготовке сталинизма.

Хотя социалистическая перспектива и была утрачена, а классовая сущность власти постепенно менялась, это вовсе не означало отказа от политики модернизации страны. Более того, модернизация и индустриализация России стали теперь главными задачами режима. Отныне «строительство социализма» представлялось как строительство большого числа современных промышленных предприятий. Термин «строительство нового общества», изначально порожденный недоверием большевиков к естественным процессам социального развития, приобрел совершенно конкретный, вещественный смысл.

Если буржуазная модернизация в России закончилась неудачей, то бюрократический проект, позволивший сконцентрировать огромные ресурсы и весь наличный общественный капитал в руках государства, давал возможность в несколько раз ускорить темпы развития, не считаясь с ценой, которую приходилось платить обществу.

Сформировавшиеся структуры управления должны были обеспечивать максимально эффективное и быстрое решение этих задач, а социальная структура общества сделалась (впервые в истории человечества) прямым продолжением структуры управления. Правящий класс оказался слит с государством настолько, что его уже нельзя было в полной мере назвать классом. Граж-

данское общество отсутствовало, любая человеческая деятельность, ускользающая от сферы государственного управления, просто подавлялась. Восторжествовавший подход был предельно прост: то, чем нельзя управлять, не должно существовать[4].

Все сводилось к принципу упрощения управления: всех писателей объединили в один союз, то же самое сделали со всеми архитекторами, художниками, кинематографистами. Крестьяне лишены собственных хозяйств и объединены в колхозы, малые предприятия по возможности заменены крупными, поскольку это облегчало задачи централизованного контроля.

Сейчас много пишут о неэффективности сталинских методов, о больших затратах, о человеческих жертвах — ведь даже если не задумываться о моральной стороне дела, гибель миллионов людей вряд ли укрепляет экономический потенциал страны. Но в тот момент важны были темпы. Главный урок, извлеченный режимом из поражений царской России, состоял в том, что даже успешное

---

[4] В этом, кстати, существеннейшее различие между тоталитаризмом XX в. и традиционной азиатской деспотией. Параллель между советским режимом сталинского периода и «азиатским способом производства» неоднократно проводилась как марксистами, так и немарксистскими исследователями. И в том и в другом случае имеет место концентрация собственности в руках деспотического государства, связь между властью и идеологией (в древнеазиатском варианте — особая роль государственной религии и касты жрецов), и в том и в другом случае — попытки централизованного руководства экономическими процессами. Но в «азиатском» варианте речь идет о постоянной работе государства по обеспечению простого воспроизводства (поддержание ирригационных систем, установление сельским общинам ежегодных норм по сдаче зерна и т. п.), тогда как в нашем случае ставится задача форсированного экономического роста и смены старых, доиндустриальных технологий новыми, индустриальными. Отсюда следует и совершенно различный характер государства. В рамках «азиатской» системы деспотическое правительство имело неограниченную власть, но не претендовало на тотальное управление обществом. Более того, основные процессы, происходившие «в низах», были саморегулирующимися. В общинах властвовал обычай, политически они обладали значительной автономией. Напротив, тоталитаризм XX в. строится по принципу всеобщности, тотальности управления. Об «азиатском деспотизме» и тоталитаризме см.: *Кагарлицкий Б.* Диалектика надежды. Париж, 1989.

индустриальное развитие не позволяет встать на один уровень с Западом, если не обеспечен соответствующий темп индустриализации, если не возникает КРИТИЧЕСКАЯ МАССА, позволяющая соревноваться на равных. С этой точки зрения режим был эффективен. Он не обеспечивал ни производства качественных товаров, ни повышения жизненного уровня, ни высокой рентабельности предприятий. Но он гарантировал головокружительные темпы роста.

Эта эпоха, писали советские социологи Л. Гордон и Э. В. Клопов, породила удивительную «смесь прогресса, преодоления отсталости, взлета народной энергии и народного энтузиазма с явлениями упадка, застоя, массового террора, разрушения нормальных основ социальной жизни», возникло общество, где «труд подчинен единой, поддерживаемой государством, дисциплине и где в свою очередь государство гарантирует гражданам определенную социальную защищенность — отсутствие безработицы, возможность и обязанность трудиться, получая более или менее равный минимум обязательных социально-культурных благ и приобретая другие блага в соответствии с результатами труда, заслугами перед обществом, общественным положением человека»[5].

Сталинская система не имела ничего общего с «царством свободы», о котором писали основоположники социализма. Но миллионы людей, истерзанные войнами и привыкшие ежедневно бороться за физическое выживание, воспринимали ее как высшее выражение социальной справедливости. Более того, не будучи социалистической, она, безусловно, опиралась на целый ряд социалистических принципов в своей теории и практике. Именно это предопределило серьезные успехи Советского Союза на ранних этапах его истории. Именно из-за этого распад СССР оказался столь тяжелым ударом для левого движения во всем мире.

---

[5] *Гордон Л. А., Клопов Э. В.* Что это было? М., 1989. С. 149.

ОБЩЕСТВО ДЕКЛАССИРОВАННЫХ

Общество разделилось на управляющих и управляемых. Естественно, рядовой гражданин существовал отныне только как объект управления. О каких гражданских правах может в подобном случае идти речь? Централизованный аппарат управления противостоял массе трудящихся. Но система держалась не только на страхе и репрессиях. После того как традиционные формы самоорганизации общества и связи между людьми были разрушены, массы людей, по существу, деклассированы, население само нуждалось в централизованном государстве, без которого уже невозможно было обойтись. Власть налаживала производство, обеспечивала обучение детей в школах, гарантировала бесплатное здравоохранение, давала работу и организовывала отдых.

Стихийное деклассирование масс началось еще во время столыпинской реформы, так и не создавшей русского фермерства, но подорвавшей традиционную сельскую общину. Разрушение социальных связей продолжалось во время мировой войны, революции и гражданской войны. Миллионы людей были сорваны с насиженных мест, отрезаны от своих родных и своей обычной среды. Рабочие массами переселялись в деревню, крестьяне наводняли города. В годы новой экономической политики, когда крестьяне получили возможность работать на своей земле, а в городах начался медленный рост промышленности, появились некоторые признаки социальной стабилизации. Однако новая экономическая политика не смогла решить задачу ускоренной модернизации. Сталинская политика 1930-х гг. ее решала за счет разрушения сложившихся общественных связей. Насильственная коллективизация деревни, сопровождавшаяся форсированной индустриализацией и террором, разорвала непрочную социальную ткань. Опять миллионы людей перемещались из деревни в города, за считанные дни превращаясь из земледельцев в неквалифицированных городских рабочих. Узкий слой потомственных

рабочих был просто смыт сталинской индустриализацией. Вторая мировая война и новые волны репрессий довершили дело. Общество в старом смысле слова просто исчезло. Была лишь «общественно-политическая система».

Деклассированное общество, лишенное устойчивых социальных связей, традиций, культуры, неизбежно нуждалось в управлении извне. Всемогущая бюрократия отныне не только гарантировала модернизацию, она обеспечивала выживание и воспроизводство населения. Именно поэтому система сохраняла устойчивость даже после того, как массовый террор в 1950-е гг. прекратился. Сама бюрократия радикально изменилась. Она так и не стала правящим классом в традиционном западном смысле слова — классы существуют лишь там, где есть социальные структуры, отличные от структур государства. Но это была уже и не старая государственная бюрократия, существовавшая в России испокон веков.

Обычно бюрократия выполняет волю правящего класса. Чиновники, естественно, имеют собственные интересы. Часто результат бюрократического управления оказывается разительно не похожим на то, что ожидалось. Но все же аппарат не выдвигает собственных целей и приоритетов. Он лишь по-своему интерпретирует волю верхов. Напротив, в советской системе аппарат сам принимал решения и сам же их интерпретировал. Бюрократия, не переставая быть исполнительным аппаратом власти, уже не выполняла волю правящего класса, а заменяла отсутствующий правящий класс. В строгом смысле это уже не бюрократия старого образца, а *«этакратия»*, класс-государство, класс-аппарат.

Все классы сталинского общества в строгом смысле были деклассированными, и в этом отношении правящая верхушка несильно отличалась от других слоев. Но у нее было важное преимущество — она была организованна и слита с государственной властью. Противоречивость положения самой господствующей верхушки постоянно порождала гротескные ситуации и зачастую фантастическую безответственность. Однако эти слабые

стороны системы проявились в полной мере лишь позднее, по мере ее разложения. На первых порах эффективность работы внутри аппарата гарантировалась с помощью террора, затрагивавшего верхи почти в той же степени, что и низы, и своеобразного «естественного отбора», когда проигравшие физически ликвидировались.

Внешне система управления напоминала монолитную пирамиду, под основанием которой находилась масса бесправных и деклассированных трудящихся. Однако при более близком рассмотрении выясняется, что «монолит» никогда не был совершенно однородным. Более того, внутри «большой» пирамиды власти существовали тысячи маленьких и мельчайших управленческих пирамид, полностью воспроизводивших его структуру.

На самом верху находился «великий вождь и учитель» товарищ Сталин, чья власть была абсолютной. Но каждый крупный партийный начальник в своей области, каждый министр в своем ведомстве, каждый директор на своем заводе был маленьким сталиным, властвующим над жизнью и смертью своих подданных. Хорошо известно, что при сталинском трудовом законодательстве, каравшем тюрьмой за двадцатиминутное опоздание, именно от директора завода зависела судьба его подчиненных. Он мог передать их в руки НКВД за малейший проступок, а мог прикрыть крупные нарушения. С этого начиналось развитие корпоративных отношений на производстве, когда предприятие превращалось в некое подобие традиционной русской общины, только индустриальной. Деспотическая власть начальников на местах гарантировала им изрядную самостоятельность. Центр ставил задачи и подбирал людей. За успех эти люди отвечали головой. В те времена никто еще не додумался до того, чтобы планировать из центра каждую мелочь. Этого просто не требовалось. Необходимо было лишь сконцентрировать ресурсы на главных направлениях, обеспечить строительство максимального количества предприятий тяжелой индустрии в кратчайший срок,

вручить управление этими заводами в руки «верных солдат партии» — об остальном думать было некогда. Система была примитивной, но надежной (как и производившееся на советских заводах оборудование). Причем именно примитивность и простота системы были причиной успехов.

ПЛАТА ЗА УСПЕХ

Индустриальное общество было в целом создано, война выиграна, Россия под именем Советского Союза превратилась в сверхдержаву. Экономический рост продолжался, несмотря на возникающие трудности. Централизованная экономика и жесткое авторитарное управление обеспечивали модернизацию России до конца 1940-х гг. После того как индустрия была в основном построена, управлять более сложной экономикой с помощью прежних мобилизационных методов становилось все сложнее. Технологическая революция действительно требовала новых подходов. Как ни парадоксально, на первых порах система пошла, скорее, по пути усиления централизации. Террор прекратился, зато бюрократический контроль над «командирами производства» в 1950-е гг., скорее, усилился. Никто уже не отвечал за успех головой, зато резко возросло значение отправляемой в центр «отчетности». С начала 1960-х гг. советская система столкнулась с постоянным снижением темпов роста экономики и дефицитом капиталовложений. Этот дефицит был тесно связан с низкой эффективностью использования имеющихся средств.

Успех индустриализации означал, что общество качественно изменилось. А следовательно, требовало и других методов управления. Уже в 1950-е гг., когда современная (для той эпохи) тяжелая промышленность была создана и восстановление экономики после разрушений, причиненных мировой войной, в основном завершено, стали возникать новые проблемы. Холодная вой-

на и соперничество с Соединенными Штатами, возникновение новых военных технологий, необходимость взаимодействия с экономикой попавших в советскую сферу влияния стран Восточной Европы — все это ставило режим перед необходимостью серьезной перестройки. Усложнившиеся задачи уже невозможно было решать первоначальными примитивными методами. Бесплатный труд заключенных в лагерях становился невыгоден, а на энтузиазме производство держаться уже не могло. В условиях мирного времени нужен был новый работник, способный осваивать более сложные технологии.

Многие ученые прекрасно работали в шарашках, лабораториях-тюрьмах, где научные открытия совершались под надзором охраны, за решеткой. Но подобным образом невозможно было наладить массовое производство. Гении могли трудиться даже в заключении просто из любви к своему делу. Рядовой квалифицированный рабочий или инженер нуждался в нормальных условиях труда, позволявших им восстанавливать свою работоспособность, нормально получать необходимые знания, переучиваться. Короче говоря, требовался как минимум свободный наемный работник, которому следовало обеспечить уровень жизни и потребления, если не равный западному, то, по крайней мере, сопоставимый. Следовало хотя бы в какой-то мере обеспечить самостоятельность и права работника, а для этого необходимо было ограничить произвол начальников на местах, установив по всей стране определенные общие нормы управления.

Политика «оттепели», проводившаяся Н. С. Хрущевым после смерти Сталина, и была попыткой решения этой задачи. Лагеря были ликвидированы, на базе шарашек созданы мощные научно-исследовательские институты, зачастую возглавлявшиеся бывшими заключенными, началась модернизация вооруженных сил и обновление промышленных технологий. Вплоть до конца 1980-х гг. именно оборудование, установленное в течение 1960-х, составляло основу производства на большинстве

предприятий. После того как террор сменился более мягкими формами контроля, большую роль стала играть «материальная заинтересованность» работника. Соответственно быстро начал развиваться потребительский рынок. По существу, несмотря на огромное отставание от Запада по уровню жизни, Советский Союз в 1960-е гг. превращался в потребительское общество. Это означало не только существенное изменение культуры и психологии трудящихся, но и становление новой экономической структуры, способной массово производить как танки и трактора, так и товары для народа. В свою очередь население и само руководство оценивали отныне сложившуюся систему не только по тому, насколько она могла обеспечить оборонную мощь страны, «величие державы», национальную независимость или обещанное революцией социальное равенство, но и по тому, насколько она обеспечивала постоянный рост потребления.

ОТ «ОТТЕПЕЛИ» К «СТАБИЛЬНОСТИ»

Модернизаторский потенциал советской системы был явно исчерпан к концу 1970-х гг. В одних странах это происходило раньше, в других позже. В СССР темпы роста экономики начали снижаться уже с 1959 г., когда в целом было завершено послевоенное восстановление страны.

Первой попыткой решить проблему была экономическая реформа конца 1960-х (в СССР она получила название «косыгинской» по имени тогдашнего премьера). Инициаторы преобразований предполагали обеспечить децентрализацию принятия решений. Однако, как показали события 1968 г. в Чехословакии, такая децентрализация неизбежно влекла за собой новый этап политической демократизации и ослабление позиций партийно-государственной бюрократии.

Чехословакия, наименее пострадавшая в войне и обладавшая наиболее развитой экономикой, оказалась

первой страной, у которой в рамках сложившейся системы не было никаких перспектив развития. Движение за реформы в 1968 г. было поддержано и даже инициировано здесь значительной частью партийной и государственной элиты. Однако Советский Союз к переменам не был готов. Реформы в «братской Чехословакии» были подавлены танками.

Нефтяной кризис, наступивший после арабо-израильской войны 1973 г., направил в СССР поток нефтедолларов. Дешевая советская нефть стимулировала продолжение промышленного роста в «братских странах». В годы правления Леонида Брежнева главным лозунгом в СССР стала «стабильность». Новый общественный договор предполагал, что население откажется от потребности в расширении гражданских свобод в обмен на увеличение потребления. Кстати, это вполне соответствовало идеям, заложенным в программе КПСС, принятой на XXII съезде. «Коммунизм» представляется там в виде потребительского рая, своего рода гигантского супермаркета, откуда каждый гражданин может свободно и бесплатно тащить все, что удовлетворяет его «непрерывно растущие потребности». Культ потребления, встроенный в систему, ориентированную на непрерывное наращивание производства, должен был ее стабилизировать, придать ей новые стимулы, но на самом деле — разлагал ее. Именно тогда были заложены основы систематической коррупции во всех слоях общества.

Механизм управления становился все более бюрократизированным и сложным. Принятие любого решения требовало растущего числа согласований, между бюрократиями стали возникать конфликты интересов. Партийный аппарат оставался ядром системы, приобретая новые важные функции. Он должен был не только управлять страной, но и координировать действия различных бюрократий, выступать арбитром в конфликтах, принимать окончательное решение в спорных случаях. Это породило новые противоречия между партийным аппаратом и «хозяйственниками». С одной стороны,

партийная верхушка постоянно вмешивалась в дела производственной бюрократии, зачастую отстаивая внеэкономические интересы, с другой — обеспечивала определенную сбалансированность системы.

Поскольку внутри хозяйственного аппарата сложилась своя система подчинения, директора предприятий оказались под двойным контролем. Для того чтобы центральные министерства и ведомства могли эффективно контролировать нижестоящие инстанции, они должны были получать информацию об их деятельности и доводить до них плановые задания в виде системы «показателей», позволявших обобщать и оценивать информацию. Чем более сложным и развитым становилось производство, тем больше требовалось показателей. Чем больше было показателей, тем легче оказывалось директорам предприятий и самим министерствам манипулировать ими. В свою очередь партийные власти на местах гораздо меньше интересовались формальными показателями, но больше были заинтересованы в решении социальных вопросов и в том, чтобы принимаемые решения соответствовали идеологической линии партии.

С точки зрения хозяйственного аппарата, вмешательство партийных органов было помехой до тех пор, пока партийные руководители не подключались к добыванию дефицитного сырья, оборудования, стройматериалов. С другой стороны, вмешательство партаппарата позволяло многим промышленным руководителям лавировать между двумя силами: партийной властью на местах и министерствами в центре. Именно через партийный аппарат зачастую устанавливались и горизонтальные связи, прямые неформальные контакты между предприятиями различных отраслей. Парадоксальным образом именно вмешательство партийных органов в значительной мере заменяло отсутствовавшие структуры рынка. В свою очередь возрастающее «хозяйственное» значение партийных органов готовило их к принятию в конце 1980-х гг. «рыночной» идеологии. Увеличивались и воз-

можности для коррупции. Чем больше партийные работники занимались «дефицитом», тем больше было перспектив для личного обогащения.

Попытка упорядочивания системы на основе децентрализации и расширения прав хозяйственной бюрократии на местах, предпринятая в 1965—1969 гг., провалилась из-за того, что центральные ведомства и партийное начальство не желали поступиться своей властью. Но что-то все же приходилось менять. Выходом в условиях постоянно усложняющейся экономики стала *бюрократическая децентрализация*. Центр захлебывался от информации, которую не мог должным образом обработать, но не желал и передать свои полномочия «вниз» (тем более, что попытки реформ нарушали сбалансированность системы, которая, несмотря на постоянно возрастающие трудности, все же как-то работала). Единственной альтернативой стало создание параллельных центров.

Министерства начали плодиться с невероятной быстротой. Если при этом и повышалась управляемость внутри отрасли (поскольку каждое центральное ведомство занималось теперь меньшим количеством предприятий), то, наоборот, работа по планированию развития и согласованию отраслевых интересов усложнялась. Положение партийного аппарата становилось все более двусмысленным, по мере того как возникал бюрократический плюрализм интересов. Если структура власти в 1930-е гг. напоминала пирамиду с вождем на вершине, то к 1970-м гг. это была уже сложная конструкция с многими вершинами, опутанными как паутиной сетью партийных органов. «Общенародная» собственность в 1970-е гг. все более превращалась в корпоративную и, по существу, — частную. «Лица, распоряжавшиеся от имени государства так называемой государственной собственностью (чиновники всех уровней), нередко выступали уже в качестве ее реальных владельцев, — отмечает политолог Владимир Пастухов. — Эти люди становились все более и более независимыми от государства и одновременно

государственная природа собственности в СССР все больше превращалась в условность»[6].

Это было время разрастающейся коррупции — не только наверху, но и во всех слоях общества. Нефтедолларами оплачивались импортные потребительские товары и технологии. Однако этих денег не хватало и приходилось прибегать к внешним заимствованиям. 1970-е гг. были временем дешевого кредита. В результате Польша, Венгрия, Румыния и Советский Союз оказались в числе крупнейших должников Запада. Последствия этой политики оказались роковыми для страны. СССР все более становился периферией западного мира, его экономика подчинялась той же логике зависимости, что и экономика стран Азии, Африки и Латинской Америки. Неэффективная бюрократическая машина постепенно разлагалась. Это было время стремительного роста коррупции наверху. В то же время морально разлагалось население, покорность которого покупали за счет искусственного роста потребления.

К этому надо добавить изменение социальной динамики. С 1917 г. русское общество жило под воздействием *революционного импульса*, когда миллионы людей из низших классов получили возможность подняться наверх. Сотни тысяч из них погибали в лагерях и на войне, но тем не менее происходило постоянное выдвижение новых талантливых людей на их место. Бесплатное образование и здравоохранение обеспечивали эту перманентную социальную демократизацию. Советская система не стала и не могла стать социалистической в марксистском смысле этого слова. Но для миллионов людей она выполнила некоторые обещания социализма.

В течение 1970-х гг. эта демократическая социальная динамика постепенно сошла на нет. Номенклатура, близкая к ней часть интеллигенции и управленческие слои консолидировали свои привилегии. Вертикальная мобильность в обществе стремительно падала.

---

[6] *Пастухов В.* Три времени России. М.: Полис-Росспэн, 1994. С. 155.

СОВЕТСКИЕ СРЕДНИЕ СЛОИ

Масса трудящихся продолжала оставаться в целом атомизированной. Переселение миллионов людей в города, продолжавшееся и в 1960-е гг., затрудняло формирование потомственного рабочего класса, хотя по сравнению со временами сталинского террора и войны социальные связи стали устойчивее и люди теперь гораздо меньше зависели от государства.

Быстрее всего происходило формирование новых средних слоев. Усложнившаяся экономика порождала целый слой привилегированных научных работников, менеджеров. Новые культурные потребности населения вызвали к жизни формирование культурной индустрии, прессы, возникло телевидение. Сложилась новая культурная элита. Сохраняющаяся нехватка товаров и услуг при одновременном росте уровня жизни, покупательной способности и потребления создала условия для возникновения развитой и преуспевающей торговой мафии, которая постепенно проникала в самые разные сферы общественной жизни.

При всей своей неоднородности средние слои объединял схожий образ жизни, примерно одинаковый уровень образования и, наконец, общая модель потребления. Их объединяла и противоречивость отношений с властью. Почти все эти группы пользовались в системе определенными привилегиями и правами, резко возвышавшими их над массой простых смертных. Порой эти права были дарованы сверху, как в случае интеллектуальной элиты, получившей всевозможные льготы, начиная от права на использование дополнительной жилой площади в условиях квартирного дефицита и кончая поездками за границу. Но средние слои были отчуждены от реальной власти. Постоянные конфликты вызывались неизбежным вмешательством партийного аппарата в «чужие дела». Наконец, эти слои обладали более высоким уровнем образования и были компетентнее, нежели партийные функционеры. Данные группы меньше

всего нуждались в опеке аппарата. Они были ближе всего к власти... и сильнее всего чувствовали на себе ее давление.

Им было ясно, что власть нуждается в них, но не допускает к себе. Хотя эти круги не были самыми угнетенными, именно здесь стало быстрее всего возникать стремление к радикальным переменам. Именно здесь складывалась оппозиция, появлялись идеи о новом общественном устройстве. И диссиденты и реформаторы вышли из средних слоев.

Когда в 1962 г. массы, возмущенные политикой правящей бюрократии, поднимались на восстание в Новочеркасске, они обращались к революционной традиции 1917 г. О переходе к капитализму не могло быть и речи, так же как не предлагалась и альтернативная социалистическая модель. Народ лишь требовал от системы выполнения ее собственных обещаний, обеспечения жизни в соответствии с официально провозглашенными лозунгами («все на благо человека», «молодым везде у нас дорога», «единственный привилегированный класс — это дети» и т.п.). Рабочие восстания в Восточном Берлине в 1953 г. и в Польше в 1956 и 1970 гг. демонстрируют ту же картину. Напротив, когда в конфликт вступали средние слои, речь шла об изменении правил игры, преобразовании структуры управления и переделе власти. В этом смысле оппозиция средних слоев при всей ее ограниченности делалась единственно «конструктивной», причем совершенно естественно, что реформистские идеи становились куда влиятельнее диссидентских, хотя диссиденты привлекали к себе большее внимание.

Поскольку средние слои оказались и единственной частью общества, имевшей свой голос, и были самой организованной его частью, они начинали говорить от имени всего общества. В этой ситуации иллюзия полного совпадения собственных интересов с интересами страны в целом была и для реформаторов и для сторонников диссидентства вполне естественной и закономерной.

КРИЗИС 80-Х ГОДОВ

К началу 1980-х гг. возможности брежневской модели были исчерпаны. Цены на нефть стабилизировались, а вместо нефтяного шока наступил долговой кризис. Настало время платить по счетам. Кризис управления деморализовал правящие круги, подорвал их веру в эффективность системы гораздо больше, нежели снижение темпов роста экономики и растущее недовольство народа. Принять любое решение становилось все труднее, бюрократические лабиринты делались все более запутанными, ставя в тупик даже опытных профессиональных чиновников.

Кризис управления к концу 1970-х гг. породил «кризис снабжения». Дефициты стали повседневной проблемой не только для рядового потребителя, но и для директоров заводов. Централизованная система распределения ресурсов давала все большие сбои, запланированные поставки срывались, невозможно было узнать, где что находится. Парадоксальной реакцией хозяйственного аппарата на развал системы снабжения стало формирование своеобразного «серого рынка» — возникли прямые связи между предприятиями, не столько покупающими друг у друга продукцию, сколько обменивающимися между собой дефицитом. Все, кому удавалось получить доступ к дефициту, будь то домохозяйка или директор завода, создавали запасы. Обычная советская квартира все больше превращалась в склад. Сатирик Жванецкий заметил, что он у себя дома «как на подводной лодке»: месяц может автономно продержаться.

Развитие менового рынка и прямых связей при одновременном накоплении «скрытых резервов» еще больше осложняли работу централизованного снабжения, понижали управляемость. Возник инвестиционный кризис. Центральные органы не имели точной информации о происходящем, а ресурсы перераспределялись стихийно на «сером» и черном рынках, инвестиционные

проекты невозможно было реализовывать в срок. Между тем строительство новых предприятий для любых ведомств стало надежнейшим способом получения дополнительных ресурсов из централизованных фондов. Стройки начинались, но не заканчивались. Капиталовложения не приносили отдачи.

Это в свою очередь сделалось одним из важнейших источников инфляции. Постоянно растущий объем незавершенного строительства оказался той брешью, через которую в экономику хлынули миллиарды необеспеченных товарами рублей. Деньги, вложенные в строительство новых предприятий, не только не приносили прибыли, но и создавали новые дефициты, требовали новых затрат, шли на оплату труда, не создававшего конечного продукта, годного для реализации на рынке. Финансовый кризис привел к накоплению многомиллионных сбережений у граждан и предприятий, причем лишь часть средств оказалась в сберегательных кассах и банках, другая часть оставалась «в чулке», пополняла различные черные кассы, циркулировала на черном рынке.

Из-за развала механизмов официального управления стала стихийно формироваться своеобразная теневая система управления, непосредственно сраставшаяся с преступным миром. Коррупция вообще является естественным спутником неэффективной бюрократии. Уровень коррупции обратно пропорционален эффективности управления. Однако в советском обществе мафия не только наживалась на провалах системы, но фактически стала превращаться в теневую власть, гораздо более действенную и стабильную, нежели власть официально провозглашенная.

К началу 1980-х гг. распад системы был налицо. Брежневское руководство старалось из последних сил делать вид, будто в стране ничего не происходит, но сама бюрократия каждодневно сталкиваясь с кризисом управления, требовала перемен. Со смертью Брежнева эти перемены стали неизбежны. Несостоятельность системы

была очевидна даже для ее идеологов. Если Михаил Горбачев и его окружение в первые годы после прихода к власти могли тешить себя иллюзиями относительно «перестройки» общества, то к 1988—1989 гг. ситуация окончательно вышла из-под контроля. Бюрократический аппарат утратил целостность, распался на соперничающие группировки. Одно министерство выступало против другого, одна республика против другой — и все вместе против центра, пытавшегося хоть как-то навести порядок в этом хаосе.

Партийный аппарат на первых порах сохранял некоторую устойчивость, но в условиях общего распада не мог долго продержаться. Борьба фракций и групп обострялась, тем более что и партийная верхушка никогда не была вполне однородной. В странах Восточной Европы старая власть рушилась еще быстрее, хотя в каждой стране была своя специфика.

Верхи общества судорожно искали новую стратегию. Такой стратегией стала приватизация и капитализация. К 1990 г. не осталось ни одной восточноевропейской страны, где уцелел бы традиционный коммунистический режим. Монополия коммунистических партий на власть была отменена, централизованное управление экономикой ликвидировано. На смену коммунистической идеологии пришла неолиберальная.

Неолиберальная реформа базировалась на доминирующих тенденциях предшествующих лет. Она усилила, закрепила эти тенденции, довела их до логического предела. Россия стала периферией Запада не только экономически, но и политически, пожертвовав статусом сверхдержавы и значительной частью экономики. Социальная дифференциация окончательно разделила общество на привилегированное меньшинство и нищее большинство, разрушив институты, ранее обеспечивавшие выходцам из низов путь наверх.

К КАПИТАЛИЗМУ!

События 1989—1991 гг. не были переломом, они были кульминацией предшествовавшего процесса. Именно поэтому коммунистические партии так легко отдали власть. А массы, коррумпированные идеологией паразитического потребления, были не в состоянии выступить в качестве самостоятельной силы. Марксистские идеологи, привыкшие повторять высокопарные слова о рабочем классе, удивлялись, почему поворот к капитализму не встретил ожесточенного сопротивления трудящихся. Неолибералы могли успешно действовать потому, что опирались на социальное наследство тоталитаризма. Общество оставалось в значительной мере деклассированным, люди не осознавали своих интересов, социальные связи были слабы. Массовое движение превращалось в выступления толпы, которой легко было манипулировать («зомбировать», как стали говорить позднее). Люди привыкли обращаться к государству за помощью, протестовать против государственной несправедливости, но не имели опыта жизни в обществе, где государство бессильно, а население должно самостоятельно решать свои проблемы. В сущности, единственными социально организованными силами на Востоке оставались бюрократия и средние слои...

В 1996 г., когда перестройке исполнялось десять, а неолиберальным реформам пять лет, итальянский журналист Джульетто Кьеза в «Свободной мысли» опубликовал убийственную критику рыночных преобразований в России, доказывая, что причина их провала в чрезмерном радикализме[7]. После краха рубля в августе 1998 г. другие западные специалисты также писали про ложную политику реформаторов — «недопонимание проблем, путаницу, коррупцию и слепоту»[8].

---

[7] Позднее те же мысли Кьеза изложил более систематично в книге: *Кьеза Дж.* Прощай, Россия! М., 1997.

[8] *Wedel J. R.* Collision and Collusion. The Strange Case of Western Aid to Eastern Europe, 1989—1999. London: MacMillan Press, 1998. P. 183.

Зато экономист Лариса Пияшева в «Континенте» не менее яростно атаковала политику российской власти, утверждая, что все неудачи реформ вызваны непоследовательностью и недостаточным радикализмом. А любимец Международного валютного фонда Егор Гайдар повторял, что в те годы, пока он был у власти, все делалось правильно, и без решительного натиска ничего не удалось бы сдвинуть с места.

Вполне естественно для бывших министров говорить о том, что при них курс был верным, и лишь после их отставки правительство забрело в дебри бюрократизма и неэффективности. Но люди, возглавившие правительство после отставки Гайдара в 1993 г., напоминали, что в отличие от «идеологов-романтиков» они — профессионалы, знающие технику управления. И именно их методы соответствовали ситуации в государственном аппарате, который, кстати, даже самые радикальные критики бюрократизма разрушать не призывали.

Именно старая номенклатура, доведшая страну до кризиса, оставалась единственной социальной группой, способной контролировать обстановку, возглавить преобразования. Номенклатура уже не могла управлять по-старому, но никто не мог заменить ее у государственного руля. Не существовало нового класса, который мог бы отнять власть у старой олигархии и сформировать новую модель общества. В 1989—1990 гг. в Советском Союзе стремительно выросло мощное оппозиционное движение, представленное в Верховном Совете, выводившее на улицы многотысячные толпы, взявшее под свой контроль Москву и Ленинград. Однако за исключением академика А. Д. Сахарова, игравшего, скорее, символическую роль, старые диссиденты почти никогда не занимали важного положения в этой оппозиции. Все ключевые посты и здесь оказались у людей из старого аппарата. И Борис Ельцин, и Юрий Афанасьев, и Николай Травкин, и Иван Силаев, ставший премьер-министром России после победы «демократов» на республиканских

выборах, и Г. Х. Попов, будущий мэр Москвы, не только занимали важные посты в старой системе, но, что главное, именно их положение в системе позволило им стать политическими лидерами.

Сомнительно, чтобы Ельцин был кому-нибудь интересен в 1988—1989 гг., если бы не был ранее кандидатом в члены Политбюро КПСС. Если бы Юрий Афанасьев не являлся ректором Историко-архивного института, а еще раньше — одним из руководителей комсомола, вряд ли его имя было бы известно даже среди историков. Маловероятно, что они смогли бы, не будучи причастными к власти, обнародовать свои взгляды в официальной печати, все еще находившейся в руках государства.

Егор Гайдар, главный «архитектор» неолиберальных реформ в России начала 1990-х, был в этом смысле достаточно откровенен. Его правительство прямо видело в качестве одной из своих задач «обмен номенклатурной власти на собственность». Для тех, кого это коробило, Гайдар пояснял: «Звучит неприятно, но если быть реалистами, если исходить из сложившегося к концу 1980-х гг. соотношения сил, это был единственный путь мирного реформирования общества, мирной эволюции государства. Нравится это кому-то или нет, это „оптимальное решение", шаг вперед от „империализма" к свободному, открытому рынку»[9].

Ситуацию, сложившуюся в те годы, великолепно передает Виктор Пелевин в романе «Generation П»: «По телевизору между тем показывали те же самые хари, от которых всех тошнило последние двадцать лет. Теперь они говорили точь-в-точь то самое, за что раньше сажали других, только были гораздо смелее, тверже и радикальнее»[10]. Можно представить себе «Германию 1946 г., где доктор Геббельс истерически орет по радио о пропасти, в которую фашизм увлек нацию, бывший комендант

---

[9] *Гайдар Е. Т.* Государство и эволюция. М., 1995. С. 153—154.

[10] *Пелевин В.* Generation П. М.: Вагриус, 1999. С. 17—18.

Освенцима возглавляет комиссию по отлову нацистских преступников, генералы СС просто и доходчиво говорят о либеральных ценностях, а возглавляет всю лавочку прозревший наконец гауляйтер Восточной Пруссии»[11].

Разумеется, дело не в личностях, а в социальной природе режима. В ряде стран Восточной Европы бывшие партийные бюрократы были оттеснены от рычагов власти. Однако легкость, с которой происходили перемены в братских странах, была предопределена именно политическими и социальными сдвигами в Советском Союзе, а направление развития было общим во всех государствах коммунистического блока.

Номенклатура не могла уже управлять по-старому, но она быстро училась управлять по-новому. Для того чтобы сохранить и упрочить позиции в изменившихся условиях, правящие круги должны были сами сформировать новую модель власти и новую структуру собственности. Это был единственный случай в истории, когда капиталистические структуры сложились уже в эпоху глобализации.

РЕАКЦИЯ КАК ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОТРЕБНОСТЬ

Даже лидеры Коммунистической партии не решались в 1990-е гг. утверждать, будто старая система была в полном порядке и могла бы благополучно существовать и дальше в неизменном виде. Было бы нелепо объяснять ее крах исключительно политикой «гласности» или попытками реформ при Горбачеве. Его либеральные меры лишь выявили и обнажили противоречия, накапливавшиеся в течение многих лет.

Если реформы были необходимы, то возможна ли была альтернативная стратегия перемен? Показательно,

---

[11] *Пелевин В.* Generation П. М.: Вагриус, 1999. С. 18.

что торжество гласности и плюрализма вовсе не означало свободы слова для тех, кто отстаивал реформистские идеи, не совпадавшие с господствующей идеологией свободного рынка и приватизации. 1989—1991 гг. были временем, когда сторонники самоуправленческого социализма, первоначально довольно многочисленные, были полностью лишены доступа к средствам массовой информации, изолированы и в конечном счете разгромлены как политическая сила. И все же было бы наивно сваливать неудачу левых в 1988—1991 гг. только на информационный бойкот. В конце 1980-х история явно была на стороне реформаторов-«рыночников» точно так же, как в конце 1990-х она явно поворачивается против них.

Кризис советской системы планирования делал поворот к рынку неизбежным и необходимым. «Реальный социализм» так и не стал «действительным социализмом», обществом, гарантирующим своим гражданам больше свободы и большие возможности, чем капитализм высокоразвитых стран. А это означало, что как бы ни были велики достижения советской системы, капитализм явно побеждал ее в глобальном соревновании. Вырождение советской системы, достигшее кульминации в 1970-е гг., привело в конце 1980-х к полномасштабной национальной катастрофе.

В годы перестройки модно было говорить про то, что советское общество оказалось в тупике. И это действительно было так, тем более что в истории тупики развития — далеко не редкость. Но *из тупика есть только один ход — назад*. Иными словами — **реакция.**

Трагедия советского общества в том, что *к концу 1980-х реакция оказалась единственным выходом из застоя*. Альтернативные варианты, безусловно, имелись, но они были безнадежно упущены в 1960-е гг., когда Советский Союз еще мог динамично развиваться. Подавив Пражскую весну и отказавшись от экономических реформ, советское руководство тех лет окончательно предопределило все последующие катастрофы.

Если реакция оказывается единственным возможным выходом из тупика, это вовсе не значит, что она становится прогрессом. Но всякое попятное движение общества (как и любое движение вообще) порождает собственную динамику, интересы, идеологию и даже своих энтузиастов. Общественная потребность в попятном движении породила и специфическое извращенное сознание, когда все понятия и термины были вывернуты наизнанку. Правые стали называться в газетах «левыми», левые — «правыми», реставрация — «революцией», разрушение государства — «возрождением России», а реакция — «прогрессивными преобразованиями» или «реформами». Подмена понятий — типичный метод пропаганды, но, если бы попятное движение общества не было исторически необходимо, вряд ли такая пропаганда имела бы столь сногсшибательный успех. Именно эта общественная потребность в реакции, ощущаемая порой интуитивно, заставляла немолодых уже сторонников «истинного коммунизма» и внуков «старых большевиков» с энтузиазмом поддерживать приватизацию и разрушение СССР.

Речь в данном случае не о прорабах реакции, которые обслуживали лишь собственные интересы, а о миллионах их сторонников, ничего или почти ничего от преобразований не получивших. Чем более мазохистской была подобная поддержка реформ, тем более она была искренней: люди были уверены, что жертвуют собой во имя будущего. И, как ни парадоксально, до известной степени это так и было — чтобы продвинуться вперед, обществу предстояло отступить назад. Просто необходимое путали с должным. А такая ошибка и для человека и для общества равнозначна моральному краху.

Эта ситуация предопределила и поражение левых критиков реформы. Сознавая (в отличие от традиционалистов) закономерность и необходимость реакции, они одновременно отказывались в ней участвовать и пытались ей противостоять. Не во имя уходящего

прошлого, а во имя еще не родившегося будущего. В то время, когда весь реальный выбор для общества сводился к формуле «застой или реакция», трудно было ожидать массовой поддержки альтернативных идеологий.

Надо признать, что реакционеры-реформаторы великолепно справились со своей работой. Как и положено, свою историческую задачу они во много раз перевыполнили. Общество оказалось в новом тупике.

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ОБЩЕСТВА

Избранный путь развития предопределил вовлечение стран Восточной Европы в мировую экономику в качестве периферии Запада. Зависимость постоянно усиливалась на протяжении 1970-х и 1980-х гг. А внутренние проблемы не находили разрешения. С того момента как система оказалась не способна удовлетворить ею же вызванные потребительские ожидания, она столкнулась с ростом политического недовольства, помноженного на обывательскую обиду. **Движения 1989 г. были бунтом рассерженных потребителей в той же мере, как и восстанием пробудившегося «гражданского общества».** Население было разобщено и деморализовано. Не было рабочего класса, были потребители, стоящие в очередях, чтобы потратить деньги, заработанные на плохо работающих предприятиях. Не было элит, а были группы, допущенные к дефицитным товарам и желающие еще большего.

Итогом стал крах коммунистических режимов. Однако смена режима вовсе не означала изменения общей направленности развития. Более того, именно устранение структур старой власти открыло путь для окончательного превращения стран Восточной Европы в периферию капиталистической миросистемы (world-system). В этом смысле 1989—1991 гг. были вовсе не переломным моментом, не началом нового этапа, а всего лишь

кульминацией процессов, развивавшихся в течение предшествующего десятилетия.

Это и объясняет удивительную легкость, с которой коммунистические элиты уступили власть. Они сами давно тяготились властью, точнее ее прежней формой. Наиболее «подготовленным» к переходу начальство оказалось в Венгрии. Одни и те же либеральные экономисты, отмечает венгерский исследователь Ласло Андор, «писали под псевдонимами для нелегального журнала «Beszelo» и одновременно работали на полной ставке в Министерстве финансов»[12]. Одна и та же группа экспертов разрабатывала партийную резолюцию 1984 г. об экономической реформе и стабилизационную программу демократической оппозиции. Аналогичные расклады можно было наблюдать и в других странах.

Разумеется, бюрократия не была едина. Идеологи и репрессивный аппарат боялись перемен, но их влияние быстро падало. Соотношение сил было различным в разных странах — в Чехословакии произошла «бархатная революция», а в Румынии дошло до стрельбы. Роль масс тоже была различной. В Польше и Румынии народ выходил на улицы, требуя перемен, в Венгрии пассивно ожидал результатов круглого стола власти и оппозиции, а в России с самого начала значительная часть населения реформ побаивалась.

И все же динамика и социальная природа происходящего была одинакова повсюду. Старая номенклатура разрешала собственный кризис ценой разрушения системы. Она стремилась сохранить свои позиции, конвертируя власть в деньги, чтобы затем с помощью денег удержать власть. Коммунистическая элита начала обуржуазиваться задолго до 1989 г. Распад Восточного блока дал ей возможность открыто объявить себя буржуазией.

---

[12] *Andor L.* Human Objectives in Economic Policy Making: Has the Dictatorship over Needs Ended in Eastern Europe? // A paper written for the Seventh International Karl Polanyi Conference on «Rethinking Human Needs». France, Lyon, May 26—28. 1999. P. 3.

Внешне может показаться, что события 1989 г. были продолжением реформистских попыток 1968 г. Однако это не так. На протяжении 1970-х гг. бюрократия существенно изменилась. Период Брежнева был временем, когда правящий слой во всех странах советского блока тотально коррумпировался. Парадоксальным образом эта коррупция сделала бюрократию восприимчивой к лозунгам демократии. Возникшие у элит новые потребности могли быть полноценно удовлетворены лишь в «открытом обществе». К тому же нужен был новый механизм легитимизации власти. В условиях растущего расслоения общества эгалитаристская идеология уже не устраивала сами верхи, не могла служить оправданием их господства.

Вот почему лозунг «социализма с человеческим лицом» продержался недолго. Вчерашние убежденные коммунисты стали либералами или правыми социал-демократами. Деятели движения 1968 г. оказались либо вытеснены на обочину политической жизни (в Чехословакии и России), либо вынуждены были радикально изменить идеологию, последовав за нелюбимыми ими партийными бюрократами (как в Польше).

Исключением стала Восточная Германия, которую аннексировал Запад. Потребительские ожидания масс здесь были удовлетворены, но местная номенклатура вынуждена была уступить руководящую роль несравненно более мощной и богатой западной буржуазии. Вслед за бюрократией притеснениям стала подвергаться и местная интеллигенция. Обиженные протестовали. А это были люди деятельные, образованные и опытные. Не имея шансов интегрироваться в систему, они исполнились желания изменить ее. Не удивительно, что в немецких «новых землях» левое движение возродилось гораздо быстрее, нежели в остальной Восточной Европе.

По большому счету массы были повсеместно обмануты. Однако с таким же основанием можно утверждать, что народ повсюду получил именно то, чего требовал.

Эта ситуация напоминает известную притчу о человеке, который захотел разбогатеть за один день — наутро ему сообщают, что погиб его любимый сын и он получает страховку. В 1989 г. народ хотел получить свободу и доступ к западным потребительским товарам. И то и другое было получено, но какой ценой?

Экономика всех посткоммунистических стран пережила глубочайший спад, жизненный уровень снизился. Для большинства населения затруднился доступ к образованию, система бесплатного здравоохранения была подорвана. Потребительский рай оказался клубом для избранных. Безработица во всех странах, кроме Чехии и Белоруссии, достигла 10—16%.

Поскольку и государство и частный бизнес оказались неспособны создавать рабочие места в достаточном количестве, все стали жить по принципу «спасение утопающих — дело рук самих утопающих». Миллионы людей оказались вовлечены в мелкий частный бизнес, но на крайне низком технологическом и организационном уровне, что, как признают многие исследователи, «делает мелкий бизнес скорее тормозом, чем „локомотивом" экономических преобразований»[13]. Такие «предприниматели» являются не столько мелкой буржуазией, сколько маргиналами, не имеющими ни собственности, ни надежных средств к существованию, с трудом зарабатывающими на пропитание. Их жизнь нестабильна и полна опасных неожиданностей.

Либеральные журналисты, главным критерием «динамичности» почитающие способность вести собственное дело, регулярно спрашивали горняков из закрывающихся шахт, почему те не рвутся открывать частный бизнес? А нежелание шахтеров становиться торговцами оценивали как доказательство их безнадежной отсталости и дикости. Между тем высокий процент населения, занятого в собственном «бизнесе», — как раз явление

---

[13] Альтернативы. 1988. № 3. С. 76.

типичное для отсталых и нищих стран[14]. Доля самозанятых в странах бывшего советского блока, быстро превысив уровень Западной Европы, Азии и Латинской Америки, к концу 1990-х гг. стала приближаться к соответствующим показателям Африки.

Показательно, что именно снижение темпов роста экономики и растущее технологическое отставание от Запада приводятся в качестве важнейших симптомов кризиса, обрушившего общества советского типа. Напротив, встав на капиталистический путь, эти общества смогли на протяжении десятилетия выдерживать гораздо более тяжелый спад и, на первый взгляд, смирились с технологической зависимостью от Запада. То, что было неприемлемо в рамках соревнования двух систем, стало вполне нормальным после того, как весь мир объединился в единую капиталистическую систему. В ее рамках одни страны развиваются динамичнее других, а отсталость «периферии» является необходимым условием процветания «центра».

Разумеется, страны Восточной Европы сами надеялись стать частью «центра». В 1989 г. большинству граждан коммунистических стран была глубоко безразлична судьба людей, обреченных на голод в Африке или на нищету в Азии. Результаты реформ оказались не только закономерными, но и вполне заслуженными. Бедность и нестабильность, подобно эпидемии, распространяющей-

[14] В XVI в. купцы, приезжавшие из уже буржуазных Англии и Голландии в еще средневековую Россию, были потрясены: «Все постановления этой страны направлены на коммерцию и торги, как это достаточно показывает ежедневный опыт, потому что всякий, даже от самого высшего до самого низшего, занимается и думает только о том, как бы он мог то тут, то там выискать и получить некоторую прибыль» (*Кузьмичев А. Д., Шапкин И. Н.* Отечественное предпринимательство. М.: ИПА, 1995. С. 12). Это наглядно подтверждает тезис Макса Вебера, что само по себе стремление к прибыли и обогащению, равно как и предприимчивость еще не порождают капитализма, более того, порой являются скорее препятствием для его развития (см.: *Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990). Капитализм появляется лишь там, где имеет место рациональная организация бизнеса, а в этом отношении Россия как была, так и остается страной в значительной мере некапиталистической.

ся на Востоке Европы, являются своего рода историческим возмездием за безответственные потребительские амбиции и расистское презрение к остальному миру.

Если обещание западного богатства оказалось обманом, то демократия в той или иной мере стала реальностью. В этом тоже есть своего рода парадокс — люди про себя мечтали о западном уровне жизни, а вслух требовали западных политических свобод. В итоге они получили именно то, что требовали, — свободу. Но без богатства.

ПРИВАТИЗАЦИЯ

В известном смысле приватизация промышленности в России была невозможна. Наша промышленная структура создавалась как государственная и только в качестве таковой могла работать. Обстоятельства, делавшие бесперспективным любой сценарий широкой приватизации, были хорошо известны специалистам задолго до того, как начались первые неприятности.

Экономика была монополизирована. Там, где нет конкуренции, приватизация лишь усиливает и закрепляет монополизм (не случайно на Западе прибегали к национализации прежде всего там, где не было возможности преодолеть «естественную монополию»). Советские производственные предприятия не только «принадлежали государству», они сами были частью государства, а в известной степени и низовым звеном организации общества, выполняя ту же роль, что коммуны и муниципалитеты в Европе.

Известные в мировой практике случаи успешной приватизации предполагали, что государственную собственность «переварят» уже сложившиеся и доказавшие свою жизнеспособность рыночные структуры. Платежеспособный спрос на российскую собственность был ничтожен: ни «теневой капитал» ни трудовые коллективы, ни западные фирмы не имели средств, чтобы по рыночным

ценам выкупить сколько-нибудь значительную часть огромного советского госсектора. А значит, перераспределение собственности заведомо должно было подчиняться антирыночному механизму. Чем больше масштабы такого перераспределения, тем больше масштабы антирыночных административных тенденций в экономике.

Анатолий Чубайс и Егор Гайдар начали с раздачи населению ваучеров, которые теоретически давали каждому гражданину равные шансы на долю государственного имущества. Разумеется, на практике ни о каком равенстве речь не шла, но психологически свою роль ваучеры сыграли, превратив миллионы людей в соучастников грабежа. Ваучеры были за бесценок скуплены инвестиционными фондами, созданными представителями все той же хозяйственной и политической элиты. Затем в обмен на ничего не стоившие бумажки хозяева фондов получали предприятия, стоившие сотни миллионов долларов.

Вопреки насаждаемому сегодня мнению, подобные методы вовсе не обязательно ведут к снижению эффективности. Но либералы, внедряющие «свободный рынок» за счет усиления административного контроля, — это, согласитесь, уже патология.

В подобных обстоятельствах любая попытка предложить «лучший сценарий», «более справедливый подход» к приватизации — то же самое, что и исследования в области квадратуры круга. Но невозможное с экономической точки зрения вполне реально с точки зрения административно-политической, особенно если мероприятия власти поддержать соответствующей пропагандистской кампанией.

Коль скоро приватизация была чисто административным актом и никаким другим быть не могла, лишались смысла любые дискуссии о ее масштабах и задачах. Для администратора вопрос о том, что можно и должно приватизировать, а что невозможно и недопустимо, сводится к вопросу о пределах его, администратора, полномо-

чий. Таким способом приватизировать можно все, что относится к подведомственной сфере. В результате властям пришлось даже принимать различные ограничения и разъяснения, например, как в московских документах 1991—1992 гг., где уточнялось, что воздух приватизировать не положено.

Завершала дело Егора Гайдара уже другая команда — в 1994—1995 гг. Кульминацией приватизационной лихорадки стали залоговые аукционы. На сей раз, в отличие от первого этапа, предприятия отдавали уже не за нелепые ваучеры, а за деньги, но выплаченные суммы не имели никакого отношения к действительной стоимости продаваемого имущества. Результаты аукционов были предопределены заранее, все делалось среди своих. Средства, которые выплачивались государству, новые хозяева очень часто предварительно брали в кредит у самого же государства или даже у той компании, которая подлежала приватизации. В последнем случае кредит можно было вообще не отдавать. Через процедуру залоговых аукционов формировались бизнес-империи, ставшие основой влияния олигархов.

Примером может быть возникновение корпорации ЮКОС. Благодаря залоговым аукционам банковская группа МЕНАТЕП, возглавленная комсомольским функционером Михаилом Ходорковским, сумела сформировать мощную нефтяную компанию ЮКОС. По словам тогдашнего министра экономики Евгения Ясина, победителем аукциона стала никому не известная компания, «созданная за три дня до торгов фирма „Лагуна", зарегистрированная в городе Талдоме Московской области»[15]. Благодаря связям и закулисным договоренностям

---

[15] Ведомости. 20.12.2004. МЕНАТЕП был не единственной бизнес-структурой, порожденной комсомольской бюрократией. Имея меньше власти и меньше ответственности, но одновременно и больше свободы, комсомольский аппарат на первых же этапах экономических реформ получил возможность создавать капиталистические фирмы как в столице, так и в провинции. В этом отношении комсомольцы шли далеко впереди партийного аппарата.

национальное достояние, создававшееся десятилетиями в считанные часы превращалось в частную собственность небольшой группы лиц.

Частная собственность еще не равнозначна капиталистическим отношениям, тем более «цивилизованным». Частная собственность, порожденная административным разгосударствлением, неизбежно складывалась в докапиталистических формах, а потому и оказалась одним из важнейших препятствий для становления любых современных экономических отношений. По мере прогресса административных реформ происходил нарастающий развал наукоемкого производства, усиление технологической отсталости. Корпорации сложились в форме олигархических группировок. Что бы мы ни взяли — трудовые отношения, механизмы власти, взаимоотношения между собственниками и т. д., — мы видим структуры, поразительно напоминающие феодализм. Ведь «реформа», при которой можно приватизировать по частям государство, раздавать собственность «по заслугам» (тем более связывая ее с определенными обязательствами), — из сферы феодальных отношений.

Организаторы «великой приватизации» заранее знали, к чему это ведет. Не кто иной, как Егор Гайдар, в разгар перестройки со страниц «Московских новостей» предостерегал о катастрофических последствиях предстоящего превращения частной собственности в «новый стереотип» экономического мышления[16]. «Реформаторы» действовали сознательно, перераспределяя власть и ресурсы между «элитными» группировками. Иное дело — одураченное большинство населения, которое под лозунгом «прогрессивных преобразований» поддержало реакцию.

Требование вернуть государству часть приватизированных предприятий стихийно возникало во время кризиса ЗИЛа и других советских индустриальных гигантов. Было ясно, что без поддержки государства они все равно не выживут и не реконструируются. О том же говори-

---

[16] См.: Московские новости. 1989. № 41.

ли шахтеры во время забастовок 1998 г. Ренационализация стихийно началась уже в 1995—1996 гг. через правительственные кредиты и инвестиции. Фактически часть собственности, за бесценок розданная новым владельцам, оказалась повторно выкуплена государством. Но стратегический курс, провозглашенный в начале 90-х гг. оставался неизменным. Спад производства продолжался. Лишь крах рубля в 1998 г., резко усиливший конкурентоспособность промышленности и рост цен на нефть, привлекший в страну поток нефтедолларов, изменили ситуацию. После десяти лет перманентной катастрофы возникла иллюзия процветания.

Структурные проблемы экономики так и оставались нерешенными.

МОДЕРНИЗАЦИЯ И КАПИТАЛИЗМ

Капитализм пришел в царскую Россию как идеология модернизации. Но модернизация не состоялась. В итоге произошла революция, потрясшая мир. Это было в начале XX в. В конце века в России снова провозглашается капиталистическая модернизация. Однако шансов на успех у нее на этот раз значительно меньше.

Чтобы создать буржуазный порядок, нужна как минимум буржуазия. А для этого недостаточно существования частного бизнеса. Еще в начале XX века Макс Вебер писал, что жажда прибыли и стремление к богатству любой ценой не порождают капитализма. Жадность и сребролюбие были распространены и в обществах, весьма далеких от капитализма. Торговый капитал возникал под покровительством деспотического государства, но вместо того чтобы готовить почву для расцвета производственного предпринимательства, он становился препятствием для его развития.

Эффективное буржуазное предприятие возникает лишь там, где жажду наживы удается обуздать. Ее надо, согласно Веберу, поставить в определенные рамки,

подчинить жестким юридическим и моральным нормам, совместить с бюрократической рациональностью. Именно потому протестантизм сыграл такую огромную роль в становлении европейского капитализма. Именно потому во всех странах, опоздавших с буржуазной модернизацией, решающую роль в ней играло государство.

Капиталистическая реставрация в России совпала с распадом Союзного государства и глубочайшим кризисом государственности вообще. Моральное разложение бюрократии после краха советской системы оказалось столь полным, что на какую-то конструктивную деятельность она стала неспособна. Это разложение предопределило как стремительность и масштабность капиталистической реставрации, так и ее поверхностность. Вместо того чтобы восстанавливать государство, бюрократия наживалась на его распаде.

В той мере, в какой Россия сделалась частью мировой системы, включилась в процессы глобализации, она стала и капиталистической страной. Но ни производство, работающее на внутренний рынок, ни трудовые и социальные отношения не стали последовательно капиталистическими. Такая ситуация не уникальна. Уже Ленин сетовал, что Россия страдает не только от капитализма, но и от недостаточного его развития. А Роза Люксембург отмечала, что всякая волна интернациональной экспансии капитализма вовлекает в его орбиту страны с небуржуазными отношениями. Как уже говорилось выше, небуржуазный характер внутренней экономики нередко становился важнейшим «конкурентным преимуществом» в рамках мирового рынка. Так свободный рынок в Англии способствовал развитию рабства на американском Юге, а «второе издание крепостного права» в Восточной Европе и России XVII—XVIII вв. было тесно связано с интеграцией региона в мировой рынок[17]. Даже круп-

---

[17] Подробнее см.: *Кагарлицкий Б.* Периферийная империя. Россия и миросистема. М.: Ультра.Культура, 2004. См. также: *Покровский М.* Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX веков. М., 1924.

нейшие и наиболее успешные российские корпорации вполне сохранили черты традиционных советских учреждений.

Раздача собственности не могла стимулировать предпринимательства. Точно так же, как не становились коллективными предпринимателями работники, которым милостиво выделили 51% акций их завода. В 1992—1994 гг. апологеты ельцинского режима, что-то вспомнив из уроков марксистской политэкономии, стали называть происходящее «первоначальным накоплением капитала». В «Капитале» Маркса было показано, какими жестокостями и безобразиями сопровождался этот процесс. Идеологами реформ был сделан вывод, что коль скоро все безобразия налицо, то и накопление происходит успешно.

Грабительский и «дикий» капитализм — естественная фаза развития, нормальный способ ведения дел для молодой буржуазии. Становление свободного рынка повсюду сопровождалось ослаблением или разрушением докапиталистических укладов: за их счет происходило первоначальное накопление капитала. Но в Европе или Северной Америке в XVI—XIX вв. все же можно было говорить о безусловном прогрессе: технологически более отсталое производство уступало место современной промышленности. Специфика капиталистических реформ в России состояла в том, что впервые в истории «старые» структуры стояли по своему технологическому и организационному уровню на порядок выше «новых». Государственный сектор «коммунистических» обществ, несмотря на все свои слабости, отличался сравнительно высоким технологическим уровнем и мог хотя бы в некоторых сферах успешно конкурировать с Западом. Теперь современное производство разрушалось во имя процветания «частных лавочек», не переросших еще уровня европейского «предпринимательства» XVI в. Если «коммунистический» госсектор требовал наемного работника с квалификацией и типом личности вполне современными, то молодой капитализм порождал

предпринимателя-дикаря, отстающего по своему интеллектуальному, культурному, этическому и профессиональному уровню на целую эпоху от тех, кого он собирался эксплуатировать.

«Какое накопление капитала в России? Где вы его видите? — недоумевает экономист Ю. Ольсевич. — Это где-то тогда было, когда предприниматели на заре капитализма создавали предприятия, купеческий капитал вливался и т. д. А у нас какое накопление?»[18] Если Борис Березовский со товарищи купили компанию «Сибнефть» за 100 млн, а через четыре года эта компания стоила уже 1,5 млрд, то произошло это не потому, что их деятельность увеличила ценность компании, а потому, что первоначальная цена была многократно занижена. Перераспределялись основные фонды промышленности, материальные и финансовые ресурсы. Это сопровождалось грандиозными потерями. Суть произошедшего великолепно видна из истории, рассказанной в газете «Правда-5». В городе Железногорск-Илимский, где был расположен горно-обогатительный комбинат, открылся пункт по приему лома цветных металлов. «Трое рабочих комбината украли детали электродвигателя локомотива и сдали их за 1 млн 900 тыс. рублей, нанеся ущерб железной дороге на сумму 110 млн рублей. Три дня город сидел без воды — жулики вырубили изрядный кусок медного кабеля на территории водозабора»[19]. Иными словами, ущерб, наносимый расхитителями обществу, оказался во много раз больше, нежели непосредственная выгода, которую они сами извлекли. Как ехидно заметил Виктор Пелевин, основной главный закон постсоветской экономики состоит в том, что «первоначальное накопление капитала оказывается в ней также и окончательным»[20].

---

[18] Россия в конце XX века: итоги и перспективы модернизации. М.: Экономическая демократия, 1999. С. 176.

[19] Правда-5. 1997. № 47.

[20] *Пелевин В.* Цит. соч. С. 31.

Аналогичная картина наблюдалась повсюду в Восточной Европе, но Польша и Венгрия, несмотря на серьезный спад производства, все же остались экспортерами промышленной и сельскохозяйственной продукции. Россия же превратилась в поставщика сырья. Внешняя торговля приобретала все признаки колониальной. Вывозилось стратегическое сырье, а ввозились стеклянные бусы, второсортный ширпотреб, устаревшие технологии, предметы роскоши и радиоактивные отходы[21].

Естественным образом капитализм может вырасти из мелкого предпринимательства. Однако в этом плане неолиберальные реформаторы оказалась даже жестче последних коммунистических правительств, возглавлявшихся Н. Рыжковым и В. Павловым. Правая пресса признает, что при коммунистах мелкому бизнесу жилось легче: «обещания правительства Гайдара поддержать эту сферу бизнеса вылились в прямое подавление всякого предпринимательства. Если сравнить законодательство по предпринимательству этой эпохи со временами Рыжкова, легко выясняется, что законодательство эпохи Гайдара перекрывает всякую возможность развития малого бизнеса»[22]. Тем временем левая пресса доказывала, что «мир мелкого бизнеса прекрасно уживается с коммунистической идеологией». По мнению газеты

---

[21] Балтийские республики стремились играть роль посредников, своего рода колониальных факторий на границах варварского мира. В 1992—1993 гг. они превратились в крупнейших поставщиков цветных металлов на мировой рынок, хотя ни в одной из республик эти металлы не добывают. Товар легально и нелегально вывозился из России, Украины и Белоруссии, а затем перепродавался на Запад. Сильная конвертируемая валюта оказывалась для такой экономики важнее собственного производства. Закономерно и нежелание властей Эстонии и Латвии дать гражданские права «варварскому» русскому населению. Отказ в гражданских правах для русских имел двойной смысл: исключалось из политической жизни большинство рабочего класса (в промышленном производстве были заняты преимущественно переселенцы из «старых» республик СССР), а национальная буржуазия пыталась закрепить монополию на посредничество в новой колониальной торговле. Последнее, впрочем, без большого успеха — значительная часть посреднических операций оказалась в руках русскоязычных «не-граждан ».

[22] Известия. 21.09.1994.

«Гласность», мелкий собственник должен понять: «сохрани коммунисты бразды правления, жилось бы ему легче и проще»[23]. На практике приватизация сопровождалась удушением частного бизнеса. Подводя итоги реформ, «The Moscow Times» писала в 1999 г., что и российские, и американские политики «не понимают разницу между *приватизацией* и *частным предпринимательством*. Первое свелось к захвату нефтяных компаний; второе только начало появляться при Михаиле Горбачеве, и тут же было удушено налогами»[24].

Подобное сочетание: приватизация «сверху», экспроприация «снизу» — не случайно, а закономерно. Поскольку иной, кроме как разорительной для государства, приватизация быть не могла, правительству постоянно не хватало ресурсов. Политически слабый мелкий предприниматель обязан был субсидировать власть, опирающуюся на неэффективный «крупный бизнес». Впрочем, и в других странах форсированное насаждение капиталистических форм «сверху» плохо сочеталось с постепенным созреванием предпринимательства «снизу». Для этого требуются принципиально разные приоритеты экономической политики, разные типы налоговой и кредитно-финансовой системы. Россия была лишь наиболее ярким примером общей тенденции.

Под прессом правительственной политики мелкому предпринимателю оставалось либо свернуть дело, либо «уйти в тень», на полулегальное положение. Бурный рост теневой экономики наблюдался практически во всех странах, переживавших либерализацию. Любопытно, что идеологи реформ в 1989 г. повсеместно доказывали, что черный рынок и нелегальный бизнес расцветают исключительно в условиях централизованного планирования и жесткого государственного регулирования — как стихийная реакция общества на «неестественные» ограничения хозяйственной деятельности. Практика доказала

---

[23] Гласность. 11.10.1996.
[24] The Moscow Times. 7.09.1999.

обратное. Известный экономист Сергей Глазьев заявлял: «Устранение государства как главного агента контроля в экономике привело не к развитию рыночной самоорганизации и конкуренции, а к тому, что эту функцию взял на себя организованный бандит»[25].

Не удивительно, что выходцы из криминальной среды оказывались наиболее приспособлены к ведению бизнеса. Историк Рой Медведев, ссылаясь на данные опроса, проведенного среди русских миллионеров Институтом прикладной политики, сообщает: «В ходе исследования 40% опрошенных признали, что раньше занимались нелегальным бизнесом, 22,5% признались, что в прошлом привлекались к уголовной ответственности, 25% и на момент опроса имели связи с уголовным миром. А ведь речь шла лишь о тех, кто признался»[26].

Рост «теневой экономики» в сочетании с обнищанием масс гарантировал неизбежность резкого роста преступности. Как отмечает О. Смолин, «уровень общей преступности увеличился с 1987 по 1996 г. в 2,2 раза. Убийства выросли в 4 раза, грабежи и разбои — более чем в 6 раз». В 1998 г. уровень преступности снова вырос на 8%, причем особо тяжких — на 10%. «Тяжкие и особо тяжкие преступления составляли более 60% всех преступлений в России. Значительно возросла детская преступность»[27].

Чем больше российская элита стремилась быть похожей на Европу, тем больше страна напоминала Африку. Ведь если городничего назвать мэром или префектом, он не станет от этого брать меньше взяток. Внешние элементы модернизации, сопровождавшие в 90-е гг. деятельность «новых структур», не меняли дела.

---

[25] *Глазьев С.* Экономика и политика: эпизоды борьбы. М.: Гнозис, 1994. С. 87.

[26] *Медведев Р.* Здоровье и власть в России. Новый класс российского общества. Александр Солженицын: три года в новой России. Главы из книги "Пути России". М., 1997. С. 44; См. также: *Тарасов А.* Провокация. Постскриптум из 1994-го. М.: Феникс, 1994. С. 60—66.

[27] *Смолин О.* Цит. соч. С. 99.

Радиотелефоны и факсы, которыми загромождали офисы, как и модные галстуки и длинноногие секретарши, оказывались не более чем имитацией «европейской роскоши», как у варварских вождей со времен падения Рима и вплоть до колониальной эпохи. Многие фирмы и учреждения оснастились компьютерами, зато образовательный уровень населения падал. Отставание от Запада увеличилось[28].

Как и в странах третьего мира, происходило технологическое расслоение экономики — с одной стороны, небольшая группа передовых компаний, непосредственно интегрированных в мировой рынок, выплачивающих высокую зарплату и принадлежащих иностранному капиталу либо обслуживающих его интересы, с другой стороны — все остальные предприятия, пытающиеся работать на местный рынок и с трудом сводящие концы с концами. Парадокс в том, что «передовые» компании не могли бы существовать, если бы «отсталый традиционный сектор» не обеспечивал самовоспроизводство общества в целом. Фактически иностранные предприниматели и местный финансовый капитал при активной поддержке власти перекладывают на традиционный сектор свои издержки.

Любой непредвзятый наблюдатель может обнаружить, что добросовестное следование неолиберальным рецептам не сделало ни одну страну богаче. «Молдова и

[28] Опять же, ситуация России не была уникальна. Показатели эффективности производства ухудшились даже в таких наиболее «благополучных» странах, как Чехия. Если в конце 1980-х гг. энергоемкость чешской экономики была примерно на 40% выше, чем в развитых странах Западной Европы, в расчете на душу населения, и на 150% — в расчете на производство единицы ВВП, то к 1995 г. этот разрыв увеличился, что напрямую связано с замедленным процессом технологического обновления оборудования на предприятиях. Увеличила Чехия свое отставание от Запада и по уровню производительности труда: в 1989 г. — 39% от показателей Европейского Союза, а в 1995 г., несмотря на модернизацию ряда компаний, купленных западным капиталом, — всего 33% и т. д. (См.: Альтернативы. 1998. № 3. С. 76—77). В других странах технологическое отставание и зависимость от Запада возросли гораздо существеннее, а в России и на Украине ситуация стала просто катастрофической.

Киргизия точно следуют рецептам Международного валютного фонда, а их экономика разваливается, — недоумевал в конце 1990-х гг. американский профессор Питер Ратленд. — Наоборот, Словения отказалась проводить приватизацию, но из-за особенностей своей истории и удачного географического положения имеет самый высокий жизненный уровень в регионе и скоро вступит в Европейский союз»[29].

Заметный рост промышленности наблюдался лишь в странах, не последовавших рецептам Международного валютного фонда, — в Китае, где сохранился коммунистический режим, в Белоруссии, где после нескольких лет кризиса к власти пришел ненавистный Западу президент Александр Лукашенко. Определенный успех в 1989—1997 гг. был достигнут и в Чешской республике, где приватизация симулировалась (предприятия скупались государственными инвестиционными банками). Особенно поучительны итоги приватизации на Украине. Проанализировав результаты либеральных реформ, экономист Юрий Буздуган констатировал, что спад производства всегда оказывался глубже в отраслях, где была проведена широкомасштабная приватизация[30].

Прекращение контроля над ценами и полная свобода предпринимательства тоже не принесли обещанного процветания. Уже в 1994 г. Глазьев констатировал: «По степени либерализации экономика России, пожалуй, опередила многие развитые капиталистические страны. Однако наша нынешняя свобода от государственного регулирования и контроля дополняется свободой от ответственности за способы и результаты хозяйственной деятельности»[31]. Страна погружалась в беспрецедентный кризис. Спад производства превысил масштабы Великой депрессии, а финансовый крах 1998 г. показал и полную несостоятельность политики финансовой стабилизации.

---

[29] Transitions. January. 1999. Vol. 1. № 1. P. 29.
[30] См.: *Буздуган Ю.* Соціал-демократичний вибір. Рукопись. С. 22.
[31] *Глазьев С.* Цит. соч. С. 91.

Кризис оказался настолько глубоким, что в 1999 г. даже умеренные эксперты заговорили о «переходе к мобилизационной экономике»[32].

Круг замкнулся — политика, направленная на демонтаж централизованного планирования и государственного управления производством, привела страну в ситуацию, из которой без чрезвычайных мер и активного вмешательства правительства выбраться оказывалось невозможно.

МИФ ОБ «ОТСТАЛОМ» КАПИТАЛИЗМЕ

Критики неолиберализма дружно обвиняли новые элиты в стремлении вернуть общество в XIX век, насадить на Востоке порядки, давно исчезнувшие на Западе. «Общество, которое реально складывается сегодня в России, далеко от моделей, существующих в странах с высокоэффективной и социально-ориентированной рыночной экономикой, — говорится в докладе Российской академии наук. — Оно в большей степени представляет собой общество, основанное на гипертрофированном имущественном расслоении, коррупции, организованной преступности, внешней зависимости. С социально-экономической точки зрения это не шаг вперед, а отбрасывание страны на два века назад, к эпохе примитивного „дикого" капитализма»[33]. Польский экономист Тадеуш Ковалик заявляет: «В Польше сложился дикий капитализм в духе XIX века»[34]. Мы пытаемся воспроизвести устаревшие модели, а потому «движемся по жизни затылком вперед, всякий раз натыкаясь на неизбежное», — возмущается российский публицист Виктор Гущин[35].

---

[32] Век. 1999. № 1.

[33] Цит по: *Медведев Р.* Капитализм в России? М.: Права человека, 1998. С. 125.

[34] Labour Focus on Eastern Europe. Summer 1997. № 57. P. 51.

[35] *Гущин В.* Пророков нет... М.: Синергия, 1994. С. 113.

Представление о восточно-европейском капитализме как «диком», «примитивном» и «отсталом» равно устраивает и левых и неолибералов. Первым подобный подход позволяет спокойно обратиться к классическим марксистским текстам, а вторые, напротив, доказывают, что с течением времени, по мере развития «гражданского общества» наш капитализм тоже станет «цивилизованным», как на Западе. Увы, обе стороны заблуждаются. В эпоху «дикого» капитализма в Европе не было ни Международного валютного фонда, ни развитой системы биржевых спекуляций, ни транснациональных корпораций, ни Интернета. «Отсталые» восточноевропейские структуры теснейшим образом связаны с «передовыми» и «цивилизованными» западными. Да и западный капитализм на протяжении 1990-х гг. эволюционировал вовсе не в сторону большей «цивилизованности». Объяснять процессы, происходившие на Востоке, «отсталостью» или издержками «первоначального накопления» бессмысленно, ибо общие принципы неолиберальной реформы применялись как на Востоке, так и на Западе, равно как и в странах третьего мира. Иными словами, не столько посткоммунистический капитализм «цивилизовался», сколько западный «дичал». Разница лишь в том, что неолиберальная политика на Западе сталкивалась с глубоко эшелонированной обороной институтов «гражданского общества». Буржуазия вынуждена была вести затяжную позиционную войну с Welfare State. К концу 1990-х гг. — с принятием Маастрихтского договора, приходом евро и с созданием независимого от правительств и населения Европейского центрального банка — могло показаться, что эта борьба выиграна: оборона «гражданского общества» была повсеместно прорвана, а основы Welfare State подорваны. «Гражданское общество» разлагалось на глазах, превращаясь в сообщество потребителей. Однако этот процесс затянулся почти на два десятилетия и победа неолибералов несомненно оказалась пирровой.

Напротив, в посткоммунистических странах, где «гражданское общество» было слабым, неолиберальную модель можно было утвердить путем «кавалерийской атаки». Вопреки пропаганде, события 1989 г. вовсе не были победой «гражданского общества» над государством, тем более что одно без другого существовать не может. Политические институты западного типа были утверждены, но участие населения в политической жизни по-прежнему было минимально, а процессы принятия решений и демократические процедуры оказались почти не связаны между собой. Венгерский либеральный публицист Миклош Харасти признает, что рукопожатие, которым завершился круглый стол 1989 г. в Венгрии, знаменовало нечто большее, чем намерение перейти к демократии мирным путем. «Не могу представить себе западную демократию, где бы жизненный уровень падал непрерывно в течение 15 лет и не появились бы массовые популистские движения, не поднялась бы волна экстремизма и т. п. Ничего подобного не было в Венгрии. Политическому классу здесь никто не может бросить вызов извне»[36].

Возникшая в итоге демократия оказалась такой же «неразвитой», как и местный капитализм. Но дело не в отсутствии традиций и недостатке времени, а в том, что восточно-европейские общества после 1989 г. ***успешно*** интегрировались в капиталистическую миросистему, став ее периферией.

Разумеется, положение разных стран в системе оказалось неодинаковым — Чехия и Словения, равно как и немецкие «новые земли», оказались ближе к «центру», нежели Польша и Румыния, не говоря уже о России и Украине. Однако даже наиболее удачливые страны, вступившие в Европейский союз, не имеют никаких шансов быстро стать полноценной частью Запада. Для расширения «клуба избранных» просто нет ресурсов. А возможный успех Чехии или Словении мо-

---

[36] Transitions. January 1999. Vol. 1. № 1. P. 34.

жет означать новые проблемы для Португалии или Греции.

Различными оказались и способы эксплуатации периферии со стороны Запада. Если в России складывается традиционный тип колониальной экономики, выступающей поставщиком сырья и полуфабрикатов, то в Восточной Европе главным фактором эксплуатации и контроля становится финансовая зависимость. Обслуживание внешнего долга делается главной функцией национальной экономики. Впрочем, долговая зависимость и в России к концу 1990-х гг. стала важным экономическим фактором.

Периферийный капитализм развивается по иной логике, нежели капитализм «центра». Накопление капитала, которое должно было обеспечить становление местного предпринимательского класса, оказывается затрудненным, поскольку в рамках глобализированой мироэкономики (world-economy) происходит стихийное перераспределение инвестиционных ресурсов в пользу «центра». Потому развитие оборачивается накоплением отсталости.

Разумеется, правила игры постоянно нарушаются — именно этим объясняется успех Советского Союза в 1930—1940-е гг., Японии в 1960-е и Южной Кореи и Китая в 1980-е. Но нарушитель идет на риск. Он должен осознанно бросить вызов системе. Политика международных валютных институтов в 1990-е гг. сводилась в конечном счете к тому, чтобы пресечь повторение подобных попыток в зародыше. Элита бывшего советского блока пыталась купить поддержку Запада ценой абсолютной лояльности. К концу десятилетия почти все государства бывшего коммунистического блока сталкивались с той же проблемой, что и развивающиеся страны Африки, Азии и Латинской Америки — дефицитом инвестиций.

Теория, согласно которой торжество частной собственности немедленно породит класс независимых предпринимателей, тоже оказалась опровергнута жизнью. «Самая важная особенность посткоммунистической социальной структуры в Восточной Европе — отсутствие капиталистического класса», — констатируют социологи[37]. «После шести лет экономических свобод, — удивляется либеральный писатель Дмитрий Галковский, — впору ходить среди бела дня с фонарем по центру Москвы и кричать: «Покажите мне настоящего капиталиста!»[38] Ему вторит Харасти: «За редкими исключениями те, кто были сильны и богаты при старой власти, сохранили свое положение, а бедные обеднели еще больше»[39]. Удивляться нечему — именно в этом состояла сущность происходящего с 1989 г. перехода. Номенклатура обуржуазилась, но в полной мере буржуазией не стала. Она влилась в мировую капиталистическую систему, приняв ее правила игры, но не отказалась и от своей специфики. Номенклатура и технократия унаследовали от «коммунистической» системы не только связи и власть, но в значительной мере и методы управления. По меткому выражению московской журналистки Анны Остапчук, «нашей элите все еще снится, что она номенклатура, которой снится, что она элита»[40].

Аналогичные «нарушения» исследователи обнаружили и в странах Юго-Восточной Азии с ее «crony capitalism», и даже в Японии, с ее полуфеодальной структурой

---

[37] New Left Review. March — April. 1997. № 222. P. 60. Американский исследователь Д. Котц пишет о «хищнической» (predatory) экономике, которая, не будучи капиталистической сама по себе, полностью интегрирована в мировую капиталистическую систему, являясь ее частью (см.: *Kotz D.* Is Russia Becming Capitalist? / A paper prepared for the Convention of the Union of Radical Political Economics. New York. 3-5.01.1999).

[38] Цит. по: *Медведев Р.* Капитализм в России? М.: Права человека, 1998. С. 249.

[39] Transitions. January 1999. Vol. 1. № I. P. 34.

[40] Pro et Contra. 1996. Т. I. № 1. С. 111.

бизнеса. Задним числом все провалы и неудачи рыночной экономики решено было объяснить именно этой «местной спецификой». Между тем никаким иным, кроме как «своеобразным» и «неправильным», периферийный капитализм быть не может. Как говорилось выше, еще Роза Люксембург в начале XX в. обнаружила, что, включая в свою орбиту все новые и новые страны, капитализм вовсе не уничтожает там полностью традиционные порядки. Он перестраивает мир не столько по своему образу и подобию, как думал Маркс в 1848 г., сколько по своим потребностям[41]. В свою очередь традиционные элиты вовлекаются в формирование капиталистической экономики, обеспечивают ей доступ к новым рынкам и дешевым ресурсам. Именно эту роль сыграли в Восточной Европе посткоммунистические «корпоративные» структуры.

Сохранение в значительной степени старых порядков в обществе предотвратило социальный взрыв, несмотря на массовое недовольство ходом «реформ». Зависимость рабочих от администрации, остатки социальных гарантий, превратившиеся в бюрократический патернализм, клиентелизм в политике — все это лучшая защита от классовой борьбы. Ведь вместе с «настоящими» буржуазными отношениями приходят и «настоящие» профсоюзы, настоящие рабочие партии и т. д. У элиты в такой ситуации нет ни возможности платить трудящимся «западную» зарплату (это означало бы немедленную потерю конкурентоспособности местных предпринимателей), ни удерживать социальные издержки на прежнем нищенском уровне. Транснациональный капитал просто не мог бы успешно внедряться на новые рынки, если бы в тех или иных формах не мог опереться на «традиционные» структуры. «Предприятия (обычно мультинациональные) отраслей, ориентированных на экспорт, — пишет венгерский социолог Пал Тамаш, — часто используют другие отрасли экономики, но при этом не покрывают

---

[41] Формулировка немецкого исследователя Марио Кестлера.

там даже всех расходов по воспроизводству рабочей силы»[42]. На первый взгляд возникает контраст между «эффективными», «современными» предприятиями иностранного капитала и отсталыми структурами «традиционного» сектора. На самом же деле первые субсидируются вторыми.

«Истеблишмент преобразовал номенклатурную собственность и номенклатурные привилегии в частную собственность и частные привилегии, — пишет либеральный политолог Владимир Пастухов. — Номенклатурная власть осталась сама собою, даже сбросив прежнюю идеологическую оболочку. Партийная и административно-хозяйственная элита вместе с теневыми дельцами старого общества превратились в новых русских и остались привилегированным классом посткоммунистического общества. Государство, прежнее по сути, изменилось в той же степени, что и класс, с которым оно было связано». В итоге не «коммунизм», а именно новая эпоха, наступившая после крушения коммунистической власти, «являет собой апофеоз бюрократии в России. Наконец-то государство служит не Богу, не самодержцу, не коммунизму, а самому себе»[43].

Буржуазия если и возникала, то в форме соперничающих олигархических группировок, формирующихся вокруг тех или иных людей, обладающих властью, «землячества», кланы, захватившие те или иные ценные ресурсы, «сообщества, больше похожие на клики, чем на свободные ассоциации граждан»[44]. Некоторые социологи даже приходили к мрачному выводу, что общества в строгом смысле слова вообще нет, есть «социум клик»[45].

---

[42] Конец ельцинщины. С. 113.
[43] Pro et Contra. 1996. Т. I. № 1. С. 9.
[44] Российская повседневность и политическая культура: возможности, проблемы и пределы трансформации. М., 1996. С. 36.
[45] См. Полис. 1996. № 4.

«Коммунистическая» система не позволяла людям осознать свои интересы и объединяться для их защиты. В том обществе индивидуальный гражданин самостоятельно выступал прежде всего как потребитель, остальное для него организовывало государство. Потому-то миллионы людей в 1989 г. и оказались так феноменально наивны, легко позволяя манипулировать собой. Напротив, рынок заставляет всякого осознать свой интерес и то, насколько он противоречит интересам другого. Трудящиеся обнаруживают, что являются не только потребителями, но и наемными работниками. Рыночный опыт является необходимой школой всех антикапиталистических движений. В этом плане Ленин был прав, когда говорил, что профсоюзы, защищающие экономические интересы рабочих, — школа коммунизма.

Для периферийного капитализма, неспособного приручить рабочих высокими зарплатами, является жизненной необходимостью сохранение традиционных связей. Эти связи защищают трудящихся от рыночного шока, а предпринимателей от лобового столкновения с трудящимися. Но те же корпоративные, патриархальные и коррупционные структуры действительно являются и препятствием для становления более динамичного предпринимательского класса, блокируют модернизацию. С подобным противоречием сталкивается любой периферийный капитализм. В его тисках билась и постсоветская элита.

Задним числом либеральные комментаторы готовы списать любые провалы на отсталость, коррупцию и дурные традиции. Они призывают избавиться от «варварства» и, «очистив» капитализм, влиться в «мировую цивилизацию». Точно так же Горбачев прежде призывал «очистить» советскую систему от бюрократии и авторитаризма. Восточно-европейский капитализм в идеологии неолиберализма предстает таким же «деформированным», как советский «социализм» в идеологии перестройки.

Возникшее противоречие порождает бесконечные дебаты «западников» и «почвенников» (или националистов) практически в любой стране бывшего Восточного блока. Но ни сторонники «западного пути», ни сторонники «самобытности» не могут предложить реального выхода из создавшегося положения. Они не могут даже обойтись друг без друга, ибо на практике «цивилизованные» и «варварские» структуры тесно взаимосвязаны.

Победители оказались в той же ловушке, что и побежденные. Периферийный капитализм не смог модернизировать европейский Восток. Однако всякая попытка всерьез произвести «очищение» капитализма по либеральным рецептам обречена на точно такой же провал, как и горбачевская «перестройка». Уничтожить корпоративные и номенклатурные структуры, не подорвав самых основ периферийного капитализма, невозможно. Заменить номенклатурную псевдобуржуазию и полукриминальные кланы «настоящими» предпринимателями не удавалось, не поставив под сомнение сам принцип частного предпринимательства и «священную частную собственность». Вот почему вопрос о модернизации в Восточной Европе может быть разрешен только левыми силами и только посредством радикальных антибуржуазных преобразований.

[Глава 2]

Российская интеллигенция между «западничеством» и «почвенничеством»

Интеллигенция любит размышлять о самой себе. В этом нет ничего дурного: рефлексия — необходимая часть мышления. Беда в том, что с течением времени самоанализ все больше заменяется самооправданием и самовосхвалением.

В отличие от западного интеллектуала, являвшегося, по выражению Сартра, «техником практического знания», русская интеллигенция традиционно объединялась не на основе корпоративных связей, общности образования или квалификации (хотя все это присутствовало). Главным объединяющим фактором было парадоксально-двойственное положение интеллигента в обществе, высокий авторитет, сочетавшийся с явной невостребованностью его знаний. Россия всегда страдала одновременно и от перепроизводства образованных людей, и от недостатка образования. Общество было неспособно полноценно использовать способности и знания интеллигента, но не переставало нуждаться в нем. Те, кого угораздило родиться в России с умом и талантом, да еще приобрести знания где-то в «Германии туманной» или в хорошем отечественном университете, неизбежно чувствовали себя «лишними

людьми». Не потому, что они были не нужны обществу, а потому, что это общество и собственная роль в нем их не устраивали.

ЗАКАТ СОВЕТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Именно в России сформировалось самосознание интеллигенции, впоследствии немало повлиявшее и на интеллектуалов Запада. Интеллигент должен был осознавать, что его роль в обществе не только техническая, но и нравственная. В этом плане очень важно было понятие «настоящего интеллигента» (в отличие от «псевдоинтеллигента» или «образованщины» по Солженицыну). Настоящий интеллигент, пишет левый публицист Александр Тарасов, «это *творец*, творческая личность, гений, человек, занимающийся поисками истины, рациональным (научным) или чувственным (художественным) познанием и освоением мира. Настоящий интеллигент понимает свою индивидуальную роль познающего субъекта — и общественную роль просветителя и освободителя. Настоящий интеллигент — носитель критического мышления. Настоящий интеллигент противостоит конформизму и мещанству»[46].

С точки зрения политолога Владимира Пастухова, радикальный неолиберализм 1990-х гг. порожден идеологией и психологией советской интеллигенции. «Советская интеллигенция, порождение XX съезда, в течение трех десятилетий была совестью нации и хранила культурную традицию в условиях тоталитаризма. В то же время, живя под немыслимым тираническим прессом, интеллигенция аккумулировала в себе колоссальный заряд негативной энергии. Отсутствие возможности в течение десятилетий практически влиять на положение вещей трансформировалось в необузданную жажду всеобщего

[46] Свободная мысль. 1999. № 7. С. 42.

переустройства. Российские реформаторы лишь реализовали эту копившуюся годами энергию»[47]. Трудно сказать, чего здесь больше — наивности или лукавства. В одной и той же фразе мы читаем и об ужасах тоталитаризма, и о XX съезде, который этот тоталитаризм ограничил и сделал для большинства интеллектуалов вполне терпимым. Что бы мы ни говорили об интеллигенции в целом, непосредственная работа по «реформированию» России осуществлялась отнюдь не бывшими диссидентами и не людьми, в прежнее время отдаленными от власти, а напротив, интеллектуалами, и в советское время к власти приближенными. И семья Гайдаров, и партийный функционер Геннадий Бурбулис не только чувствовали себя при советской системе вполне комфортно, но и занимали в ней определенное политическое положение. Напротив, людей с диссидентским и полудиссидентским прошлым среда неолиберальных реформаторов отторгала даже тогда, когда те по идеологическим соображениям готовы были преобразования поддерживать.

Искать русскую специфику в радикализме неолибералов не имеет смысла. В Англии, Мексике, Зимбабве и Аргентине применялись те же меры, что и в России. Масштабы ущерба, наносимого неолиберальной политикой обществу, ограничиваются лишь масштабом сопротивления, которое общество оказывает неолиберальной политике. В этом плане Восточная Европа действительно почти уникальна. Советская интеллигенция, гордившаяся своими традициями независимости и сопротивления, в 1990-е гг. не только не выступила в первых рядах борцов против новой власти, но, напротив, долгое время считала эту власть своею, а затем готова была с этой властью мириться гораздо дольше, чем другие слои общества. Перелом наступил лишь в начале 2000-х гг. в годы правления Путина. Да и то инициатором разрыва выступили не интеллигенты, а власть.

---

[47] *Пастухов В.* Цит. соч. С. 127.

Утверждать, будто интеллигенция пострадала от реставрации меньше других, не приходится. Уже в 1992—1993 гг. ей был нанесен сокрушительный удар. Как отмечает историк В. Согрин: «Резкое сокращение дотирования привело к тому, что только в науке, согласно данным Госкомстата России, число занятых сократилось к началу 1993 г. (по сравнению с 1990-м) на 27%, в том числе в академической науке — на 24, отраслевой — на 30,4, в вузовской — на 11,8%. Большая часть наиболее одаренных ученых вынуждена была в поисках работы и средств к существованию эмигрировать за границу. За год «утечка мозгов» составила 3,5 тыс. человек. Резко сократилось издание «нерентабельной» научной литературы»[48]. Русский тип интеллигенции не вписывался в новый экономический порядок. Отныне все следовало подчинить конкретным практическим задачам, причем таким, которые можно решить немедленно и с непосредственной выгодой. Фундаментальная наука, философские поиски смысла жизни, искусство, выходящее за сферу простого развлечения, критический анализ общества — это не соответствовало рыночному спросу. И все же интеллигенция действительно с энтузиазмом поддержала реформы, одной из целей которых было ее собственное уничтожение. В чем причина столь странного поведения? Понять его невозможно, не осмыслив историю советской интеллигенции.

НЕМНОГО ИСТОРИИ

Для старой интеллигенции ключевыми были две идеи — критика власти и служение народу. Правда, отношения с властью всегда отличались крайней двусмысленностью. Интеллигенция в России была не продуктом естественного культурного и социального развития, а имен-

---

[48] *Согрин В.* Политическая история современной России. М.: Прогресс-академия, 1994. С. 131.

но порождением власти. Правительство («единственный европеец в России» по Пушкину), исходя из собственных видов, просвещало страну, насаждая передовую цивилизацию или, на худой конец, то, что принимало за таковую. Для этого нужна была массовая интеллигенция — профессора, учителя, инженеры. Сколько их требуется, никто точно не знал, ибо расплывчатыми были представления самого правительства о необходимом просвещении. Интеллигенция плодилась и разрасталась так же, как бюрократия, но, в отличие от последней, не пользовалась привилегиями и властью. Зато она обладала преимуществом образования. Она стала общественной группой, профессионально заинтересованной в модернизации, европеизации и расширении демократических свобод. С того момента как интеллигенция со своими демократическими и модернистскими потребностями вышла за отведенные ей пределы, конфликт с властью стал неизбежен. В таком противостоянии интеллигенция нашла новую моральную опору — служение народу, который глубоко нуждается в свободе и просвещении, даже если сам того не осознает.

Все это относится к старой России. Революция изменила не только социальный строй, но и отношение интеллигенции к власти. И хотя именно на интеллигенцию в 1930-е гг. обрушились тяжелейшие репрессии, советский период стал временем стремительного роста численности и влияния интеллигенции.

Новая власть тоже вводила просвещение. Ей нужны были всеобщая грамотность, современная наука и технологии, нужна была профессиональная подготовка кадров. Хотя репрессии 1930-х годов стали одним из ключевых мифов интеллигентского сознания, сами советские интеллигенты в массе своей были вовсе не потомками репрессированных. Напротив, в подавляющем большинстве они были потомками «выдвиженцев», для которых путь наверх расчищался сталинскими репрессиями.

Осуждение террора, сочетающееся со стремлением максимально воспользоваться его плодами, стало первым моральным и культурным противоречием новой интеллигенции. Разумеется, мы можем восхищаться прекрасными дворцами Петербурга, несмотря на то, что они построены «на костях». История то и дело заставляет одни поколения строить свое благополучие на жертвах и страданиях других. Проблема была не в самой связи между сталинскими «чистками» и становлением новой интеллигенции, а в том, что интеллигенция не желала признаться себе в этой связи.

Ее отношение к власти тоже было противоречивым, но и это ею не осознавалось. Художественная интеллигенция осуждала власть, ограничивающую ее творческую свободу, но принимала от нее премии, активно участвовала в созданных властью творческих союзах. Ученые сочувствовали диссидентам, но продолжали добросовестно разрабатывать оружие во всевозможных закрытых институтах — «ящиках». В отличие от старой интеллигенции, для которой оппозиционность выражалась в бросании бомб, создании подпольных организаций и сочинении подрывных листовок, новая интеллигенция, несмотря на свою любовь к антисоветским анекдотам и самиздату, настроена была реформистски. И никакой самиздат не мог сравниться в популярности с «Новым миром» и другими толстыми журналами, выходившими совершенно легально, *массовыми* тиражами.

Интеллигенция ужасно обижалась, когда сталинская социология обзывала ее «прослойкой». На самом деле это было вполне естественное определение: как иначе можно было назвать интеллигенцию — «классом», «корпорацией»? В конце концов, неудачное сталинское словечко исчезло из учебников, уступив место более уважительному «слой». Смысл от этого ничуть не изменился, но интеллигенция почувствовала себя комфортнее. Это была часто неосознанная борьба за социальный статус. И даже более того — за уважение со сто-

роны власти. Подобное уважение интеллигенция, несмотря на всю критику начальства, ценила очень высоко.

Квалифицированный труд в советском обществе ценился не особенно высоко. Если Советский Союз и был рабочим государством, то лишь в том смысле, что любой неквалифицированный рабочий чувствовал себя на производстве увереннее любого инженера. Высшее образование было исключительно доступно, но это компенсировалось тем, что заработки специалистов были позорно малы. Государство как бы говорило интеллигентам: вы пользуетесь привилегией комфорта, вам не нужно таскать тяжести, спускаться в шахту, и уже за это вы должны быть благодарны.

Культ неквалифицированного труда раздражал образованную часть общества. Технократы, ученые, артисты, даже рабочие высокой квалификации чувствовали себя ущемленными. Они прекрасно знали, каковы заработки их коллег на Западе. Справедливо или нет, они были убеждены, что их квалификация — не ниже, а следовательно, и заработки должны быть такими же.

Отношение советской интеллигенции к власти не было ни безнравственным, ни лицемерным. В глубине души интеллигенты были уверены, что власть народна. В отличие от русских либералов и революционеров прошлого века образованные люди советского времени были убеждены, что власть действительно исходит от народа, продолжая его недостатки и слабости. С одной стороны, они ставили себя в культурном отношении выше и представителей власти и народа, а с другой — искренне желали блага и тем и другим.

Критика власти была адресована в конечном счете самой же власти. Это относится не только к специфическому жанру «закрытых записок», которые в огромном количестве сочинялись обществоведами из академических институтов, не только к легальной публицистике

«Нового мира» и «Нашего современника»[49]. Это же относится и к изрядной части самиздата. Александр Солженицын обращался к «вождям Советского Союза», а Александр Зиновьев доказывал, что в СССР нет демократии, но есть «народовластие». Если старые большевики заявляли сталинским палачам, что партия всегда права, то интеллигенция 1960-х разоблачала парто-кратию для пользы самих партократов. Задним числом многие представители интеллигенции вытеснили из памяти свои прежние мотивы и ценности. Для психоаналитика у нас всегда найдется масса работы. Когда, например, известный актер Игорь Кваша рассказывал в середине 1990-х, что ключевой идеей его творчества всегда был антикоммунизм, трудно было не вспомнить его на сцене театра «Современник» в роли большевистского лидера Якова Свердлова. Роли, которую он играл годами, и которой, судя по всему, очень гордился.

Прошлого не надо стыдиться. Его надо анализировать. Услужливая забывчивость гораздо безнравственнее любых иллюзий.

РОМАН С НАЧАЛЬСТВОМ

Резкий поворот от оппозиционности к восторженному начальстволюбию дался интеллигенции в конце 1980-х гг. очень легко именно потому, что на самом деле платонический роман с начальством никогда и не прекращался. Интеллигенты много лет говорили власти: «Посмотри на себя, как ты отвратительна». И вдруг в годы перестройки власть согласилась с ними. Глянув в зеркало

---

[49] Александр Проханов, один из идеологов националистического «Нашего современника», впоследствии неоднократно сравнивал это издание с либерально-западническим «Новым миром», подчеркивая фундаментальную общность позиции именно в отношении к тогдашней власти. Взгляды Проханова на интеллигенцию см. в интервью «Еженедельному журналу». 17.10.2004. № 39.

гласности, она ужаснулась и призвала образованных людей исправлять свой имидж...

Любовь к начальству с Горбачева быстро перешла на Ельцина. Важен не человек, важен принцип. А бывший начальник — уже не начальник. Интеллигенция начала «хождение во власть» (хотя больше на вторых ролях). Этого, однако, оказалось достаточно, чтобы резко повысилась самооценка. Большинство милых образованных людей, восторгающихся Гайдаром, не имеют ни малейшего понятия об его идеях. Они увидели в нем «человека нашего круга». Живое доказательство слияния власти и интеллигенции.

Народ в этой конструкции оказался лишним. Если раньше слияние с властью становилось допустимым в силу ее народности, то затем защита власти от народа стала необходимой в силу ее «просвещенности». Как известно, правительство — «единственный европеец в России». А европейской цивилизации, породившей демократические ценности, многое можно простить. Даже стрельбу из пушек по парламенту.

Итак, первоначально целостный комплекс идей — просвещение, народолюбие, демократические идеалы, свободомыслие и окультуривание начальства — расслоился. Для тех, кто не приемлет начальства, остается один выход — возвращение к народнической традиции. Но это означает не только разрыв с властью, но и разрыв с интеллектуальной элитой, которая за годы перемен сама стала частью начальства.

Стала уже почти общим местом мысль о том, что идеология постсоветского либерализма есть не что иное, как вывернутая наизнанку советско-коммунистическая идеология. Культуролог Татьяна Чередниченко очень удачно назвала это «обращенной идеологией». Перед нами все то же «единственно верное учение», только как бы перевернутое. «В обращенной идеологии тоже действует пара буржуазное/социалистическое, но только с противоположными оценочными знаками

(цивилизованные капиталисты противопоставлены варварам-большевикам)»[50].

Однако существенно, что в процессе «выворачивания» сама идейная система потеряла целостность. Не то чтобы разрушилась, а именно разложилась. В советской идеологии все было взаимосвязано. В ней было даже место для диссидентов и для лояльных реформаторов, хотя официально ни тех ни других государство не признавало. Поменяв местами плюсы и минусы, «обратные идеологи» обнаружили, что ответы не сходятся. Понятия «свободы», «справедливости», «культуры», «народности», тесно связанные в традиционном политическом сознании, стали путаться, отменять друг друга. Сознание стало калейдоскопичным, хотя все «камешки» в этом калейдоскопе — на самом деле кирпичи старого здания.

ПОРАЖЕНИЕ ДИССИДЕНТОВ

Осенью 1989 г. в Восточной Европе правда восторжествовала над силой. Во всяком случае, так думали сотни тысяч участников событий в странах бывшего коммунистического блока и миллионы зрителей на Западе, восхищенно наблюдавших за «демократическими революциями» на экранах телевизоров.

Казалось, рушится не только Берлинская стена, но и представления, считавшиеся незыблемыми. На протяжении многих лет люди по обе стороны «железного занавеса» знали про упорную борьбу диссидентов за права и достоинство личности, против бюрократической власти. Сочувствовали этой «борьбе, восхищались ее героями... и сознавали, что они обречены, ибо несколько десятков интеллектуалов бессильны против мощной государственной машины, не могут преодолеть пассивности масс. Так же, в общем, рассуждали и сами диссиденты. Не слу-

---

[50] *Чередниченко Т.* Типология советской массовой культуры. // Между «Брежневым» и «Пугачевой». М., 1994. С. 20—21.

чайно в Москве 1970-х участники оппозиционных групп каждый новый год поднимали бокал «за успех нашего безнадежного дела».

В 1989 г. произошло чудо. Все увидели, что воля и совесть оппозиционных интеллектуалов оказались сильнее власти. Идолы были низвергнуты. Не только идолопоклонники, но и сами жрецы дружно отрекались. Ликующие толпы заполнили площади, радуясь неожиданной и поразительно легкой победе. Революция объявила себя «бархатной». Диссиденты из гонимых инакомыслящих превратились во властителей дум, были вознесены на вершины славы, а иногда и власти.

Правда, ненадолго.

За прекрасным сном последовало ужасное пробуждение. В странах Восточной Европы разразился жесточайший кризис. Мечты о свободе сменились страхом перед надвигающейся новой диктатурой и смутными надеждами на сильную руку, которая наведет, наконец, порядок. Федерации распались. Нет больше Советского Союза, Чехословакия прекратила свое существование, война бушевала в Югославии.

Братство людей, вдохновленных лозунгами «бархатной революции», сменилось войной всех против всех. Власть старой бюрократии по меньшей мере гарантировала индивидуальную безопасность и социальную защищенность для всякого, кто готов был принять нормы официального конформизма. Отныне даже для сторонников власти ничего не гарантировано.

Разумеется, появились и победители. В их числе мы обнаруживаем хорошо знакомую партийно-государственную номенклатуру и детей номенклатуры. В 1989 г. они легко и безболезненно отдали власть, зная: они ничего не теряют. Власть менялась на собственность. Из неуклюжих советских «чаек» и мрачных черных «Волг» они пересели в изящные «мерседесы» и БМВ.

А что диссиденты? Где они были все это время? Что с ними стало? Увы, вряд ли большинство из них могло похвастаться особыми успехами. Деятели демократической

оппозиции, занявшие государственные посты в первые «посткоммунистические» месяцы, как правило, были эффективно «вычищены» оттуда. В болгарском парламенте ко второму, «посткоммунистическому» созыву остался всего один депутат из числа основателей Союза демократических сил. Люди, создававшие польскую «Солидарность» в 1980 г., либо отходили от политической деятельности, либо оказались в оппозиции. Зато технократы, великолепно себя чувствовавшие и при старом режиме, при новом заняли ключевые посты.

Конечно, исторический лидер «Солидарности» Лех Валенса стал президентом, а ее идеолог Яцек Куронь — министром труда. Но это стоило им разрыва с собственным профсоюзом. Они могли гордиться своим прошлым, но ни для кого не секрет, что оба стали заложниками новых сил, господствующих в обществе. Куронь, некогда консультировавший забастовочные комитеты, занялся подавлением забастовок, причем делал с это с жесткостью, не снившейся коммунистическим лидерам. Увольнение «зачинщиков» и локауты стали ответом на любые требования. Богатый опыт, накопленный Куронем и Валенсой в рабочем движении, использовался для того, чтобы это движение разгромить. В 1980—1981 гг. «Солидарность» породила Валенсу, в 1991—1993-х Валенса повел войну на уничтожение со всеми профсоюзами, включая «Солидарность».

В Восточной Германии диссидентские организации, объединившиеся в «Союз-90», терпели поражения на выборах. Некоторые из лидеров прежней оппозиции, такие как Вольфганг Ульльман, нашли в себе смелость открыто говорить о новых проблемах, о предстоящей трудной борьбе за настоящую демократию и подлинное единство Германии. Другие предпочитали жить воспоминаниями о героическом 1989 г. и требовать от избирателей, чтобы во имя признания их исторических заслуг им обеспечивали депутатские мандаты.

Александр Дубчек и его единомышленники, когда-то возглавившие попытку демократического обновления

в Чехословакии, с трудом попали в словацкий парламент. Когда Дубчек умер, он был уже персонажем из прошлого, почти забытым, несмотря на свой депутатский мандат. Тем временем в Чешской республике правое парламентское большинство, объявив противозаконной всю прошлую деятельность компартии, не только отказало в признании заслуг деятелям Пражской весны 1968 г., но, по существу, объявило их, занимавших некогда видные партийные посты, преступниками. Это не мешало бывшим государственным функционерам приватизировать собственность, спокойно заседать в парламенте и в министерствах: ведь осуждена была партия, а не государство. Правительственные функционеры могли забавляться охотой на ведьм, зная, что им самим ничего не грозит.

Вацлав Гавел был символом надежды на свободную, единую и процветающую Чехословакию. Став из оппозиционного драматурга президентом, он говорил про «третий путь», обещал избежать крайностей капиталистического рынка, рассуждал о гуманной и честной власти. Прошло всего три года, и он бесславно покинул свой пост, оставив после себя развалившуюся федерацию. Как и Горбачев в Советском Союзе, Гавел много говорил о единстве страны, но когда распад федерации стал реальной угрозой, он сдался без борьбы. Он пошел даже дальше Горбачева. Тот, потеряв свой пост, смирился с ролью президента в отставке. Гавел спустя несколько месяцев после развала Чехословакии преспокойно принял президентский пост в новой Чешской республике из рук тех самых людей, которые развалили федерацию и свели на нет надежды на «третий путь». Когда в 1993 г. в Москве танки стреляли по зданию парламента и на улицах лилась кровь безоружных людей, Горбачев нашел в себе смелость произнести несколько осуждающих слов. Бывший диссидент Гавел тоже сделал публичное заявление. В поддержку расстрелов.

Судьба Гавела показательна. Да, власть развращает, но не всегда и не всех. Бывшие диссиденты,

выдержавшие тяготы оппозиции, преследований, иногда тюрем, не выдержали соблазнов власти. Они думали, будто власть — это награда за прошлые подвиги. На самом же деле власть — испытание. С этим самым трудным испытанием они не справились. Тех, кого не смогли сломить тюрьмы, сломали коридоры власти.

Если в Восточной Европе диссидентов оттеснили от рычагов управления, то в России или на Украине их туда даже не подпустили. Партийные боссы, провозгласив себя демократами, сохранили посты и привилегии. Символическая фигура академика Сахарова оказалась особенно удобна для власти тем, что великий правозащитник не дожил до «торжества демократии». А мертвые герои, как известно, лучше живых. В Грузии режим, созданный диссидентами, отнюдь не стал эталоном демократии. Просуществовав около года, он был свергнут военным переворотом, во главе которого стоял ветеран секретных служб и партийной бюрократии, бывший член Политбюро ЦК КПСС Эдуард Шеварднадзе.

Глеб Якунин и Сергей Ковалев — практически единственные диссиденты, сохранившие определенное политическое влияние после 1991 г. Власти их очень ценили, пока они поддерживали правительство. Когда Ковалев и Якунин опомнились и выступили с критикой власти, их очень быстро оттеснили на обочину политической жизни. Раньше Ковалева преследовали, сажали в тюрьму. Теперь его просто лишили поста уполномоченного по правам граждан, а затем спокойно игнорировали, как если бы его не существовало вовсе. Какой может быть правозащитник без официальных полномочий?

Люди, гордившиеся своей способностью говорить «нет», называвшие себя «инакомыслящими» и «нонконформистами», в новых условиях оказались неожиданно пассивны, а главное — совершенно не способны противостоять господствующим идеям, лозунгам и настроениям. Как ни парадоксально, даже видя, что творится вокруг, они больше всего боялись снова стать диссидентами.

Страх остаться в меньшинстве парализовал их. Да, под властью коммунистического режима они тоже были незначительным меньшинством, а пассивное большинство разделяло идеи и ценности режима (в России) или, по крайней мере, мирилось с ними (в Восточной Европе). Но тогда большинство просто молчало или повторяло ритуальные фразы. Теперь мощная волна новой пропаганды вывела на улицы людей, восторженно скандирующих антикоммунистические лозунги. Уличные толпы испугали либерально настроенных диссидентов, а еще больше их испугало агрессивное единодушие «свободной прессы», повторяющей по заказу властей любую чушь о величии нации, необходимости всеобщей приватизации, преимуществах религиозного воспитания над светским и платной медицины над бесплатной.

Большинство восточно-европейских диссидентов были людьми левых или леволиберальных взглядов. В России диссиденты, как правило, были аполитичны, мало интересуясь вопросами социального страхования и экономического развития. Лишь немногие из них были страстными поклонниками Маргарет Тэтчер и тем более — генерала Пиночета. Отстояв свою духовную независимость под натиском «враждебной» партийной пропаганды, они неожиданно поддались пропаганде новой, антикоммунистической, хотя, казалось бы, их должно было насторожить уже то, что «новые» идеи с энтузиазмом пропагандируются на страницах тех же изданий и теми же людьми, которые вчера говорили о «строительстве коммунизма».

Диссиденты, осуждающие национализм, «охоту за ведьмами», несогласные с «крайностями» тотальной приватизации, готовы были перейти в оппозицию. Но только в качестве респектабельной политической силы. Мысль о том, что сторонникам демократии на Востоке предстоят новые длительные сражения, зачастую — в полной изоляции, казалась им столь ужасной, что почти никто не решался сделать этот совершенно очевидный вывод. Пуще всего боялись они обвинения

в пробольшевистских симпатиях, отвергая любое сотрудничество с людьми из бывшего коммунистического лагеря, хотя после 1989 г., когда номенклатура выбрала капитализм, в этом лагере остались как раз наиболее искренние и порядочные (хотя далеко не всегда — разумные) люди.

В результате господствовал самый примитивный оппортунизм и конформизм. Сначала были отброшены упоминания о социализме («непопулярное слово»), потом смутные социал-демократические симпатии бывших диссидентов были «временно» отодвинуты на задний план. Критика реформ была тихой, патологически осторожной и невразумительной. Собственное «особое мнение» если и высказывалось, то так, что невозможно было понять, чем оно отличается от господствующего.

Бороться против варварства, насаждаемого «цивилизованным миром», оказывалось гораздо труднее, чем против советских безобразий времен Брежнева. А порой и опаснее.

Поражение диссидентов оказалось полным, а главное — окончательным. И в значительной степени ответственность за это лежит на самих же диссидентах. Диссиденты не были раздавлены молохом революции, не погибли в огне гражданской войны, не поднялись на эшафот, не пали жертвами репрессий. Они просто выпали из политической жизни, полностью утратив не только политическое влияние, но и моральный авторитет.

РАССЛОЕНИЕ

Расслоение интеллигентской идеологии дополнилось социальным расслоением. Это совершенно новый феномен для России. И в царские и в советские времена интеллигенция была более или менее однородной массой. Конечно, были различия между московским профессором и сельским учителем (или земским врачом в дореволюционную эпоху), между инженерами и гуманита-

риями. Были знаменитые в 1960-е гг. дискуссии между «физиками» и «лириками». Но сам факт этих дискуссий доказывает как раз существование общей среды. Сходства было больше, нежели различий. Все читали одни и те же толстые журналы, одну и ту же «Литературную газету», смотрели одни и те же книги, слушали одну и ту же музыку.

Хотя между академической или творческой элитой и массой рядовых учителей, инженеров, научных работников существовала значительная дистанция, интеллигенция воспринимала себя как единое целое. Советская уравнительно-стандартизирующая система делала свое дело. Разрыв в заработках академика и рядового учителя, как бы значителен он ни был, воспринимался менее болезненно, чем общая отчужденность от власти или недооценка творческого труда, от которой одинаково страдали и тот и другой. Интеллектуальная элита воспринималась не как привилегированная группа, а как ряд «лучших людей», образцы для подражания, властители дум.

Превосходным примером подобного отношения является один из героев прозы Леонида Зорина: «Как и все дремучие технари, отец мой испытывал тайный восторг от приобщения к этой элите. Почему он считал себя интеллигентом, надо спросить у него самого. Хотя он и листал „Новый мир", всерьез читал одни лишь газеты, питался не мыслями, а новостями и пережеванными сентенциями. Он повторял их везде и всюду, однажды ему начинало мерещиться, что он их сам выстрадал, сам сформулировал. Так он наращивал собственный вес. По крайней мере, в своих глазах»[51].

Среди технической интеллигенции одно время чувствовалось определенное раздражение против гуманитариев, но дело не шло дальше споров о «физиках и лириках» в газетах 1960-х гг. или разговоров на кухне. Даже те, кто считал, будто все писатели или философы

---

[51] *Зорин Л.* Проза. М.: Время, 2005. Т. II. С. 31—32.

«продались режиму», видели только профессиональные различия и никогда не ставили вопрос о социальных. Короче говоря, в культурном смысле интеллигенция была однородной массой.

Именно эта однородность интеллигенции помогала в конце 1980-х гг. академической и творческой элите успешно манипулировать массой своих «рядовых» коллег. «Верхи» прекрасно отдавали себе отчет в том, что рыночная реформа ничего не даст интеллигенции как таковой. Но точно так же они сознавали, что у них появляется доступ к власти и собственности. Получив пропуск в Кремль, приватизировав имущество творческих союзов, начислив себе заработную плату, в сотни раз превышавшую доходы учителей и врачей, они продолжали призывать «образованную часть общества» поддерживать реформы.

В дореволюционной интеллигенции было некоторое количество богатых людей. Но их богатство не имело никакого отношения к их интеллигентности, не было связано с их культурной или научной деятельностью. Деньги, заработанные в бизнесе, Третьяков тратил на создание картинной галереи. Ему бы и в голову не пришло, что сама галерея может превратиться в прибыльный бизнес. Интеллигенция старой России сложилась в докапиталистическую эпоху, она так и не успела испытать социального расслоения, которое и на Западе в полной мере стало заметно лишь в 1970-е гг. прошедшего века.

Тем более — советская интеллигенция. Богатство и роскошь связывались с коррупцией, деньги вредили искусству, а наука пыталась жить по коммунистическим принципам (даже если сами ученые считали себя убежденными антикоммунистами). Конфликт культуры и денег стар как мир, но позиция «деятелей культуры», вставших в нем на сторону «денег», совершенно нова. Искусство расслаивается, появляется шоу-бизнес, приносящий сотни тысяч долларов. Научные исследования делятся на хорошо и плохо финансируемые. А рядовой учитель,

инженер или врач оказывается равно удален и от звезд шоу-бизнеса, и от жрецов «высокого искусства». Симптомом кризиса стало резкое падение тиража толстых журналов. Дело не только в нехватке денег — исчез читатель.

На место прежнего единства приходит непонимание, раздражение, а затем и социальная ненависть. Интеллигенция наконец перестала быть прослойкой. Она сама разделилась на «верхи» и «низы», на буржуа и пролетариев. Лидеры «культурной элиты» стали частью элиты коммерческо-бюрократической. Писатели переставали сочинять романы, а если что-то и публиковали, то выходило из рук вон плохо. Режиссеры больше интересовались театральными зданиями, нежели спектаклями. Сатирики появлялись на презентациях банков и перед ломящимися от яств столами объяснялись в любви к власти. Хорошим тоном стало подшучивать над бедностью, рассказывать анекдоты про побежденных, публично сожалеть, что новая власть проявляет излишнюю гуманность, не начиная массовых репрессий против коммунистов.

Поразительно, однако, что «верхи» долгое время не осознавали наметившегося конфликта. Они еще помнили про однородную интеллигенцию прежних лет, все еще воспринимали себя ее частью, мало задумываясь о том тяжелом положении, в котором оказались массы бывшей советской интеллигенции. Вот почему на протяжении 1990-х и даже 2000-х гг. они непрестанно обращались к публике с различными призывами, коллективными письмами, рекомендациями.

В ответ массовый «работник умственного труда» испытывал недоумение, смешанное с озлоблением. Эти чувства очень хорошо выразил Александр Тарасов в статье «Десять лет позора», обвинив интеллектуальную элиту в «предательстве». Мало того, что она отказалась от собственных ценностей и от элементарной корпоративной солидарности, но еще и стала «паразитическим слоем». Вместо того чтобы отстаивать принципы

просвещения и освобождения, интеллектуальная элита заинтересована в распространении невежества и рабства, ибо «каждый просвещенный и освобожденный с их точки зрения — это *экономический конкурент*»[52].

Утрачена и культурно-психологическая однородность интеллигенции. До середины 1990-х культурным образцом был шестидесятник. Поколение за поколением пели песни Булата Окуджавы и повторяли строки Высоцкого, читали романы Трифонова. Но общество изменилось, стали иными и вкусы. Иными стали и сами шестидесятники. А поколение, которому сейчас 25—30 лет, уже не помнит их славного прошлого, оно знает лишь их настоящее. Для этого поколения мелодии из песен Фредди Меркьюри значили уже больше, чем Окуджава, а группа «Чайф» казалась интереснее, чем Высоцкий. Ближе — не значит «лучше», но какое это имеет значение? Особенно теперь, когда усилиями самих же интеллигентов старшего поколения их собственный жизненный опыт и их культура оказались полностью дискредитированы. Для кого-то это достояние «совкового» прошлого, а кто-то уже видит в героях 1960-х гг. не более чем сегодняшних президентских прислужников. Пушкину мы можем простить совершенно ужасные стихи «На взятие Праги». Просто потому, что он — Пушкин. А слушать песни Окуджавы про «комиссаров в пыльных шлемах» после его заявлений о том, что ему не жалко безоружных людей, погибших в Белом доме, как-то не хочется.

Культура 1960-х гг. была слишком связана со своей эпохой и идеологией. Дискредитировав и то и другое, шестидесятники в духовном смысле уничтожили самих себя. Сами того не заметив.

Значит ли это, что вместе с ними исчезла и советская интеллигенция? В известном смысле — да. Прошлое не вернешь, а прерванную традицию невозможно «восстановить», ибо ее основной смысл — в непрерывности.

---

[52] Свободная мысль. 1999. № 7. С. 43.

Но, погибнув в неразберихе «катастройки», интеллигенция тотчас начала возрождаться в новом обличье. Предпосылки для этого создавала сама власть.

ЗАПАДНИЧЕСТВО И НАЦИОНАЛИЗМ

В 1930-е гг. XIX в., когда российское образованное общество сплошь увлекалось Гегелем, кто-то сочинил замечательный анекдот. Англичанину, немцу и русскому предложили написать трактат про верблюда. Англичанин поехал в Египет, поселился среди верблюдов, ел их пищу, проникся их заботами, стал среди них совершенно своим. По возвращении написал подробный эмпирический доклад о жизни верблюдов. Немец, напротив, уединился в своем кабинете и стал извлекать чистую идею верблюда из глубин своего духа. Извлек. Опубликовал.

Русский дождался публикации труда своего немецкого коллеги и перевел на родной язык — с большим количеством ошибок.

Копирование образцов и имитация чужих моделей — характерная черта периферии. Однако исходные образцы не обязательно заимствованы из чужой культуры. Они могут быть и местными. В конце 1970-х гг. двое венгерских диссидентов, писавших под псевдонимом «Марк Раковский», отметили странную особенность политической культуры в обществах советского типа. С одной стороны, кризис системы порождал всеобщее разочарование в коммунистической идеологии и стимулировал поиск альтернатив. Социал-демократические, либеральные и патриотические идеи становились все более привлекательны. Однако, с другой стороны, социальные, культурные, экономические условия, приведшие к развитию этих идеологий на Западе, отсутствовали в Восточной Европе. Более того, отсутствовала даже информация. Главным источником знаний о враждебных коммунизму идеях были те же коммунистические партийные учебники. В итоге, «случилось страшное»: монстры, порожденные

фантазией сталинских идеологов, материализовались. И либералы, и социал-демократы, и националисты получились именно такими, какими они описаны в «Кратком курсе истории партии» — ограниченными, беспринципными, алчными и социально безответственными.

Политическая жизнь в условиях периферийного капитализма построена на имитации западных аналогов — те же партии, те же термины, но за ними неизменно скрывается совершенно особая, местная суть. Политики, которые не отдают себе в этом отчета, проигрывают. Достаточно вспомнить меньшевиков и большевиков. Первые хотели быть социал-демократами, как в Германии. Вторые, на первых порах — тоже. Но большевики очень быстро осознали, что немцами они быть не могут. Кстати, меньшевики тоже существенно отличались от своих западных товарищей, но не хотели в этом признаться ни себе, ни окружающим. Между тем, когда идеологию большевизма перенесли на Запад, там коммунистические партии все равно получились совершенно другими. И произошло это не в эпоху «еврокоммунизма», а гораздо раньше. «Еврокоммунисты» лишь честно признали то, что было реальностью уже в 1920-е гг. Партии, действующие в условиях западного общества, не могут быть такими же, как на периферии капитализма. Они могут быть оппозиционными или радикальными, но их оппозиционность и радикализм все равно будут проявляться иначе.

Да, институты, характерные для западной демократии, возникли практически во всех странах Восточной Европы, включая Россию. Другое дело, что отечественная политическая система удивительным образом сочетает «европейский» фасад с кондовым и вполне традиционным «азиатским» авторитаризмом. И дело не в национальных традициях, а в том, что наш капитализм структурно отличается от западного. Даже если используются одинаковые слова — за ними стоит разная практика. Это не вопрос «времени» или «опыта». Ибо и время и опыт лишь закрепляют различия. За годы неолибе-

ральных преобразований, несмотря на поверхностные нововведения, произошла чудовищная демодернизация экономики. Россия теперь не только производила меньше, чем в советское время, но и гораздо больше отставала от Запада.

Впрочем, когда идеологи занимаются поисками «национальной специфики», получается не лучше чем с имитацией западных схем. Ведь идеологи пытаются найти эту специфику не через анализ конкретных экономических процессов и социальных структур, а в глубинах своего духа. В большинстве случаев ничего ценного там обнаружить не удается. Поиски самобытности сводятся к восхвалению собственной ограниченности.

Рост националистических настроений в России часто связывается с травмой, переживавшейся гражданами бывшей империи, неожиданно превратившейся в периферийное государство. Однако в других обществах Восточной Европы, отнюдь не страдавших от постимперского синдрома, наблюдались похожие тенденции. Для миллионов людей, ожидавших наступления потребительского рая, оказалось неприятной неожиданностью, когда пришлось оплачивать издержки «трансформационного процесса». Неудивительно поэтому, что либеральная идеология быстро утрачивала привлекательность. Для того чтобы народ продолжал идти на жертвы, нужны были более сильные стимулы. Неолиберализм был подкреплен национализмом.

На протяжении советского периода националистические идеи были в Восточной Европе мощным стимулом сопротивления режиму. Они позволяли представить коммунизм просто в виде системы, принесенной на советских штыках. Русская националистическая пресса в эмиграции, напротив, подчеркивала, что коммунистические идеи чужды русскому народу и занесены на отечественную почву с Запада евреями и латышами.

В поисках национальной альтернативы идеологи обращались к периоду до 1945 г. (а в России к временам

царизма). В них видели своего рода «золотой век». Режимы, пришедшие на смену коммунистическим, с самого начала провозглашали своей целью реставрацию прошлого. Отсюда повсеместное восстановление старых государственных символов (как в России, Венгрии или Польше), а порой и старых конституций (как в Латвии и Эстонии). Польша и Россия, формально оставшиеся республиками, украсили свои гербы коронами. В Словакии, Хорватии и до 1996 г. в Белоруссии официальной была провозглашена символика, ранее использовавшаяся местными фашистами.

Возврат в прошлое — всегда утопия. По сравнению с периодом 1920-х и 1930-х гг. во всех странах Восточной Европы социальная, экономическая, даже демографическая структура общества радикально изменилась. В некоторых странах изменился и национальный состав населения. Для русских, проживающих в Латвии и Эстонии, переход к независимости означал лишение гражданских прав. В других постсоветских республиках стали просто увольнять с работы инородцев и закрывать русские школы.

Идея возврата к предвоенному «золотому веку» была утопией реакционной, ибо общество, преобразованное сорока годами коммунистической власти, находилось на гораздо более высоком уровне социального и экономического развития, нежели то, к которому призывали вернуться. Неудивительно, что чем дальше заходил процесс реставрации, тем больше нарастало стихийное сопротивление. Родители не хотели принудительного изучения Закона Божия в школах и детских садах, женщины были недовольны попытками ограничения права на аборт и усложнением процедуры развода и т. д. В ряде стран Восточной Европы было принято решение о реституции — возвращении конфискованной собственности бывшим владельцам. Оно обернулось выселением тысяч людей из их квартир, ликвидацией музеев и предприятий, занимавших «захваченные коммунистами» здания. В Румынии, где собственность перераспределяли

несколько раз, на один и тот же участок земли нередко были предъявлены претензии сразу нескольких «законных хозяев». Споры о правах собственников сопровождались вспышками насилия. Демодернизация социальной жизни была неразрывным образом связана с прозападной ориентацией в политике и экономике. И это закономерно. Докоммунистический период в большинстве стран Восточной Европы как раз был периодом их безусловной экономической зависимости от Запада. «Возврат к прошлому» был идеологией, обеспечивавшей восстановление структур периферийного капитализма. Это вполне устраивало транснациональные компании и западные финансовые институты. Что касается местных элит, то для большинства из них просто не было иного выбора.

Повсюду в Восточной Европе политическая дискуссия в рамках элит свелась к спору националистов с западниками, причем и те и другие были согласны в необходимости рыночных реформ. Если в большинстве стран Восточной Европы левые дружно стали «западниками» (и в этом, быть может, их единственное отличие от правых), то в России 1990-х гг., переживающей глубочайшее национальное унижение, «почвеннические» лозунги неожиданно оказались на устах политиков, формально считавшихся «левыми». К тому же за годы советской власти коммунистическая идеология настолько стала частью национальной традиции, что казалась неотделимой от нее. Националисты на первых порах выступали с критикой рыночных реформ, и именно поэтому оказывались в роли вечной оппозиции, которую невозможно допустить к участию в управлении. Эта аномалия стала сходить на нет к началу 2000-х гг. — по мере того, как националистические политики и идеологи вписывались в новую капиталистическую реальность.

ПСЕВДОДЕМОКРАТЫ ПРОТИВ ЛЖЕПАТРИОТОВ

Господство псевдодебатов, соперничество псевдопартий — неизбежное следствие сложившейся социальной и политической практики. Ни один вопрос не может быть решен, ибо все они формулируются неправильно. Забавное дело: пока речь идет о Западе, наши комментаторы способны увидеть противостояние интересов по конкретным вопросам. Но стоит заговорить о родной стране, как борьба левых и правых вокруг вопросов социальной реформы подменяется спором «западников» и «почвенников», «демократов» и «патриотов». Но даже эти понятия не удается сформулировать корректно.

Если предположить, что патриотизм — это не просто благопристойное название для антисемитизма, а демократизм — нечто большее, чем просто антикоммунизм, неизбежно закрадывается подозрение, что обе стороны в этом великом идейном противоборстве просто морочат голову и себе, и слушателям.

В России нет ни патриотов, ни демократов. По крайней мере, в том смысле, в каком они есть на Западе. О сомнительном демократизме российских профессиональных демократов уже немало написано. На заре эпохи Просвещения Вольтер говорил: «Ваше мнение мне глубоко ненавистно, но я готов отдать жизнь за ваше право его высказать». Профессиональные демократы в России думают иначе. Они постоянно призывают кого-то запретить, разогнать, подавить, заковать в наручники (другое дело, что редко получается). Они не только призывали к разгону парламента в 1993 г., но им в принципе присущ явный антипарламентаризм. Посмотрите, с какой яростью они обрушиваются на Думу — не на коммунистическую фракцию, а именно на сам институт, на «депутатов» вообще. Для «демократической» прессы «депутат» — слово ругательное, синоним «красного». Наши «западники» охотно смирились с авторитарной конституцией 1993 г., но как только в 1998 г. в Белом

доме появилось правительство, опирающееся (в соответствии с европейскими нормами) на парламентское большинство, началась паника...

За всем этим скрывается нечто большее, чем нелюбовь к «красным» — глубочайшее, почти физическое отвращение к большинству населения собственной страны, к «этим людям», которые и живут не так, как надо, и хотят не того, что требуется, а главное — безнадежно деформированы «тоталитарным прошлым». Сами демократы, видимо, не из этого прошлого выросли или выработали какой-то особенный иммунитет.

Нетрудно заметить, что подобный антидемократизм отечественных «демократов» был тесно связан с их антипатриотизмом. Собственная страна для них не то чтобы чужая, но чуждая, неправильная. Она раздражает и пугает их. Разумеется, все эти противоречия остаются зачастую неосознанными, люди просто боятся делать логические выводы из собственных посылок, додумывать до конца собственные мысли. Именно потому они совершенно безнадежны.

Что касается патриотов, то и они глубоко заблуждались относительно самих себя. Если судить по людям, которые ходят на «патриотические» сборища, то напрашивается вывод: «патриот» — это пожилой советский деятель, раздраженно отмахивающийся от всего иностранного, ностальгически вспоминающий о былом имперском величии. Такой «патриот» в каждом кавказце подозревает «чеченского террориста», а уж про евреев и подумать страшно! Главным патриотом в конце 1990-х принято было считать генерала Макашова, прославившегося не победами над врагом, а филиппиками в адрес «жидов».

Чем меньше образования — тем лучше. Ведь со времен Грибоедова известно, что все зло — от книг, тем более если эти книги переведены с французского (или английского). Он (патриот) глубоко провинциален, консервативен и погружен в воображаемое прошлое. Настоящее историческое знание, впрочем, ему так же

отвратительно, как и любые другие проявления критического мышления. Но разве провинциальность, тупость и безграмотность являются единственно возможным содержанием патриотизма? Как быть тогда с Американской и Французской революциями? Ведь именно они сформулировали патриотическую идеологию и распространили ее по миру.

Возможно, этот факт крайне неприятен борцам с иноземным влиянием, но идея патриотизма — такая же импортированная и «западная», как, например, идеи социализма, либерализма и демократии. Как и концепции нации и национализма. Нет сомнения, что люди любили свою родину и задолго до эпохи Просвещения, но это не было ни политической программой, ни идеологией. Да и само представление о родине менялось — можно осознавать себя французами, американцами и русскими, а можно просто «тутейшими» или «истинно верующими». А за свой маленький клочок земли или за свою церковь держаться можно так же отчаянно, как и за славу великой империи.

Пропагандистская война, которую ведут либеральные журналисты против всего «национального» и «патриотического», выдавала как раз глубинное неприятие принципов западной демократии. Со времен Американской и Французской революций демократия сложилась как система, основанная на ВЛАСТИ НАРОДА в рамках НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА. Другой вопрос, что «национальность» не имеет ничего общего со знаменитым «пятым пунктом» из советских анкет. К нации принадлежит тот, кто является гражданином своей страны — вне зависимости от религии, цвета кожи и длины носа. Нацию объединяет общее гражданство и общая история. Все остальное — только разделяет. Государство, не уважающее ни собственной истории, ни собственных граждан, ничего общего с демократией не имеет.

Идеи патриотизма появляются в эпоху буржуазных революций и являются органической частью демократи-

ческой идеологии. Английский социолог Бенедикт Андерсон в книге «Imagined Communities» подметил, что первое «национально-освободительное» движение было восстанием северо-американцев против англичан, а противоборствующие стороны не отличались друг от друга ни языком, ни религией, ни цветом кожи! Просто американцы не хотели оставаться гражданами государства, где они не имели права решающего голоса. Они захотели сами выбирать свое правительство, назначать свои налоги и определять свое будущее. Короче, они всего лишь захотели ввести демократию.

Во времена Великой французской революции понятия «гражданин» и «патриот» считались синонимами. В самодержавном государстве не может быть патриотов, есть только верноподданные. В императорской России не было русских — были великороссы. Не было нации — были «православные». Были дворяне, которых бить нельзя, мужики, которых бить можно, и инородцы, с которыми вообще можно делать все, что угодно.

Патриотическая идея заставила отказаться от деления граждан по сословному, религиозному и этническому признакам — ведь все они дети одной Родины. Патриотическая идеология не позволяет делить соотечественников на «белую кость» и «быдло», она не признает исключительных прав «титульной нации» и не делит жителей страны, как лошадей в упряжке, на «коренных» и «некоренных».

Патриотическую идеологию занесли к нам из Франции вместе с другими просветительскими и революционными идеями, которых так боялась консервативная часть общества. В начале XIX в. это была последняя французская мода. Так, например, Онегин у Пушкина может предстать «космополитом, патриотом, Гарольдом, квакером, ханжой», в зависимости от того, какая маска больше ценится.

Республиканцы во Франции называли себя патриотами. Декабристы тоже были патриотами — ради любви

к родине они требовали отказаться от таких замечательных национальных традиций, как торговля крестьянами и подавление инакомыслия. Идея патриотизма, в том виде как она сложилась на рубеже XVIII и XIX вв., требовала обновления страны, отказа от косности, традиционализма и провинциализма, но не во имя мифического «приобщения к Западу» или к кому-либо еще, а как раз для утверждения собственного национального достоинства и независимости.

Еще американская революция показала: демократия и независимость теснейшим образом связаны между собой. Суть демократии в том, что судьбу страны решают только сами ее граждане. И Международный валютный фонд, диктовавший российскую экономическую политику, имел на это не больше прав, нежели вестминстерский парламент на то, чтобы устанавливать налоги для не избиравших его колонистов Новой Англии.

Насколько в таком случае патриотична была «оппозиция» 1990-х гг.? Ее антидемократизм заставляет усомниться и в ее патриотизме. Да, деятели, называвшие себя патриотами, постоянно кричали о великом прошлом, не желая ни понять его, ни даже изучить. Ведь прошлое не может быть только великим, и корни позорного настоящего надо искать именно там. А за разговорами о национальных интересах скрывалась полная неспособность сформулировать, в чем они состоят.

На самом деле все действующие политические группировки именно потому склонны были говорить об «общенациональном», что еще не доросли до «классового» (в марксовом или веберовском смысле — неважно). Они выражали интересы очень узких групп, настолько узких, что говорить от их имени оказывалось как-то неприлично. В лучшем случае у партий формировалась своя клиентела, в худшем ее социальную базу составляли несколько состоятельных спонсоров. А поскольку спонсоры у всех разные, неудивительно, что понимание общенационального интереса получалось у каждого свое.

«Классовый подход» для пропитанных провинциальным национализмом лидеров официальной коммунистической оппозиции оказывался таким же «табу», как и для самых крайних либералов-западников. Одни не решались открыто сказать, что опираются только на группу новых русских, разбогатевших на грабеже собственной страны. Другие не готовы были публично признаться, что им совершенно безразличен рабочий класс.

Нежелание честно говорить о своих социальных позициях проще всего маскировать национальным интересом. Но в начале 1990-х гг. либералы роковым образом упустили шанс изобразить себя его поборниками. Многочисленным правым партиям, формировавшимся на протяжении того десятилетия, неизменно недоставало консервативно-патриотического начала, которое великолепно умели обыгрывать западные правые — от Маргарет Тэтчер, Гельмута Коля и Рональда Рейгана до Джорджа Буша-младшего.

На противников революции Петра Столыпина и графа Уварова должен был бы ссылаться идеолог неолибералов Егор Гайдар, а вместо этого имена царских сановников то и дело звучали в речах коммунистического лидера Геннадия Зюганова.

Из всего сказанного легко сделать дидактический вывод, что так называемым «патриотам», чтобы соответствовать своему названию, надо было стать настоящими демократами, а так называемым «демократам» — наоборот, патриотами. Коммунистам же не мешало бы хоть на время сделаться коммунистами, перестав быть просто «членами партии». Но перед нами проблема гораздо более глубокая, нежели просто неправильное понимание слов или поверхностно усвоенные западные теории (будь то марксизм, монетаризм или национализм). Яростно споря о непонятных словах, идеологи эпохи реакции, независимо от оттенков, дружно призывали страну продолжать идти по пути периферийного развития.

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ПОДРЫВНАЯ СИЛА

Интеллигенты старшего поколения, глядя на выпускников постсоветских школ, возмущались упадком грамотности и распространением невежества. Но если посмотреть на общество, в котором предстояло жить молодым людям, вывод нужно было бы сделать как раз обратный. Для общества, какое сложилось в России конца 1990-х гг., уровень образования у населения как раз оказался избыточным. Если большинству предстоит копаться в грязи, а меньшинству — «считать бабки», зачем нужны все эти программы по географии, истории, литературе? Зачем нужна компьютерная грамотность, если никакой массовой компьютеризации не будет? Даже в Соединенных Штатах примерно треть населения в эпоху неолиберализма оказалась лишена доступа к компьютерам. О чем же говорить в России? Хорошее, универсальное образование необходимо узкому слою на самом верху, входящему, кстати, в «глобальную элиту», а потому мало связанному со специфически русской культурой. Элита с середины 1990-х гг. учила своих детей на Западе — и это было логично, ибо им предстояло не столько править Россией, сколько управлять потоками интернационального капитала. В то же время небольшая прослойка элитной интеллигенции гарантированно сохраняла свои позиции вне зависимости от того, до какой степени деградирует массовое общество. Более того, позиции образованной элиты даже укреплялись. Как отмечал Александр Тарасов, чем меньше образованных людей, тем меньше конкуренция.

Формальное существование демократических свобод отнюдь не всегда способствует просвещению. В условиях, когда общество расколото на нищие массы и привилегированную верхушку, дебилизация населения становится вопросом жизни и смерти для поддержания стабильности политической системы. Советская система была ориентирована на экономический рост, развитие

промышленности, модернизацию. Для этого уровень образования народа нужно было постоянно повышать. А с другой стороны, чтобы народ не использовал эти знания неправильно, нужны были КГБ, цензура. Вообще цензура и инквизиция появляются вместе с книгопечатанием. Именно тогда государством осознается противоречие между необходимостью просвещения и поддержанием стабильности. Чем более народ грамотен, тем больше работы для тайной полиции. В условиях официально провозглашенной свободы все эти средства недоступны. Но при правильной «культурной политике» они и не особенно нужны. Чем более дебильным, безграмотным и бестолковым становится население, тем меньше опасности, что оно сможет воспользоваться своими гражданскими правами.

Если страна вошла в мировое разделение труда как поставщик сырья и энергоносителей, если общество разделено на сверхбогатых и нищих, образование становится даже опасным. Чем меньше знаешь, тем больше ты доволен своим положением. «Челноки» с кандидатскими степенями могут очень хорошо справляться со своими новыми задачами, но они не чувствуют себя счастливыми. Должно прийти следующее поколение, для которого работа челнока будет верхом потенциальных возможностей.

Разделение общества на «черную» и «белую кость» несовместимо с всеобщим просвещением. В традиционном обществе верхи имели преимущество грамотности. Читать книги, писать сложные тексты, управлять страной — все это было привилегией джентльменов. Низы общества не могут претендовать на власть именно в силу своей необразованности. Они даже не могут понять сложных экономических и политических материй.

В ельцинской России, пишет социолог В. П. Белова, «экономическая неграмотность населения в вопросах, которые непосредственно касаются каждого, тщательно оберегается как ценное национальное достояние. Потому что неграмотный работник, который не знает своих

прав и не умеет их защитить, — находка для социальных партнеров. Он не опасен даже на рельсах, где пытается вести бессмысленную экономическую войну с такими же жертвами капитализма по-российски, как и он сам. Большее, на что он может претендовать и чего может добиться, — это чтобы работодатели иногда все-таки выплачивали хоть какую-то зарплату»[53].

После Второй мировой войны левые, придя к власти в большинстве стран Западной Европы, решили положить конец сословным перегородкам, создав систему качественного общедоступного образования, дополнив Оксфорд, Кембридж и Сорбонну, где учились дети элиты, десятками «кирпичных университетов» для выходцев из рабочих семей. Цель была с самого начала политическая: изменить соотношение сил в обществе, дать низам возможность воспользоваться демократией. Итогом оказались студенческие волнения 1960-х гг. и разговоры о скором крушении капитализма в начале 1970-х гг. Однако с конца бурного десятилетия 1970-х западные элиты планомерно проводят политику, направленную на ухудшение качества среднего образования и на ограничение доступа к высшему. И небезрезультатно. Бесплатное становится платным, дешевое дорогим. Универсализм образования заменяется специализацией, взращивающей профессиональный кретинизм до такой степени, что любая «нештатная» ситуация ставит человека в полнейший тупик. Те, кто находятся на самом низу, уже не могут использовать образование как канал вертикальной мобильности. Но многочисленный средний класс и мелкая буржуазия все еще сохраняют свои позиции.

В свое время Антонио Грамши отмечал, что на Западе перемены происходят по логике «позиционной войны», а в России все решается кавалерийской атакой. С образованием так и получилось. В 1990-е гг. образование в России откатилось назад быстрее, чем в Европе

---

[53] Трудовые отношения и коллективные действия в современной России. // Под ред. А. М. Кацвы и др. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 68.

и США за 20 лет. Опыт советских людей, уехавших на Запад, свидетельствует, что еще недавно люди, учившиеся у нас в стране, имели огромное преимущество перед иностранными коллегами: соединив советское образование и западные возможности, они быстро достигали профессиональных успехов. В конце 1990-х это постепенно уходит в прошлое. Каждое новое поколение в России оказывается образованно хуже, чем предыдущее. Разрыв между выпускниками «хороших» и «плохих» школ существовал всегда, но теперь он многократно увеличивается, не оставляя последним никаких шансов. Доля расходов на образование в бюджете России к середине 1990-х годов упала до 2,5—3%[54].

Такова логика периферийного капитализма. Однако образование — система инерционная. В эпохи относительно благополучные на это принято сетовать. Но в новой ситуации инерционность оказалась спасительна. Уровень образования населения обречен был в течение, по меньшей мере, десятилетия превышать потребности экономики. На рынке труда появляются сотни тысяч, если не миллионы, потенциальных бунтовщиков.

Поколение, умеющее грамотно читать и писать, знающее Пушкина и не совсем забывшее, когда происходили Крестовые походы, пока не вымерло. Оно благополучно могло протянуть еще несколько десятилетий, имея неплохие шансы передать свои традиции и знания, если не детям, то внукам. В условиях XXI столетия образование превращалось из гарантии личного успеха в шанс на коллективное спасение. Сохраняя знания и культуру, мы не даем окончательно превратить себя в варваров. Это наша самозащита, наше сопротивление. Наша единственная надежда снова стать великой страной.

Люди, считающие, что способны на большее, чем дозволяет им общество,— потенциальные бунтовщики, революционеры, подрывные элементы. Молодым людям

---

[54] См. подробнее: *Кагарлицкий Б.* Реставрация в России. М.: Эдиториал УРСС, 2003. С. 175.

вообще свойственна завышенная самооценка. С течением времени общество научает их смиряться с неудачами и поражениями, но это не дается без борьбы. Неудовлетворенность своим положением в мире, чувство стыда за свою страну вместе с неясностью жизненных перспектив превращают поколение, заканчивающее средние школы на рубеже XX и XXI вв., в массу людей, «опасных для общества».

КУЛЬТУРА ПРОТИВ КАПИТАЛИЗМА

Хорошо известно, что ни «высокое искусство», ни фундаментальная наука (так же как образование и здравоохранение) не живут по законам рынка. Даже знаменитые английские закрытые школы, где с учеников берут немалые деньги, вовсе не являются коммерческими учреждениями. Никакое общество, даже капиталистическое, не может свести все свои социальные нормы к правилам купли-продажи. Требования рынка должны быть уравновешены внерыночными и даже антирыночными факторами. Так было со времен ранних буржуазных революций.

Капитализм сохранил многочисленные религиозные и культурные учреждения, оставшиеся ему в наследство от прежних эпох и вдохновленные совершенно иными традициями. Роль культуры оказалась двоякой. Именно потому, что культура была глубоко антибуржуазна, она была необходима буржуазии как стабилизирующий и компенсирующий фактор. Ей позволено было жить по собственной логике, иначе она была бы не нужна. Увы, живя по своим законам, она, как и сфера образования, постоянно выходила за рамки дозволенного. Из стабилизирующего фактора она превращалась в подрывной. Культура давала стимулы к сопротивлению всем тем, кто не хотел жить по общим правилам. Люди, подобные Марксу, Брехту, Сартру или Маркузе, были естественным порождением академической или творческой среды.

Университеты становились рассадниками свободомыслия, а количество «красных» даже в Голливуде к концу 1940-х гг. достигло таких масштабов, что сенатору Маккарти всерьез пришлось заняться этим делом. Интеллектуалов периодически ставили на место, но и без них обойтись было невозможно.

Реакция 1990-х гг. перевернула многое. Отступление интеллектуалов от своих традиционных ценностей наблюдалось по всему миру. После 1989 г. у великого множества людей возникло ощущение, будто история окончена, а, следовательно, науке и искусству остается только одна задача — развлекать и ублажать победителей. Но все же ситуация в России оказалась по-своему исключительна. На Западе, даже в эпоху неолиберализма, никому не приходило в голову публично отказаться от того, что составляет суть творчества. На Востоке же крах советской системы полностью освободил интеллектуалов от химеры совести. Ведь вместе с официальной советской идеологией потерпела крушение вся существовавшая в обществе система этических норм, включая даже диссидентскую этику.

Ценности поколения 1960-х гг., доминировавшие до конца 1980-х, ушли в прошлое. Их заменили не новые ценности, а новые соблазны. Именно они заполнили образовавшийся вакуум, став, по сути, единственным мотивационным фактором. Либеральная публицистика заявляла, что настало время с корнем вырвать интеллигентские традиции и утвердить идеалы мещанства. Именно мещанство работает и двигает вперед прогресс, интеллигенты же двести лет только болтали и ставили палки в колеса власти. Деятели культуры торопились стать частью новой элиты, пренебрегая не только своими менее удачливыми коллегами, но и требованиями собственного ремесла. Они радостно принялись восхвалять законы денежного обмена, забыв, что даже во времена европейских буржуазных революций делать это публично было не принято. Великий художник Давид не писал картины, героизирующие труд лавочников. Он

изображал гражданские добродетели древних римлян, с которых лавочникам предстояло брать пример.

Власть нередко изображали в героическом виде и поэтизировали. Даже власть жестокую и тираническую. Многие красивейшие монументы воздвигнуты в честь правителей, мягко говоря, не отличавшихся гуманностью. Фараоны стремились увековечить избиение пленников. Лондон буквально набит статуями генералов, выигравших какую-нибудь маленькую войну с малоизвестным африканским племенем. Но ни одного памятника не поставлено героям биржевых спекуляций.

Мещанин не может быть предметом поэзии. Брокеры и лавочники антиэстетичны. А чиновники — тем более. И если они господствуют в обществе, отсюда не следует, что их можно представить в качестве идеала. Западная буржуазия всегда понимала это. Но в России, где не сложилась настоящая буржуазия, новые хозяева жизни искренне верили, что их узкий «профессиональный» взгляд на мир и есть образец для всех и вся. До классового интереса им подняться было не дано. В лучшем случае, они могли заботиться об «имидже».

Что из этого получается, рассказал Виктор Пелевин: «Черная сумка, набитая пачками стодолларовых купюр, уже стала важнейшим культурным символом и центральным элементом большинства фильмов и книг; а траектория ее движения сквозь жизнь — главным сюжетообразующим мотивом. Точнее сказать, именно присутствие в произведении искусства этой большой черной сумки генерирует эмоциональный интерес аудитории к происходящему на экране или в тексте. Отметим, что в некоторых случаях сумка с деньгами не присутствует прямо; в этом случае ее функцию выполняет либо участие так называемых «звезд», про которых доподлинно известно, что она у них есть дома, либо навязчивая информация о бюджете фильма и его кассовых сборах. А в будущем ни одного произведения искусства не будет создаваться просто так; не за горами появление книг и фильмов, главным содержанием которых будет скрытое

воспевание кока-колы и нападки на пепси-колу — или наоборот»[55].

Между тем обнаружилось, что деятели культуры, бросившиеся в объятия банкиров, оказались так же бесполезны для капитализма, как и для сопротивления ему. Точнее, они были бесполезны в качестве творцов, их работа утратила этическое и эстетическое измерение. Зато они на первых порах показались ценным приобретением для элиты с точки зрения пропаганды. И чем больше были их реальные творческие заслуги в прошлом, чем более порядочными людьми они зарекомендовали себя в предыдущей, советской жизни, тем ценнее они становились в качестве сообщников для любого злого дела.

В обмен на премии и награды люди произносили речи, угодные тем, кто эти награды давал и премии спонсировал. Начальники и спонсоры менялись. После появления в Кремле Владимира Путина некоторые представители официальной культуры даже скромно намекали, что с Ельциным они немного ошиблись. Удивительно лишь то, что многие из тех, кто охотно пошел в услужение новой пропаганде, в советские времена ни за что не согласились бы на подобную роль. Разумеется, разное время, разные соблазны. Порой люди, геройски проявляющие себя на фронте, дрожат, услышав окрик начальника. Так и в эпоху Ельцина обнаруживалось, что многие, твердо и жестко отвергавшие соблазны советского официального признания, потеряли всякое человеческое достоинство, увидев первую «штуку баксов». Впрочем, и советские соблазны отвергались далеко не всеми.

Перед нами трагедия шекспировского масштаба. Однако в отличие от Макбета, никто из посетителей фуршетов и презентаций не видел за своим столом призраков и не пытался отмыть руки от крови. Они не признавали за собой даже маленькой доли вины за кровь, проливавшуюся в Чечне, за голодающих сельских учителей, за детей, оставшихся беспризорниками. И дело не в том,

---

[55] *Пелевин В.* Цит. соч. С. 116.

что представители официальной культуры самолично не убивали и не грабили. Макбет видел призраков до тех пор, пока в нем еще жил прежний герой. В нашем случае люди вполне успешно умудрились по капле выдавить из себя гражданина.

ПОСЛЕВКУСИЕ

Разрыв между либеральной интеллигенцией и властью наметился лишь в начале 2000-х гг., да и то по инициативе самой власти. Во времена Путина известные имена и прежние заслуги уже ценились гораздо меньше, нежели в администрации Ельцина, во многом еще жившей советскими стереотипами. К тому же сами либеральные интеллектуалы сделали все, чтобы подорвать свою репутацию, утратить моральный авторитет и доверие среди населения. Кремль предпочитал работать с профессионалами от пропаганды, принадлежавшими к новому поколению. С другой стороны, окружение Путина никого не отторгало. Оно было готово и дальше подкармливать лояльных интеллектуалов, только не оказывая им ни особого внимания, ни уважения.

Эта новая ситуация полностью соответствовала ситуации периферийного капитализма и авторитарной политической системы, которую сами же либералы с энтузиазмом строили. Однако теперь многие из идеологов оказались не у дел. А советская ностальгия по вполне понятным причинам ценилась в обществе дороже, нежели рассуждения о западной свободе. Те, кто согласились с изменившимися правилами, получили возможность выступать на кремлевских концертах и фотографироваться рядом с президентом. Тем, кто пытался требовать большего, власть отвечала раздраженным безразличием.

Обиженная либеральная интеллигенция протестовала, но в очередной раз обнаружила вокруг себя вакуум. Ни призывы к защите демократических свобод, ни про-

рочества о грядущей диктатуре не находили в обществе отклика. Многочисленные ущемления прав граждан, внезапно обнаруженные вокруг себя высоколобыми критиками кремлевского режима, давно уже являлись повседневной практикой для основной массы населения. А конституция, которую они призывали защищать, была построена на крови и родилась в 1993 г. из государственного переворота.

Беда либеральных критиков Путина была не в недостатке фактов или слабости аргументов, а в том, что самим ораторам уже никто не верил. Тем, кто приветствовал кровавый переворот в 1993 г., трудно было теперь разоблачать бескровный ползучий переворот, осуществлявшийся Путиным. Деятелям, не замечавшим на протяжении десятилетия систематической подтасовки результатов голосования, нелегко было доказать гражданам, что отмена выборов будет большой бедой. Тот, кто десять лет подряд публично называл собственный народ быдлом, вряд ли мог теперь рассчитывать на симпатию масс.

Между тем культурная ситуация менялась. Преодолев шок перемен, общество начинало понемногу приспосабливаться к новым условиям и находить все более эффективные средства для самосохранения и сопротивления. Власть начала испытывать очевидный дефицит интеллектуальных кадров: приходилось работать либо с людьми, репутация которых сформировалась во времена советские, либо с карьеристами, не имеющими никакой репутации. Для того чтобы создать себе имя, надо трудиться.

Социальный опыт периферийного капитализма способствовал и возрождению традиционной культуры русской интеллигенции. Опросы уже в 1990-е гг. показывали, что чем выше уровень образования, тем меньше ценилось богатство, и тем важнее было «сохранить достоинство»[56]. Немногие преуспевшие выходцы из интеллигенции, по сути

[56] Известия. 23.10.1993.

дела, порвали со своей средой. Чтобы преуспеть, надо было отбросить старые привычки, связи и ценности: «Не захочешь менять, не получишь эту работу, — объясняет один из „удачливых" на страницах „Московских новостей". — А заработки такие, что сразу отрывают тебя от привычного для тебя и друзей уровня потребления, возникают сложности в поддержании прежних связей»[57]. Напротив, большинство говорило про «неподобающее интеллигенту поведение» и «ненастоящую жизнь» своих бывших коллег, преуспевших во власти и бизнесе.

Характерно, что успеха добивались не лучшие ученые, не самые талантливые артисты. Как и в прежнее время, преимущество имели люди, обладавшие связями и «умевшие крутиться». Свобода от моральных ограничений была другим важным условием успеха. Победителями оказались именно те, кто в наименьшей степени были способны остаться интеллигентами.

К этому добавился разрыв между поколениями. В 1993—1994 гг. либеральные профессора все чаще обнаруживали, что студенты уже не доверяют им, враждебно встречают их рассуждения о либеральных ценностях. Андрей Немзер в газете «Сегодня» с возмущением рассказывал про студентов-первокурсников 1975—1976 гг. рождения, которые говорили ему, «что при коммунистах не все было скверно»[58]. На собраниях оппозиции все чаще можно было увидеть прилично одетых молодых людей. Книги левых авторов, отечественных и переводных, которых за несколько лет до того и опубликовать было невозможно, стали успешно продаваться, оттесняя с полок магазинов либеральную пропаганду.

Другое дело, что становление нового типа интеллектуала, новой культурной среды требовало времени. Ведь иной культурной традиции, чем та, что пришла из советских 1960-х гг., не было. Новая традиция рождалась из опыта сопротивления, из противостояния миру коммер-

---

[57] Московские новости. 1994. № 10.
[58] Сегодня. 25.03.1994.

ческого интереса. Противостояния, продиктованного не какими-то идеологическими схемами, а самой природой творчества.

Большинство русской интеллигенции, еще недавно увлекавшейся либерализмом, осознало, насколько эти идеи несовместимы с ее ценностями и интересами. Российский парадокс в том, что, приняв идеологию рынка, наша интеллигенция оказалась совершенно неприспособлена к встрече с ним. «Левизна», «социалистичность» для интеллигенции — нормальное условие профессиональной деятельности в «рыночной» системе, а профессиональный крах многих «элитных» интеллектуалов оказался не более чем следствием их веры в либеральные ценности.

Открывая для себя все это, наши интеллектуалы понемногу осознавали и глубинный фундаментальный антидемократизм неолиберальной идеологии. Причем не только в ее «российском варианте». Ведь если «социалистическим» структурам отказано даже в роли «стабилизатора» рыночной системы, единственной гарантией порядка остается государственное насилие — последний довод власть имущих.

В России с ее слабым гражданским обществом, выбирать приходится однозначно: или отказ от свободного рынка, или отказ от демократии. Насколько радикальной сделалась в итоге интеллигенция — вопрос другой. Ее оппозиционность колебалась от умеренного социал-демократизма до революционных идей. Растущее недовольство, однако, не находило себе политического выражения, оставаясь до поры культурной тенденцией. Чтобы выразить протест, требовались новые политические силы, не обремененные грузом прошлого.

[Глава 3]

Беловежская Россия

В 1930-е гг. сталинским начальством в Москве был взорван храм Христа Спасителя. На его месте предполагалось построить Дворец Советов, грандиозный символ новой власти. Этот проект так и не был завершен. Там, где стоял собор, осталось лишь «мокрое место» — бассейн «Москва». Теперь здесь решено было восстановить собор — символ реставрации старой России.

Если в начале перестройки интеллектуалы вели затяжные дискуссии о том, «какая дорога ведет к храму», то новый режим попытался решить вопрос раз и навсегда, соорудив грандиозный храм в центре столицы. Внутреннее убранство исторического здания давно утрачено и невосстановимо, но зато храм должен был превратиться в грандиозный комплекс, включающий: два конференц-зала, центр множительной техники, видеоцентр, двухэтажную автостоянку, пищеблок, магазины, душевые с раздевалками и туалетами. Рядом решили построить еще две новые часовни, церковно-приходскую школу и другие сооружения.

В стране не было денег на школы и больницы, разрушались дороги. Но грандиозный план «восстановления храма» получил одобрение. Видимо, опасаясь, что новый храм повторит участь Дворца Советов, официальные лица торопились приступить к сооружению

торгового центра, которому предстояло стать как бы подножием, фундаментом собора. Если Иисус Христос начал свою деятельность с изгнания торгующих из храма, то реставрация «православных ценностей» начиналась и заканчивалась появлением торговцев на месте храма.

РЕФОРМАТОРЫ

Неолиберальная концепция экономических преобразований никогда не получала поддержки населения на выборах. Более того, она почти никогда не опиралась на оформленную политическую партию. Неолиберальная идеология полностью доминировала в средствах массовой информации и пользовалась восторженной поддержкой большинства интеллигенции. Ее иногда тайно, иногда явно принимала и партийная элита. Но для того чтобы взяться за осуществление подобных проектов на практике, требовались радикальные политические сдвиги. До тех пор пока сохранялся Советский Союз, а возглавлявший его Михаил Горбачев цеплялся за традиционные институты, полномасштабное осуществление неолиберального проекта оказывалось затруднительным. Крах Советского Союза создал возможность для демонтажа традиционных общественных и политических институтов. Теперь было расчищено и поле для радикальных экономических перемен.

На первых порах проведением в жизнь «курса реформ» занималась группа Геннадия Бурбулиса, Сергея Шахрая, Егора Гайдара. После того как все эти деятели полностью провалились, на первый план вышла новая группа, получившая в прессе прозвище «молодых реформаторов» (Анатолий Чубайс, Борис Федоров, Борис Немцов, Сергей Кириенко). Но и в том и в другом случае ключевой фигурой оставался Анатолий Чубайс, которого шведский идеолог неолиберализма А. Ослунд восторженно назвал «потрясающим политиком, который

всегда все делал правильно настолько, насколько это вообще возможно»[59].

Со времени революции советская элита прошла все фазы вырождения. Героев сменили злодеи, злодеев — ничтожества. Молодые технократы, возглавившие страну в начале 1990-х гг., в прямом и переносном смысле были наследниками ничтожеств. Это были преуспевающие молодые люди из элитных семей, работавшие в престижных академических институтах, ездившие на Запад и приверженные ценностям европейского комфорта. Егор Гайдар, возглавлявший в 1992 г. «правительство реформ», стал фигурой символической не только благодаря своей жесткой экономической политике, не допускавшей никаких уступок реальности. Происхождение Гайдара сыграло в его блестящей карьере далеко не последнюю роль. Его дед Аркадий Гайдар сначала в рядах красной конницы рубил головы аристократам, а затем писал книги, воспитывавшие юношество в духе коммунистических ценностей; его отец Тимур стал единственным в своем роде сухопутным адмиралом, заслужив звания и награды не дальними плаваниями, а газетными статьями о вооруженных силах. Во время афганской войны он публиковал в «Правде» пространные очерки о блестящих победах советских и афганских правительственных войск[60].

Егор Гайдар сделал себе имя в той же «Правде», где публиковал статьи, критикующие рыночные иллюзии. В 1989 г. он все еще доказывал, что единственно приемлемая для страны перспектива — «курс на обновление социализма»[61]. Показательно при этом, что он ссылался для обоснования своего вывода на «реальную расста-

---

[59] *Aslund A.* How Russia Became a Market Economy. Brooklings Institution. Washington, D.C., 1995. P. 315.

[60] Преемственность Егора Гайдара по отношению к деду и вообще к семейной традиции блистательно показана в эссе О. Давыдова «Генотип Гайдара». См.: Российская элита. Психологические портреты. // Под ред. О. Давыдова. М.: Ладомир, 2000.

[61] Московские новости. 1989. № 41. С. 11.

новку сил в обществе». Несколько лет спустя он же объяснял, что, «если исходить из сложившегося к концу 1980-х соотношения сил», единственно приемлемой перспективой был номенклатурный капитализм... Судя по всему, под «соотношением сил» Гайдар понимал настроение номенклатурного начальства. Именно в конце 1989 — начале 1990 г. происходит окончательный поворот основной части номенклатуры к капитализму. Гайдар «колеблется вместе с генеральной линией».

Не менее важным для его будущей карьеры стало то, что он вместе с другими людьми из «Правды» и академических институтов не раз привлекался к редактированию партийных документов. Главным образом от него требовалось забота о стиле, а не о содержании. Но улыбчивый Гайдар завязывал нужные связи, примелькался среди номенклатурных реформаторов. Точно так же делал карьеру и Григорий Явлинский, хотя его связи были не столько в партийных кругах, сколько в правительственных.

Талантливая семья Гайдаров всегда служила режиму и всегда получала за это награды. Внук писателя продолжал традицию. Кстати, это отмечает в своих мемуарах и Борис Ельцин: «И еще знаете, что любопытно — на меня не могла не подействовать магия имени. Аркадий Гайдар — с этим именем выросли целые поколения советских людей. И я в том числе. И мои дочери. И я поверил в наследственный талант Егора Тимуровича»[62]. По мере вырождения режима задачи менялись. В 1920-е гг. был нужен революционный пафос, в годы брежневского «застоя» — пропаганда советских ценностей. Теперь настало время «свободного рынка».

Воспитанные в среде советской элиты, молодые технократы отличались от предыдущего поколения тем, что их тяготил унаследованный режимом груз социальной ответственности и идеологических стереотипов, давно не имевших ничего общего с их образом жизни. Если

---

[62] *Ельцин Б. Н.* Записки президента. М., 1994. С. 164—165.

последние годы брежневской эры были временем ничтожеств, то вместе с перестройкой наступило наконец желанное освобождение бюрократического ничтожества от пут породившей его системы. Новоявленный «мещанин во дворянстве» проникся сознанием собственной важности и морального превосходства над всеми, кому не удалось (или не захотелось) «выбиться в люди».

Когда в декабре 1992 г. Егор Гайдар вынужден был на время покинуть правительство, место главных «архитекторов реформ» заняли Чубайс, Федоров и Шумейко. Они жестко и бескомпромиссно, вполне «по-советски» проводили свою линию, не забывая и про борьбу со «старыми технократами» — бывшими директорами и хозяйственниками. Старшее поколение, представленное Черномырдиным, Поляничко и их коллегами из отраслевых министерств, прекрасно понимало, что надо хоть как-то поддерживать экономику на плаву. Аппаратчики старой закалки как могли пытались свести к минимуму последствия либеральных экспериментов. Молодые технократы издевались над ними, публично обвиняли в «саботаже реформ», намекали на их некомпетентность, но сами без них не могли и шагу ступить. Всякий раз, когда возникали серьезные проблемы, и нужно было решать конкретные вопросы, представители нового поколения както стушевывались, предоставляя «старым некомпетентным бюрократам» латать очередную дыру. «Бюрократы» ругались, но работали: ничего другого им не оставалось. Преданные системе и воспитанные в духе бюрократической этики, они даже подумать не могли о том, чтобы перейти в оппозицию, сменить работу или просто плюнуть на все и сказать: «сами заварили кашу, сами и расхлебывайте». Они просто не мыслили себя вне государства, вне системы управления. Ранее они добросовестно выполняли указания партийных органов, одновременно стремясь свести к минимуму неизбежный ущерб от собственных действий, теперь скрепя сердце подчинились новой руководящей и направляющей силе. Вместо ЦК КПСС ими командовали «группа Гайдара», представи-

тели Международного валютного фонда, окружение президента.

Западные эксперты задним числом сетовали, что ставка на Гайдара и Чубайса была ошибочной. «Решающее значение имело то, что выделив группу «реформаторов», Соединенные Штаты сорвали многие реформы — и способствовали усилению антизападных, антиреформистских элементов, которые теперь могли ссылаться на отсутствие положительных результатов для России. Поддерживая удобных для прессы, изящных, англоговорящих представителей клана Чубайса и одновременно отказываясь от сотрудничества с другими, менее вестернизированными группами, влиявшими на политику и экономику России, специалисты по предоставлению американской помощи обидели многих в России и способствовали росту антизападных настроений», — пишет Джанин Ведел[63]. На самом деле здесь все перевернуто с ног на голову. «Молодые реформаторы» из группы Гайдара — Чубайса первоначально вовсе не были самой «вестернизированной» группой в политической и экономиче-ской жизни России. И уровень знания английского, и их представления о Западе, и элементарная осведомленность в вопросах современной экономической теории оставляли желать много лучшего. Как раз за счет постоянного общения с представителями МВФ, функционерами западного бизнеса и политической элиты они приобрели необходимый лоск. Западная пресса последовательно и целенаправленно формировала их имидж в качестве «просвещенных европейцев», одновременно столь же старательно изображая их оппонентов в лучшем случае старомодными провинциалами. Эта группа была выбрана вовсе не по культурным причинам. Наоборот, она стала тем, чем она стала в «культурном» отношении именно потому, что ее выбрал МВФ, и на протяжении многих лет она занималась обслуживанием западных интересов.

---

[63] *Wedel J. R.* Op. cit. P. 162.

Сам Ельцин, несмотря на симпатии к интеллигентным молодым реформаторам, предпочитал иметь дело с людьми, более близкими ему по культурному уровню и жизненному опыту: ветераны партийного и пропагандистского аппарата — Бурбулис, Филатов, Полторанин — без труда находили с ним общий язык, в то время как старых хозяйственников держали за людей второго сорта. Партийная номенклатура всегда презирала исполнителей, «рабочих лошадок», зато уважала «экспертов», способных простые и понятные вещи изложить сложным научным языком. В их представлении Егор Гайдар и Борис Федоров действительно выглядели выдающимися экономистами. Так либеральные ценности, усвоенные русским начальником, стали руководством к действию для российской власти.

Столкнувшись с радикализмом и напористостью неолибералов, более умеренные российские западники склонны были видеть в политике Гайдара своеобразный рецидив большевизма. «Во многих отношениях Гайдар действительно оказался „находкой". Лишенный политического тщеславия Бурбулиса, властолюбия Шахрая, корыстолюбия многих своих подчиненных, он являл собой „чистый" тип нового большевика. Он чем-то неуловимо напоминает Бухарина, и мог бы без сомнения быть назван „любимцем партии", если бы таковая была организационно оформлена. В нем гораздо больше от его знаменитого деда по отцовской линии, чем это иногда кажется журналистам. То, что дед сражался за коммунизм, а внук — за капитализм, несущественно. Существенно то, как они это делали. Доходящая до фанатизма готовность внедрять свою „макроэкономическую модель" в жизнь, притупленная реакция на боль, отсутствие излишней щепетильности в выборе средств (достаточно вспомнить многомесячную эпопею с искусственной задержкой выплаты зарплаты как средством борьбы с инфляцией) и, конечно, синдром „великого экспериментатора" — вот то, что объединяет внука с дедом»[64].

---

[64] *Пастухов В.* Цит. соч. С. 126—127.

На самом деле за поверхностным психологическим сходством скрываются два совершенно разных явления. Большевики были революционерами, ломавшими старый аппарат и крушившими старые элиты под напором протестной энергии масс. Если бы радикализм большевиков опирался только на идейные традиции интеллигенции, русская революция просто никогда не состоялась бы. Большевизм был сочетанием интеллигентской традиции со стихийным народным радикализмом и авторитаризмом. Радикал-либералы 1990-х гг. были аппаратными интеллектуалами, обслуживавшими трансформацию бюрократических элит в буржуазные. Они были глубоко враждебны массам и совершенно невосприимчивы к давлению снизу. Разница (как и сходство) между большевиками и «радикалами» постсоветского либерализма точно такая же, как между революцией и реставрацией.

ПЕРЕВОРОТЫ

Ельцинский режим в России сложился в результате двух переворотов. В августе 1991 г. Ельцин защищал Белый дом и конституционный порядок от «коммунистических путчистов», незаконно организовавших Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП), а в сентябре — октябре 1993 г. тот же Ельцин сам отменил конституцию и расстреливал Белый дом (чего августовские «путчисты» сделать не решились). По существу, однако, уже в августе 1991 г. Ельцин и его окружение действовали антиконституционно. Августовский путч остается весьма загадочной страницей истории России. Его участники, вспоминая о тех событиях, постоянно противоречат друг другу и самим себе. Знал ли Горбачев о готовящемся путче заранее, одобрил ли он его в принципе, предпочтя уйти в тень, пока ГКЧП будет наводить порядок? Горбачев, естественно, утверждает, что не знал, а деятели ГКЧП утверждают обратное. Роль Ельцина в тех событиях тоже остается под вопросом — слишком

многое указывает на то, что он знал о готовящемся перевороте, а сами путчисты имели основания рассчитывать на сотрудничество, и его жесткое сопротивление оказалось для них полной неожиданностью[65].

Пока ГКЧП неудачно пытался организовать свой переворот, Ельцин осуществил собственный — успешный. Власть от союзных структур, подчинявшихся Горбачеву, перешла к российской республиканской бюрократии, находившейся под контролем Ельцина. Вернувшись в Москву после августовских событий, Горбачев оказался президентом без государства. Официальный роспуск Советского Союза в Беловежской Пуще был предрешен.

Переворот 1991 г. устранил со сцены консервативные фракции бюрократии и открыл путь для широкомасштабной приватизации. Однако он не решил всех политических вопросов, стоявших перед Ельциным. У недовольных сохранялась возможность для сопротивления, продолжали существовать независимые от президента органы законодательной и судебной власти, а следовательно, оппозиция могла быть политически эффективной. Критика политики Ельцина в Верховном Совете на первых порах была достаточно осторожной, но тем не менее она спровоцировала острейший конфликт, приведший к вооруженному противостоянию. На самом деле проблема состояла не в разном понимании экономической реформы Верховным Советом и Кремлем. Все представительные органы власти, избиравшиеся на протяжении правления Ельцина, были критически настроены по отношению к его экономической политике, причем порой критика была даже острее, нежели в 1992 г. Препятствием для реформаторов было само существование Верховного Совета как полноценного и легитимного органа законодательной власти, что оказывалось в принципе несовместимо с «курсом реформ».

---

[65] См.: *Kagarlitsky B.* The Square Wheels. New York: Monthly Review Press. 1995.

В апреле 1993 г., когда очередной кризис в отношениях между Кремлем и Верховным Советом вынудил провести референдум, информационная монополия правящей группы сыграла решающую роль в исходе борьбы.

На референдум были вынесены четыре вопроса:

1) Доверяете ли Вы Президенту Российской Федерации Б. Н. Ельцину?

2) Одобряете ли Вы социально-экономическую политику, осуществляемую Президентом и Правительством Российской Федерации с 1992 г.?

3) Считаете ли Вы необходимым проведение досрочных выборов Президента Российской Федерации?

4) Считаете ли Вы необходимым проведение досрочных выборов народных депутатов Российской Федерации?

Кремль призвал население голосовать да, да, нет, да, а Верховный Совет — нет, нет. Да, да. При этом средства массовой информации бессовестно лгали, сообщая своим слушателям, зрителям и читателям, будто Верховный Совет во главе с Русланом Хасбулатовым призывал голосовать против досрочных выборов депутатов, тогда как на самом деле Хасбулатов настаивал на досрочных выборах обеих ветвей власти.

Референдумы вообще традиционно выгодны власти. Население повсюду, тем более в России, склонно скорее сказать «да», чем «нет». На это и рассчитывали организаторы апрельского референдума 1993 г. «Готов предположить и даже поручиться, — писал известный публицист Виктор Гущин, — что, вынашивая идею референдума, его инициаторы делали ставку и на историческую традицию, давно укоренившуюся в российской политической жизни». Покорность народа, его постоянная готовность к жертвам были важнейшим козырем власти. «Парадоксально лишь то, — но это тоже одна из особенностей российской действительности, создающая впечатление абсурдности всего в ней происходящего, — что сыграть на исторической традиции патерналистских

отношений между властью и народом пытаются силы, ориентирующиеся на западный цивилизованный мир»[66].

На публику обрушился настоящий шквал пропаганды. 85% телевизионных передач, посвященных референдуму, представляли собой восхваление властей и призывы голосовать за президента. Кинозвезды, модные певцы и популярные писатели целыми днями повторяли с экранов телевизоров заклинание: «Да, да, нет, да!» В итоге на референдум явилось 64% избирателей. Из них больше половины (т. е. треть от общего числа граждан, имеющих право голоса) сказала «Да» по первому и второму вопросу. Зато по главным — третьему и четвертому вопросу граждане, участвовавшие в референдуме, большинством голосов сказали «Нет». Иными словами, народ не поддержал ни призывов власти, ни предложений оппозиции.

Можно сказать, что в апреле 1993 г. и Кремль и Белый дом потерпели поражение, хотя Кремль — менее тяжелое. Однако средства массовой информации находились в руках Кремля, а потому его сторонникам удалось интерпретировать это поражение как победу. В свою очередь противники президента были деморализованы. Как отмечает Рой Медведев, «в некоторых оппозиционных газетах писали даже о массовом телевнушении по какой-то американской или сионистской методике»[67].

И все же власть была вынуждена после референдума сделать вывод, что пропаганда не всесильна. Ее предстояло подкрепить прямым насилием. «Ничто так не провоцирует усиление конфликта, — писал Гущин, — как неубедительность победы и неочевидность поражения. А итоги референдума именно такими и оказались, неубедительными и неочевидными, с какой стороны ни возьми»[68]. На место эйфории 1990—1991 гг. пришло

---

66 *Гущин В.* Цит. соч. С. 71—72.
67 *Медведев Р.* Капитализм в России? С. 135
68 *Гущин В.* Цит. соч. С. 73.

разочарование и апатия, за которыми, впрочем, нетрудно разглядеть признаки надвигающейся политической бури.

Сентябрьский «Указ № 1400» о роспуске Верховного Совета действительно положил конец «двоевластию» в стране, но не в том смысле, как этот термин понимается у Ленина. Противопоставляя «всевластию» Советов либеральный принцип «разделения властей», Ельцин и его окружение добивались именно того, чтобы положить конец этому разделению и вернуть Россию к тем формам демократически приукрашенного самодержавия, которые существовали между революциями 1905 и 1917 гг. Законодательная власть должна была превратиться в придаток исполнительной, лишиться эффективных контрольных функций и полностью отстраниться от процесса принятия экономических решений.

Бескровно этого сделать было невозможно, но оппозиция упорно пыталась сопротивляться мирными методами. Ельцин отменил Конституцию, распустил представительные органы, депутаты отказывались подчиняться. Президент блокировал парламент, отключил там электричество, вызвал войска. Депутаты объявили импичмент Ельцину и призвали народ к мирным демонстрациям. Развязка наступила 3—4 октября 1993 г. 3 октября совершенно неожиданно для их организаторов и участников мирные демонстрации возле блокированного здания парламента переросли в восстание, милиция бежала, мэрия была захвачена сторонниками оппозиции, а тысячи людей, в большинстве своем безоружных, двинулись к телецентру Останкино, где произошла настоящая бойня.

Даже правая пресса признавала, что восставшие были настроены мирно. «Нам рассказывают и показывают, как банды озверевших национал-коммунистических погромщиков бродили по Москве, штурмуя телецентр, мэрию и различные иные общественно нужные объекты, — писал Михаил Леонтьев, известный поклонник Гайдара, Тэтчер и Пиночета. — Однако вы не найдете

ни одного сообщения о разгроме беззащитного коммерческого ларька. Ужасные коммунистические экспроприаторы, немного полежав под шквальным огнем рядом с телецентром Останкино, отбегали в соседний киоск, ПОКУПАЛИ ЗА ДЕНЬГИ водку и шоколадки и возвращались назад, помирать за идеалы социальной справедливости. Киоски у Белого дома в „ночь беспредела" после его деблокирования, когда в городе даже с миноискателем нельзя было найти ни одного милиционера, сделали рекордную выручку»[69]. Еще более страшную картину рисует Л. Сурова на страницах «Независимой газеты». Столкнувшись с толпой защитников Белого дома, она не увидела «никакого неистовства, никакого фанатизма. Это были обычные, но разные люди, мои сограждане, мои земляки. Были молодые, старые, женщины, девушки... Папа с сыном лет 10... мы видели людей, никем не организованных... одни помягче, поинтеллигентнее, другие повоинственней... — но шли не убивать, не мстить... Что мы видели из оружия? Пять-шесть щитов металлических, у кого-то еще кусок трубы водопроводной, а у одного мальчишки лет 15 — топорик... Никаких вооруженных боевых отрядов мы не видели»[70].

3—4 октября власть преподнесла обществу кровавый урок. Сначала толпа была безжалостно расстреляна у телецентра Останкино, затем подошедшие к зданию парламента танки открыли по нему огонь. В течение двух суток в городе проходили обыски и аресты. Одновременно начались расистские избиения милицией кавказцев. Последние к восстанию никакого отношения не имели, зато были идеальной жертвой для милиции, опьяненной вседозволенностью.

Победа исполнительной власти над парламентаризмом была полной. Она была закреплена психологически, культурно и символически, когда победившее правительство переехало в бывшую резиденцию побежденного

---

[69] Сегодня. 14.10.1993.
[70] Независимая газета. 16.10.1993.

парламента — Белый дом. А может быть, это преступники вернулись на место преступления?

По мнению журналиста Ивана Засурского, «многое в октябрьских событиях остается неясным до сих пор. Например, взять тот же штурм мэрии, Останкино (уже отключенного — единственным вещающим каналом в те дни осталось Российское телевидение, у которого есть собственный телецентр на Ямском поле), наконец, снайперы вокруг Белого дома. Начиная беспорядки, оппозиция действовала против своих интересов — если, конечно, действовала она. Больше всех в вооруженных столкновениях был заинтересован сам Ельцин: пресса все больше начинала призывать к мирному диалогу, в обществе большой поддержкой пользовался „нулевой вариант" одновременных перевыборов президента и парламента, который был благополучно забыт после того, как войска подавили бунт „красно-коричневых". В результате была принята конституция, закрепляющая доминирующее положение президента в структуре российской власти»[71].

Александр Тарасов еще категоричнее. Ни толпы восставших, ни лидеры Верховного Совета не контролировали ситуацию, они действовали именно так, как хотела власть. «Разумеется, они попались на провокацию. Но провокация — это КЛАССИЧЕСКИЙ метод политической борьбы, она существует ровно столько же, сколько политика. И даже дольше — провокация перешла в политику из опыта боевых действий»[72]. Поражение парламента было предопределено в равной степени неопытностью масс и несостоятельностью вождей. «И если наша оппозиция хочет чему-то научиться, ей придется искать других вождей — с другим стилем мышления и другим уровнем умственного развития. А заодно оппозиционерам

---

[71] *Засурский И.* Масс-медиа второй республики. М.: Изд. МГУ, 1999. С. 85.

[72] *Тарасов А.* Провокация. Постскриптум из 1994-го. М.: Феникс, 1994. С. 47.

придется кое-что изменить и в своих мозгах тоже: в частности, перестать наконец думать, что, если им в руки случайно попала дубина (а тем более — автомат) — это значит, что во всей России началась революция»[73].

В октябре 1993 г., когда по приказу Ельцина танки расстреливали здание парламента, элитные интеллектуалы, подписывали обращения в поддержку переворота. Когда же в декабре итоги выборов в созданную в соответствии с новой конституцией Государственную думу оказались неудовлетворительными, страницы газет и журналов запестрели статьями, переполненными ненавистью к собственному народу. Наиболее последовательно высказалась Валерия Новодворская в «Столице»: «Голосование за левых было спровоцировано отнюдь не прагматическими соображениями», — заявила она. Просто получив свободу, Россия всегда «выбирает зло, созвучное ее природе». Девять десятых населения «этой страны», по ее словам, выродки и «динозавры», которые не достойны жить на земле, и «мы должны помочь им вымереть любыми средствами»[74].

Высказывания Новодворской не только не вызывали протеста, но и оказались вполне созвучны настроениям либеральной публики. Если еще несколько лет назад советскую власть осуждали за нарушение прав человека, то теперь та же публика пребывала в глубоком убеждении, что никаких особых прав у быдла, составляющего большую часть отечественного населения, нет и быть не может. Бюрократический произвол тем временем распространился по стране в масштабах неведомых со дней Сталина. Историк Рой Медведев констатировал: «нарушения самых фундаментальных прав человека в конце 1990-х гг. в нашей стране стали гораздо более значительными и массовыми, чем в конце 1960-х и 1970-х гг.»[75]

---

[73] *Тарасов А.* Провокация. Постскриптум из 1994-го. М.: Феникс, 1994. С. 48—49.

[74] Столица. 1994. № 4. С. 3.

[75] *Медведев Р.* Неизвестный Андропов. С. 12.

А вдова академика Сахарова Елена Боннэр даже признавала, что «такого массового нарушения прав человека не было со времен коллективизации»[76].

ПРОПАГАНДА

Пресса и телевидение были важнейшим стратегическим союзником Ельцина и либералов на протяжении всего кризиса. Хотя советская цензура и была давно мертва, власти вполне успешно удавалось удерживать идеологический контроль над средствами массовой информации. Формально цензура умерла на год раньше Советского Союза. Впрочем, и до того, как ее официально отменили, журналисты чувствовали себя достаточно вольно. А главное — пользовались огромным влиянием и авторитетом в обществе. Люди не жалели денег на газеты и журналы, ожидая очередных сенсационных разоблачений. Многочисленные «запретные» книги наводнили рынок, писатели-эмигранты выступали по государственному телевидению.

Именно на этом фоне пропаганда оказалась единственной сферой, где режим достиг чрезвычайных успехов. Рецепт успеха был прост: надо было не контролировать содержимое передач, а правильно расставлять кадры таким образом, чтобы на всех ключевых местах оказались люди, совершенно добровольно и свободно говорящие именно то, что требуется правительству. Относительная свобода печати сочеталась с жесточайшим контролем на телевидении. Под руководством Михаила Полторанина государственная пропаганда сумела эффективно соединить опыт, накопленный за годы коммунистического режима, с современными методами и пропагандистскими технологиями холодной войны, почерпнутыми из арсенала западных коллег. Поскольку же

---

[76] Общая газета. 1998. № 23. С. 6.

в условиях кризиса у людей практически не было средств на покупку газет, попытки оппозиции бороться с ведомством Полторанина при помощи собственной прессы напоминали усилия африканцев, сражавшихся с луками и стрелами против европейских пулеметов.

После окончательной победы над «коммунистическим тоталитаризмом» в 1991 г. российские власти провели чистку на радио и телевидении, удалив оттуда всех, заподозренных в симпатиях к «красным». Изгонялись или выживались даже представители технического персонала, в результате чего на телевидении стали происходить постоянные «накладки» — то пускали неправильную заставку, то пропадал звук, то исчезало изображение. Зато «красных» техников уже не было. Иногда зрителям показывали специально отобранных представителей оппозиции — самых беспомощных и тупых, отбирая то наиболее умеренных, то наоборот — очевидных экстремистов. На этом фоне мексиканские soap operas становились единственной отдушиной для миллионов телезрителей. В 1992—1993 гг. альтернативным источником информации для телезрителей была петербургская передача «600 секунд», где заправлял Александр Невзоров, талантливый журналист, прославлявший Саддама Хусейна и твердый порядок под властью авторитарного режима. Еще до октябрьского переворота власти намеревались закрыть невзоровскую программу, но затем испугались массовых протестов. Причем протестовали не только поклонники «600 секунд». Общественное мнение понемногу склонялось к мысли, что лучше такая альтернатива, чем никакой.

Люди, работавшие на телевидении, как и в советские времена, чувствовали себя «бойцами идеологического фронта», гордились своей особой ролью. Они даже несколько преувеличивали свое значение. «Предположим, мы ничего не будем показывать в течение трех дней, и тогда я бы хотел посмотреть на тот состав правительства, которое мы увидим после того, как включим снова

телевизор», — хвастался генеральный директор Российской телерадиокомпании Анатолий Лысенко[77].

Очень скоро, однако, журналисты-«демократы» выяснили, что даже искренняя ненависть к коммунистам, социалистам и левым не гарантирует от неприятностей. Надо не только постоянно пугать зрителей призраком коммунизма и хвалить власти, но и делать это так, чтобы власти были довольны. За неудачную передачу о событиях на Кавказе в одночасье потерял свой пост руководитель телекомпании Останкино Егор Яковлев. Возглавляя «Московские новости», Яковлев больше кого-либо постарался для пропаганды новой российской власти и развала Советского Союза. Но, сделав свое дело, он стал не нужен. Вчера еще всемогущий властитель общественного мнения, он вдруг превратился в пожилого беспомощного человека, просящего коллег о помощи. Коллеги собрались и сделали совместное заявление в поддержку Яковлева. Президент и правительство этого заявления не заметили, а руководители газет уже на следующий день как ни в чем ни бывало продолжали расхваливать правительственные реформы.

Вслед за Яковлевым телевидение вынуждены были покинуть другие деятели, пытавшиеся отстаивать собственное мнение. Правда, и теперь далеко не все передачи отражали точку зрения властей. Из-за хаоса в стране, неэффективности бюрократии и административного беспорядка успешно проконтролировать все, что выходит в эфир, просто не удавалось. А за деньги в России можно купить все — даже время на государственном телевидении. Телевизионные боссы не вымогали взяток, они лишь требовали «спонсорских взносов».

Правительственные круги много и подробно говорили о будущем частном телевидении, но никто и не заикался о том, чтобы предоставить эфирное время тем, кто не согласен с господствующими мнениями. Частное телевидение — и этого никто даже не пытался отрицать —

---

[77] Московские новости. 1994. № 20.

должно проповедовать те же идеи, что и государственное. И контролировать его будут те же люди.

Приватизация Московского телеканала кончилась тем, что большую часть акций получили представители столичной бюрократии и пропагандистских ведомств. Из высокопоставленных чиновников они превратились еще и в собственников. Приватизация телевидения, таким образом, дала те же результаты, что и все прочие русские приватизации. Та же группа людей в 1992 г. получила в собственность и контрольный пакет акций нового 6-го канала телевидения России, а МОСТ-банк, тесно связанный с администрацией Москвы, прибрал к рукам 4-й канал, где начала вещать телекомпания НТВ. Что значит аббревиатура «НТВ», никто толком не знал — предлагались расшифровки: «независимое телевидение», «настоящее телевидение», «нормальное телевидение» и даже просто «наше телевидение». Последнее в наибольшей степени отражало подход хозяев компании. Компания НТВ стала образцом качественного вещания прежде всего потому, что в нее были вложены немалые средства. Уровень информационных программ оказался в целом выше, чем на государственном телевидении, хотя в конечном счете идеологическое направление было то же самое. Зато НТВ отличалось поразительным провинциализмом в содержании новостей — из их передач можно было подробно узнать биографию какого-либо второстепенного кремлевского чиновника, зато в течение недели не получить ни одного сообщения из-за рубежа.

Большинство газет зависело от правительства не меньше, чем государственное телевидение. Без прямых и косвенных дотаций, предоставляемых властями, они просто не выжили бы. Политику в области прессы и средств массовой информации в первые годы правления Ельцина координировал Федеральный информационный центр Михаила Полторанина. Многие даже не помнили официального названия этого ведомства, называя его просто «министерством правды». Тем временем

столичные власти создали в 1991—1992 гг. собственное «министерство пропаганды», поставив во главе его Павла Гусева, главного редактора бульварной газеты «Московский комсомолец». Министерство щедро помогало газетам, проповедовавшим американский образ жизни, кока-колу, ценности свободного предпринимательства и «сильную исполнительную власть». Короче — «идеологию демократического выбора». После нескольких скандалов министерство пропаганды пришлось реформировать, но политика в области печати осталась без изменений.

Дотации предоставляли не только власти. Предпринимательские группы, стоящие за спиной правительства, щедро субсидировали как журналистов, так и самих министров. Благодаря такой системе «перекрестного опыления» все оставались довольны.

Левая пресса не исчезла. Социалистические издания держались на плаву благодаря помощи профсоюзов. «Правда» выходила в свет на средства греческого миллионера, который, как утверждают злые языки, раньше отмывал деньги КПСС. Коммунистическая пресса, однако, оставалась изолирована от массового читателя. Ею интересовались лишь люди, и без того поддерживавшие коммунистов. Понемногу популярность альтернативной прессы росла. Газета «Солидарность», издаваемая на деньги Московской федерации профсоюзов, увеличила тираж с 5000 в 1991 г. до 30 000 в 1992—1993 гг. В масштабах России, однако, капля в море.

ЦЕНЗУРА

Понимая значение средств массовой информации, осенний переворот 1993 г. правительство начало с расправы над печатными органами парламента. 21 сентября 1993 г. были захвачены «Российская газета» и журнал «Народный депутат». Контроль над телевидением уже сточили, закрыв «Парламентский час». Газета «День»

также была запрещена, но быстро перерегистрировалась и снова стала выходить. Несколько дольше продержались «Правда», «Независимая газета» и петербургская телепрограмма «600 секунд», но ни у кого не было сомнения, что в случае успеха переворота их постигнет участь «Парламентского часа».

Пропаганда и ложь играли в событиях той осени не меньшую роль, чем стрельба из танков на улицах. Венгерский политолог Т. Краус писал: «В отличие от августовской попытки 1991 г., для которой была характерна обращенность в прошлое, традиционализм, в 1993 г. произошел настоящий информационный путч эпохи постмодерна. Телевизионный путч»[78]. Главная задача состояла в том, чтобы убедить общество в правильности тезиса, на первый взгляд противоречащего здравому смыслу. А именно, что всякий, кто защищает парламентаризм, разделение властей, конституционный строй и принцип верховенства закона — фашист или коммунист. Надо сказать, что в целом ельцинские пропагандисты со своей задачей справились. Основополагающие принципы демократии были в российском обществе прочно и глубоко дискредитированы.

В свою очередь для масс сторонников парламента телевидение стало символом зла, «империей лжи». Именно поэтому, когда восставшим показалось, что они овладели столицей, толпы народа двинулись к телецентру Останкино, требуя, чтобы в эфир была передана правдивая информация о происходящем в городе.

События 3—4 октября, когда на улицах Москвы лилась кровь, были еще одним испытанием для журналистов. Разгром оппозиционных средств массовой информации шел параллельно с расстрелом здания парламента. «Правда», «Советская Россия» и сравнительно безобидная профсоюзная «Рабочая трибуна» были закрыты моментально. Программа «600 секунд» ликвидирована.

---

[78] Ельцинщина. // Под ред. Т. Крауса. Будапешт: Венгерский институт русистики, 1993. С. 88.

Во время побоища в здании телецентра Останкино сожгли дотла радиостудию «Резонанс». Это было единственное независимое радио, однажды уже закрытое властями (на его волнах выступали Руцкой и деятели оппозиции). Незадолго до октябрьских событий радио «Резонанс» вновь позволили выйти в эфир. 4 октября оно опять замолчало.

На протяжении двух суток не прекращала вещать лишь радиостанция «Юность», которая, избегая политических оценок, регулярно давала информацию о происходящем. Журналисты постоянно попадали под огонь правительственных сил. В редакции даже прошел слух о гибели одного из коллег, но, к счастью, это оказалось ложной тревогой.

Показательно, что государственное телевидение в Останкино за несколько часов побоища почти ничего не сняло. Или не решилось показать то, что было снято. Иностранные корреспонденты и независимые отечественные журналисты снаружи здания пытались работать, несмотря на непрерывный огонь ельцинских сил. Число жертв среди журналистов за два дня событий в Москве было большим, чем за время войны в Афганистане. Огнем снайперов с телецентра было убито два француза и один британец, несколько человек ранено. Погибли люди и в Белом доме. Операторы западных телекомпаний и их русские коллеги, находившиеся на месте событий, были уверены, что спецназ стрелял по ним сознательно, не давая им снимать происходившую бойню. Официальные круги оправдывались, утверждая, будто из здания телецентра охрана принимала красные огоньки работающих телекамер за лазерные прицелы снайперов. Вообще поиски снайперов были любимым оправданием. Даже когда пьяный ОМОН врывался в помещения частных фирм и меняльных контор и просто грабил посетителей, это называлось «борьбой с терроризмом».

Власть сразу же сделала все возможное, чтобы не допустить полной информации о числе жертв. Все сведения

об убитых были засекречены, а через несколько дней по государственному телевидению сообщили, будто погибло всего 142 человека. Журналисты, видевшие все своими глазами, не могли сдержать возмущения. Но в первые дни после расстрела парламента опубликовать всю информацию было невозможно. Лишь к середине октября, по мере смягчения цензуры, в прессу стали проникать подлинные факты о числе жертв.

Уже 4 октября «в связи с чрезвычайным положением» была введена предварительная цензура. На страницах газет появились пустые колонки, однако почти никто из журналистов не пошел на «конструктивную работу с цензорами» Не только далекая от правительства «Независимая газета», но и проправительственная «Сегодня» и политически бесцветная «Комсомольская правда» предпочли снять материалы, а не «исправлять» их. Аналогичную позицию заняли «Коммерсантъ-Daily», культивировавший англосаксонский стиль «объективной журналистики», и интеллигентски-резонерская «Литературная газета». Некоторые газеты поместили на месте снятых материалов объявление: «запрещено „демократической" цензурой». Номер «Независимой газеты» с белыми пятнами немедленно подскочил в цене до 300 рублей. Некоторые редакции повторно помещали снятые материалы, пока цензор не сдавался.

Из столичных газет лишь «Московский комсомолец» публично выступил в поддержку цензуры, но возмущение среди журналистов было столь велико, что руководство газеты пошло на попятный. Несколько дней спустя главный редактор «МК» Павел Гусев вынужден был публично выразить сочувствие коллегам, пострадавшим от запретов.

Предварительная цензура была к середине октября заменена карательной. Было объявлено, что газеты, систематически нарушающие требования правительства, будут закрыты. Подтверждением серьезности этих угроз была судьба оппозиционной прессы.

«Российская газета» довольно быстро стала выходить вновь, только превратившись из органа парламента

в орган правительства. Она сразу предупредила читателя, что отныне будет писать прямо противоположное тому, что публиковалось до октября. Поразительным образом большая часть журналистов осталась на своих местах.

Вышла в свет и «Рабочая трибуна». Это издание никогда не было ни чрезвычайно смелым, ни особенно интересным, и ее возвращение на прилавки газетных киосков так же мало заметили, как и ее исчезновение. Зато вокруг «Правды», «Гласности» и «Советской России» развернулась острая борьба. Власти требовали, чтобы газеты сменили название, политическую линию и руководство. Часть коллектива «Правды» готова была пойти на уступки. Издание хотели переименовать в «Путь правды» (под этим названием газета выходила после того, как ее первый раз закрыла царская цензура), однако большинство журналистов отказалось идти на уступки. После месяца борьбы «Правда» вышла под прежним названием. Юрий Лучинский, руководитель цензуры (тактично названной теперь Государственной инспекцией по защитѐ свободы печати и средств массовой информации), признавал выход в свет «Правды» личным оскорблением. Хотя с профессиональной точки зрения газета оставляла желать много лучшего, первый послеоктябрьский номер «Правды» стал сенсацией. Чтобы купить его, выстраивались огромные очереди. Тираж был мгновенно распродан[79].

---

[79] По мере того как оппозиционная пресса стала снова вставать на ноги, обнаруживались новые проблемы. Как получать информацию, где проводить пресс-конференции? Общественные помещения, которые были доступны до октября, теперь были закрыты для оппозиции. Международный пресс-центр в Москве собирался в октябре провести встречу журналистов с оппозиционными политиками, но затем отказался от своих планов, сославшись на невозможность вмешиваться во внутренние дела России. Большую смелость проявило руководство Российско-американского информационного пресс-центра, предоставив помещение бывшему пресс-центру Моссовета и редакторам запрещенных газет. Подробнее о положении прессы во время октябрьского переворота 1993 г. см.: *Засурский И.* Цит. соч. Гл. 2, а также *Тарасов А.* Цит. соч. С. 37—38.

Телевидение находилось под жестким правительственным контролем задолго до 4 октября, но после разгона парламента здесь также началась охота на ведьм. Список закрытых программ пополнился передачами Александра Любимова и Александра Политковского «Красный квадрат» и «Политбюро». В отличие от «600 секунд» и «Парламентского часа», программы «двух Александров» никогда не были оппозиционными. Вина журналистов состояла в том, что ночью с 3 на 4 октября, вместо того чтобы выражать солидарность с правящим режимом, они в прямом эфире призвали жителей столицы не выходить на улицы и не лезть под пули.

Непонятно, почему была запрещена эротическая газета «Еще». В Москве, где все подземные переходы были буквально завалены порнографическими изданиями, а на страницах объявлений открыто рекламировались услуги «очаровательных девушек», гонения на «Еще» выглядели, по меньшей мере, странно.

Большинство правозащитников выступило с резким осуждением антидемократических мер власти. Объединились люди, которые еще недавно вели между собой острые дискуссии на страницах эмигрантской и российской прессы. Три лидера парижской эмиграции — Синявский, Максимов и Абовин-Егидес выступили на страницах «Независимой газеты» с совместным заявлением, осуждая Ельцина. К ним присоединился Вадим Белоцерковский — в прошлом один из наиболее популярных в России обозревателей радио «Свобода». Официальные журналисты, как и в старые времена, ответили потоком брани. В ход пошли старые обвинения — «поют с чужого голоса», «льют воду на мельницу реакционных сил», «оторвались от действительности».

Между тем критические высказывания, несмотря на цензуру, стали появляться даже в «Известиях». Разумеется, никто не решался здесь спорить с генеральной линией правительства, но не могли не писать о «крайностях» и «отдельных фактах» нарушения прав человека.

Можно сказать, что попытка властей ввести цензуру пошла на пользу прессе. Среди журналистов крепло убеждение, что порядочному человеку в России неприлично не находиться в оппозиции к режиму. Символом борьбы за свободу слова стало сопротивление «Независимой газеты». Это издание было основано Московским советом еще до августа 1991 г. в противовес коммунистической партийной печати. Первоначально газета отличалась жестким антикоммунизмом и готовностью поддерживать Ельцина, но по мере нарастания в стране угрозы нового авторитаризма «НГ» начала леветь. Уже после августа 1991 г. ее главный редактор Виталий Третьяков предупредил, что победа «демократов» в России грозит обернуться прекращением демократического эксперимента.

Правые ушли из редакции в конце 1992 г., когда газета стала критиковать монетаристский курс правительства. Отколовшаяся часть журналистов основала газету «Сегодня». Они не только получили деньги, ранее предназначавшиеся для «НГ», но и забрали с собой часть материалов из редакционного портфеля и список подписчиков. В течение нескольких месяцев подписчики «Независимой газеты» в Москве систематически получали бесплатно свежие номера «Сегодня». Однако переманить читателя не удалось, большинство подписчиков осталось верно своей газете. Ведь полевение «Независимой газеты» отражало общий сдвиг настроений среди рядовой интеллигенции.

Люди, работающие в «Независимой газете», как правило, были молоды и не прошли в партийной печати школу послушания. После переворота позиция газеты стала еще более жесткой. Власти ответили затяжкой в перерегистрации (Московский совет был упразднен, издание осталось без учредителя, и ей грозило закрытие).

Попытка заткнуть рот «Независимой газете» натолкнулась на твердость коллектива. Собрание журналистов заявило, что газета будет выходить в любом случае, даже если ее откажутся перерегистрировать. То, что

сделали с «Российской газетой», было невозможно повторить с «НГ». Официоз парламента безболезненно превратился в орган правительства. Журналисты «Независимой» не привыкли выполнять указания властей. На первой полосе редакция сообщила о своем решении под заголовком «Без борьбы нет победы».

Сопротивление «Независимой газеты» стало символом для тех в России, кто верил в свободу печати, доказательством того, что в стране все же существует если не гражданское общество, то хотя бы журналистская корпорация со своей профессиональной этикой. Со всего мира в редакцию приходили письма и телеграммы солидарности. В начале ноября газета была перерегистрирована.

Декабрьская предвыборная кампания 1993 г. дала новый и богатый материал для того, чтобы понять, что такое «свобода печати по-русски». Ельцин запрещал кандидатам в своих выступлениях «мотать президента и Конституцию», а Шумейко требовал отменить регистрацию блоков, не согласных с конституционным проектом; эфир заполнили пропагандистские видеоклипы правительственных сил. Но после апрельского референдума это было уже повторением пройденного.

Пресса сопротивлялась. Новый опыт противостояния цензуре — это как раз то, чего не хватало российским журналистам, чтобы почувствовать уверенность в себе. Дарованная начальством «перестроечная гласность» не пошла впрок. После первой отмены цензуры газеты заполнились дешевыми сенсациями, низкопробной эротикой, леденящими душу криминальными историями и заказными разоблачениями проклятого прошлого. Ни заказная критика, ни тупое повторение новых официальных лозунгов не завоевали прессе авторитета в обществе. Тираж газет в течение 1992—1993 гг. катастрофически падал не только из-за роста цен. В стране закипало раздражение против журналистов, по указке властей обрушивших на голову обывателя очередную порцию чернухи, доказывавших людям, что их образ жизни и они сами

ничего не стоят. Вторая отмена цензуры значила несравненно больше. Люди понемногу осознавали, что такое свобода печати.

В дни октябрьского переворота 1993 г. казалось, что журналисты обрели гражданское достоинство. Создавалось впечатление, что на место «гласности» приходит настоящая свобода слова — завоеванная и выстраданная. Увы, все было не так просто. События 1993 г. показали лишь наличие среди журналистского сообщества корпоративной солидарности. До гражданской ответственности было еще очень далеко.

ВЫБОРЫ

Успешный переворот 1993 г. надо было закрепить народным волеизъявлением. Избрание Государственной думы и референдум по проекту конституции были проведены в кратчайшие сроки. В декабре система политических институтов ельцинской России оказалась более или менее отстроенной.

Заслугой Горбачева, бесспорно, можно считать то, что в годы его правления граждане Советского Союза впервые узнали, что такое «свободные выборы». В 1989 г. на месте унылых официальных плакатов появились самодельные листовки, кандидаты стали приставать к прохожим на автобусных остановках, призывая поддержать свою программу, а на улицах и площадях начались стихийные предвыборные митинги.

Игра в выборы оказалась увлекательной. Смотреть на кандидатов ходили целыми семьями, как в зоопарк. Толпы собирались у станций метро прочитать листовки, в которых демократы ругали коммунистов (в 1989 и 1990 гг.) или коммунисты демократов (в 1991 и 1993 гг.).

Выборы 1989 г. породили неработоспособный Съезд народных депутатов Советского Союза (конституционная импровизация Горбачева, который вполне справедливо боялся прямых выборов в парламент). Ничего

толком не решив, Съезд несколько недель добросовестно развлекал телезрителей бурными дебатами, которые тогда смотрели не менее увлеченно, чем мексиканские мыльные оперы три года спустя.

В 1990 г. граждан снова пригласили к урнам. Политические партии еще не были разрешены, но налицо было четкое противостояние двух блоков — «коммунистов» и «демократов». Народ выбрал демократов, хотя не очень четко представлял себе, что это такое. Справедливости ради надо сказать, что сами рядовые депутаты-демократы разбирались в этом не лучше: спустя три года бывшие соратники по избирательной борьбе оказались в буквальном смысле слова по разные стороны баррикады.

Затем настало время референдумов и выборов «первых лиц». Вопрос на референдумах формулировался нарочито двусмысленно, а результаты трактовались самым бессовестным образом или просто игнорировались, но все равно это было увлекательно и ново. Тем временем каждая уважающая себя республика в составе СССР и буквально каждая автономия в составе России выбирала себе президента, а в городах появились всенародно избранные мэры. Ельцин и другие деятели исполнительной власти закрепили свое положение: теперь они могли ссылаться на прямо выраженную волю избирателя. Напротив, Горбачев, упустивший такую возможность, вскоре стал жертвой политических страстей.

Значение выборов для легитимизации власти Ельцин и его соратники усвоили твердо. Поэтому сколь бы ни был авторитарен новый порядок, на институт выборов как таковой режим никогда не покушался. Окружение президента избежало соблазна отмены выборов и в 1996 и в 1999 г., когда перед Кремлем всерьез маячила угроза политического поражения. Зато власти постепенно овладевали искусством манипуляции и фальсификации.

Избиратели, со своей стороны, мало-помалу начинали подозревать, что их морочат. Кандидаты оказывались

на одно лицо, оппозиционеры превращались в правительственных чиновников, коммунисты в демократов, демократы в патриотов, патриоты в центристов, центристы в левых, левые в правых. С каждыми выборами количество граждан, явившихся на избирательные участники, сокращалось. На довыборы вообще не ходили, а поскольку в России еще действовал советский закон, требовавший явки 50% избирателей в день голосования, многие места так и оставались вакантными.

Падение интереса к выборам стало заметно сразу же после переворота 1993 г. Разогнав парламент, власть срочно должна была сформировать на его месте новый. Опасаясь бойкота, на всякий случай изменили правила, сократив порог явки, необходимой для признания выборов действительными, с 50 до 25% зарегистрированных избирателей. Западные наблюдатели не могли понять, почему «первые многопартийные выборы в истории России» оставили людей совершенно равнодушными. На самом деле люди не чувствовали ни интереса к официальным партиям, ни связи с ними. Около половины избирателей все же явилось. Но как они голосовали?! Если политологи строили сложные схемы, разбираясь, кто правее, а кто левее, противопоставляя «демократический блок» блоку «коммунистического реванша», то граждане зачастую просто выбирали из политиков кого-нибудь посимпатичнее. Социологические опросы уже в последние дни выборов показали, что многие не знали, предпочесть ли «симпатичного Гайдара» или «веселого Жириновского». Лидер коммунистов Геннадий Зюганов и антикоммунист Явлинский имели массу общих поклонников, а «Женщины России» были избраны только потому, что они — «не мужчины».

Поскольку каждый избиратель получил по нескольку бюллетеней (количество варьировалось в разных регионах, но при любом раскладе выходило никак не меньше четырех), некоторые окончательно запутавшиеся граждане пользовались этим и одним бюллетенем голосовали за «Выбор России», другим за коммунистов, а в Совет

Федерации двигали самого известного из местных начальников. Самые веселые вместо обычного крестика рисовали на бюллетене цветочки, елочки и слоников. Иногда добавляли бранные слова или просили отремонтировать дом.

«Первыми с самого утра на участке появляются бабушки, — сообщали петербургские корреспонденты профсоюзного еженедельника „Солидарность". — Средняя питерская бабуля — существо чрезвычайно законопослушное. Не лезет без очереди, не ездит зайцем и считает выборы общественным долгом. Иных приводят под руки родственники. Бабушки возмущаются ценами, но всегда голосуют за власть. Они уже спасли Ельцина на апрельском референдуме и теперь выносят на своих плечах „Выбор России" с Конституцией, о которой не имеют ни малейшего понятия»[80].

Когда в декабре 1993 г. подвели итоги выборов, обнаружилось, что либерализм явно отвергается массовым сознанием. Созданный для поддержки реформ блок «Выбор России» потерпел сокрушительное поражение. Гайдар и его команда тешили себя иллюзиями, будто проиграли выборы из-за бездарных видеоклипов и плохо нарисованных плакатов. Увы, то, что Егор Гайдар и его единомышленники в 1993 г. оплакивали как поражение, оказалось самым высоким результатом, достигнутым праволиберальной партией или блоком за всю постсоветскую историю!

Наибольшего успеха добилась Либерально-демократическая партия Владимира Жириновского. В дальнейшем подобный успех Жириновскому уже не удавалось повторить, хотя он сам прочно закрепился в Думе. Голоса, отданные за ЛДПР, были лишь выражением протеста. Многие оппозиционные группы были запрещены или бойкотировали выборы. Официальная компартия вела себя крайне вяло, панически боясь запрета. В такой

---

[80] Солидарность. 1993. № 24. С. 7.

ситуации скандальная ЛДПР притягивала к себе голоса недовольных.

Влияние ЛДПР начало падать сразу же после выборов, но показательно, что для либералов ситуация ухудшалась еще быстрее. Весной 1994 г. прогайдаровская газета «Сегодня» констатировала, что по данным социологов почти каждый пятый избиратель, проголосовавший за «Выбор России», раскаивался в своем поступке. Что касается сторонников Жириновского, то здесь число «признавших свою ошибку» было еще значительнее — более 60%[81].

К местным выборам весной 1994 г. недоверие к политической системе достигло критической отметки. Окончательно потеряв интерес к профессиональным политикам, население «проголосовало ногами». Когда власти Петербурга обнаружили, что на участки не явилось и четверти избирателей, мэр города своим приказом продлил выборы еще на один день. Увы, и этого оказалось недостаточно: было избрано менее половины депутатов, а все блоки, вместе взятые, получили менее четверти мест. Городское собрание не могло собраться, а прежний Городской совет был предусмотрительно разогнан мэром за несколько месяцев до этого. В других регионах пришло ненамного больше людей. Проголосовав за директоров предприятий и умеренных противников Ельцина, люди удовлетворенно разошлись по домам.

Власти усвоили урок, отдав местные выборы полностью на откуп региональному начальству. Результатом такой политики стал резкий рост всевозможных нарушений и фальсификаций, но зато ситуация сделалась более предсказуемой. Низкая явка избирателей компенсировалась вбросом заранее подготовленных бюллетеней. На фоне общего разочарования постепенно росло число голосов, отданных «против всех». Но поскольку

---

[81] Подробнее см.: *Кагарлицкий Б.* Реставрация в России. С. 167.

люди, отказавшиеся придти к урнам или проголосовавшие против всех кандидатов, не представляли собой консолидированной политической массы, на подобное недовольство можно было до поры не обращать внимания.

ПОБЕДИТЕЛИ

Пока проигравшее большинство народа пыталось освоиться в новой реальности, победители закрепляли свои позиции. Бывшие партийные аппаратчики среднего звена, комсомольские функционеры и проворовавшиеся директора предприятий с восторгом воспринимали новые идеи. Впрочем, это была лишь наиболее приличная часть новой элиты. Криминальное происхождение многих лидеров русского бизнеса не оспаривалось даже сторонниками режима. Мэр Москвы Гавриил Попов постоянно подчеркивал: в «ненормальной» стране бесчестные методы обогащения являются вполне допустимыми. К остепенившимся «ворам в законе» присоединилось множество активных молодых людей, воспринявших слова Попова как руководство к действию. Бездарные актеры, второсортные журналисты, оборотистые чиновники за несколько месяцев становились миллионерами. Но только в том случае, если им удавалось найти союзников и покровителей среди старого начальства.

Мелкие торговцы, рядовые мафиози, ларечники составили низовое звено этой люмпен-буржуазной иерархии, своего рода «субэлиту». Еще вчера они были студентами старших курсов, мелкими функционерами комсомола и партии, иногда даже рабочими. «Мускулы их покрылись жиром и потеряли форму, и облегает их теперь не спецовка, а модный спортивный костюм (хотя ларек может стоять совсем не в Лужниках). Лицо округлилось, глаза заплыли и по-прежнему ничего не выражают. Лексикон их краток по форме и убог по содержанию», — писал Николай Острожский на страницах

«Солидарности». Для поиска в толпе себе подобных они пользуются сигнальными звуками типа «баксы», «бабки», «лимон», «навар».

Описание их жизни в статье Острожского напоминает фрагмент из какого-нибудь популярного издания, посвященного жизни животных: «Могут иметь до одного-двух упитанных детенышей, которым пытаются дать образование и воспитание любыми средствами. Характерный тип поведения — агрессивный. Основной способ передвижения — автомобиль. Пешком передвигаются неохотно, не способны маневрировать и уступать дорогу. В состоянии покоя стоят, опершись на стенку, и покручивают на пальце цепочку с ключами»[82].

1992—1993 гг. были временем торжества новых русских. Позднее их оттеснили на задний план олигархи, поднявшиеся в ходе приватизации при непосредственной поддержке государства. По сравнению с фантастическими состояниями олигархов барыши новых русских казались скромными. Тогда-то новые русские стали жаловаться, что государство не уважает их, душит налогами. Многие из них даже переквалифицировались в националистов. Но все это произошло позднее. А в 1992—1993 гг. новые русские еще чувствовали себя хозяевами положения. Справедливости ради надо признать, что за два года гайдаровских реформ они многому научились. За рулем БМВ все чаще можно было увидеть человека, одетого не слишком оригинально, но со вкусом, а женщины стали разбираться в тонкостях парижской моды. Центры Москвы, Петербурга, а потом и других крупных городов понемногу стали заполняться изящными бутиками, изысканными ресторанами и светскими клубами, где все было «почти как в Лондоне». Для того чтобы расчистить им место, закрывались дешевые столовые, недорогие продуктовые магазины, дома детского творчества.

---

[82] Солидарность. 1992. № 26. С. 1.

Механизм «новорусского» бизнеса блистательно описал Виктор Пелевин: «Человек берет кредит. На этот кредит он снимает офис, покупает джип „чероки" и восемь ящиков „Смирновской". Когда „Смирновская" кончается, выясняется, что джип разбит, офис заблеван, а кредит надо отдавать. Тогда берется второй кредит — в три раза больше первого. Из него гасится первый кредит, покупается джип „гранд чероки" и шестнадцать ящиков „Абсолюта"»[83]. Ясно, что так не может продолжаться вечно. «Если банк, которому человек должен, бандитский, то его в какой-то момент убивают. Поскольку других банков у нас нет, так обычно и происходит». Единственное исключение — «если человек, наоборот, сам бандит»[84].

К концу 1993 г. экономический спад достиг беспрецедентных в мировой практике масштабов и многие экономисты не могли удержаться от вопроса: почему бизнесмены до сих пор не прыгают из окон? В Соединенных Штатах в годы Великой депрессии в первую очередь лопались всевозможные банки, посреднические фирмы, инвестиционные компании, брокерские конторы — короче, все то, что составило основу «российского бизнеса». Великая депрессия началась с краха на Нью-йоркской бирже. В те годы обанкротившиеся бизнесмены стаями прыгали с небоскребов на головы прохожих, так что ходить по улицам надо было осторожно, поглядывая не только под ноги, но и на верхние этажи. Спад производства в 1991—1992 гг., стоивший президенту Дж. Бушу-старшему его поста, сопровождался кризисом в банковских и биржевых операциях. Самоуверенные yuppie с Уолл-стрит оказывались за воротами, как самые настоящие пролетарии.

Между тем на фоне обвального спада производства русский бизнес процветал. Сторонники капитализма радовались его жизнеспособности, хотя процветание биз-

---

[83] *Пелевин В.* Generation П. М.: Вагриус, 1999. С. 20.
[84] Там же. С. 21.

несменов никак не способствовало оздоровлению экономики. Большинство обнищавших и обозленных российских граждан просто все больше ненавидело своих преуспевших собратьев, злорадствуя, когда очередной предприниматель спьяну въезжал на роскошном «мерседесе» в каменный забор вместо открытых ворот.

В рыночной экономике определенное количество предприятий обречено на банкротство. Мелкие и средние бизнесмены — в первую очередь. Торговцы и банкиры должны первыми страдать от падения покупательной способности, любых негативных колебаний конъюнктуры. И первыми разоряться. Даже в «хорошие» годы в некоторых странах Запада значительная часть предприятий терпит крах. При плохой конъюнктуре процент банкротств подскакивал и до 10—15% в год. Это нормальная «выбраковка» слабых, соответствующая любимой либеральными мыслителями «логике рынка». Если такой выбраковки не происходит, последовательный либерал должен бить тревогу: механизм естественного отбора не работает.

Нормальной процедуры банкротства в России 1990-х гг. не было, но у него появилась своеобразная замена. Бизнесменов, запутавшихся в своих делах, просто убивали. В Петербурге предпочитали динамит, в Москве стреляли. Хотя довольно метко. Зимой 1993—1994 гг. по столице прокатилась волна убийств. Расстреливали преимущественно банкиров, особенно тех, кто запутался в операциях по обмену старых купюр на новые. На этих операциях банки, получившие соответствующие лицензии, делали огромные деньги, но любая «недоработка» оборачивалась кровавыми последствиями. В ход пошли не только автоматы Калашникова, но и гранатометы.

Большинство новых бизнесменов имело такое же отношение к рыночному предпринимательству, как половая щетка к ежику. По отношению к производственным структурам они выступали паразитической силой. Традиционная экономическая система продолжала работать, хотя теперь ей приходилось нести двойную нагрузку, поддерживая на плаву и себя и нежизнеспособный

частный сектор. Госпредприятия и новые акционерные общества, созданные на их основе, оказались на грани банкротства, но держали удар. Многочисленные коммерческие структуры благополучно развивались, паразитируя на них. Приватизация стала не только формой накопления капитала, она превратилась в основу жизнедеятельности. Не способный ничего создать бизнес должен был постоянно захватывать и использовать новые ресурсы. В этом секрет размаха приватизации, ее растущих темпов в условиях, когда все экономисты дружно констатировали неудачу.

Идеологи обещали, будто приватизация создаст стимулы к труду, конкуренцию, повысит эффективность. Практики из правительства понимали суть дела куда лучше. Если не подкармливать бизнес за счет приватизации, он рисковал рухнуть. По счастью, Россия велика, добра в ней обнаружилось много. И все же паразитический бизнес подрывал основы собственного существования, душил и обескровливал ту самую систему, от которой питался. Легко было предсказать, что окончательный экономический крах наступит, когда будет приватизировано последнее госпредприятие.

С новым бизнесом происходило то же самое, что ранее с централизованной системой. Поскольку никто не брался за принципиальные вопросы, а все проблемы пытались решить за счет новых ресурсов, можно было отсрочить крах. Стихийно начиналось новое перераспределение ресурсов. Не в пользу тех, кто хозяйствовал эффективнее, а в пользу олигархов, соединивших бизнес с политикой. В начале 1990-х гг. власть конвертировали в деньги. В 1994—1995-х деньги снова срослись с властью.

СИМУЛЯЦИЯ

В декабре 1993 г. граждане России получили рождественский подарок: указом Ельцина в стране был незаконно введен новый герб — византийский золотой орел с двумя

головами и тремя коронами. Средневековая птица была извлечена из трехсотлетнего забвения, поскольку герб страны необходимо было «привести в соответствие» с современной концепцией российской государственности. Власти, похоже, искренне думали, будто удачный подбор символов сможет заменить общественный договор.

Соответствие действительно полное: режим Ельцина никогда особенно и не скрывал стремления вернуть Россию в прошлое. После затянувшегося вырождения коммунистического режима страна переживала гротескную и жуткую комедию реставрации. Реставрировать рыночный капитализм, впрочем, невозможно: нельзя восстановить то, чего не было. Русская буржуазия всегда была беспомощна, зависима от государства и иностранцев. После революции она исчезла без следа, не оставив после себя ни доброй памяти, ни даже культурной традиции. Зато бюрократический абсолютизм, власть коррупции, беззаконие и государственная дикость имеют у нас глубокие корни. Здесь преемственность никогда не прерывалась. Сегодня вконец одичавший русский чиновник вместе с полууголовным предпринимателем мечтают закрепить свою власть и привилегии с помощью хорошо проверенных традиционных символов самодержавия.

Одновременно происходило массовое переименование городов, улиц и площадей, включая и те, что в царское время вообще не существовали. Поскольку же переименовать все не представлялось возможным (отчасти из-за связанных с этим расходов, отчасти из-за масштабности задачи, а отчасти по обычной русской безалаберности), то старые символы соседствовали и причудливо переплетались с новыми.

«Реставрационные тенденции, — писал Олег Смолин, — проявляются прежде всего в знаковой форме, в отношении к прежним символам: возвращение дореволюционного флага и герба; восстановление топонимов; коренное изменение отношения к символическим историческим фигурам (превращение большинства царей,

несмотря на прокламируемые демократические ценности, из дьяволов в героев, а генеральных секретарей — из героев в дьяволов); восстановление храмов и демонстративная религиозность политических лидеров и т. п. При этом некоторые реставрационные проявления приобретали алогичный, курьезный, а то и трагикомический характер, лишний раз доказывающий справедливость Гераклитова афоризма о невозможности вступить в одну реку дважды. Хорошо известно, например, что станции московского метрополитена никогда никаких названий, кроме советских, не имели. Топонимы же типа Санкт-Петербург в Ленинградской области либо Екатеринбург в Свердловской области невольно вызывают в памяти сатирико-фантастический рассказ одного из комментаторов радио «Свобода» о том, как в славном городе Старосибирске улица Красных партизан была переименована в Белобандитский проспект. Не менее парадоксально выглядит строительство новоделов на фоне продолжающегося разрушения действительно старинных храмов. Что же касается двуглавого орла, то, как известно, он был символом евразийской, точнее полуазиатской российской монархии»[85].

Реставрация предполагает возвращение старого правящего класса. На самом деле это всегда иллюзия. Представители старой элиты должны вернуться на родину, чтобы сделать легитимными состояния и власть тех, кто поднялся благодаря революционным переменам. Российская власть в начале 1990-х гг., заигрывая с идеей монархии, восстанавливая старорежимные символы, стремилась к тому же. Но слишком много времени прошло с момента крушения империи. Бесследно исчезли древние аристократические семьи и пресеклись предпринимательские династии. Да и мир изменился настолько, что восстановление монархии или возрождение боярских привилегий выглядели бы откровенной нелепостью даже

---

[85] *Смолин О.* Цит. соч. С. 29.

в глазах отечественных бюрократов, не отличавшихся чувством юмора.

Поскольку возвращение старой элиты оказывалось одновременно и необходимым и невозможным, оно симулировалось. Смысл традиции исключительно в ее непрерывности. Королевские гвардейцы в викторианских мундирах или тюдоровские бифитеры смотрятся вполне естественно в Лондоне. А кремлевская стража, срочно переодетая в мундиры царской гвардии, или казаки, вытащившие старинные мундиры из дедовских сундуков, выглядят ряженными. Но номенклатуре просто ничего не оставалось, кроме как пытаться изобразить себя законной наследницей старых правящих классов. На униформах и монетах появились средневековые византийские орлы. Повсюду возникали «дворянские собрания», «казачьи круги» и «союзы потомков купечества», где восседали бывшие комсомольские функционеры, местные начальники и молодые карьеристы, ряженые во фраки и старинные мундиры.

Коммерческие компании, созданные в начале 1990-х гг. XX в., всячески старались доказать свое дореволюционное происхождение. Компания «Свиридовъ» с гордостью сообщала в рекламных роликах про «500 лет процветания». Купцы Свиридовы якобы после революции бежали из России в Австралию, открыли там свое дело, а теперь репатриировались. И впрямь, в Австралии и США есть фирмы с таким названием, хотя там очень удивились бы, узнав из передач русского телевидения, что именно «Свиридовъ» является «лидером австралийского финансового рынка». В своих рекламных роликах новоявленные австралийцы даже не могли правильно написать название города Мельбурн. И основана фирма была не во времена русской революции, а в конце перестройки. Стояло за ней действительно влиятельное семейство, только не старинных купцов, а вполне современных советских хозяйственников: один Свиридов был министром тяжелого машиностроения Украины, другой — директором Новокраматорского металлургического комбината. Легко

догадаться и о том, откуда появились миллионы долларов, отмывавшиеся в Австралии и Америке.

Появившись на Дону, «наследники старинного купеческого рода» устроили грандиозное празднество для местных «наследников казачества». Те не остались в долгу: местный казачий есаул вручил вице-президенту компании форму, шашку и удостоверение полковника, ибо «негоже казаку без всего ходить»[86]. Все это было настолько безвкусно и пошло, что покоробило даже корреспондента проправительственных «Известий».

МОНСТР

Двуглавому орлу в России не повезло — новый герб сразу стал предметом шуток и анекдотов («шизофреническое чудовище», «чернобыльская птица» и т.п.).

В 1995 г. обнаружилось, что у России нет ни флага, ни герба, ни даже гимна. То есть вроде бы есть, но как бы и нет. Государственная символика не была утверждена Думой, а гимн вообще оказался без слов. Впрочем, это случилось уже не в первый раз: после смерти Сталина старые слова советского гимна были отменены и в течение некоторого времени оставалась одна лишь музыка. Потом все-таки догадались заменить слова «партия Ленина, партия Сталина», на слова «партия Ленина, сила народная». Но, сказать по правде, все это не имело никакого значения, ибо из всего гимна народ помнил только первый куплет про «Союз нерушимый».

После того как Союз рухнул, предложение депутатов-коммунистов вернуть тот же гимн, в очередной раз отредактировав слова, выглядело как неудачная шутка. В качестве гимна была избрана музыка великого русского композитора Михаила Глинки, которая была хороша всем, кроме одного: стихи на нее написать практи-

---

[86] Известия. 20.08.1994.

чески невозможно. «Бессловесный» гимн просуществовал до конца правления Ельцина, а когда у власти оказался Владимир Путин, старый советский гимн все же вернули, но переписав его текст таким образом, что он стал звучать пародией на самого себя.

Двуглавый орел с коронами мало похож на герб федеративной республики. С орлом, кстати, получилась неувязка. Золотая птица на пурпурном фоне всегда была гербом не России, а Византии. После падения Константинополя русские цари действительно использовали византийский герб как свой собственный, подчеркивая, что Москва есть Третий Рим. Только позднее золотой орел был заменен черной птицей — еще более отталкивающей внешности, но зато более самобытной.

Достаточно вспомнить, сколько бумаги и краски перевела одна только газета «Известия», пропагандируя византийского монстра. Возмущаясь тем, что коммунисты не поддерживают орла, журналисты совершенно серьезно утверждали, будто эта жутковатого вида средневековая птица уже стала нашим общенациональным символом, чуть ли не единственной ценностью, которая объединяет народ. И в доказательство тому газета напоминала, что множество людей лепит наклейки с орлом на машины и еще куда-нибудь, а еще миллионы людей закрывают обложки советского «серпастого и молоткастого» паспорта корочками с изображением орла.

Статистически, конечно, птица не выдерживала конкуренции с голыми женщинами, изображения которых тоже лепили в самых неожиданных местах. Что до обложек паспортов, то за десять лет они пообтрепались, а новые корочки продавались уже с орлами.

Долгое время изрядная часть населения не могла запомнить, в каком порядке расположены полосы на российском флаге. Время от времени то тут, то там вывешивали государственный флаг вниз головой.

Музыку Глинки не узнавали даже на официальных собраниях. Однотипные курьезы повторялись на многочисленных торжественных мероприятиях: услышав

музыку, первые ряды вставали, а задние не могли понять, что происходит. Были случаи, когда из президиума в зал кричали: «Вставать надо, гимн ведь играют!» — «Какой гимн?» — спрашивали из зала.

Советский гимн все же вернулся уже при Путине, с заново переписанными словами. Текст — уже в третий раз переделывал официальный поэт Сергей Михалков. Сначала он прославлял в гимне Сталина, потом выбрасывал из строк гимна упоминания о Великом Вожде. На сей раз он вообще должен был перелицевать советский гимн в антисоветский, не меняя ни тональности, ни пафоса.

Либеральная интеллигенция с восторгом принявшая двуглавого орла, почему-то выразила неудовольствие при возвращении сталинского гимна, хотя и то и другое служило одной и той же цели — воссозданию в стране имперской символики и авторитарного духа.

В итоге официальный герб страны так и не попал на банкноты. На них изображен совершенно другой орел, скопированный с герба Временного правительства 1917 г. Дело в том, что Центральный банк России, отчаявшись ждать, пока примут окончательную версию птицы, принял свой собственный герб. Но и тут все получилось как-то нехорошо. Ведь до того, как попасть на новые рубли, тот же орел красовался на печально известных керенках. В историю России керенка вошла как образец обесценившихся денег. Поднявшись на борьбу с инфляцией, Центральный банк мог бы найти и более подходящий символ.

Из всех официальных символов России 1990-х гг. национальным можно считать только военно-морской Андреевский флаг. Оппоненты Ельцина не могли забыть, что трехцветный флаг, во время Второй мировой войны использовался армией генерала Власова, служившей фашистам. Однако главная причина непопулярности триколора была в самом режиме Ельцина. В сущности, это, так же как и красное знамя, — символ не национальный, а партийный. Многие партийные символы постепенно

сделались национальными. Трехцветное знамя тоже не сразу стало общепризнанным символом Франции. Но после Декларации прав человека и гражданина, после победоносных походов Наполеона, после того как республика стала для французов синонимом независимости и достоинства, невозможно представить себе Францию без триколора. Советский красный флаг тоже стал чем-то большим, нежели партийным знаменем, благодаря победам во Второй мировой войне. Все-таки именно этот флаг водрузили над Рейхстагом.

Если бы ельцинская власть одержала великие победы хотя бы на экономическом фронте, можно было ожидать, что преисполнившиеся гордости за свою страну граждане полюбили бы и ее флаг. Двухголовая птица перестала бы тогда ассоциироваться с Чернобылем и страшными сказками. Но ничего подобного не произошло. Над Россией развевался флаг Ельцина, и отношение народа к этому флагу оставалось в точности таким же, как и к власти: его терпели за неимением лучшего. Ельцин никогда и не скрывал, что государственная символика — это именно его символика. Орел и трехцветный флаг объединились на президентском штандарте. Если бы Людовик XIV не произнес «Государство — это я», эти слова сказал бы Ельцин. Президент как бы приватизировал национальную символику, но одновременно она теряла шанс когда-либо стать общенациональной.

Само по себе стремление Ельцина и его команды вернуть России символику давно рухнувшей империи свидетельствовало о полном отсутствии собственных перспектив. Ввиду полного отсутствия какой-либо стратегии на будущее, опору приходилось искать в прошлом.

Как и во Франции эпохи Реставрации, официальная эстетика постсоветской России была эклектична, вторична и помпезна. Власть постоянно пыталась создать собственный Большой Стиль и столь же неизменно обнаруживала полную неспособность это сделать.

Синтез имперско-сталинского и имперско-царского начала на символическом и идеологическом уровне был главной задачей, которую пытались решать российские элиты на протяжении всего периода Реставрации. Этим по-своему занимались и власть, и националистическая оппозиция. Но лишь администрации Путина удалось с ее решением более или менее успешно справиться.

[Глава 4]
Оппозиция

Рано утром 7 ноября 1991 г. в Москву приехал тридцатилетний рабочий Татаренко. С собой он не привез ничего, кроме красного флага и революционного энтузиазма. Сразу с вокзала наш герой отправился на Красную площадь. Здесь было тихо и безлюдно. Встав на подходе к площади, Татаренко развернул красный флаг и начал выкрикивать антиправительственные лозунги. Спустя несколько минут его уже окружала кучка прохожих, затем собралась толпа. Скоро здесь были тысячи людей, многие с красными флагами и транспарантами. Мощная демонстрация двинулась на Красную площадь.

Татаренко не знал, что демонстрация была заявлена сразу несколькими организациями, а люди собирались из разных концов столицы по призыву множества групп и партий. За окружившей его массой людей тридцатилетний провинциальный рабочий не видел никаких других организаторов, кроме самого себя. Покидая вечером столицу, он не мог отделаться от ощущения, что именно он создал толпу и двинул ее на Красную площадь.

НЕПРИМИРИМЫЕ

Анонимный хронист коммунистического движения из газеты «Контраргументы и факты», рассказавший эту историю, считает именно 7 ноября 1991 г. переломным

моментом, когда непримиримая оппозиция захватила улицу. И хотя многочисленные коммунистические группы существовали уже давно, политической силой они стали лишь теперь.

Весной 1991 г., выступая перед кучкой людей возле Парка культуры, лидер «молодых коммунистов» Игорь Маляров предрекал, что после повышения цен под его знамена придут тысячи. «Объединенный фронт трудящихся», «Инициативный съезд коммунистов России» и движение «большевиков-ленинцев» во главе с Ниной Андреевой в Ленинграде уже несколько лет вели безуспешную борьбу с либеральными идеологами внутри и вне Коммунистической партии. Проиграв идейную борьбу более опытным и изощренным демагогам из партийной элиты, они надеялись изменить соотношение сил теперь, когда массы на собственной шкуре почувствуют, что такое рынок.

Непримиримая оппозиция в очередной раз ошиблась, хотя на первый взгляд казалось, что ее прогнозы подтверждаются. Осенью 1991 г., через полтора-два месяца после августовского путча и распада официальной Коммунистической партии Советского Союза, можно было видеть быстрый рост народного недовольства. Новые коммунистические партии росли как грибы. В октябре Московская федерация профсоюзов организовала многотысячный митинг протеста против экономического курса властей. Манежная площадь была запружена народом. Несмотря на холодную погоду люди не хотели расходиться. Массовые выступления 7 ноября подтверждали ту же тенденцию. Но все это происходило еще до того, как власти всерьез взялись за проведение реформ. Освобождение цен в январе 1992 г., стремительное падение жизненного уровня и резкое изменение условий жизни привели к совершенно не тем результатам, на какие надеялись лидеры неокоммунистов. «Шоковая терапия» парализовала волю и сознание людей. На несколько месяцев нормальному работнику стало вообще не до политики. Всех волновало только одно: как выжить? Надо

было хоть как-то приспособиться, хотя бы понять, что происходит. Что значат новые, ежедневно меняющиеся цены, почему за 1,5 тыс. сегодня можно купить меньше товаров, чем два месяца назад за 150 рублей? Советский человек, совершенно не приученный жить в условиях рынка, оказался брошен в неуправляемую стихию. Не понимая, что творится вокруг, каждый пытался выплыть в одиночку.

Неокоммунистические организации не желали считаться с этими настроениями. Каждые две или три недели они проводили очередной митинг. Злые языки поговаривали, что у их лидера Виктора Анпилова есть расписание митингов и демонстраций до 2000 г. На митингах было много людей: по сравнению с «доавгустовским» периодом движение заметно выросло. Но вскоре рост прекратился. Митинги становились как бы ритуальным сбором одних и тех же товарищей.

Не менее характерно, что на улицах сначала почти не было людей средних лет. Власти утверждали, будто протестуют только пенсионеры. Это было ложью. На улицы выходило немало молодежи. Красные флаги и комсомольские значки снова были запретны, а потому привлекательны. Но люди среднего возраста, обремененные семьей, необходимостью кормить и одевать детей, пытавшиеся сохранить работу и хоть как-то поддерживать привычный образ жизни, на митинги не ходили.

Пока коммунистические группы митинговали на улицах, в парламенте все более явственно зазвучал голос «патриотической оппозиции». В большинстве своем «русские патриоты» из числа народных депутатов были антикоммунистами и правыми. Они черпали вдохновение в воспоминаниях о славном прошлом православной империи. Октябрьская революция виделась ими как национальная трагедия, кризис 1990-х — как новый этап распада, продолжение и усугубление кошмара, начавшегося в 1917 г. И все же оба течения постоянно сближались, в конце концов создав единую организацию — «Фронт национального спасения».

Что объединяло «лево-правую», «красно-белую» оппозицию? Многое. Социальная база и видение мира было примерно одинаковым у обеих группировок. Они верили в возможность вернуть великое прошлое и страдали от унижения державы. Они не склонны были анализировать текущие события, разбираться в сложных проблемах.

В газете «Контраргументы и факты» зимой 1994 г. были приведены интересные наблюдения, характеризующие психологию непримиримых. Участники движения все еще верили, будто живут в советской стране среди единого и могучего советского народа. Дифференциация интересов, социальные сдвиги, произошедшие на протяжении 1980-х и 1990-х гг., оставались незамеченными зачастую просто потому, что самих митингующих эти сдвиги непосредственно не касались. Протестующая многотысячная толпа создавала впечатление, будто весь народ — на улицах. Но на следующий день, выходя на работу, участники митингов видели вокруг себя безразличных, а иногда и враждебных людей, которые не хотели бороться за идеалы великого прошлого, не думали ни о чем, кроме заработка и покупок.

Поскольку сам народ винить ни в чем было нельзя, все объясняли происками мирового капитала, американских шпионов или «евреев». «Вообще тема „масонов", „сионистов", „жидов", или просто „евреев", неизменно была на устах участников этого движения независимо от того, к какому идейному направлению они сами себя относили. При этом было бы ошибкой считать, что в этом движении процветал „бытовой антисемитизм". Представление о „евреях-сионистах" было для участника движения необходимым и удобным именно как абстракция. Чтобы это понять, необходимо еще раз обратить внимание на то странное и двойственное положение, в котором оппозиционер оказывался в обществе. Любовь к своей стране и к своему народу, гордость за его историю, чувства оскорбления и дискомфорта в связи с развалом СССР и униженным положением России, возмущение происходящим „ограблением народа" (которое он

как лицо со скромным достатком хорошо видел и ощущал на себе) — все это вступало в странное противоречие с благодушным настроением большинства окружающих. Феномен этого благодушия, того, что любимый народ позволил столь легко развалить любимую державу, требовал объяснений помимо „зомбирующего телевизора", требовал образа сверхлукавого и сверхковарного вездесущего врага. Не обнаружив такового в реальной жизни, каждый представитель оппозиции поневоле начинал выискивать понятие-символ вроде „нечистой силы", каковым и становилось абстрактное заклинание о „сионизме"»[87].

Идея «сионо-масонского заговора» понемногу стала одним из объединяющих принципов движения, позволяя собрать вместе сталинистов и монархистов. Враждебность к Западу и либеральным идеям была равно свойственна и «правой» и «левой» группировкам непримиримых. Азарт борьбы против общего врага захватывал настолько, что все мировоззренческие разногласия отодвигались на задний план.

Во время митингов «непримиримых» постоянно возникали курьезные ситуации. То коммунист Анпилов лично срывал со стен листовки с красной звездой, в которой его коллеги увидели «масонскую пентаграмму», то «русская партия» выходила продавать свою газету, призывающую выкинуть тело Ленина из Мавзолея, прямо у музея Ленина. Газету охотно раскупали рьяные коммунисты.

Прибывший из Парижа модный писатель «Эдичка» Лимонов был здесь в своей стихии. Собирая в одной аудитории панков и казаков, распространяя листовки

---

[87] Контраргументы и факты. 1994. № 1. Калининградский «Вестник „Солидарности"» писал, что «русским патриотам» свойственно странное пренебрежение русской же культурой и историей: «Русские патриоты читают очень странные книги — Тору, Каббалу, Талмуд (но и в руки не возьмут русских гениев Толстого или Горького), знают, когда и как праздновать Хануку, не пропустят проповедь заезжего раввина, рисуют, где могут, „исконно русские" вифлеемские завитушки». (Вестник «Солидарности». Ноябрь. 1999. № 11. С. 3.)

с фашистской символикой и копии антифашистских советских плакатов времен Великой Отечественной Войны, он превращал свои выступления в эффектный постмодернистский performance, политический «хэппенинг», позволявший «оттянуться» после парижской скуки.

Все это напоминало какой-то горячечный бред. И толпа, охваченная подобным бредом, вела себя соответственно. Кто управлял событиями? Лидеры движения? Но они сами очень слабо отдавали себе отчет в том, что происходит. Провокаторы из спецслужб ельцинского режима? Возможно, но они не смогли бы многого добиться, если бы движение не запуталось в собственных противоречиях. Несмотря на кажущуюся напористость и агрессивность, «непримиримые» беспомощно метались из крайности в крайность. Они были не способны к стратегической инициативе и лишь реагировали на внешние раздражители. То призывали отправить Руцкого и Хасбулатова под суд, то выполняли их указания, то видели в российском Белом доме символ всех несчастий страны, то шли его защищать. В любом случае, такое движение было исключительно благодатным материалом для всевозможных манипуляций — извне и изнутри. А в манипуляторах недостатка не было.

«Непримиримых» постоянно провоцировали, а те неизменно поддавались на провокацию. На улицах столицы происходили настоящие сражения. Первый раз это произошло 23 февраля 1992 г., когда милиция избивала демонстрантов, пытавшихся возложить цветы к Могиле Неизвестного солдата. Демонстранты ответили яростным и организованным сопротивлением, в нескольких местах прорвали оцепление. Появились первые раненые — пока главным образом со стороны митингующих.

Вторая уличная битва, затмившая первую, произошла 1 мая 1993 г.

Почему из множества оппозиционных демонстраций кровопролитием закончились именно эти — праздничные, когда люди, собственно, шли не протестовать и бороться, а, скорее, просто отметить свой праздник? Влас-

ти явно стремились превратить традиционные советские праздники в повод для кровавых разборок. Первомайское побоище 1993 г. явно должно было стать поводом для очередного завинчивания гаек. Столкновения на улицах и площадях столицы были прелюдией к танковым залпам по зданию парламента. И роль, которую сыграла во всех этих событиях «непримиримая оппозиция», — далеко не только героическая.

Итоги референдума оказались неприятным сюрпризом и для правительства и для непримиримых. Власти при всем старании не могли скрыть того факта, что «всенародно избранного президента» поддержала лишь треть населения. Но и непримиримая оппозиция потерпела неудачу. До 25 апреля она могла говорить от имени всего народа. Референдум показал, что это не так. «Партия неголосующих» впервые в России оказалась самой крупной. Она явно была не с президентом, но никак не на стороне «непримиримых».

Тактика непримиримых, оттолкнув миллионы людей, фактически сработала на Ельцина. Но положение дел могло измениться по мере роста новой оппозиции. Эта новая оппозиция, представленная относительно умеренными депутатами, директорами предприятий, профсоюзными лидерами и в некоторых случаях демократическими левыми, способна была привлечь на свою сторону «партию неголосующих», окончательно изменив соотношение сил не в пользу Ельцина. Если в 1992 г. на первомайский митинг профсоюзов явилось не более 10 тыс. человек, то в 1993 г. по Тверской улице прошла внушительная 25-тысячная колонна.

Власть сознавала, что сомнительных итогов референдума было явно недостаточно для разгона парламента или для того, чтобы ввести чрезвычайное положение. В правящих кругах развернулась острая дискуссия между сторонниками «жестких мер» и «умеренными», которые призывали хотя бы формально оставаться в рамках законности. Первого мая сторонники «жесткой линии» сказали свое слово.

Драка была заказана. Еще до того, как на Гагаринской площади пролилась первая кровь, в Москве начали происходить «странные» события. Московская федерация профсоюзов получила от мэрии предварительное разрешение на митинг на Красной площади и объявила об этом своим членам. Организационная машина была запущена, по городу были расклеены листовки с призывами выйти на первомайский митинг, формировались колонны. Но в последний момент, когда ничего сделать было уже нельзя, власти неожиданно запретили митинг на Красной площади, предложив другие места.

Было сделано все, чтобы профсоюзная демонстрация кончилась столкновениями с силами порядка. Надо отдать должное руководству МФП, которое нашло выход из ситуации. Митинг состоялся на Манежной площади, отгороженной от Кремля не только милицией, но и профсоюзными дружинниками.

Коммунистическая демонстрация на Октябрьской площади началась довольно мирно. Когда милиция преградила демонстрантам путь в центр, они покорно повернулись и пошли в обратном направлении, хотя перед ними не было ни водометов, ни бойцов ОМОНа в бронежилетах. На Крымском мосту демонстрантов вновь встретила милиция, на сей раз гораздо лучше оснащенная. Коммунистические колонны вновь развернулись и пошли в ту сторону, куда толкала их милиция. Они шли по Ленинскому проспекту, очищенному от транспорта, шли спокойно и организованно, пока у входа на Гагаринскую площадь, на самом узком месте, когда нельзя было уже ни развернуться, ни уйти в сторону, их встретил ОМОН. Остановить 70-тысячную толпу, разогнавшуюся на проспекте, было уже невозможно.

Когда при Горбачеве демонстранты из «Демократической России» в марте 1991 г. пытались прорваться к центру, милиция остановила их на Пушкинской площади, оставив людям возможность уйти по бульварам или разойтись и сесть в метро. И хотя здесь тоже были экстремисты, пытавшиеся прорвать ограждения, были водо-

меты и войска в бронежилетах, все обошлось благополучно, если не считать нескольких помятых курток и разорванных в сутолоке брюк.

На сей раз все было сделано наоборот. Организаторы демонстрации, в отличие от лидеров МФП, не попытались избежать столкновения или остановить толпу. Но даже если бы они и пошли на это, у них бы ничего не вышло. Толпа на полном ходу врезалась в цепь ОМОНа. Итог хорошо известен: более 500 раненых, один убитый.

Любопытно, что Лужков, возглавлявший в 1991 г. Исполком Московского городского Совета, прекрасно мог изучить мартовскую операцию. И став вице-мэром, а затем мэром, сделал все возможное, чтобы подобный мирный исход не повторился 23 февраля 1992 и 1 мая 1993 г. Поскольку именно Лужков не раз публично выступал как сторонник самых жестких мер против оппозиции, а контролируемая им столичная пресса по своей агрессивности превосходила даже пропагандистские органы центрального правительства, здесь нетрудно заметить некоторую логику.

Лидеры непримиримых немедленно объявили происшедшее преднамеренной провокацией Ельцина. Но судя по реакции российских властей, те тоже были обескуражены. Вечером 1 мая вице-премьер Сергей Шахрай и выступавший от имени президента Сергей Филатов выглядели растерянными. Шахрай даже пообещал, что, скорее всего, правительство падет к осени, а затем добавил, что предпочел бы победу коммунистов на выборах, а не на баррикадах. Напротив, ведущий программы «Итоги» Евгений Киселев вел себя очень агрессивно, обвинял власти в нерешительности и попустительстве «красным», грозил, что Ельцин утратит поддержку своих сторонников, если не предпримет чрезвычайных мер. Программа «Вести» призывала: не дадим распоясавшимся революционерам превратить Москву в Лос-Анджелес! Дикторы телевидения даже не отдавали себе отчета в том, что после нескольких лет пропаганды

«американского образа жизни» это заявление звучало несколько странно.

Как только Ельцин появился перед своими сторонниками в Зеленограде, из толпы раздались крики о том, что надо расстрелять 26 коммунистов, арестованных 1 мая. Радостно улыбнувшись, Ельцин пообещал, что суд разберется. Но это не вызвало в его стане одобрения. 4 мая «Московский комсомолец» и «Куранты» поместили на первой полосе статьи с резкими нападками на Ельцина. Президента обвиняли в трусости, слабости, потворстве «коммунистическим бандитам». Если президент не примет меры, грозили в один голос «радикальные демократы», он утратит нашу поддержку и доверие; не надо бояться чрезвычайного положения, надо немедленно запретить оппозицию, ограничить деятельность профсоюзов, закрыть антиправительственные газеты.

Вряд ли все это было заказано самим Ельциным. Скорее можно говорить о мощной кампании давления на Ельцина и умеренных в руководстве России. Осознавая, что сохранение демократических свобод неминуемо сведет на нет все завоевания «демократов», часть правящих кругов пыталась вынудить Ельцина на крайние меры. К их величайшему разочарованию, правительство, «обжегшееся» на двух попытках нарушить Конституцию, теперь предпочитало выждать.

9 мая оппозиционная демонстрация, несмотря на распространявшиеся прессой и телевидением слухи о предстоящем новом побоище, удвоилась. Лужков вновь привел в боевую готовность ОМОН, но в последний момент сами же российские власти вынудили его удалить силы порядка с улиц. Шествие прошло мирно. Хотя официальные запреты были нарушены и колонны демонстрантов вышли на Красную площадь, никаких эксцессов не было. Телевидение вынуждено было констатировать идеальный порядок на улицах.

9 мая был проведен своеобразный «следственный эксперимент». Демонстранты были настроены далеко не

добродушно. Но там, где не было ОМОНа, не было и драки. Еще раз было доказано то, о чем уже не раз говорили и оппозиционные журналисты и разумные люди в самой милиции: появление ОМОНа на улицах не только не гарантирует безопасность граждан, а, наоборот, создает риск для жизни и здоровья населения. Даже там, где нарушается порядок проведения митингов, все обходится благополучно до тех пор, пока правительство Москвы не «принимает меры».

Вечером 9 мая в «Итогах» Киселев даже не пытался скрыть своего раздражения тем, что все обошлось мирно. Он сожалел, что власти не решились применить силу, грозил российской демократии участью Веймарской республики. Угроз в адрес президента больше не было. Журналисты неожиданно и дружно затихли.

Антиельцинская толпа вела себя поразительно похоже на ельцинскую. Кризис — жизнь «непримиримых». А для режима постоянное провоцирование политического кризиса было единственным способом скрыть свои постоянные экономические провалы и сдержать эрозию своей социальной базы. В этом смысле и «непримиримая» оппозиция и «реформаторская» власть были едины и нуждались друг в друге. Но и вечно это продолжаться не могло. Рано или поздно должна была наступить развязка.

События 3—4 октября были высшей точкой, кульминацией борьбы для уличной оппозиции. Тогда в течение нескольких часов город принадлежал им. Или, во всяком случае, так казалось митингующим. За это время они показали, что не способны ни стать властью, ни победить власть. Героическая защита Белого дома, где засели депутаты, отнюдь не симпатизировавшие уличной оппозиции, была последним эпизодом в истории этого движения. Оно было разгромлено просто потому, что не могло выиграть. Но крах непримиримых оказался и крахом центризма, поражением «умеренных» и концом первой парламентской оппозиции.

ЦЕНТРИЗМ?

Какие бы ошибки и глупости ни совершало российское правительство, у него всегда был надежный союзник: беспомощная и непривлекательная оппозиция. Для того чтобы реформы могли успешно продолжаться, оппозиционные силы должны были выглядеть еще хуже, нежели власть.

Май 1993 г. в России вошел в историю подготовкой конституционного совещания и широкомасштабной попыткой создания центристского блока. Одно с другим тесно связано: пока шла парламентская борьба, центр усиливался, но в марте Ельцин добился референдума, свел все вопросы к простому «Да»—«Нет» и центр как бы исчез из поля зрения. Когда после референдума на первый план вышел вопрос о Конституции, власти вынуждены были в течение какого-то времени хотя бы для вида что-то с кем-то обсуждать, центристы вновь стали заметны.

Первый вариант центристского блока был создан в 1992 г. Аркадием Вольским под названием «Гражданский союз». За спиной у политиков стояли «красные» директора из «Российского союза промышленников и предпринимателей». Основные кадры активистов должна была дать Народная партия «Свободная Россия», больше известная как «партия Руцкого».

Результаты деятельности «Гражданского союза» оказались не особенно впечатляющими. Лидеры «ГС», так и не решившись на открытое противостояние с властью, говорили о «пунктирной оппозиции». Политические «генералы» выясняли отношения между собой, а осторожные директора не торопились вкладывать деньги в политику. Руцкой, к ужасу своих союзников, все более радикализировался, Вольский по-прежнему был сверхосторожен, рядовые активисты не знали толком, что делать.

На совещании центристских сил 20 мая 1993 г. много говорилось о том, что слабый центр — беда русской

политической культуры, что поляризация сил ведет к гражданской войне, что пора создавать сильный центр, но никто не задал ни одного вопроса о том, почему центр в России всегда был слаб.

Поляризация сил вовсе не ведет автоматически к гражданской войне. Для политической культуры Англии и Франции характерна очень явная поляризация, причем не только партийная (левые — правые), но идеологическая и классовая. Тем не менее партия, приходящая к власти, по большей части сдвигается к центру. Причем настолько, что зачастую теряет собственное лицо, утрачивая поддержку избирателей. Это было всегдашней бедой социал-демократических партий.

В России же все обстояло иначе. Силы, рвущиеся к власти, претендовали на умеренность, на защиту общенародных интересов. Захватив власть, они немедленно начинали проводить куда более радикальную политику, доходя до экстремизма. Большевики в 1916 г. не так радикальны, как в 1918-м. А вспомним «демократов» 1990 г.! Это же сама умеренность. Сверхскоростной приватизацией даже не пахнет, о развале СССР ни слова.

В России с ее слабым гражданским обществом источником экстремизма является сама власть, ее неконтролируемость. А также нестабильность общества. Потому центристские лозунги — еще не гарантия сбалансированной политики. Гораздо важнее — борьба за демократизацию структур власти и создание широко организованного общественного движения, сознающего свои интересы. Без контроля со стороны такого движения власть всегда будет безответственной.

А тем временем центр все больше превращался в прибежище провалившихся интеллектуалов и обиженных властолюбцев. На центристских собраниях царил разнобой: от правых либералов до неокоммунистов. Здесь были видны хорошо знакомые лица людей, еще недавно поднимавших антикоммунистическую волну, а еще раньше составлявших очередные проекты программы КПСС.

Слабость «Гражданского союза» была, во-первых, в том, что это было верхушечное объединение, а во-вторых, в том, что лидеры «ГС» пытались противопоставить Ельцину правоцентристскую политику. Почувствовав угрозу, Ельцин немного сдвинулся к центру, подорвав позиции «ГС», а затем вновь повернул вправо. Правый центр ничего такому маневру противопоставить не мог.

Центризм как попытка балансировать между правыми и левыми был обречен. Поляризация сил возрастала: чем больше социальная безответственность власти, тем более радикальна оппозиция. Если нет западного среднего класса, то «не проходит» ни умеренный вариант социального либерализма, ни такая же умеренная центристская социал-демократия.

По мере того как обострялся конфликт между центристами и ельцинской властью, сами центристы превращались в заложников «непримиримой оппозиции». Они не способны были мобилизовать социальные слои, на которые пытались опереться. Невнятный центризм Вольского не мог привлечь никого. Центризм Руцкого, смешавшийся с экстремизмом Анпилова и суперпатриотизмом Астафьева, был не более привлекателен. И если люди шли к зданию парламента 3—4 октября по призыву Руцкого, то не потому, что их убеждали идеи «Гражданского союза».

Декабрьские выборы 1993 г. закончились для «Гражданского союза» позорным провалом. Еще раньше русский центризм потерял своих самых привлекательных фигур: Руцкой и Хасбулатов, защищавшие Конституцию и парламент, были брошены в Лефортовскую тюрьму.

Крушение Верховного Совета было трагичным, хотя его действия оказались далеко не безупречны с моральной точки зрения. Вряд ли кто-то вправе упрекнуть Руцкого за то, что, пообещав сражаться в Белом доме до конца, он сдался и этим сохранил жизнь себе и своей охране. И все же капитуляция Руцкого выглядела скорее провалом, нежели героическим падением. Выйдя из

тюрьмы в результате принятой Думой амнистии, Руцкой был уже страдальцем и жертвой, но не мог сплотить людей вокруг себя: слишком многие помнили его бессмысленные заявления и безответственный призыв к невооруженной толпе идти штурмовать телецентр в Останкино. Его политическая карьера не кончилась, а как бы «сместилась» на другое поле. Впоследствии ему предстояло стать губернатором Курской области, а затем, в 1999 г., одним из организаторов блока «Единство» («Медведь»), фактически поддерживавшегося Ельциным.

Поражение Руцкого и Хасбулатова свидетельствовало не только о неудаче их личной политики, но и о бесперспективности русского центризма. Для того чтобы защищать свои принципы, они вынуждены были призвать народ к уличным выступлениям и забастовкам. Они начали действовать как радикалы, не имея ни радикальной программы, ни идеологии, ни доверия людей, склонных к радикализму. Провал «Гражданского союза» на декабрьских выборах был своеобразным подведением итогов.

Между тем большинство населения России вовсе не было склонно к экстремизму. Кто-то водил трамваи, лечил и учил людей, работал на предприятиях, чудом преодолевая последствия «шоковой терапии». Однако этот «народный центризм» не имел ничего общего с центризмом политической элиты. Судя по опросам общественного мнения, в стране существовало одновременно два большинства. Одно — демократическое большинство — верило в политическую демократию и боялось возврата к старым «коммунистическим» порядкам. Другое большинство — социалистическое (в самом широком смысле слова) — верило в коллективную солидарность, социальные гарантии, было убеждено, что крупные промышленные предприятия должны оставаться в общенародной собственности. Причем, как показали опросы 1992—1993 гг., по мере «развития реформ» эти настроения в обществе только усиливались.

Как получилось, что в одной стране было сразу два большинства? Дело в том, что ценности демократии и социализма противопоставлялись друг другу только в официальной пропаганде. Для значительной части людей они не только были совместимы, но и оказывались равнозначны.

Впрочем, два большинства совпадали лишь отчасти. Далеко не все, кто испытывал ностальгию по коллективистским ценностям, являлись приверженцами демократии. Что касается «демократов», то три года их пребывания у власти показали: демократический избиратель может беспокоиться о своих социальных гарантиях, но демократический министр совершенно не интересуется социальной защищенностью своего избирателя.

Тактика правящих кругов была предельно проста: мобилизовать на свою сторону поддержку демократически настроенной части общества, а затем использовать полученные голоса для того, чтобы провести социально-экономическую программу сплошной капитализации. Для колеблющихся всегда наготове было объяснение, что без свободного рынка и частного предпринимательства демократии быть не может, а потому, раз выбрали демократию, получите и «сопутствующие товары» — безработицу, рост социального неравенства, коррупцию и т. п.

Правда, даже если признать, что политическая свобода предполагает свободу деятельности для частника, отсюда еще не следует, будто необходимо во что бы то ни стало разрушать и разворовывать государственный сектор. Неудивительно, что политики, для которых развитие свободного предпринимательства является единственным мерилом общественной свободы, вели общество в тупик диктатуры. Чем меньше правящие круги связывали себя демократическими формальностями, тем сильнее была их изоляция. Они противопоставляли себя не только сторонникам социальных гарантий и общественной собственности, но и всем, кто искренне верил в народовластие. Однако даже самодискредитация власти еще не меняла общей ситуации в стране. Во-первых,

настроения масс лишь в незначительной степени влияли на расстановку политических сил. Элитные группировки разбирались между собой, пытаясь по возможности вовлечь народ в драку, но мало задумываясь о том, что ему нужно. А во-вторых, левая альтернатива на политическом уровне отсутствовала.

ЛЕВЫЕ В ПОИСКАХ СЕБЯ

Начало 1990-х гг. было для левых в России, как и во многих других странах, временем больших надежд и больших разочарований. После 1989 г. социалисты верили, что начинающаяся новая эпоха породит новое левое движение, свободное от пороков старых партий, динамичное и жизнеспособное. Социал-демократы ожидали, что традиционная приверженность масс ценностям социальной справедливости в сочетании со всеобщим стремлением к капитализму превратит именно их в ведущую политическую силу. Наконец, ортодоксальные коммунисты были убеждены, что столкнувшись с ужасами капитализма, рабочий класс осознает свои ошибки и немедленно поднимется на борьбу. Последовавшие события показали, сколь иллюзорными были эти представления. Несмотря на перманентный кризис, нового подъема левого движения не было.

К середине десятилетия надежды сменились разочарованием и апатией. Мало кто поверил в миф о крахе социалистических идей так же искренне, как сами левые. Поражение коммунизма воспринималось ими как полное и окончательное торжество капитализма. Впереди открывалась в лучшем случае длительная перспектива осторожной работы по усовершенствованию и облагораживанию буржуазных отношений.

Миллионы людей, отвергших старую советскую систему, рассуждали совершенно иначе. Они редко размышляли о «социализме» и «капитализме». Им просто хотелось жить без постоянной слежки и очередей, в обществе,

где социальная защищенность сочетается с полными прилавками и современными технологиями. Пропагандисты реформ обещали именно это. Когда массы увидели, что их обманули, настроения резко изменились.

После распада Советского Союза в России действовало несколько левых организаций, зародившихся в среде молодежных неформальных движений. Идеологический спектр их был довольно широк — от сверхреволюционных марксистов, до поклонников шведской социал-демократии. На крайне левом фланге заметны были Конфедерация анархо-синдикалистов (КАС), вышедшая из студенческого клуба «Община», и Марксистская рабочая партия — Партия диктатуры пролетариата (МРП — ПДП). Более умеренные социалисты и марксисты, которых не устраивали догматические установки МРП — ПДП, нашли себе место в рядах Социалистической партии. Правее всех стояла Социал-демократическая партия Российской Федерации. Эта организация была весьма разношерстной, но руководство ею, за исключением нескольких месяцев 1993 г., оставалось в руках правых.

Левые партии вобрали в себя очень большую часть актива неформальных объединений «перестроечной эпохи» 1986—1990 гг. Всевозможные «экологические союзы», «народные фронты» и публичные дискуссионные клубы, предшествовавшие появлению настоящих политических организаций, были в большинстве своем левыми. Лозунгом неформального движения была не рыночная экономика, а участие общества в принятии решений. «Произошло смещение акцентов — от оборонительной самоорганизации к творческому участию в происходящих процессах, от пассивной реакции на события — к активному ведению кампаний», — отмечают исследователи. Сторонники неформальных групп в те годы «прежде всего исходили из не-экономических, моральных критериев»[88]. Участники экологического движения заявляли

---

[88] Cities of Europe. P. 371.

в своем манифесте, что для них «недопустимо превращение этой работы в модное развлечение, политическую приманку или средство наживы»[89].

Для некоторых участников подобных движений левизна была всего лишь маскировкой «переходного периода», но большинство активистов относилось к провозглашаемым идеям совершенно серьезно, что и предопределило их последующую эволюцию — в октябре 1993 г. основная масса бывших московских неформалов вновь встретилась на баррикадах, защищая парламент.

Тем более велико было разочарование активистов 1980-х гг., когда обнаружилось, что в изменившихся условиях 1990-х гг., не имея доступа к телевидению и прессе, без денег, помещений и платного аппарата, из реальной политической силы они за считанные месяцы превращались в изолированные и недееспособные группы.

Слабы оказались не только левые. Все организации партийного типа проявили себя в «новой России» нежизнеспособными. Вопреки широко распространенному предрассудку, партии вовсе не являются ровесниками парламентаризма и демократии. Слово «партия» употреблялось еще в Древнем Риме, но современная многопартийность возникла лишь в конце XIX в. Ранее парламенты состояли преимущественно из элитных фракций и «независимых» политиков, получавших свои мандаты благодаря деньгам или способности контролировать ситуацию на местах. Парламентские группировки прекрасно обходились без связи с массами, зато, даже находясь в оппозиции, поддерживали связь с властью.

«Плюрализм элит» позволял капитализму первоначального накопления сохранять либеральные институты, не допуская участия масс в политике. Взаимодействие жесткой и авторитарной структуры исполнительной власти с парламентской элитой — вот рецепт идеального

---

[89] Манифест движения дружин по охране природы. Опубликован в спецвыпуске бюллетеня «Охрана дикой природы». Декабрь. 1996. № 11. С. 13.

олигархического правления, характерного для чистых форм либерально-рыночного капитализма XIX в.

Именно эту систему с 1990 г. сознательно и целенаправленно пытались воссоздать российские реформаторы. **Формирование либерально-авторитарного режима идеально соответствовало как целям русской коррумпированной бюрократии, стремившейся завладеть бывшей общенародной собственностью, так и интересам западных элит, которые были заинтересованы в жесткой и твердой власти, способной подавить любое сопротивление народа реформам, но не хотели нести ответственность за поддержку «эксцессов» открытой диктатуры латиноамериканского типа.** Наконец, это соответствовало русским традициям. Зародыши либеральных институтов всегда существовали в составе русского авторитарного государства, будь то эпоха царизма или поздняя советская эпоха. Но эти институты и отношения были не более чем дополнением к системе, которая никогда не была демократической.

Массовые партии сыграли в Европе огромную роль именно потому, что сумели подорвать принципы либерального порядка и вынудили правящие круги ограничить свою свободу и свои права в угоду требованиям масс. Первые массовые партии современного типа возникли в большинстве стран именно на основе рабочих организаций или мелкобуржуазных «народных» движений, поставивших под сомнение ценности либерального капитализма.

Массовые партии возникают тогда, когда значительная часть народа осознает: элитные политики, заседающие в парламентах, являются не представителями избирателей, а их злейшими врагами. *Партии должны, перефразируя Ленина, дать возможность «кухарке» (т. е. непрофессионалу, обычному человеку) управлять государством, участвуя в повседневной работе политической организации, контролировать политиков «снизу», влиять на их решения, требовать отчета, смещать их. Отли-*

чие партийной политики от парламентской в том и состоит, что взаимозависимость между «кухаркой» и «государственными мужами» здесь не ограничивается одноразовым опусканием бюллетеней в урну для голосования.

Антиэлитарная (а следовательно — антилиберальная) природа политических партий предопределила то, что они сыграли огромную роль не только в переходе от парламентской олигархии к современной демократии, но и в становлении тоталитарных режимов. Формирование партий было составной частью «восстания масс».

Для правящих элит создание массовых партий всегда было вынужденным ответом на давление «слева и снизу». Для плюрализма верхов парламентских фракций, различных клубов и бюрократических группировок было вполне достаточно. Они уже у власти, и чем меньше приходится отчитываться за свои действия, чем меньше участвует «посторонних» людей в принятии решений — тем лучше.

Разговоры о партиях были среди сторонников «либеральных реформ» прежде всего данью западным стереотипам. Не случайно группа Егора Гайдара попыталась создать партию лишь в 1994 г., когда эти люди почувствовали, что их оттесняют от рычагов реальной власти.

Иное дело — социалисты. Для любого социалистического проекта именно партия как механизм связи «политиков» и «масс» является ключевым вопросом. Не случайно все размежевания и переломы в истории социалистического движения сопровождались изменением подхода к партии (по этому вопросу раскололись в 1903 г. большевики и меньшевики, а в 1960-е гг. эти же проблемы играли не меньшую роль в размежевании между коммунистами, социал-демократами и «новыми левыми» на Западе).

В России социалисты, социал-демократы и коммунисты, недовольные порядками, царившими в КПСС, стремились к созданию партии задолго до того, как многопартийность была официально разрешена. Организация

партии считалась более важным делом, нежели борьба за должности и мандаты, которой увлеченно занималось большинство «демократов». Характерно, что в 1990 г. большинство лидеров левых не стало баллотироваться в народные депутаты России. Некоторые избирались депутатами и городских и районных Советов, надеясь, что это поможет объединить своих сторонников на местах.

Однако в сложившихся условиях ни Социал-демократическая, ни Социалистическая партии не смогли стать массовыми. Социал-демократы пытались идти в фарватере президентской команды, все больше лишаясь собственного лица. А когда в 1993 г. левое крыло партии выступило против политики приватизации, разгона Советов и авторитарной конституции, в партии произошел раскол. К концу 1990-х гг. параллельно существовало сразу несколько социал-демократических партий, которые продолжали размежевываться и раскалываться, подобно левацким сектам на Западе.

Что касается Социалистической партии, то с момента своего создания она вела борьбу на два фронта — против «старой и новой номенклатуры». Социалистам был плотно закрыт доступ к средствам массовой информации. Эфир был заполнен пропагандой приватизации, а газеты доказывали, что нужно либо все поделить, либо все оставить по-старому, и никто не дал слова людям, предлагавшим обсудить иные варианты. Все мрачные прогнозы, сделанные социалистами в 1989—1991 гг., подтвердились. Но самой партии от этого лучше не стало.

Разумеется, неудачи социалистов и социал-демократов объясняются не только их политическими ошибками или бойкотом в средствах массовой информации. На протяжении 1989—1993 гг. в России потерпело поражение гражданское общество. В конце 80-х рост неформальных объединений и массовое участие людей в «малой политике», когда темой дискуссии становилось строительство очистных сооружений, вырубка парков или отвод земли под детскую площадку, свидетельствовали

о возникновении у нас гражданского общества. Эти объединения были единственно органичными, выросшими «снизу» без подсказки телевидения, пропагандистских кампаний и вмешательства армии платных чиновников. История 1989—1991 гг. обычно рассматривается как история борьбы за власть «демократов» и «коммунистов», но есть и вторая история тех лет: история борьбы бюрократических «элит» за контроль над массовыми движениями. Победа любой из соперничающих сил означала конец гражданского общества. С 1990 г. по мере продвижения «демократов» к реальной власти, слабеют и отмирают народные инициативы. Вместе с ними терпят неудачу и попытки создания «снизу» широкой левой партии.

Неудача социалистов символична. Она демонстрирует поражение демократического процесса в России. Трагизм ситуации в том, что в ходе всего периода 1989—1994 гг., при всех разговорах о «переходе к демократии», базовые условия для демократического развития не только не укреплялись, а, наоборот, разрушались. Там, где нет самоорганизации граждан, парламентаризм оборачивается фарсом, выборы — соревнованием коррумпированных властолюбцев, законы — произволом законодателей.

«УМЕРЕННЫЕ» НАСЛЕДНИКИ КПСС

В условиях распада гражданского общества традиционалистские идеи оказывались особенно притягательными. После ликвидации КПСС возникло несколько новых коммунистических организаций, стремившихся либо «вернуться к истокам», либо, напротив, выработать современную доктрину, но все они апеллировали преимущественно к старым членам партии.

Особое положение занимала Социалистическая партия трудящихся (СПТ). После разгона и запрета компартии в 1991 г. она претендовала на роль официального

наследника. Численность партии достигла 80 тыс. человек, главным образом за счет бывших коммунистов. Взяв первоначально на вооружение проект Программы КПСС, который был подготовлен, но так и не принят при Горбачеве, руководство партии пыталось повторить путь восточно-европейских коммунистов, создавших социал-демократические партии на базе старых структур. Лидером СПТ стала Людмила Вартазарова, принадлежавшая к числу людей, выдвинувшихся в аппарате КПСС в последние годы перестройки, но среди идеологов партии был и знаменитый диссидент Рой Медведев.

Идеологически СПТ так и не смогла найти собственного лица, однако на первых порах имела важное стратегическое преимущество, выступая в качестве своего рода моста между умеренной частью коммунистов и некоммунистическими левыми. СПТ обладала определенными материальными ресурсами. В отличие от бывших «неформалов», члены СПТ были не очень активны, но партия имела работоспособный аппарат. Вокруг СПТ мог сложиться широкий блок левых сил. Шаг в этом направлении был сделан осенью 1992 г., на Конгрессе демократических левых сил. Однако развития данная инициатива не получила.

СПТ не скрывала своих претензий на доминирующую роль в левом лагере. Ее козырем было наличие полноценного аппарата, каковым ни одна другая организация на тот момент не обладала. Но это же предопределило и неудачу партии. Сделав ставку на бюрократические методы работы, лидеры СПТ не смогли предложить своим партнерам никакой четкой стратегической перспективы. Они сами постоянно колебались — от готовности сотрудничать с «умеренными силами» в правительстве до блокирования с националистами, казаками и монархистами из «Союза возрождения». Поскольку другие левые категорически отказывались повторять подобные зигзаги, напряжение между этой партией и всеми остальными возрастало, пока СПТ не оказалась в полной изоляции.

Положение усугубилось соперничеством с коммунистами. После того как Конституционный суд России разрешил воссоздание компартии «снизу», туда стали уходить целые организации СПТ. Не решаясь заявить открыто ни о размежевании с коммунистами, ни об объединении с ними, лидеры СПТ заняли двусмысленную позицию: участвовать в восстановлении компартии, но не входить в нее. Это предопределило развал низовых организаций СПТ.

Совершая одну ошибку за другой, лидеры партии постоянно повторяли, что их политика была на каждом этапе единственно правильной и единственно возможной, отказываясь даже обсуждать причины своих неудач. За два года партия превратилась из серьезной политической силы в малоактивную группу, утратившую всякое влияние на ход событий. В 1995 г. лидер СПТ Людмила Вартазарова вошла в руководство Конгресса русских общин, который даже при самом богатом воображении невозможно назвать левой организацией. Это означало конец СПТ в качестве самостоятельной партии.

ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ «ПРОФСОЮЗНОЙ ОППОЗИЦИИ»

Наиболее серьезной попыткой новых левых создать политическую организацию был проект Партии труда. Идея партии «лейбористского типа» дискутировалась еще в 1989—1990 гг., причем зачастую ее сторонники вдохновлялись не британским опытом, а успехами Бразильской партии трудящихся. Легко, однако, догадаться, что для реализации подобной концепции недоставало малого — политически активных профсоюзов.

В 1991 г. Социалистическая партия, объединившись с частью КАСа и группой «Марксизм XXI», ранее действовавшей в составе КПСС, преобразовалась в Партию труда. Новая партия объединила несколько идеологических течений — от социал-демократов до революционных

марксистов, но различия между идеологическими платформами внутри ПТ были не так важны, как разнообразие взглядов по вопросам текущей политики. В отличие от соцпартии 1990—1991 гг., ПТ была тесно связана с традиционными профсоюзами и стремилась стать политическим выразителем их интересов, однако внутри Федерации независимых профсоюзов России не было единства по вопросу о том, нужна ли вообще такая партия.

По мере того как социальные издержки реформ становились очевидными, ФНПР левела. Начав с «критической поддержки» правительства, федерация постепенно превратилась в его жесткого оппонента. Стремясь покончить с господством коммунистической идеологии в профдвижении, лидеры ФНПР постоянно подчеркивали, что профсоюзы должны дистанцироваться от политических партий, но обострившийся конфликт с властью показал, что остаться вне политики не удастся.

Быстрее всего это поняли в Московской федерации профсоюзов, возглавлявшейся Михаилом Шмаковым. Лидеры МФП принесли с собой новый стиль и новые идеи. Именно Шмаков первым в профсоюзном движении России пошел на диалог с молодыми радикалами из неформальных организаций. Левые активисты, еще недавно яростно нападавшие на «старую профсоюзную бюрократию», оказались в числе ее консультантов. Оптимисты надеялись, что новые люди и идеи преобразуют старую структуру, а пессимисты предрекали, что структура все это «переварит», развратит и интегрирует левых. Опыт последующих двух лет показал, что в известном смысле сбылись оба предсказания. Структуры менялись, но менялись и люди.

Одним из первых перешел на работу в профсоюзы Андрей Исаев — бывший лидер московских анархистов, идеолог КАС, организатор оппозиционных митингов 1987—1988 гг. Сменив красно-черное знамя на кресло главного редактора газеты «Солидарность», он за несколько месяцев превратил ее из скучного ведомствен-

ного листка в живое и оригинальное издание. Привлечение в «Солидарность» молодых и талантливых авторов — представителей «неортодоксальной левой» — сделало эту газету в первой половине 1992 г. заметным органом оппозиции. Тираж вырос с 5 тыс. в августе 1991-го до 25—30 тыс. в 1993 г., среди ее читателей оказались не только профсоюзные функционеры и активисты, но и молодая интеллигенция. Публиковаться в «Солидарности» стало для левых престижным, несмотря на то, что МФП финансово третировала газету, тираж газеты, случалось, из-за отсутствия средств падал с 20 до 5 тыс., и главному редактору приходилось для поддержания ее на плаву продавать часть редакционного оборудования или брать займы в банках на собственное имя. Сотрудники газеты работали «за идею», довольствуясь нищенской зарплатой. Однако среди авторов были журналисты, параллельно работавшие на «Независимую газету», «Правду» и т. д.

В то же время ФНПР, формально располагавшая двумя национальными газетами («Труд» и «Рабочая трибуна»), все в большей степени утрачивала контроль над ними. Газеты превращались из профсоюзных в «издания для домашнего чтения». А «Труд», поставивший в СССР рекорд тиража ежедневной газеты (в 1989—1990 гг. тираж «Труда» доходил до 20 млн экземпляров), игнорировал профсоюзную тематику. «Рабочая трибуна», ставшая совместным изданием профсоюзов и директорского корпуса, несмотря на сугубо «пролетарское» название, превратилась в рупор директоров.

Обосновывая позицию профсоюзов, Исаев выдвинул тезис о необходимости «левого консерватизма». Анализируя последствия неолиберальных реформ в России и Англии, бывший идеолог анархизма пришел к выводу, что левые уже не могут быть революционной силой. «Крушение системы «государственного коммунизма» и коммунистического движения с одной стороны, и победоносное шествие неолиберализма, разрушающего социальные гарантии и принципы общественной солидарности во имя эффективности индустриального производства

с другой, — привели к тому, что «левые» во всем мире (а не только в России и Англии) оказались в роли консерваторов, защищающих островки социализма, давно уже ставшие частью мировой цивилизации.

Роль консерваторов для «левых» вынужденная. Она связана с оборонительной позицией, которую «левые» занимают. Наступать им некуда, ибо собственные общественные идеалы оказались дискредитированы: государство в роли регулятора всех процессов жизни оказалось не слишком эффективным; а прожекты анархистов, «новых левых», зеленых, так и остались пока экзотикой.

Но «левые» ценности — социальная защищенность людей, общественный сектор экономики, свободный труд — не только осуществились во множестве общественных институтов, но и стали частью мировой культуры. Как и подобает консерваторам, левые встали на защиту культурных ценностей от технократического подхода новых «прогрессистов»[90].

На протяжении 1990-х гг. стремление соединить социалистическую идеологию и консервативные ценности все больше овладевало левыми на территории бывшего Советского Союза. Владимир Шилов на страницах «Свободной мысли» также писал про «широкий спектр сил, которые можно отнести к социалистическому реформистскому консерватизму». Ясное дело, консервативные ценности должны «присутствовать в обществе не менее сильно, чем либеральные ценности свободы и самовыражения»[91]. Идеология «левого консерватизма» вполне устраивала профсоюзные верхи и до известной степени была созвучна настроениям масс. Однако выразителем «левого консерватизма» в российской политике стали не профсоюзы, а восстановленная компартия. Профсоюзы были слишком связаны с государством и директорским корпусом, а потому были не в силах выработать собствен-

---

[90] *Исаев А., Шубин А.* Демократический социализм — будущее России. М., 1995. С. 57.

[91] Свободная мысль. 1995. № 3. С. 74, 77.

ную идеологию. Коммунисты в своем консерватизме были честнее и последовательнее.

В любом случае идеология «левого консерватизма», сводившаяся к минималистским и оборонительным требованиям, обрекала движение на неудачу. В условиях России 1990-х гг. задача «сохранения завоеванного» быстро уступала место задаче нового радикального преобразования. Режим Ельцина разрушил не только «социальные завоевания трудящихся», но подорвал элементарные основы цивилизованной жизни для большинства населения. Концепция «левого консерватизма» должна была бы логически перерасти в стратегию «социального реванша трудящихся».

Радикализация профсоюзов однозначно толкала их в оппозиционный лагерь и тесно связывала их судьбу с судьбой русских левых. Но эта инерционная система отставала от развития событий. Пытаясь наверстать отставание, лидеры ФНПР выступали с жесткими заявлениями, не умея подкрепить угрозы действиями. И не потому, что рядовые члены профсоюзов их не поддерживали — требования профсоюзов отражали настроения большинства их членов, что подтверждается не только множеством резолюций заводских и цеховых собраний, но и социологическими опросами. Просто бюрократия ФНПР была не способна организовать массы, а тем более вести их за собой.

Лидер ФНПР Игорь Клочков и его окружение колебались между участием в центристском «Гражданском союзе» и Партией труда. Однако ПТ была слаба, а в ФНПР не было решимости всерьез взяться за создание политической организации. Лишь аграрный профсоюз принял твердое решение и начал действовать самостоятельно. В результате Аграрная партия России заняла четвертое место на выборах 1993 г.

Переворот сентября — октября 1993 г. был не только поражением оппозиционных сил, но и началом острого кризиса ФНПР, который не мог не затронуть Партию труда и других левых, связанных с «лейбористским проектом».

После расстрела Белого дома перепуганные руководители федерации вынудили своего лидера подать в отставку. В октябре 1993 г. был созван чрезвычайный съезд. Председателем ФНПР стал Шмаков. Он оказался у руля организации, раздираемой противоречиями, потерявшей перспективу и веру в себя. Сам Шмаков уже не был похож на задиристого радикала, каким он был в конце 1980-х гг.

Пока руководство ФНПР левело, руководство Московских профсоюзов правело. После ухода с поста мэра столицы скандально известного профессора Гавриила Попова и замены его профессиональным администратором Юрием Лужковым, столичные профсоюзы все более становились частью городской системы управления. Впоследствии эта тенденция получила своеобразное «материальное» воплощение: в 1994 г. руководство МФП разместилось в здании Московской мэрии. Такой поворот стал возможен благодаря улучшению социальной ситуации в столице. Высокооплачиваемые трудящиеся Москвы становились более умеренными, а в провинции быстро нарастало недовольство.

По мнению нового руководства ФНПР время забастовок и баррикад кончилось. Газета «Солидарность» начала отстаивать идеи «социал-демократии с русской спецификой», радикальные авторы покинули издание. Оно стало утрачивать оригинальный стиль, некогда обеспечивший его успех. Газета скучнела, в редакции начались раздоры. Кульминацией кризиса стала попытка группы сотрудников издания создать независимый профсоюз. Проявив неожиданную твердость, руководство железной рукой подавило бунт. Обе стороны в этом конфликте показали себя не самым лучшим образом: и те и другие давно утратили первоначальный идеализм и чувство солидарности. Радикализм 1980-х гг. уступал место стремлению к респектабельности. Тираж опять упал до 5 тыс., распространители-добровольцы разбежались, газета исчезла с улиц и предприятий, став чтением для профсоюзной бюрократии.

На декабрьских выборах 1993 г. руководство ФНПР не выступило отдельным профсоюзным списком и отказалось поддерживать какой-либо список. На практике это вылилось в поддержку профсоюзными структурами на местах и отраслевыми профсоюзами различных избирательных блоков, к которым они тяготели в силу корпоративных связей, в первую очередь — «Гражданского союза». Но «Гражданский союз» потерпел на выборах сокрушительное поражение. Более успешно действовал профсоюз работников агропромышленного комплекса, который поддержал Аграрную партию России (АПР) и провел в Государственную думу трех своих представителей (включая Председателя ЦК профсоюза А. Давыдова). По списку АПР прошел и свергнутый лидер ФНПР Игорь Клочков. Поскольку АПР по сути была «аграрным сектором КПРФ», такая позиция Агропрофсоюза выглядела как демонстрация оппозиционности руководству ФНПР во главе со Шмаковым.

Декабрьские выборы символизировали разрыв «команды Шмакова» с Партией труда. Как и многие другие оппозиционные организации, Партия труда выборы бойкотировала. Однако она не смогла стать серьезной силой внепарламентской оппозиции. К началу 1994-го она окончательно распалась. Часть активистов партии продолжала группироваться вокруг журнала «Альтернативы» и Олега Смолина, избранного в 1995 г. в Государственную думу.

Такой финал был огорчительным, но закономерным. Крах неформального движения и резкое изменение «правил игры» в 1991—1992 гг. не давали возможности для успешной работы по созданию партийных структур. Не имея собственных организационных ресурсов, радикальные левые стали заложниками профсоюзной бюрократии. А социальная база «новых левых», пытавшихся выразить настроения модернизированных слоев трудящихся в крупных городах, оказалась существенно уже, чем у традиционалистов, которые на какое-то время выглядели единственной серьезной оппозицией.

ВОЗВРАЩЕНИЕ КОММУНИСТОВ

Попробовав прелестей реформ, рядовые избиратели с ностальгией вспоминали о сытой жизни при Брежневе. Да и демократические свободы были введены еще под властью коммунистической партии. Теперь все больше людей стремилось вернуться назад. Но не в сталинское прошлое, а в то почти идеальное «промежуточное» (или — нормальное) состояние, когда цензуры и слежки уже нет, а приватизация и развал еще не начинались.

Нарастающее противостояние власти и общества в России ставило в порядок дня вопрос о радикальной альтернативе. Левые партии не были к этому готовы. Самой массовой из них оставалась возрожденная Коммунистическая партия Российской Федерации. Выборы 1993 г. были для нее лучшим временем. Став гонимыми, коммунисты вновь оказались привлекательны. Партия еще не успела натворить ошибок, она смотрелась как влиятельная традиционная сила. Миллионы людей голосовали за нее, не задумываясь о проводимой партией политике — просто по традиции. Брань в газетах и по телевидению скорее пошла ей на пользу. Массы пенсионеров готовы были поддерживать партию просто по привычке.

На деле все обстояло менее идиллически. Получив голоса на выборах, коммунисты не имели ни четкой стратегии, ни ясного плана действий. С прошлым тоже далеко не все было ясно. На фоне провала капиталистических экспериментов советское прошлое выглядело привлекательнее, а потому критический анализ пройденного СССР пути лидеры компартии предпочитали отложить до лучших времен. В то же время они сами стали частью новой элиты, заседали в Государственной думе, у них были собственные «красные» капиталисты, нагревшие руку на приватизации. Идеологический традиционализм соединился с откровенными попытками приспособиться к новому порядку.

Медлительность была как бы «стилем» компартии. Основательные и солидные, ее лидеры постоянно упус-

кали тактическую выгоду. Невнятность политической линии заменялась «патриотической» риторикой. Зюганов сделал своим коньком патриотизм. Социальные проблемы отошли на второй план, о классовой борьбе ни слова. Эта умеренность не вознаграждалась публикой: как бы ни старались лидеры партии доказать свою «респектабельность», страшно далеки были они от образа «настоящей» современной социал-демократии. Да и на поприще патриотической деятельности можно было найти политиков, которым удавалось делать заявления куда круче Зюганова.

В отличие от других бывших «братских» партий КПРФ не смогла ни обновиться, ни расколоться, ни даже сохранить свои традиции. Судьба официальной «левой» оппозиции в Государственной думе оказалась весьма похожа на судьбу традиционных профсоюзов. Как отмечал политолог Павел Кудюкин, КПРФ являет собой «замечательный образчик политического кентавра» — по своей реальной политике она является правонационалистической консервативной партией, выражающей интересы «наиболее заскорузлых слоев бюрократического капитала». Но при этом в своих идеологических построениях она претендует на «левизну» и действительно «привлекает поддержку традиционалистски-левого, а отчасти даже демократически-левого электората (последнего — за отсутствием лучшего)». Став исключительно парламентской, компартия сохранила все черты бюрократической организации и в результате «так и не стала выглядеть цивилизованной оппозицией, но зато оказалась вполне внутрисистемной»[92].

Подобные противоречия предопределили зигзаги и виражи «партийной линии». Показательно отношение КПРФ к Сталину. С одной стороны, лидеры партии подтвердили верность решениям XX съезда КПСС и постановлению ЦК КПСС от 30.06.1956 г., осудившим сталинские репрессии. Но с другой стороны, они видели в этих

---

[92] Панинтер. Январь. 1997. № 2. С. 3.

репрессиях «трагические заблуждения и борьбу за власть», одновременно отдавая должное роли Сталина как «великого государственника»[93]. Объясняя причины крушения коммунистической системы в Советском Союзе, они заявляли, что в КПСС «сложились два крыла, а по сути два течения»[94]. Одно, «плохое», ответственно за бюрократизацию и неэффективность экономики, антидемократическую практику и репрессии. Другое, «хорошее», способствовало великим успехам советского народа (индустриализация, победа в войне, развитие образования и социальных гарантий). «Плохое» крыло в основном состояло из деятелей с неславянскими фамилиями. КПРФ, естественно, является продолжателем традиций «хорошего» крыла.

Эта концепция two in one позволяла КПРФ отмежеваться от прошлого, не осуждая его. Ссылки на противоречивость исторического процесса давали возможность удовлетворить сталинистов и антисталинистов, коммунистов-реформаторов и догматиков. Однако вопреки риторике, именно в новой партии складывалось два или несколько течений с весьма разными представлениями о перспективах, целях и задачах организации.

Геннадий Зюганов, избранный лидером на восстановительном съезде, пытался соединить умеренную политику с националистической риторикой, равно отталкивавшей как радикальных левых, так и центристских избирателей, пугавшихся дружбы Зюганова с шовинистами. Поворот части коммунистических лидеров к национализму вполне понятен на фоне распада мирового коммунистического движения. Коммунистическая партия в России уже не могла представлять ядро международного политического течения. Об этом открыто заявляли и идеологи КПРФ. Отвечая на вопрос о том, почему из их про-

---

[93] 60 вопросов к Компартии Российской Федерации. Воронеж, 1995. С. 25, 26.

[94] III Съезд КПРФ 21—22 января 1995 г. // Материалы и документы. М., 1995. С. 106.

граммы партии изъят лозунг «пролетарии всех стран, соединяйтесь!», они писали, что этот лозунг «сегодня не отражает реальную готовность международного рабочего и коммунистического движения к массовой солидарности»[95]. Во времена Маркса, когда впервые прозвучал лозунг пролетарского единства, практическая готовность к солидарности была еще меньше. Но Маркс и Энгельс исходили из принципиальных позиций, тогда как Зюганов и его окружение — из бюрократических представлений о «реальной политике».

Идеологи КПРФ предпочитали черпать вдохновение в «русской специфике». Однако успех КПРФ в действительности был предопределен не особенностями загадочной русской души, отвергающей буржуазный прогресс, а неудачей неолиберальной модели капитализма. Причем эта неудача оказалась глобальной. Тем самым возникала как раз потребность в совместных действиях левых разных стран, в новом интернационализме. Потребность, которую руководство компартии не могло и не хотело удовлетворить.

После выступлений генерала Макашова против евреев западные коммунисты стали посылать КПРФ недоуменные письма, а иногда и угрожали, что прекратят с КПРФ любые отношения, если Макашов и его единомышленники не будут исключены из партии[96]. Наивные люди, они не понимали, что лидеры КПРФ скорее исключили бы из партии Ленина, как не проявившего должного патриотизма в годы Первой мировой войны.

Идеологи правого крыла компартии объединились вокруг организации «Духовное наследие», группировки, которая, по ироничному замечанию журналиста Анатолия Баранова, «получила свое наследие в виде сугубо денежных средств, корни которых произрастают

---

[95] 60 вопросов к Компартии Российской Федерации. Воронеж, 1995. С. 56.

[96] См., например, позицию немецкой Партии демократического социализма: Brief des PDS-Vorstandes an das ZK der KP der Russischen Föderation. PDS Pressedienst, 1999, Nr. 1. S. 3.

не столько из «золота партии», сколько из группы московских банков»[97]. «Духовное наследие» объявило себя наследником «невиданной русской цивилизации»[98]. По мнению его идеолога Алексея Подберезкина, патриотизм есть «биологический защитный механизм — естественное состояние любого индивида»[99]. Согласно теории Подберезкина, на основе патриотизма должна произойти консолидация элит, а левая оппозиция должна интегрироваться во власть для того, чтобы предотвратить «стихийный бунт» оголодавшего населения, когда «толпа делает лидеров». А быть радикалом «очень недальновидно»[100].

Консолидация элит, в соответствии с представлениями национал-коммунистов, вовсе не должна вести к устранению капитализма. Проблемой является не капитализм, а засилье иностранцев: «Мы спасем частную квартиру от грабителя, а торговую лавку — от рэкетира. Мы защитим коммерческий русский банк от иноземного „Чейз Манхеттен" или „Баварского банка"»[101]. Если на первых порах альянс Зюганова и Подберезкина мог казаться тактическим, то понемногу начинала вырисовываться новая стратегическая линия. Даже после того как между КПРФ и «Духовным наследием» произошел разрыв, линия партии не изменилась. Скорее наоборот, она стала еще более националистической. Руководство КПРФ констатировало, что в условиях глобализации «главное — не противоречие между трудом и капиталом», а «более широкое противоречие сил космополитизма и патриотизма»[102]. В свою очередь космополитизм не сводился идеологами партии к банальному еврейскому заговору. Зюганов заговорил о «мировой закулисе», которая, вдохновляясь идеями «мондиализма», строит козни

---

97 Экономика и жизнь. Февраль. 1996. № 5. С. 5.
98 Духовное наследие. 1996. .№ 5. С. 3.
99 Там же. 1996. № 4. С. 1.
100 Независимая газета. 28.12.1996.
101 Духовное наследие. 1996. № 5. С. 4.
102 Век. 1997. № 4. С. 4.

против России уже на протяжении нескольких столетий. И еврейско-масонский заговор, и большевистский «экстремизм» (воплощенный прежде всего в Троцком), и неолиберальные преобразования — все это не более чем проявления подрывной работы этой «мировой закулисы». «Мировая закулиса» есть некое социальное воплощение Сатаны, вездесущее и неуловимое. Капитализм как таковой перестает быть серьезной проблемой, даже еврейско-масонский заговор воспринимается лишь как частное проявление вселенского зла. И лишь русский народ стоит на страже добра и света, а потому подвергается постоянным притеснениям и издевательствам.

Идеологическая линия Зюганова находилась в явном противоречии с историческими традициями коммунистического движения. Лидер КПРФ, по сути, признал это, когда называл в качестве своих теоретических источников труды «представителей так называемого „консервативно-охранительного" лагеря Н. Я. Данилевского и К. Н. Леонтьева», а также Вл. Соловьева, Н. Бердяева, С. Булгакова и других религиозных мыслителей рубежа веков[103]. Наряду с русскими дореволюционными источниками своей идеологии, Зюганов называет и ряд западных. Первым из них является О. Шпенглер. Но не только. «Следует, на наш взгляд, внимательно отнестись к ключевым положениям всемирно известной теории исторического развития человечества Арнольда Тойнби, а также к концепции „конца истории" Френсиса Фукуямы»[104]. Из авторов советского периода упоминается только идеолог новых правых Лев Гумилев[105].

Большинство перечисленных мыслителей были открыто враждебны марксизму и социализму, не говоря уж о большевизме. Поворот от социалистической традиции

---

[103] *Зюганов Г. А.* Россия и современный мир. М., 1995. С. 16.

[104] Там же. С. 18.

[105] О взглядах Л. Гумилева и их связью с фашистской расовой теорией см. подробнее *Kagarlitsky B.* The Thinking Reed. London: Verso, 1988.

к национал-консерватизму требовал и отказа от концепций классовой борьбы. В бывших советских республиках и России, по мнению Зюганова, борьба ведется не между основными классами и социальными слоями, а «между правящими режимами, опирающимися на узкий слой либо компрадорской, либо националистической «ворократии», стремящейся к слому евразийской цивилизации в лице России и остальным населением: между объединительными тенденциями развития России и субъективными, волюнтаристскими устремлениями захватившей в стране власть узкой корпоративной группы»[106].

Ностальгическое отношение к советскому прошлому легко уживалось в руководстве КПРФ с неприятием революционных традиций. Зюганов никогда не скрывал, что социальный порядок, характерный для царской России, был для него образцом гармонии. Даже закрепощение крестьянства являлось, с его точки зрения, весьма полезным установлением, ибо такая система обеспечивала «весьма высокий по тем временам уровень своеобразного социально-политического равенства. Любой дворянин являлся таким же крепостным у государства, как крестьянин у помещика»[107]. Самодержавная власть, обеспечивающая своим подданным равенство в бесправии, а не гражданское равенство в правах, оказывается в центре зюгановской ретроутопии. Важную роль в поддержании подобного порядка играла православная церковь, в деятельности которой лидер коммунистов увидел «необходимое условие» духовного единства и развития нации[108]. «Сложившийся в результате этих правил баланс интересов различных сословий оказался весьма эффективным и предопределил быстрый всплеск русской державной мощи»[109]. Самодержавная идиллия, однако, раз-

---

[106] *Зюганов Г. А.* Россия и современный мир. С. 23.

[107] *Зюганов Г.* Россия — Родина моя. Идеология государственного патриотизма. М.: Информпечать, 1996. С. 326.

[108] Там же С. 352.

[109] Там же. С. 326.

рушилась из-за того, что национальная элита стала с течением времени пренебрегать своим долгом. Потому спасение России лежит не в классовой борьбе и разрушительных радикальных идеях, а в том, чтобы обеспечить «нормальный, эволюционный путь воспитания мудрой, волевой и нравственно безупречной национальной элиты»[110].

Ностальгию Зюганова вызывал, таким образом, не революционный порыв большевиков, а воцарившийся позднее консервативный порядок, апогеем которого было правление Леонида Брежнева. «Многие из тех, кто в общем отвергает социализм, — пишет венгерский исследователь Тамаш Краус, — испытывают ностальгию по такой системе, которая больше всего напоминает брежневское „государство всеобщего благоденствия". В парадоксальной формулировке это означает „коммунизм без коммунистов". (Это явление, между прочим, отчетливо наблюдается в Венгрии, где люди хотят „кадаризма без коммунистов", причем подобные социальные устремления, конечно, могут служить основой и для политики крайних правых сил.)»[111]

Брежнев и Кадар воспринимались в данном случае не как лидеры коммунистических партий, а как государственные деятели, при которых у всех была работа и зарплата. Но лидеры партии были в достаточной степени реалистами, чтобы понимать: возврат к прошлому невозможен. Ностальгия органично сочеталась у них с беспринципным приспособлением к капиталистическому настоящему.

Для многих членов партии это было уже слишком. Активист КПРФ, скрывшийся за псевдонимом П. Алеев, писал в журнале «Альтернативы», что критиковать Зюганова за отход от марксизма нельзя, ибо он «марксистом никогда не был и, следовательно, марксизму никогда не изменял»[112]. На III съезде КПРФ лидер московских

---

[110] *Зюганов Г.* Россия — Родина моя. Идеология государственного патриотизма. М.: Информпечать, 1996. С. 345.

[111] Конец ельцинщины. С. 157.

[112] Альтернативы. 1994. № 1. С. 79.

коммунистов Александр Шабанов напомнил, что рядовые члены партии требуют «дать анализ основных противоречий современной эпохи, противоречий между трудом и капиталом, современной расстановки классовых сил»[113]. Разумеется, этот призыв не произвел на лидеров партии никакого впечатления.

До тех пор, пока российское общество находилось после катастрофы 1993 г. в состоянии тяжелой психологической депрессии, пока большинство трудящихся не готово было бороться за свои права, не способно было к самоорганизации и не осознавало собственные интересы, организация, подобная КПРФ, могла сохранять своеобразную монополию на оппозиционную деятельность. Но как только общественная и политическая жизнь в стране начала оживать, у партии Зюганова начались трудности.

---

[113] III Съезд КПРФ 21—22 января 1995 г. // Материалы и документы. М., 1995. С. 47.

Часть II

От стабилизации к катастрофе (1994—1998)

[Глава 5]

Слово и дело

После переворота 1993 г. начинается период институционализации ельцинского режима. Ельцинская конституция в целом соблюдалась. Давалось это не без труда, власть постоянно оказывалась на грани «выпадения из правового поля», слухи о новом перевороте сверху, отмене выборов, запрете оппозиционных партий сопровождали политическую жизнь на протяжении всего этого периода. И все же Кремль старался соблюдать правила игры. Насильственными методами российская власть действовала только в Чечне в 1994—1996 гг. Война воспринималась обществом крайне негативно, но то, что происходило в Чечне, по сути уже не было частью внутриполитической жизни страны.

Ельцинскую конституцию соблюдали не потому, что она была лучше или менее противоречива, чем последняя «советская» конституция, расстрелянная танками в октябре 1993 г. Она была хуже. Ее текст изобиловал «темными местами», несообразностями и противоречиями. Как, например, быть с «разделением властей», если губернаторы являлись по совместительству и сенаторами, заседавшими в Совете Федерации? Как быть с многочисленными правами, провозглашенными, но не гарантированными? Но конституция более или менее работала просто потому, что соответствовала целям и задачам тех, кто ее сочинил. В сущности, конституция была сделана Ельциным «под себя».

Основной закон Российской Федерации, принятый в 1993 г., был весьма своеобразен. Например, «вотум недоверия правительству» трактовался в нем совершенно уникально: после первого вотума недоверия не происходит вообще ничего; если в течение двух недель правительству выносят второй вотум недоверия, опять не происходит ничего, зато после третьего вотума недоверия распускается парламент. Правительство, которому депутаты выразили недоверие, разумеется, остается.

Президент получил возможность постоянно шантажировать Думу разгоном. Однако применять эти угрозы на практике не требовалось. Депутаты, понявшие урок 1993 г., много ругали правительство, но когда дело доходило до голосования, вели себя исключительно послушно. Это был парламент запуганных, ассамблея побежденных. После 1993 г. главная «гарантия» стабильности, по признанию Пастухова, — «неуверенность для оппозиции в том, что к ней не будут применены репрессии»[114].

Основой политической системы в России после 1993 г. (как в Казахстане, в Белоруссии или в Грузии) сделалась сильная президентская власть. Формально Россия встала в один ряд с президентскими республиками Запада, но на практике речь идет о весьма специфическом явлении, не находящем аналогий в странах развитого капитализма.

«Российская президентская система не должна смешиваться ни с американской, ни с французской, поскольку она, несмотря на все „институциональное тождество или сходство", имеет совершенно другую социальную базу, историческую функцию, психологию», — пишет Тамаш Краус. «Естественно, российская президентская власть — это особый авторитарный режим, и Ельцин стоит ближе к Пиночету, чем к Рейгану или Тэтчер. В то же

[114] *Пастухов В.* Цит. соч. С. 143.

время речь идет о новом историческом явлении, поскольку оно представляет собой такую своеобразную смесь определенных элементов буржуазной демократии, политической диктатуры и самодержавия, которая позже сама станет источником аналогий для настоящего и будущего развития стран, осуществивших смену режима. В этом состоит историческая оригинальность ельцинщины как президентской системы»[115].

Специфика ельцинского президентства объясняется его исторической и социальной ролью. Интегрируясь в капиталистическую миросистему, страны бывшего Советского Союза сталкивались с почти неразрешимым противоречием. С одной стороны, раздел собственности, резкое усиление имущественного неравенства и перераспределение ресурсов в пользу мирового капиталистического центра создавали такое социальное напряжение, что поддерживать демократические институты было невозможно. Буржуазная традиция предполагает, что многочисленный средний класс является основой стабильной демократии. Насколько верно это суждение — вопрос другой, но бесспорным фактом является крайняя слабость и малочисленность среднего класса в России, на Украине или в Казахстане времен капиталистической реставрации. Наиболее адекватен такому состоянию общества оказывался авторитарный режим. Но с другой стороны, интеграция бывших советских республик в мировую систему требовала принятия целого ряда стандартов, в том числе и правовых. Без уважения к праву не может быть эффективно функционирующей частной собственности.

Попыткой разрешить это противоречие были сверхпрезидентские конституции в России и других постсоветских странах. Они благословляли режим личной власти, сводя к минимуму возможности общества влиять на политический процесс, но в то же время создавали для личной власти президента определенную правовую основу и придавали ей «демократическую» форму.

---

[115] Конец ельцинщины. С. 154—155.

Запад вполне терпимо относился к такой разновидности демократии, при условии что экономическая и внешняя политика режима соответствовала его интересам. Когда президенты Казахстана и Узбекистана продлили свои полномочия путем референдума, официальные лица в Вашингтоне не сочли это особым нарушением гражданской свободы. Так же и преследование оппозиции в Грузии оставалось совершенно незамеченным в Западной Европе и США вплоть до 2003—2004 гг., когда режим Шеварднадзе в Тбилиси начал рушиться. В этот момент Запад внезапно осознал, что Шеварднадзе диктатор, а затем так же некритически поддержал пришедший ему на смену новый режим. Осудив бомбардировки и нарушение прав человека в Чечне, европейские и американские дипломаты сделали все возможное, чтобы эти декларации не имели для России никаких практических последствий. Зато когда в Белоруссии президент Александр Лукашенко продлил свои полномочия таким же способом, как его коллеги в Средней Азии, на Западе поднялась буря негодования.

На самом деле в качестве президента Лукашенко был не лучше и не хуже других. По сравнению с лидерами Казахстана, Грузии или Узбекистана он даже мог бы выглядеть демократом. Но на свою беду он осмелился пойти против воли Международного валютного фонда, отвергнув его экономические рецепты и отказавшись приватизировать промышленность. Хуже того, он отказался и от геополитического партнерства с Западом, пытаясь возродить связи с бывшими «братскими республиками» СССР.

Лукашенко, как и Ельцин, разогнал неугодный парламент и переделал конституцию. Запад ответил возмущением, которое было столь же интенсивным и единодушным, как и поддержка точно таких же мер Ельцина. В Белоруссии, как и в России, после установления нового порядка оппозиция была лишена всякого влияния на принимаемые решения, а руки у президента развязаны. Проблема Белоруссии была не в авторитаризме

Лукашенко, а в том, что его политика не соответствовала рецептам Международного валютного фонда.

И все же главной причиной того, что в России правовые нормы в 1994—1999 гг. более или менее соблюдались, была экономическая стабилизация, достигнутая правительством Виктора Черномырдина. Это была странная стабильность, поскольку производство продолжало падать. Но страна обрела некоторую устойчивость.

Основные ресурсы были поделены, сложились крупные финансово-промышленные группы, под контролем которых оказались почти все финансовые потоки и наиболее прибыльные производства. Лидеры этих групп не случайно получили в прессе название «олигархов». Их влияние обеспечивалось не только огромными финансовыми возможностями, но и близостью с властью. По определению одного из московских журналистов, олигархи — это капиталисты, которые «целиком и полностью зависят от государства»[116]. Поскольку инвестиционная активность олигархов была минимальной, именно правительство в конечном счете обеспечивало воспроизводство. Но и власть в свою очередь зависела от олигархов, лоббировавших свои интересы, оплачивавших политические и пропагандистские кампании официальных политиков, а зачастую просто содержавших «нужных» чиновников.

Коррупция стала функциональной частью системы, формой связи между бюрократией и ведущими экономическими группами, без которой невозможны были бы ни развитие предприятий, ни принятие решений в государстве. Коррупция «упорядочилась», «нормализовалась». Борьба с коррупцией в *подобной системе* становится не только бессмысленной, но и вредной — любая серьезная попытка такой борьбы немедленно дезорганизует хозяйственные связи, приводит к управленческому параличу. В свою очередь коррупционные отношения,

---

[116] Власть. 17.08.1999. № 32. С. 29

типичные для элит общества, своеобразно воспроизводились на среднем уровне и даже в низах. Страна, разучившаяся работать, отчаянно старалась решить свои проблемы каким-нибудь другим способом.

ХАЛЯВЩИКИ

29 июля 1994 г. на Варшавском шоссе в Москве можно было видеть необычное для тех мест зрелище: толпа народа с самодельными плакатами и портретами малоизвестного человека в очках выкрикивала невразумительные лозунги, что-то скандировала, ругалась с милицией. Это была не оппозиционная демонстрация, а собрание акционеров компании МММ. В тот день руководитель компании Сергей Мавроди, обвиненный в уклонении от уплаты налогов, сославшись на притеснения государственных чиновников, постановил снизить курс акций со 105 тыс. рублей до 1 тыс., а затем и вообще прекратил продажу акций. Логично было бы предположить, что тысячи разоренных им акционеров попытаются разгромить офис компании. Но на Варшавском шоссе происходило прямо противоположное: большинство акционеров требовали от государства возместить им ущерб, освободить МММ от уплаты налогов и клялись в преданности Сергею Мавроди.

Говорить, будто Мавроди уклонялся от уплаты налогов, было бы вопиющей несправедливостью. Подобно другим русским бизнесменам, он просто иногда делился с государством, отдавая столько, сколько считал нужным. По Москве упорно ходили слухи о том, что лидеры МММ и налоговые службы просто не договорились о сумме взятки. Но в любом случае кризис МММ был тесно связан с бюджетным кризисом России. Приватизировав доходные предприятия, не имея возможности собирать налоги с обнищавшего населения, правительство пыталось заставить бизнесменов уплатить хотя бы часть того, что следовало. Мавроди увидел в этом личное оскорбление,

а заодно и великолепный повод избавиться от обязательств перед акционерами. Конфликт приобрел политическую окраску. Акционеры оставались верны Мавроди, что бы он с ними ни делал, но и власть «пошла на принцип». Победа Мавроди в этой ситуации означала бы, что отныне ни один предприниматель не будет считать себя обязанным платить налоги, а правительство вынуждено будет компенсировать акционерам любых компаний каждое понижение курса ценных бумаг.

Компенсации акционерам МММ государство платить отказалось, а Мавроди был арестован за сокрытие от налогообложения доходов в особо крупных размерах.

Произвольно «уронив» курс своих акций, МММ не только разорил сотни тысяч своих вкладчиков, но и дестабилизировал рынок ценных бумаг. Игра, начатая МММ, затрагивала множество компаний и банков. Эфир был заполнен рекламой фирм, предлагавших покупать свои акции, облигации, векселя или класть деньги под немыслимые проценты. Формально обещание 400 или даже 1000% в год оправдывалось ссылками на высокую инфляцию. Но на самом деле эти непомерные проценты стали обещать лишь после того, как инфляция снизилась до 8—10% в месяц. К тому же по долларовым вкладам финансовые компании обещали не менее грандиозные выигрыши — до 80% годовых!

Все прекрасно понимали, что курсы завышены, что деньги делаются из воздуха, что рано или поздно курс акций упадет. Компании работали по принципу пирамиды, когда старым вкладчикам деньги платят за счет средств, внесенных новыми. Почти все фирмы рассказывали небылицы о своих инвестиционных проектах, но спекуляция собственными и чужими ценными бумагами оставалась единственным видом деятельности, приносившим прибыль. Периоды биржевого ажиотажа неизменно заканчиваются резким спадом. Но никто не знал, когда это случится, а миллионы мелких акционеров, ничего не понимающих в законах рынка, надеялись, что это

будет длиться если не бесконечно, то так долго, как хочется.

В 1992—1993 гг. на фоне катастрофического спада экономики в России возникали и процветали сотни новых фирм. Это были не только биржевые спекулянты и организации, занимавшиеся перераспределением собственности. Переход к капитализму и западной модели потребления неизбежно создавал «новое пространство бизнеса». Как грибы после дождя росли биржи и банки, развивалось индивидуальное жилищное строительство, сфера услуг, производство рекламы и т. п. Если вчера в Москве вообще почти не продавали дорогие западные марки машин, то сегодня появлялись не только автомагазины, но и станции техобслуживания. Открывались рестораны, казино, турагентства. Вместе с новыми услугами создавались и новые рабочие места. Люди, работавшие в этом «новом секторе», получали сносную зарплату.

Потребление новых русских росло за счет разрушения бывшего государственного сектора, и тем самым «старые» отрасли косвенно субсидировали «новые». Процветание «нового сектора» было зыбким. Эффективность была крайне низкой. Высокие прибыли и хорошая зарплата были возможны лишь до тех пор, пока речь шла просто о заполнении вакуума, а каждая новая фирма по существу была монополистом. Можно говорить даже о своеобразном «буме на фоне спада». Локомотивом, вытаскивающим экономику из депрессии, эти отрасли служить не могли, но некоторые фирмы могли процветать. На этой основе стал возможен и биржевой бум. Ситуация резко изменилась в 1994 г. «Новые рынки» достигли насыщения, а затем конъюнктура здесь тоже начала ухудшаться под воздействием общего спада производства.

В «новом секторе» возник кризис перенакопления капитала. Перспектив роста не было. Экспортировать было нечего, привлечь иностранный капитал было нечем: выросшая за эти годы сфера услуг в России

отличалась не только крайне низким качеством, но и неимоверной дороговизной (не случайно по данным западных экспертов в 1994 г. Москва заняла третье место в мире среди самых дорогих городов).

Мелкие бизнесмены и рядовые сотрудники новых фирм не могли позволить себе роскоши новых русских, но у них были свободные средства. Все последующее строго соответствовало классическим марксистским схемам. Как и в Америке конца 1920-х гг., начался массовый рост числа мелких акционеров, за которым последовало их не менее стремительное разорение.

В начале 1990-х гг. книжные прилавки страны были буквально завалены различными самоучителями с выразительными названиями: «Капитализм — это просто», «Как преуспеть в бизнесе» и т. д. Разумеется, следовать рекомендациям подобного рода пособий — самый надежный способ разориться. Но авторы и издатели таких книг не ставили перед собой цели чему-то учить. Их задача была куда проще: внушить рядовому советскому обывателю иллюзию, будто он, не обладая ни связями, ни капиталом, ни специальными знаниями, может преуспеть при капитализме.

Подобная пропаганда в 1994 г. уже не работала. Немногочисленная порода мелких бизнесменов с трудом сводила концы с концами. Фермеры разорялись. Стремительно падало и доверие к власти. Человек толпы был разочарован, дезориентирован и начинал сомневаться в честности политиков. Но вера в сказочное обогащение оставалась. И вот тут-то подоспел очередной миф.

Авторы самоучителей доказывали читателю: *ты можешь сделать это.* Руководство компании МММ сказало своим клиентам: *ничего делать не надо.* Главное — «ставьте на лидера», «мы заработали деньги для себя, мы заработаем их и для вас».

Рекламная кампания МММ была проведена талантливо и с размахом. МММ создала собственную киностудию, которую возглавил режиссер Бахыт Килибаев. Рекламные клипы превратились в своеобразную мыльную

оперу. В отличие от других фирм, стремившихся привлечь знаменитых актеров, МММ сделала ставку на новые, никому не известные лица. Главное, чтобы персонажи, появляющиеся на экране, выглядели натурально, будто только что пришли с улицы.

Герои клипов МММ были людьми ничем не выдающимися, не обладающими никакими талантами. Особенно удался Леня Голубков. Он был откровенно глуп, злоупотреблял алкоголем. Зато он добродушен, любит жену и брата. Миллионы людей узнали себя в Лене Голубкове и столь же недалекой «одинокой женщине Марине Сергеевне». Полюбились публике и другие персонажи клипов МММ. Один из секретов успеха мыльных опер в том, что необычайные события начинают происходить с обыденными персонажами. Сначала Леня Голубков, Марина Сергеевна, молодожены Игорь и Юля приходят на пункт продажи акций МММ. Потом они начинают стремительно богатеть. Предстающие перед нами картины все менее правдоподобны, появляются условные декорации, но это уже неважно, ибо зрители поверили.

Одинокая Марина Сергеевна находит себе мужчину, Леня Голубков с братом Иваном едет в Сан-Франциско на чемпионат мира по футболу. А напоследок к героям рекламного сериала приходит «просто Мария» — героиня модной мексиканской мыльной оперы. Это своеобразный эстетический синтез, саморазблачение творческого приема, слияние псевдореальности с откровенной сказкой. Мексиканская актриса Виктория Руффо растерянно смотрит на акционеров МММ, бестолково кивает и повторяет «Si, si». Больше уже ничего не требуется.

Клипы МММ были не только рекламой. Они пропагандировали определенные ценности и принципы. Рядом с Леней Голубковым появился его брат Иван — воплощение традиционной морали. Брат Иван за стаканом водки пытался доказать, что деньги надо зарабатывать собственным трудом. И естественно, каждый раз

оказывался посрамлен. Конфликт между братьями разрешался, когда на стадионе в Сан-Франциско Иван плакал, сокрушаясь, что прожил жизнь зря: он всю жизнь работал, но ничего не достиг, а «Ленька-оболтус» подсуетился с акциями, вложил деньги в МММ и теперь живет припеваючи.

Все это выглядело очень убедительно в стране, где честные труженики едва сводили концы с концами, а бездельники и уголовники разъезжали на дорогих автомобилях. Правда, в какой-то момент идеологи МММ спохватились и дали обратный ход, заставив Леню Голубкова выступить с самокритикой. Вместо графика роста потребления, который был объявлен «неправильным», зрителю был представлен «график направления инвестиций». Леня Голубков обещал исправиться и стать мелким предпринимателем. Но это было показано по телевидению уже через два дня после краха МММ.

Именно в рассуждениях брата Ивана прозвучало слово, мгновенно прилипшее к новоявленным акционерам: «халявщик». Действительно, МММ обещала своим вкладчикам халяву — незаработанное благополучие, буржуазный образ жизни без западной эффективности и протестантской этики, потребление, никак не связанное с трудом. Компания МММ как бы взяла на себя роль «заботливого государства», от которой правительство отказалось. В этом секрет феноменальной личной популярности лидера МММ Сергея Мавроди, в котором тысячи акционеров видели вождя и заступника, своего рода капиталистическую реинкарнацию пропагандистского образа Сталина. И в то же время пропаганда МММ полностью освободила своих последователей от веры в труд. «Культ труда» был сознательно и последовательно низвергнут средствами массовой информации, а личный опыт Лени Голубкова подсказывал ему, что при новых порядках своими руками вообще ничего не добьешься.

МММ была не единственной компанией, соединившей биржевую игру с пропагандой халявы. Вслед за МММ

свои собственные мыльные оперы стали создавать другие фирмы. Но с МММ могла состязаться лишь «Система Теле-маркет». В отличие от героев МММ, персонажи клипов «Теле-маркета» были похожи на интеллектуалов, на экране то и дело появлялись компьютеры, книги, бумаги. Реклама внушала: клиенты «Теле-маркета» — люди развитые, а не придурки, к которым апеллируют конкуренты. «Теле-маркет» — вложение денег «для тех, кто понял», «для тех, кто умеет считать». Но идеология «Теле-маркета» была та же, что и у МММ: «мы сидим, а денежки идут».

Игра с акциями была начата «средним классом» в «новой экономике», но очень скоро в игру втянулись миллионы бедняков. Они вложили деньги позже представителей средних слоев и пострадали больше. Играли они от отчаяния, пытаясь накопить денег не на поездку за границу, а на лишнюю пару обуви. Кончилось это тем, что люди стали продавать и закладывать квартиры, спускать последнее имущество в надежде на мифический выигрыш.

Обнищавшие и не способные ни сопротивляться разорявшей их системе, ни даже осознать свои интересы, они — вместо того чтобы бороться — играли. И естественно, обречены были проиграть.

Казино, как и игра на бирже, стали символами нового предпринимательства. Характерно, что буржуазная этика эпохи первоначального накопления категорически осуждала игру. Карты, рулетка — все это были занятия вырождавшейся аристократии, на которую суровые протестанты смотрели с презрением и ненавистью. Но в России никакого первоначального накопления не происходило: под лозунгами строительства капитализма полным ходом шло перерождение номенклатурной системы. Поэтому не труд, а именно игра стала идеологическим принципом.

Результат не заставил себя долго ждать. Крах игры, начатой Сергеем Мавроди, поставил под сомнение и будущее его конкурентов. После ареста Мавроди эфир был

по-прежнему заполнен его рекламой, но бум сменился кризисом.

Прекращая скупку своих акций, Мавроди, естественно, обвинил во всем государство и обратился к своим сторонникам с открытым письмом. «В настоящее время, — провозглашал создатель МММ, — мы планируем выход на фондовые рынки практически всех стран мира. С крупнейшими юридическими фирмами мира уже проработаны юридические аспекты проблемы отдельно для каждой страны. В США и Германии в тех же типографиях, где печатаются доллары и марки, напечатаны десятки миллионов билетов МММ. По сути нас приостановили накануне грандиозного прорыва, после которого Россия, по нашим прогнозам, должна была в самом ближайшем будущем стать богатейшей страной мира, практически все россияне, акционеры МММ, — обеспеченными людьми, а акции МММ росли бы теми же темпами в валюте»[117].

Человек, немного знакомый с русской литературой, читая эти строки, немедленно вспомнит речи Хлестакова в гоголевском «Ревизоре». Однако Хлестаков врал спьяну и относительно бескорыстно, а Мавроди тщательно рассчитывал свои шаги. Чем более откровенным и нелепым было вранье, тем более восторженно ему верили.

Вслед за МММ прекратил выдачу денег «Русский Дом Селенга», затем приостановил выплату дивидендов концерн «Тибет». За ними последовали «Теле-маркет», «Чара», «Властелина» и многие другие. Как и в случае с МММ, крах фирмы не мог остановить рекламную кампанию, бушевавшую на волнах эфира. Время было скуплено на месяцы вперед, и лопнувшие фирмы подобно телевизионным привидениям продолжали преследовать обезумевшего обывателя.

Эмблемой фирмы Мавроди были три заглавные буквы М, которые иногда заменяли изображением трех ба-

---

[117] Независимая газета. 2.08.1994.

бочек. Никто не обращал на это внимания — за несколько лет людей приучили к самым разным символам. Но когда грянул скандал, когда фамилия Мавроди была у всех на устах, выяснились кое-какие подробности: оказывается, «финансовый лидер» патологически любит бабочек. Акция властей по аресту предпринимателя приобрела гротескно-зловещий оттенок. Бойцы спецназа в масках, по веревкам проникшие в его квартиру с верхнего балкона, думали увидеть там невероятную роскошь. Но их ожидал сюрприз: посреди неприбранного, обшарпанного холостяцкого жилища братьев Мавроди единственной настоящей ценностью была огромная коллекция бабочек. Как говорят специалисты, коллекция Мавроди — богатейшая в стране, и многих всерьез заботило: что станет с экспонатами, пока их хозяин будет находиться в тюрьме Матросская Тишина. Газеты сообщали, что Мавроди — некрасивый, полный человечек с плохой дикцией, застенчивый, с массой комплексов. Бабочки были чуть ли не единственной его привязанностью; даже рубашки он всегда выбирал с изображением этих насекомых. Во всем этом было что-то зловещее, некоторым на ум даже пришли параллели с фильмом «Молчание ягнят». Как известно, страшный маньяк-убийца считал бабочек символом обновления.

Биржевой кризис поставил на грань катастрофы и немногих еще действующих в стране мелких и средних бизнесменов, пытавшихся с помощью биржевой игры пополнить оборотные средства. Система как будто задалась целью в максимально короткий срок ознакомить нашего человека со всеми прелестями капиталистического кризиса: инфляция, безработица, неконтролируемая преступность, спад производства, политическая нестабильность, парламентский идиотизм, избирательные фарсы, военные перевороты. Недоставало только финансового краха.

Теперь на сцену выходит новая и не знакомая нам фигура, которую некогда Маркс окрестил «закусившим удила мелким буржуа». Эта фигура существенно

отличается от наивного и добродушного «совка», с которым при должной пропагандистской обработке можно было делать что угодно. Мелкий буржуа в подобных ситуациях предельно агрессивен, возбудим, переменчив и склонен к левому или правому радикализму. Не простояв на Варшавском шоссе и двух дней, акционеры МММ начали переворачивать машины. Теперь движения фашистского типа могли найти в России свою массовую базу.

ВЫБОРЫ 1995 ГОДА

Расстреливая парламент в 1993 г., кремлевские правители были уверены, что уж теперь-то они надолго обеспечили политическую стабильность. Уже декабрьские выборы того же года показали, что население упорно продолжает использовать голосование как повод высказать власти свое отвращение к ней. На фоне скандалов с финансовыми пирамидами очередной цикл выборов выглядел уже серьезной проблемой для Кремля.

Перед началом избирательной кампании в окружении президента была изобретена изящная схема, согласно которой в стране надлежало сформировать две партии — обе вполне лояльные к действующей власти. На правом фланге сколотили организацию под незатейливым названием «Наш дом — Россия». Возглавлять ее поручили премьер-министру Виктору Черномырдину. Для левого фланга был придуман другой блок, во главе которого поставили спикера Государственной думы Ивана Рыбкина.

Первой жертвой этого решения оказались Егор Гайдар и его коллеги по «Выбору России». Лишившись статуса «партии власти» в Думе, они утратили и благоволение начальства, неограниченную возможность использовать государственные телеканалы и доступ к финансовым потокам. Наиболее сообразительные деятели либерального направления перешли к Черномырдину, а созданная Егором Гайдаром партия «Демократический выбор России» с треском провалилась на выборах.

У Ивана Рыбкина тоже дела не заладились. Если в черномырдинскую «партию власти» региональные чиновники и предприниматели шли с энтузиазмом, то уговорить их вступать в проправительственный оппозиционный блок, да к тому же еще и левый, не было никакой возможности. Не удавалось даже придумать название — образовавшаяся в итоге коалиция так и осталась в избирательных бюллетенях под именем «Блок Ивана Рыбкина». В ходе избирательной кампании этот блок отличился телевизионными клипами про бычка Ваню, который, видимо, должен был ассоциироваться со спикером Государственной думы. На бюллетене граждане увидели и эмблему новой коалиции — маленькую рыбку.

Легко понять, что избиратель, даже не искушенный в тонкостях парламентской политики, предпочитал подобной игрушечной оппозиции что-то более реальное. Поскольку Владимир Жириновский, выигравший выборы 1993 г., никогда на роль серьезного противника режима не претендовал, от роста оппозиционных настроений больше всего выигрывали коммунисты. Программные документы, принятые партией в январе 1995 г., отражали ее политические и идеологические противоречия. С одной стороны, программа КПРФ повторяла многое из документов неортодоксальных левых 1989—1992 гг. Социалистическая перспектива общества связывалась не только с исторической миссией рабочего класса, но и с экологическими задачами человечества и появлением новых производительных сил (и новых трудовых слоев). С другой стороны, здесь повторялись привычные для Зюганова положения об особом пути России, «державности» и «духовности». Критикуя режим Ельцина, лидеры КПРФ напоминали, что, по существу, речь идет о реставрации старого самодержавного государства с «законосовещательным» парламентом[118]. Но они же сами призывали к возрождению традиции старой

[118] III Съезд КПРФ 21—22 января 1995 г. // Материалы и документы. М., 1995. С. 49.

(дооктябрьской) государственности и предрекали, что „демократия" в своем нынешнем проявлении «неизбежно будет заменена на социально-экономическую и политическую систему, соответствующую национальному духу народа. Суть ее: державность, народность, патриотизм и интернационализм»[119]. Такие понятия, как свобода, самоуправление или представительная власть, в лексикон Зюганова не вошли.

Столь же противоречивой оказалась и практическая политика КПРФ, колебавшейся от голосования за бюджет в 1994 г. до требования отставки правительства в 1995 г., от призывов к союзу левых сил до альянса с «патриотической буржуазией». Лозунг модернизации и социального партнерства механически соединился у них с призывами бороться за «русскую идею», сохранять верность православию и защищать ленинские традиции.

Рост влияния КПРФ в 1993—1996 гг. сопровождался попытками возрождения центризма. Одна за другой проходили дискуссии и конференции о необходимости создания сильной социал-демократии в России. Среди выступающих неожиданно появились не только представители социал-демократических групп, но и люди, ранее никакого отношения к ним не имевшие: идеолог перестройки А. Н. Яковлев, «серый кардинал» ельцинского режима Геннадий Бурбулис, бывший мэр Москвы Гавриил Попов, а затем и сам Михаил Горбачев.

Социал-демократические идеи уже были использованы в России в начале «эпохи реформ» как прикрытие для партийно-государственной номенклатуры, стремившейся спокойно и безболезненно освободиться от собственного прошлого и идеологических обязательств. Вопрос о том, можно ли вообще применить в России методы «рыночного регулирования», практиковавшиеся в Швеции или Австрии, мало кого волновал, поскольку никто и не собирался их применять. Это был лишь пере-

---

[119] III Съезд КПРФ 21—22 января 1995 г. // Материалы и документы. М., 1995. С. 54.

ходный этап на пути к открыто капиталистической идеологии и политике.

Возрождение интереса к социал-демократии в 1994 г. связано было уже с итогами реформ. Правящие круги искали выхода из кризиса, но исключительно на уровне смены лозунгов. Если в 1991 г. социал-демократическая риторика должна была прикрыть поворот к неолиберальному курсу, то теперь замена либеральных лозунгов социал-демократическими или социал-патриотическими была необходима, чтобы, создав иллюзию перемен, на деле избежать пересмотра экономической политики.

«Идейные социал-демократы» в России остались небольшими группами интеллектуалов, а роль умеренно-реформистской партии выпала на долю КПРФ, лидеры которой с готовностью признавали себя единственными настоящими социал-демократами, при условии, что они же оставались единственными настоящими коммунистами и патриотами.

Между тем на ниве патриотизма у КПРФ уже появились соперники. Осенью 1995 г. национально-консервативная группировка внутри российского истеблишмента оформилась вокруг Конгресса русских общин, возглавленного Юрием Скоковым и генералом Лебедем. Эта организация откровенно заимствовала изрядную часть идеологии и программы КПРФ, но придала им последовательно прокапиталистическую направленность. Лозунг союза с «национальной буржуазией» естественно толкал КПРФ в лагерь КРО, а традиционные обязательства и настроения собственных активистов диктовали прямо противоположные действия. Верхушка КРО, прекрасно понимая слабости своего партнера-противника, успешно использовала помощь компартии при решении собственных проблем, не давая ничего взамен. Поражение КРО на парламентских выборах 1995 г. временно сняло остроту проблемы. Жалкие результаты выразителей «патриотического капитала» должны были навести лидеров партии на переосмысление действительности. Однако положение КПРФ было слишком прочным,

чтобы ее лидеры испытывали потребность в самокритике. Более того, партийное руководство продолжало сдвигаться вправо, не задумываясь о том, насколько пропагандируемые партией лозунги поддерживаются ее социальной базой. Как нечто само собой разумеющееся, предполагалось, что избирателю все равно деваться некуда, и он сохранит верность партии, что бы ни вытворяло ее руководство.

Парламентские выборы 1995 г. дали новый шанс заявить о себе и руководству официальных профсоюзов. Работа центральных структур ФНПР была в середине 1990-х парализована борьбой между «людьми Клочкова» и «людьми Шмакова» за кресла и кабинеты. В конце концов «команда Шмакова» одолела «команду Клочкова». Перемены сопровождались скандалами и даже судебными разбирательствами. Вместе со «старыми кадрами» из аппарата выбыли и «новые левые» — кроме экс-анархиста Андрея Исаева, прекрасно вжившегося в роль профсоюзного начальника.

Нельзя упрекнуть руководство ФНПР в том, что оно не готовилось к выборам. Но из-за собственной непоследовательности ФНПР вынуждена была каждый раз отказываться от достигнутого и начинать все сначала. В 1994 г. велись переговоры с социал-демократическими группами о создании «Союза труда», но руководство ФНПР так и не сумело принять решение. В 1995 г. Шмаков предпринял новую попытку создать политическое объединение вокруг профсоюзов. 17 февраля 1995 г. Исполком Генсовета ФНПР проголосовал за создание движения «Профсоюзы России — на выборы». По существу, речь шла о попытке консолидировать профсоюзную элиту. Учреждая профсоюзный избирательный список, лидеры ФНПР пытались предотвратить «растаскивание» членских организаций по разным блокам. Сохранить единство, однако, было невозможно. Независимый профсоюз угольщиков создал собственную организацию «Шахтеры России», которая получила поддержку администрации отрасли. Аналогичным образом занялись фор-

мированием отраслевого списка и профсоюзы автодорожников и даже работников коммунального хозяйства. Профсоюз агропромышленного комплекса сохранил верность АПР, что неудивительно, если учесть, что структуры партии на две трети совпадали со структурами профсоюза. Ряд территориальных профсоюзных федераций был представлен в списке Конгресса русских общин. Исполком ФНПР вынужден был принять решение о том, что на местах профсоюзы имеют право самостоятельно выбирать себе партнеров.

Страх перед усилением влияния компартии стал одним из главных мотивов, которыми руководствовалась «профсоюзная элита», принимая свои дальнейшие решения. Но вместо того чтобы противопоставить противоречивой политике КПРФ собственную — более компетентную и последовательную, а потому и более отвечающую настроениям масс, профсоюзное руководство больше заботилось о том, чтобы продемонстрировать свою «умеренность» правительству. ФНПР образовала избирательный блок «Профсоюзы и промышленники России — Союз труда», объединившись с Российским союзом промышленников и предпринимателей и Объединенной промышленной партией. Велись переговоры и с Иваном Рыбкиным. Переговоры сорвались из-за несогласия по поводу количества профсоюзных работников в списке. Хотя участники «Союза труда» в декабре 1995 г. критиковали Ивана Рыбкина за недостаточную левизну и оппозиционность, год спустя и Рыбкин, и РСПП, и лидеры московских профсоюзов единодушно поддержали переизбрание Ельцина на пост президента.

Избирательная кампания «Союза труда» была впечатляюще провалена. Для целей предвыборной борьбы продали часть профсоюзного имущества (санатории и профилактории), причем расходование денег от этих продаж не контролировалось. Профсоюзные социологи публиковали результаты опросов, из которых следовало, что 43,3% членов профсоюзов (которые все еще составляли большинство работающего населения

страны) твердо решили поддержать блок «Союз труда», а еще 37,9% колеблются, но могут поддержать в принципе, или лишь 9,4% будут голосовать за другие партийные списки. Результат оказался прямо противоположен предсказаниям. Блок «Профсоюзы и промышленники России — Союз труда» получил на выборах лишь 1,55% голосов. Это впечатляющее поражение, если учесть, что в ФНПР состояло 46 млн человек, а всего в выборах 1995 г. приняло участие 69 млн избирателей.

Многие ожидали, что поражение на выборах станет началом перемен в профсоюзах, но никто в ФНПР, несмотря на остроту внутренних разногласий, не осмелился «раскачивать лодку». Руководство федерации заявило: «поражения в декабре 1995 г. не было!»[120] Результаты голосования были оценены как великолепные. В то же время неудача на выборах была использована для инициирования кампании по ужесточению централизма в структуре ФНПР и в первую очередь по переподчинению всех финансов профсоюзов центральному аппарату в Москве. Исполком ФНПР принял резолюцию о профсоюзном единстве, резко ограничивавшую права членских организаций. 14 марта 1996 г. Генеральный совет ФНПР поддержал резолюцию 77 голосами против 21. Одновременно было решено преобразовать движение «Профсоюзы России — на выборы» в политическое движение «Союз труда». Председателем союза вместо Шмакова стал первый зампред ФНПР Вячеслав Гончаров. В последующие месяцы «Союз труда» не проявил особой активности, что вполне понятно: приближались президентские выборы, а лидеры ФНПР не решались ни выступать против Ельцина, ни открыто заявить о союзе с ним.

Шмаков торжествовал. Хотя внутренняя оппозиция пошла на серьезную борьбу, лидеры ФНПР предупреждали, что всякое инакомыслие будет жестко наказываться. «Кто поднял меч раскола, тот должен знать, что от

---

[120] Рабочая политика. 1996. № 4. С. 42.

этого меча погибнет его собственное профобъединение»[121]. В декабре 1996 г. прошел III съезд ФНПР, укрепивший позиции руководства. Одновременно усилился выход трудящихся из «традиционных» профсоюзов.

«Альтернативные» профсоюзы разделились на несколько группировок. В 1995 г. некоторые объединения заявили о неучастии в выборах. Лидер НПГ Александр Сергеев вошел в «Блок Ивана Рыбкина». Учитывая прошлое НПГ, это свидетельствует о резком полевении профсоюза. До сих пор НПГ рассматривался не просто как «либеральный профсоюз». СОЦПРОФ поддержал на выборах еще один патриотический социал-демократический блок — «За Родину!».

Выборы 1995 г. стали исторической победой партий над профсоюзами. Несмотря на свое болезненное становление, политические партии оказались способны выразить настроения общества гораздо лучше, нежели сохранившиеся от прошлого профсоюзные организации. Выборы также показали, что корпоративизм, остававшийся социальной реальностью постсоветского общества, не стал в нем господствующим политическим фактором.

Бесчисленные мелкие группы вообще не имели никаких шансов, хотя всем почему-то казалось, что получить 5% ничего не стоит. Избирателю были предложены сразу несколько либеральных организаций, около дюжины левых и левоцентристских, псевдофеминистская коалиция «Женщины России» и даже совершенно невероятный избирательный блок работников жилищно-коммунального хозяйства. Для того чтобы участвовать в выборах, требовалось собирать подписи. Соответственно те, у кого были структуры на местах или деньги на оплату сборщиков подписей, легко могли попасть в избирательный бюллетень. В этом плане работники жилищно-коммунального хозяйства оказались просто в идеальном положении — кто же откажет в подписи людям, от которых

---

[121] Независимая газета. 16.03.1996.

зависит, как работает в твоей квартире канализация? Единственное, чего не учли сборщики подписей, это того, что голосование было тайным. Поставив свой автограф под подписным листом какой-нибудь невыразительной партии или блока, избиратель, запершись в кабинке, ставил крестик рядом с эмблемой ЛДПР или компартии. Маленькой сенсацией выборов стал результат «социал-демократического» блока, возглавлявшегося бывшим столичным мэром Гавриилом Поповым. Мало того, что Попов специально под выборы сумел из либерала переквалифицироваться в социал-демократа, он еще и голосов умудрился получить меньше, чем собрал подписей.

Победителем выборов 1995 г. стала КПРФ, завоевавшая большинство мест в Государственной думе. Если успех ЛДПР на выборах 1993 г. стал сенсацией, то триумф компартии в 1995 г. никого не удивил. Он произошел на фоне общего полевения в странах Восточной Европы, брюзжания средних слоев и усиливающегося раздражения провинциальных масс против кремлевского режима. Закономерный крах «Блока Ивана Рыбкина» сопровождался не менее впечатляющим провалом движения Черномырдина, которое еле смогло перейти пятипроцентный барьер, требуемый законом, а в территориальных округах провалилось почти повсеместно. В период 1996—1999 гг. число избирательных фальсификаций и нарушений будет нарастать стремительно — прямо пропорционально росту влияния местного начальства. В 1995 г. губернаторы еще не чувствовали себя полновластными хозяевами положения, многим из них предстояли собственные выборы. В результате голоса подсчитывались довольно честно — с катастрофическими для «партии власти» последствиями.

Либералы из «Демократического выбора России» получили даже меньше голосов, чем ультралевые. Несколько лучшие результаты были у левых либералов из движения «Яблоко»: его лидер Григорий Явлинский не скомпрометировал себя сотрудничеством с властью и

участием в гайдаровских реформах. Провалился и Конгресс русских общин. В президентской гонке 1996 г. генерал Лебедь сумел занять третье место, но на думских выборах людям предлагалось голосовать не за харизматического генерала со зловещим голосом и полковым юмором, а за толпу безликих функционеров-кандидатов, к тому же постоянно ссорящихся друг с другом. Утешением для генерала послужило то, что политический капитал, накопленный в ходе этих баталий, можно было выгодно конвертировать на региональном уровне. Лебедь стал губернатором Красноярска, где царствовал вплоть до своей гибели в авиационной катастрофе.

Впрочем, успех КПРФ нельзя преувеличивать. Парадоксальным результатом нового, разработанного по инициативе кремлевских аналитиков избирательного закона, оказалось то, что компартия получила почти абсолютное большинство мест в Думе, не набрав и четверти голосов. Из более сорока соперничавших блоков и партий требуемый законом пятипроцентный барьер прошли лишь четыре — КПРФ, ЛДПР, «Яблоко» и «Наш дом — Россия», суммарно получившие чуть более 50%. В одномандатных округах, где для победы достаточно было простого большинства, некоторые кандидаты проходили, набрав 12—15% голосов. Коммунисты получили явное преимущество как самая крупная партия, имевшая стабильное влияние во всех регионах страны. Их уровень поддержки колебался от 15% в «белых» регионах (Москва, Петербург, Нижний Новгород и т. д.) до 30% в «красных» (нечерноземная Россия).

Коммунисты пришли в Думу 1995 г. крупнейшей партией с президентскими амбициями. Однако парламентские выборы в условиях ельцинской «второй республики» ничего не решали. Настоящая борьба должна была развернуться в 1996 г. вокруг выборов президента. И здесь власть проигрывать не собиралась.

ВОЙНА

В 1995 и 1996 гг. режим Ельцина явно ставил своей целью доказать, что Конституция работоспособна, что власть можно удерживать с помощью выборов, а оппозиционный парламент держать под контролем, не прибегая к стрельбе из танков. В целом эта задача была решена успешно, но фоном для избирательных баталий оказались кровопролитные сражения в горах Чечни. Более или менее демократические процедуры в столице дополнялись бомбардировками деревень и бесправием российских солдат на Кавказе.

Война в Чечне была начата накануне парламентских выборов 1995 г. Она призвана была стать «маленькой победоносной войной», поднимающей рейтинг власти. Победителей не только не судят, им прощают все — и стрельбу по парламенту, и развал экономики, и обнищание народа. Победоносного похода не получилось. Тем не менее по-своему чеченская война сработала на укрепление ельцинского режима — хотя и не таким образом, как первоначально планировали в Кремле.

В конце 1994 г. правительство Черномырдина преподнесло неожиданные подарки деловым кругам и населению. 2 декабря агенты Главного управления охраны (ГУО), своеобразной личной спецслужбы президента Ельцина, более часа избивали у дверей московской мэрии сотрудников МОСТ-банка — одного из самых влиятельных финансовых учреждений страны. Затем сотрудники ГУО затеяли драку с агентами ФСК (бывшего КГБ). После протестов банкиров президент пообещал разобраться и действительно разобрался — уволил в отставку начальника московского ФСК.

Спустя десять дней 40-тысячная танковая колонна вторглась на территорию мятежной Чеченской республики, по дороге обстреляв мирные села и убив министра здравоохранения соседней Ингушетии. Бомбардировщики и артиллерия обрушили тонны бомб и снарядов

на столицу Чечни город Грозный, построенный в XIX в. русскими генералами для устрашения чеченцев.

Несмотря на пропагандистскую кампанию на телевидении, антивоенное движение стало быстро набирать силу. Не оправдалась в первую чеченскую войну и надежда правительства сыграть на предрассудках русских против кавказцев. Напротив, судя по опросам, отношение русских к чеченцам, ставшим жертвами агрессии, изменилось в лучшую сторону. Немаловажную роль сыграли и сообщения прессы об артиллерийских обстрелах и бомбежках, от которых больше всего пострадало русское население Грозного.

Война против Чечни была тем более нелепа, что правительство России в течение трех лет позволяло правившему там генералу Джохару Дудаеву делать все, что ему вздумается. Со своей стороны Дудаев, провозгласив независимость от Москвы, ничего не предпринимал, чтобы сделать ее реальной. На территории Чечни продолжали действовать российские законы, имел хождение российский рубль. Не было ни пограничного контроля, ни собственной таможни. Жители Чечни оставались российскими гражданами, решавшими свои проблемы через соответствующие структуры Российской Федерации. Налоги из Чечни не поступали, но периодически отказывались платить налоги и другие российские регионы.

Единственное, что сделал Дудаев, это создал вооруженные формирования, подчиненные ему лично, точно так же, как это сделали Ельцин и мэр Москвы Юрий Лужков. Кроме того, к радости филателистов была выпущена серия почтовых марок с портретом Дудаева, по качеству напоминающая этикетки со спичечных коробков.

Дудаев стремился не столько к независимости, сколько к тому, чтобы добиться особого статуса для Чечни в рамках России или будущего Евразийского союза, про необходимость которого генерал говорил неоднократно. В свою очередь московские политики без особой тревоги смотрели на происходящее в Чечне. Полунезависимая республика была прекрасным местом для отмывания

украденных в столице миллионов и контрабанды оружия, на чем грели руки люди из московских правящих кругов.

Но кризис режима, экономический развал и неизменные неудачи во всех сферах внешней и внутренней политики заставляли окружение Ельцина искать пути спасения. Проваливая конструктивную деятельность, политические кризисы ельцинское правительство неизбежно выигрывало. Чем более явной становилась перспектива поражения на выборах, тем более необходимо было спровоцировать кризис. Маленькая победоносная война выглядела привлекательным способом поднять популярность власти, подавить оппозицию, а заодно, возможно, отсрочить выборы и избавиться от слабонервных в собственных рядах.

Как и следовало ожидать, после того, как второй раз за полтора года в стране начались военные действия, у многих «демократических» политиков нервы сдали. Особенно нервничали те, кто был связан с Дудаевым по прежним делам. Запротестовали Гайдар и большинство фракции «Выбор России». Неожиданно для себя они оказались в одном лагере с левыми и коммунистами. Если бы за год до начала первой чеченской войны какой-нибудь зарвавшийся аналитик предположил, что поклонники Гайдара вместе с последователями Анпилова будут скандировать на Пушкинской площади «Банду Ельцина — под суд!», его бы заподозрили в приступе маниакального бреда.

12 декабря на Пушкинской площади были все — от сторонников Анпилова до последователей Гайдара. Но преобладали красные знамена, и думские либералы чувствовали себя неуютно. В Государственной думе на первых порах против войны выступили коммунисты и группа Явлинского, но ни те ни другие не готовы были возглавить внепарламентское антивоенное движение. Правда, по мере того как стихийное недовольство войной росло, в политических кругах желание критиковать ее убавлялось: Геннадий Зюганов и возглавляемая им Компартия РФ никогда не отличались особым интерна-

ционализмом. Солидарность с военными начальниками, обещавшими разгромить дудаевские бандформирования, была для них естественнее солидарности с солдатскими матерями, требовавшими вернуть домой своих сыновей.

Зато Ельцина, уже не в первый раз, поддержал Жириновский. О солидарности с правительством заявил и Александр Баркашов, лидер наиболее известной в стране неофашистской группы Русское национальное единство. В 1993 г. присутствие баркашовцев у Белого дома оказалось достаточным основанием, чтобы официальное телевидение обвинило всех сторонников парламента в «фашизме». А полтора года спустя Баркашов уже выступал по государственному телевидению в поддержку Ельцина. Зато резким нападкам властей подверглись «демократические» средства массовой информации, в октябре 1993 г. дружно защищавшие Ельцина.

Парадокс в том, что на сей раз в отличие от 1993 г. Ельцин действовал строго в рамках своих конституционных полномочий. Эти полномочия отстаивали в первую очередь либералы Егор Гайдар и Сергей Юшенков. Они, конечно, думали, что все это будет применено только против коммунистов и левых. Единственный из деятелей режима, кто, похоже, почувствовал острый приступ угрызений совести, был Сергей Ковалев. В брежневские годы диссидент-правозащитник, он в 1993 г. не произнес ни единого слова против разгона парламента, нарушения конституции и военного положения. Но после начала чеченской войны, Ковалев неожиданно для властей покинул Москву и перебрался в Грозный. Каждый день он сообщал оттуда про бомбардировки жилых кварталов и гибель мирного населения. А власти, еще вчера превозносившие Ковалева как «истинного правозащитника», обвинили его в необъективности и непонимании ситуации.

Сценарий чеченского кризиса неоригинален. Власть пользовалась старыми заготовками, хорошо зарекомендовавшими себя в 1993 г. Постепенная эскалация

напряженности и насилия, провоцирование уличных выступлений, накачка истерических эмоций в лагере оппозиции. Повторялись даже мелкие детали: кашу опять заварили в выходные дни. Разница была лишь в том, что в октябре 1993 г. и силовые меры, и политический кризис разворачивались в Москве. А на сей раз два параллельных процесса были разведены в пространстве: танки ездили по Чечне, блокировали Грозный, а политическая истерика разворачивалась в столице.

Поразительно, что либералы из президентского окружения, которые сами участвовали в подготовке прежних провокаций, оказались беспомощны, когда провокация оказалась направлена против них. Их быстро и привычно загнали в ту же ловушку, куда уже угодили прежние «парламентские оппозиции».

Необходимость постоянной борьбы против внешних и внутренних врагов заложена в самой природе авторитаризма. Вот почему вчерашние союзники и попутчики рано или поздно становятся жертвами. Круг постоянно сужается: сначала победили коммунистов, потом выкинули за борт колеблющихся демократов, теперь подходила очередь либералов «западников». Другое дело, что в годы правления Ельцина этот сценарий не был реализован до конца. Завершиться ему предстояло лишь после начала второй чеченской войны, уже под властью Путина.

Сохранившие власть и деньги «серьезные люди» из партии Гайдара немедленно отмежевались от своего вчерашнего кумира. Предали его и мультимиллионер Бойко, и министр иностранных дел Козырев. Отмолчался и «архитектор» приватизации Анатолий Чубайс.

Против войны выступила либеральная пресса, все еще верившая в ею же созданный миф о «четвертой власти». На протяжении предыдущих лет либеральные журналисты постоянно разоблачали советский империализм и русский национализм, которые были, по их мнению, тесно связаны с коммунизмом. Теперь они были в растерянности.

«После того как солидарно занятая российской печатью и телевидением позиция не привела ни к каким переменам в политике властей, — пишет ведущий исследователь российских масс-медиа Иван Засурский, — пресса оказалась перед серьезной дилеммой. Нужно было либо признать верховную власть президента, граничащую с диктатурой, — и тем самым признать, что эта диктатура была создана усилиями „демократической" печати и ТВ. Либо — показать власти кто в доме хозяин, то есть доказать, что „демократическая" пресса по-прежнему обладает реальным влиянием на политику властей, а диктатура получилась как минимум просвещенная.

В результате „Известия", „Комсомольская правда", „Аргументы и факты", „Московский комсомолец", а также российское государственное телевидение РТР и НТВ сменили лояльное отношение к президенту на резко оппозиционное. Лояльность сохранили только первый канал „Останкино" и „Российская газета".

Так началось противостояние прессы с властью, которое продолжалось почти два года. И несмотря на то что средствам массовой информации удалось нанести серьезный урон партии власти, в конце концов „четвертая власть" вышла из этого противостояния побежденной, хотя со стороны могло показаться, что получилась ничья»[122].

В конечном счете войну остановили не статьи и телерепортажи, не протесты солдатских матерей, а катастрофические поражения армии на поле боя. Военные объясняли свои неудачи тем, что политики в Москве, журналисты и пацифисты мешали им воевать. На самом деле именно постоянные провалы армии подогревали антивоенные настроения в России и заставляли политиков искать компромиссные решения. Имея более 1,5 млн людей под ружьем, Россия не смогла сконцентрировать в Чечне более 25 тыс. солдат одновременно. Причина —

---

[122] *Засурский И.* Цит. соч. С. 92—93.

в низкой боеспособности войск, проблемах снабжения и организации.

«Первой причиной поражения России в Чечне была неспособность военных двинуть на поле боя достаточно сил, чтобы подавить сопротивление и контролировать территорию, — отмечает военный обозреватель «The Moscow Times» Павел Фельгенгауэр. — Второй причиной была слабая подготовка войск»[123].

Небоеспособность армии — деморализованной, плохо обученной и совершенно не понимающей, почему надо воевать против граждан собственной страны, дополнялась коррупцией в армейском руководстве. Солдаты шли в бой под дулами автоматов спецназа, дезертировали, мародерствовали, отказывались исполнять приказ. В прессу просачивались сведения об офицерах, вступающих в коммерческие сделки с неприятелем, о высокопоставленных чинах, продающих повстанцам оружие и боеприпасы, а иногда и собственных сослуживцев — в плен. Войска зимовали в открытом поле. Деньги, выделенные на восстановление экономики в контролируемых армией районах, бессовестно разворовывались. Танки вязли в болотах. В первые дни боевых действий в плен сдалось несколько полковников. Группировка, двигавшаяся на Грозный с востока, после первых стычек с чеченцами прекратила наступление и окопалась. Практичные местные жители угнали часть танков и бронетранспортеров, чтобы использовать их в сельском хозяйстве. Солдаты и офицеры начали брататься с населением. Бойцы русской армии стали часто появляться на барахолке в пригороде Грозного, где осажденные подкармливали их и угощали сигаретами. Военные специалисты иронически назвали чеченскую операцию «Бурей в болоте». «Сверхточные» лазерные прицелы то и дело выходили из строя, бомбы и ракеты пролетали мимо цели — иногда на несколько километров, падая на тер-

---

[123] The Moscow Times. 23.09.1999. P. 9.

ритории соседних с Чечней российских республик. В этом плане единственной удачей военных, применявших высокотехнологичное оружие, было убийство генерала Дудаева. Чеченского лидера убили ракетой, наведенной по сигналу сотового телефона, когда он вел какой-то важный разговор — предположительно, с кем-то из российских чиновников о предстоящем перемирии. В результате гибели Дудаева решающее влияние в рядах чеченцев приобрели радикалы, настроенные по отношению к России куда более враждебно.

Не сумев взять Грозный с ходу, командование российских войск подвергло город массированным обстрелам. Число жертв росло с каждым днем. В один из первых авиационных налетов по Грозному была разрушена улица Московская, где не было ни одного военного объекта. Пострадали и журналисты, находившиеся в зоне боев. И хотя весь мир, включая жителей России, видел по телевидению самолеты, сбрасывающие бомбы на город, официальная пропаганда заявляла, что ничего не знает о бомбежках, а чеченцы сами себя бомбят и обстреливают. Эту пропаганду удалось превзойти лишь в годы второй чеченской войны, когда Российское телевидение со ссылкой на официальные военные источники сообщило: чеченцы закладывают фугасы в машины, следующие в колоннах беженцев, и при виде российских самолетов сами их взрывают.

В последние дни 1994 г. Ельцин пообещал прекратить бомбардировки чеченской столицы. По окончании его речи, когда жители Грозного, обнадеженные обещаниями, вышли из бомбоубежищ, начался самый мощный за все время войны налет. Затем последовало массированное наступление танков и войск.

Новогодний штурм Грозного обернулся одним из самых позорных поражений в истории русской армии. Прорвавшиеся в город танки были немедленно отсечены от пехоты и уничтожены. Десантники, высадившиеся в районе железнодорожного вокзала, окружены. Армия потеряла половину брошенной в бой техники, сотни убитых

и пленных. Войска беспорядочно отступали, в то время как официальная пропаганда уже сообщила на весь мир о взятии города и захвате президентского дворца.

После этой неудачи федеральные войска начали систематическое разрушение Грозного. Не имея возможности овладеть центром города, осаждающие огнем артиллерии планомерно сносили квартал за кварталом, пытаясь постепенно продвигаться к президентскому дворцу. Тем временем бои охватили почти всю территорию республики. Стычки стали происходить и в соседнем Дагестане. Затяжная осада Грозного позволила чеченским ополченцам развернуть партизанскую войну в тылу российских войск.

Ополченцы воевали самоотверженно и профессионально, чего нельзя сказать про армию. Солдаты не только дезертировали, но порой даже переходили на сторону чеченцев. Журналисты сообщали, что по ночам военнослужащие режут штыками колеса собственных бронетранспортеров. То, как правительственные источники постоянно повторяли, что «пораженческих настроений» в войсках нет, а солдаты «готовы выполнить любой приказ», косвенно подтверждало, что в войсках зреет недовольство. Роптали не только рядовые и младшие офицеры. Генерал-полковник Эдуард Воробьев, заместитель командующего Сухопутными войсками России, прибыл на Кавказ и, ознакомившись с обстановкой, подал в отставку. С публичной критикой чеченской войны выступил заместитель министра обороны генерал Громов. Затем телевидение на всю страну показало командующего Воздушно-десантными войсками России генерала Подколзина, произносящего антивоенную речь на похоронах полковника, убитого в Грозном.

Подобные заявления военных в воюющей стране — явление почти неизвестное в мировой практике, но вполне естественное в России 1994—1995 гг. После того как правящие круги на протяжении пяти лет в угоду Западу разрушали, унижали и разоряли собственную армию, они

с большим удивлением обнаружили, что эта армия уже не умеет и не хочет воевать. Правда, к концу 1995 г. среди военных навели порядок. Генералов, критиковавших войну, убрали, дисциплину подтянули.

Переломом в войне оказался набег чеченского полевого командира Шамиля Басаева на Буденновск, когда его разведывательно-диверсионный батальон захватил в качестве заложников сотни мирных жителей провинциального русского городка. Заложников затем обменяли на журналистов, выступивших в качестве живого щита. Буденновск стал, по словам одного из участников событий журналиста Анатолия Баранова, смесью «национального унижения и запоздалой русской смелости, государственной беспомощности и государственного же лицемерия»[124]. Генералы прятались от журналистов и откровенно врали, а Басаев раздавал интервью, иронично комментировал происходящее и позировал перед камерами. Для прессы и для значительной части самого русского общества, ненавидевшей власть, он на некоторое время стал «чеченским Робин Гудом». Образ Басаева, созданный прессой, был абсолютно идеализирован, но он зажил на экранах телевизоров и в сознании масс собственной жизнью. После победного возвращения Басаева в Чечню для всех в России стало более или менее ясно, что выиграть войну невозможно. Даже те, кто не решались это признать открыто, сознавали это в глубине души.

За позором Буденновска последовало нелепое поражение возле станицы Первомайская, где возглавляемая тремя министрами федеральная группировка численностью до бригады, использовавшая танки, артиллерию, авиацию, не смогла справиться с одним чеченским батальоном под командой бывшего комсомольского функционера Салмана Радуева. Отсюда был уже прямой путь к августовской катастрофе 1996 г., когда чеченские отряды, возглавляемые бригадным генералом (в советское

---

[124] Правда. 23.06.1995.

время — полковником) Асланом Масхадовым, взяли Грозный, блокировав там остатки федеральных подразделений. Ельцинским генералам не оставалось ничего другого, кроме как грозить стереть город с лица земли вместе с блокированными там собственными солдатами. Осуществить это не было никакой возможности — ни технической, ни политической. Когда угрозы не подействовали, у федерального центра не осталось иного выхода, кроме фактической капитуляции, закрепленной в Хасавюрте мирными соглашениями.

Аслан Масхадов был избран президентом Чечни и официально признан российской властью. В 1996 г. всем казалось, что на этом война закончена. К сожалению, это было не так.

«СУДЬБОНОСНЫЕ» ВЫБОРЫ

Миротворческие усилия Кремля в Чечне, так же как и само нашествие на сепаратистскую республику, были не более чем побочными результатами политической неустойчивости в России.

Новая политическая система, построенная на лжи и крови в 1996 г., должна была пройти в ходе президентских выборов испытание на прочность. С самого начала было ясно, что независимо от исхода голосования власть никто отдавать не собирался. Но принципиальная задача Кремля состояла в том, чтобы удержать контроль над ситуацией, соблюдая принятую в 1993 г. конституцию.

Успех коммунистов на думских выборах в декабре 1995 года сделал Геннадия Зюганова естественным лидером оппозиции и кандидатом в президенты. Однако Коммунистическая партия вела свою предвыборную кампанию крайне вяло и осторожно, доказывая новым элитам, что с ней вполне можно иметь дело. Совсем иначе действовала администрация Ельцина, грозившая стране гражданской войной в случае успеха оппозиции.

В этом был свой резон. В России все еще не было сложившегося правящего класса, который мог бы себе позволить эксперименты со сменой правительства. Представители номенклатурной касты, господствовавшие и в правительстве и в оппозиции, прекрасно сознавали, что смена власти чревата непредсказуемыми последствиями, несмотря на крайнюю умеренность оппозиции. «В Варшаве бывший коммунист средней руки победил бывшего электрика с гданьской судоверфи. У нас же наверху еще не оказывался не только рабочий, но даже средний представитель номенклатуры», — иронически заметил Анатолий Баранов[125].

Не желая экспериментировать с властью, правящие круги консолидировались вокруг Ельцина. На Зюганова была обрушена вся мощь государственной пропагандистской машины. Левое крыло оппозиции, рядовые активисты компартии оказались совершенно неподготовленными к такому повороту событий. «Линия на то, чтобы никого не оттолкнуть, не навредить, больше всего навредила самому кандидату оппозиции», — жаловался обозреватель близкой к партии газеты «Советская Россия». «Явно недоставало и левизны. Зюганов совершенно сознательно выступал как фигура не узкопартийного, а общенационального значения, ориентирующаяся в отличие от Ельцина не на раскол, а на объединительные, центростремительные общественные тенденции. И в общем и целом это было совершенно правильно. Проблема оказалась в другом — в том, „как понимать в наше время такую объединительную общенациональную идею. Есть ли это некоторое усреднение бытующих взглядов и настроений, либо это есть вполне конкретное мировоззрение вполне конкретных социальных слоев, интересы которых наиболее полно выражают объективные потребности страны и общества в целом?“»[126]

---

[125] Экономика и жизнь. Февраль. 1996. № 5. С. 5.
[126] Панинтер. Январь. 1997. № 2. С. 3.

Ответа у Зюганова и его партии не было. Активисты КПРФ жаловались на «неизбывную готовность людей верить в тех, кто стоит наверху» и рассказывали про полуголодных старух, голосующих за действующего президента. «Это почти парадокс: многие из тех, кто получил от нынешнего режима только ухудшение своего положения, у кого, казалось бы, нет оснований мириться с существующими порядками, поддерживают Ельцина»[127]. Между тем партия ничего не сделала, чтобы объединить этих людей осознанием собственных интересов, создать новые традиции солидарности, гражданства и взаимопомощи.

Итоги выборов 1995 и 1996 гг. опровергли как вульгарные «марксистские» представления об электорате левых сил, так и либеральные мифы о предполагаемых социальных базах «коммунистического реванша» и «партии реформ». КПРФ получила большую поддержку в деревне, чем в городе, в малых городах — большую, нежели в крупных. В то же время либеральные «Московские новости» растерянно констатировали: «За Бориса Ельцина голосовали те, чья продолжительность жизни ниже, а смертность, денежные доходы и преступность в их регионах — выше»[128]. В регионах с более благополучной социальной ситуацией за левых голосовали активнее, чем в совершенно разоренных областях. Исключение составляли столичные города — Москва и Петербург, где сосредоточены государственные чиновники, административный персонал крупных фирм и новые русские, а также наиболее модернизированная часть средних слоев, напуганная заскорузлой пропагандой «национальной идеи». Коммунистический кандидат лидировал и среди представителей среднего возраста от 30 до 50 лет. За него голосовала деревня. Ельцин лидировал среди молодежи, но не очень уверенно — большая часть молодых граждан вообще не пошла голосовать, что было

---

[127] Независимая газета. 1.07.1996.
[128] Московские новости. 1997. № 7. С. 6.

вполне естественно. А вот со старшим поколением все получилось не так, как ожидали лидеры КПРФ. «Невероятно, но факт: действующего президента поддержало большинство ветеранов», — с ужасом констатировало коммунистическое руководство[129].

При подсчете голосов были замечены многочисленные нарушения, и, скорее всего, Ельцину было приписано изрядное количество голосов. Но главное все же было не в этом. Зюганов честно заработал свое поражение.

ПРОПАГАНДА — 2

В начале 1990-х гг. большая часть российской прессы была «демократической». Это значило, что она поддерживала капитализм не за страх, а за совесть, порой бескорыстно, порой не очень, но в обоих случаях искренне. События 1993 г. подорвали у части журналистов веру в «демократическую миссию» Ельцина и его режима. После расправы над толпой у Останкино и расстрела Белого дома многие из тех, кто ранее горячо выступал за жесткие меры, начали задумываться. Однако на место искренних симпатий к власти быстро пришла материальная зависимость от нее и от связанных с нею олигархов.

Журналисты ратовали за свободный рынок и частное предпринимательство. К середине 1990-х гг. обнаруживалось, что свободной прессе выжить при капитализме не так уж просто. С одной стороны, резко выросли цены на бумагу, с другой — упали тиражи. Население нищало, и читать дорожающие издания не могло. В 1990—1991 гг. пресса получила от государства безвозмездно или за бесценок здания, где размещались редакции, оборудование, полиграфические мощности. К 1993—1994 гг. все это было уже по максимуму использовано и частично обесценилось. Необходимо было техническое перевооружение, но, как и в других отраслях,

---

[129] Диалог. 1996. № 10. С. 34.

недоставало инвестиций. Телевидение, которое могло приносить реальный доход, тоже нуждалось в привлечении внешних инвесторов.

Средства массовой информации независимо от направления несли огромные убытки уже в 1992 г. — 15 млн рублей у проельцинской «Комсомольской правды», 6 млн рублей у оппозиционной «Советской России». Долги типографии «Пресса» достигли 200 млн рублей. Газета «Известия» получила от правительства Гайдара огромное здание на Пушкинской площади, что позволяло ей сводить концы с концами, но к 1993 г. даже ей пришлось туго. Дорожает доставка прессы. Люди, раньше подписывавшиеся на центральную прессу, предпочитают теперь более дешевые местные издания. В 1993 г. «Известия» сохранили только 25% подписчиков, «Комсомольская правда» — 15%, «Независимая газета» — 39%, а еженедельник «Аргументы и факты», являвшийся крупнейшим не только в России, но и в Европе, сохранил 35% подписчиков, потеряв за год почти 17 млн читателей! Время общероссийских газет уходит в прошлое, отныне единство информационного поля обеспечивается телевидением[130].

Либеральные журналисты, ратовавшие за отмену субсидий и дотаций для всех отраслей экономики, одновременно требовали дотаций и субсидий для себя. Между тем централизованно субсидировать пропаганду, как в советские времена, государство уже не могло. Более того, оно было в этом не заинтересованно. Советский опыт показал, что при отсутствии прямой цензуры пресса легко может пользоваться дотациями и одновременно критиковать правительство, эти дотации выделяющее. Попытки введения цензуры в 1993 г. провалились. Впоследствии пресса очень болезненно реагировала на попытки чиновников вмешиваться в творческий процесс.

---

[130] Здесь и далее используются данные, собранные И. Засурским. См. *Засурский И.* Цит. соч. С. 55—58. Второе издание: *Засурский И.* Реконструкция России. Масс-медиа и политика в 90-е годы. М.: Изд-во МГУ, 2001.

Контроль со стороны частного капитала был гораздо жестче, но одновременно оказался гораздо более приемлем идеологически и психологически. Переход средств массовой информации к олигархам создавал условия для восстановления политической цензуры при сохранении формальных демократических свобод.

Трагической была история «Независимой газеты». В 1993 г. она была символом сопротивления цензуре и борьбы за свободу печати. Газета выдержала прямую конфронтацию с властью, но не экономический кризис. В мае 1995 г. она перестала выходить. В редакции произошел раскол. Часть журналистов объединилась вокруг заместителя главного редактора Александра Гагуа, который на общем собрании был провозглашен новым руководителем. Основатель газеты Виталий Третьяков, казалось, смирился с произошедшим. Но решение Гагуа получить деньги на возобновление издания у бизнесменов, поддержавших Конгресс русских общин, спровоцировало новый кризис, на сей раз уже политический. 12 сентября 1995 г. помещение редакции было захвачено сотрудниками частной охранной фирмы, нанятой Борисом Березовским, который как раз в это время создавал свою медиаимперию. Третьяков был восстановлен на своем посту. Газета стала выходить вновь, но уже на деньги Березовского.

Надо отдать должное Виталию Третьякову, который сумел даже после произошедшего сохранить репутацию издания. И все же это была уже не та «Независимая», к которой привыкла московская интеллигенция. Влияние Березовского, малозаметное в повседневной жизни газеты, вдруг резко возрастало каждый раз, когда в стране возникал политический кризис, затрагивавший интересы магната. Так было после прихода к власти правительства Примакова в 1998 г. — против него Березовский начал настоящую войну, и «НГ» не могла остаться в стороне. Так было и осенью 1999 г., когда газете пришлось защищать Березовского от обвинений в связях с террористами. Так было и во время второй чеченской войны,

когда изданию Третьякова фактически пришлось стать рупором российского Генерального штаба.

Захват Березовским «Независимой газеты» был только одним из серии скандальных захватов известных изданий «политизированным капиталом». Аналогичный конфликт произошел в газете «Известия». Без особого сопротивления подчинилась воле внешних инвесторов «Комсомольская правда». А «Новая газета» сохраняла видимость самостоятельности, маневрируя между спонсорами. Ценой этой свободы было огромное число заказных материалов, оплаченных различными бизнес-группами или политическими командами.

Итак, в 1995—1996 гг. на сцену выходит «политизированный капитал». Его цель, как отмечает Засурский, состояла не столько в получении прибыли от продажи газет и рекламы, сколько в том, чтобы увеличить свое влияние в государстве. «Антирыночное» и, на первый взгляд, нерациональное поведение российских бизнесменов объяснялось достаточно просто: политическое влияние давало доступ к распределению ресурсов в таком масштабе, по сравнению с которым весьма скромные возможные прибыли российских СМИ казались несущественными. Приватизация в 1994—1996 гг. была в самом разгаре. После 1996 г. мотив получения собственности трансформировался в стремление ее удержать[131]. Пресса снова становится, как и в советское время, инструментом пропаганды, но не правительственной, а частной. Причем средства массовой информации делятся на две группы, в зависимости от решаемых ими задач. Одни ведут пропагандистские кампании, ориентированные на массы. Другие пытаются воздействовать на политические элиты. Это, по выражению Засурского, «газеты влияния».

Возникают мощные медиахолдинги. Некоторые из них оформляются открыто, как группа Медиа-МОСТ Вла-

---

[131] *Засурский И.* Цит. соч. С. 156. О судьбе «Независимой газеты» и других изданий см. там же. С. 71—74.

димира Гусинского, другие предпочитают на первых порах этого не делать, как ОНЭКСИМ-банк Владимира Потанина или группа, подконтрольная Борису Березовскому. Последнюю журналисты вообще назвали «теневым холдингом». Но именно он занял решающие позиции на телевидении, установив контроль над крупнейшим телеканалом ОРТ, не говоря уже о многочисленных газетах. У Березовского, пишет Засурский, все «проходило по модели „русской приватизации", отработанной новыми русскими финансистами на промышленных предприятиях с так называемыми „красными директорами". Смысл этой стратегии состоит в том, чтобы покупать работников, а не предприятие. Вероятно, именно этой цели (помимо бегства от налогов) служила система двойных заработных плат на телеканале, размер которых у важнейших сотрудников определялся лично Березовским или его ближайшим ставленником Бадри Патаркацишвили»[132]. Такая политика позволила Березовскому, имея сравнительно небольшие пакеты акций, порой вообще не оформляя своих отношений с партнерами, устанавливать почти тотальный контроль на предприятиях своего холдинга. Впрочем, журналистская элита в накладе не осталась. Контролируя крупнейшие предприятия информационно-пропагандистского комплекса, она не только обслуживала олигархию и власть, но и предъявляла свои условия. Так в 1999 г. журналист Сергей Доренко, по данным газеты «Московский комсомолец», запросил с Бориса Березовского 1,5 млн долларов США (или 125 тыс. долларов в месяц) и получил эти деньги! А Татьяна Кошкарева, формальный руководитель информационной службы телеканала ОРТ, шефствовавшая над Доренко, вынуждена была довольствоваться «всего» 20 тыс. долларов в месяц. В связи с этим газета иронически заметила, что при таком разрыве в оплате «вряд ли Доренко ожидает режим „наибольшего благоприятствования"»[133].

---

[132] *Засурский И.* Цит. соч. С. 148.

[133] Московский комсомолец. 30.09.1999.

Сколь бы ни был значителен политический интерес олигархов, журналистская и управленческая элита ведущих газет, радиостанций и телеканалов имела свой собственный. К тому же наряду с медиахолдингами политизированного капитала складывались и коммерческие (один из них сложился вокруг газеты «Московский комсомолец», другой вокруг англоязычной «The Moscow Times»). Политизированные холдинги вовсе не отказывались от зарабатывания денег, тогда как коммерческие были отнюдь не в стороне от политики. Более того, политика в конечном счете оказывалась наилучшим источником денег.

Совместно пропагандируя ценности либерального капитализма, средства массовой информации и стоящие за ними олигархи, как отмечает Засурский, одновременно конкурировали на «рынке влияния». Временами эти конфликты принимали характер настоящих информационных войн, причем для самих их участников эти войны оборачивались золотым дождем.

Фактически к середине 1990-х гг. в России сложился информационно-пропагандистский комплекс с собственными интересами и пользовавшийся серьезным влиянием на положение дел в стране. Наряду с аграрным, топливно-энергетическим и военно-промышленным, информационно-пропагандистский комплекс лоббировал свои интересы через парламент и правительство. Используя средства массовой информации в своих целях, олигархи одновременно вынуждены были способствовать их развитию, как правило, за счет других отраслей экономики.

Если в большинстве отраслей производство падало, то здесь, несмотря на огромные трудности, оно росло. Увеличивалась заработная плата, занятость, происходило стремительное технологическое обновление (открывались новые издания, радиостанции, телеканалы, расширялась зона вещания, запускались спутники). Увеличивавшийся и богатевший новый средний класс стал потреблять возрастающее количество медиапродукции,

сделав ее вновь коммерчески выгодной. К 1995—1996 гг. структурная перестройка отрасли в целом закончена. Если в 1992—1993 гг. «советская» модель прессы потерпела крах (а вместе с ней и надежда на появление по-настоящему свободной журналистики), то в 1995—1996 гг. складывается новая модель. Реклама коммерческая и политическая становятся одним целым. И ту и другую делали одни и те же люди, используя одни и те же средства. Более того, нередко коммерческая реклама несла в себе идеологическую функцию, а в политических сообщениях скрывалась заказанная кем-то коммерческая информация. Это очень хорошо выразил один из героев романа Виктора Пелевина «Generation П»: «Мы ведь с тобой идеологические работники, если ты еще не понял. Пропагандисты и агитаторы. Я, кстати, и раньше в идеологии работал. На уровне ЦК ВЛКСМ. Все друзья теперь банкиры, один я... Так я тебе скажу, что мне и перестраиваться не надо было. Раньше было: «Единица — ничто, коллектив — все», а теперь «Имидж — ничто, жажда — все». Агитпроп бессмертен. Меняются только слова»[134].

Иван Засурский отмечает «дух корпоративности», присущий пресс-элите. В основе этой корпоративности лежит ее привилегированное положение. Другие авторы отмечают в конце 1990-х «попытки СМИ взять под свой контроль кадровые решения президента и отстроить механизм управления ими»[135]. Другое дело, что и в 1994—1995, и в 1997—1998 гг., когда медиасообщество пыталось в той или иной мере давить на Кремль, эти попытки успехом не увенчались. Виктор Пелевин пошел дальше, назвав режим, опирающийся на элиту пропагандистских ведомств, «медиакратией». Демократией его можно назвать только по аналогии с термином «demo-version»[136]. Чем более привилегированным было положение

---

134 *Пелевин В.* Цит. соч. С. 139.
135 Со-общение. 1999. № 2. С. 15.
136 *Пелевин В.* Цит. соч. С. 119.

пресс-элиты, тем ниже были требования профессиональной этики. Обычным делом стали «заказные материалы» и «черный пиар» (от английского PR — public relations). За небольшую мзду от ста до нескольких тысяч долларов журналисты размещали в своем издании нужное кому-то сообщение. Читатель, естественно, не информировался о том, что сообщение кем-то оплачено. Если это сообщение было еще и заведомо ложным, оно стоило дороже — на журналистском жаргоне это почему-то получило название «джинсы».

«Вообще, феномен коррупции в журналистике заслуживает отдельного разговора, — пишет Иван Засурский. — Во всероссийских изданиях он встречается в самых разнообразных проявлениях — начиная с репортажа из регионов, написанного за 1000 долларов по заказу, и заканчивая проплаченными через отделы рекламы репортажами о новых скидках операторов сотовой связи. «Черный пиар» или «джинса» является серьезной проблемой для любой редакции. Однако еще больше беспокоит феномен институционализации коррупции во всероссийских СМИ. Общеизвестно, что именно в них работают пресловутые 2% журналистов, заработная плата которых превосходит доходы занятых в региональных СМИ в десятки, а то и сотни раз. Разумеется, большое значение для уровня зарплаты в столице имеет дефицит квалифицированных кадров и огромное количество изданий. Но если принять во внимание тот факт, что высокие зарплаты являются также характерным атрибутом «газет влияния», то картина получается несколько иная. Тем более, что до сих пор многие высокооплачиваемые сотрудники получают зарплату в конвертах, причем уровень заработка определяется индивидуально и не оговаривается в трудовых соглашениях. В условиях экономического кризиса такое положение вещей лишает многих московских журналистов способности отстаивать собственное мнение или иметь независимую позицию»[137].

---

[137] *Засурский И.* Цит. соч. С. 118—119.

Информационно-пропагандистский комплекс не просто стал экономической силой, у него сложилось собственное видение развития страны. Оптимальное, с точки зрения его интересов, положение дел представляло бы собой перманентную избирательную кампанию, перемежающуюся террористическими актами, войнами, естественными катастрофами и криминально-сексуальными скандалами. Если для рядового обывателя предпочтительна стабильность и размеренное течение жизни, то для прессы это смерть. Напротив, всевозможные потрясения являются ее идеальным материалом. Голодающее население, разбомбленные дома и сгоревшие заводы могут выглядеть вполне живописно, а потому лозунг «хлеба и зрелищ!» современный информационно-пропагандистский комплекс заменяет недоуменным вопросом: «зачем вам хлеб, если у нас есть зрелища?». Идеологическая функция средств массовой информации проявляется в том, что рассказы о бедствиях сегодняшнего дня дополняются обещанием процветания в будущем, которое непременно наступит при условии соблюдения требований либерального капитализма. Другой темой пропаганды было противопоставление собственной ущербной и неправильной страны «цивилизованному миру» Запада. В этом случае идеал находился не в будущем, а просто в другом месте, а возможность его достичь становилась сугубо индивидуальной. Парадоксальным образом постоянные славословия западному образу жизни сочетались с почти полным отсутствием международной информации. Если в советское время ей уделяли от трети до половины времени в программах телевизионных новостей, то в ельцинской России обычным делом стали передачи новостей, где не было ни одного международного сюжета!

Идеолог новой медиакратии Глеб Павловский цинично заявлял, что главное даже не продавать газеты, главное — торговать политическим влиянием. «Отсюда рентабельность медиабизнеса измеряется рентабельностью продажи собственником своего ресурса медийного

давления на власть — обычно самой же власти (шантаж) либо претендующей на власть оппозиционной группировке („верхушечный переворот"). СМИ как политический посредник материально заинтересованы в максимизации политических рисков (выше риск — выше норма прибыли на рынке „политических денег", или „денег влияния"). Их задача — не обслуживать коммуникацию политических сил, а, наоборот, — запутывать, дезинформировать и держать ситуацию в искусственно взвинченном, стрессовом состоянии неопределенности». Во всем этом Павловский не видит ничего предосудительного, ибо такое поведение объясняется «простыми рыночными мотивами»[138].

Главным достижением информационно-пропагандистского комплекса ельцинской России был именно синтез западной и советской пропагандистской культуры, на основе которого возникала своего рода **тотальная пропаганда.** Обработку сознания средствами массовой информации оппозиционная пресса назвала *«зомбированием»*. Суть «зомбирования» состоит в том, что исчезает дистанция между сообщением и его восприятием, сознание радиослушателя и телезрителя как бы растворяется в потоке пропагандистских образов. Эти образы сами по себе возникли из синтеза коммерческой рекламы и политической пропаганды. Реклама была насквозь идеологизирована, а пропаганда использовала рекламную технологию. Создавался новый контекст, в который оказывалось постоянно погружено массовое сознание. Телевизионные картинки, рекламные щиты на улицах, повторяемые политиками слоганы должны были сформировать у не склонного к рефлексии обывателя нечто вроде системы искусственных рефлексов — как у знаменитой собаки Павлова.

«Это похоже на состояние одержимости духом, — писал Виктор Пелевин, — разница заключается в том, что этот дух не существует, а существуют только симп-

---

[138] Со-общение. 1999, № 2. С. 15.

томы одержимости. Этот дух условен, но в тот момент, когда телезритель доверяет съемочной группе произвольно перенаправлять свое внимание с объекта на объект, он как бы становится этим духом, а дух, которого на самом деле нет, овладевает им и миллионами других телезрителей»[139]. Разумеется, фиктивная реальность пропаганды не может заменить настоящей, но может преобразовать ее восприятие. В какой-то момент человек выключает телевизор. «Но возникает эффект, похожий на остаточную намагниченность. Ум начинает вырабатывать те же воздействия сам. Они возникают спонтанно и подобны фону, на котором появляются все остальные мысли». В итоге в сознании «возникает своеобразный фильтр», через который и воспринимается реальность[140].

И все же пропаганда не всесильна. История ельцинской России — это не только летопись успешных манипуляций массовым сознанием, но и история того, как применяемые приемы постепенно теряют силу. Для того чтобы удерживать внимание и контролировать сознание, приходилось все время повышать дозу пропагандистского воздействия, тогда как массы постепенно вырабатывали своеобразный иммунитет к информационным технологиям. Чем менее эффективными были манипуляции, тем более приходилось правящим кругам полагаться на насилие или, по крайней мере, на угрозу насилия.

Насилие само по себе — ценнейший информационный товар. Оно зрелищно. Оно вызывает эмоции. В этом плане война в Чечне была настоящим подарком для информационно-пропагандистского комплекса. Более того, активная критика власти в телевизионных передачах и в газетах вернула им доверие населения. Именно это доверие было использовано для новых манипуляций во время президентских выборов 1996 г. Если бы средства массовой информации не атаковали Ельцина так яростно

---

139 *Пелевин В.* Цит. соч. С. 105.
140 Там же. С. 112, 113.

в 1995 г., они не могли бы столь успешно повышать его рейтинг год спустя. После краткосрочного конфликта медиаэлиты с властью по поводу Чечни начинается их новое сближение. С одной стороны, медиакратов поставили на место, показав, что они не могут самостоятельно определять политику. С другой стороны, Кремль и олигархия подтвердили их привилегированный статус. Олег Смолин совершенно прав, когда замечает, что ельцинский режим использовал прессу и телевидение «в качестве главного средства управления», заменяющего «прямое насилие»[141]. В ходе избирательной кампании Ельцина 1996 г. происходит непосредственное срастание «частного» информационно-пропагандистского аппарата с государством. Характерным примером может быть назначение Игоря Малашенко, руководителя «независимого» телеканала НТВ, ответственным за создание «имиджа» президента. Именно НТВ наиболее жестко критиковало Кремль в 1994—1995 гг. Та же телекомпания в 1996 г. становится главным рупором его пропаганды.

Президентские выборы 1996 г. стали триумфом пропаганды. Информационно-пропагандистский удар, обрушившийся на население, был такой силы, что реальность подлинная была в какой-то момент в сознании многих людей отодвинута виртуальной. Иван Засурский назвал это «медиатизацией политики»[142].

Решающую роль в пропагандистской войне играло телевидение. В стране, где люди не могли купить общенациональных газет, именно оно обеспечивало единство информационного пространства и, до известной степени, связь между гражданами и государством. Исходя из этого, идеологи предвыборной кампании Ельцина поставили перед собой задачу — «создание образа, то есть символического образа нужной, однако практически неосуществимой (в сжатые сроки) реальности. Чудес не

---

[141] *Смолин О.* Цит. соч. С. 173.
[142] *Засурский И.* Цит. соч. С. 109.

бывает — проблемы останутся, после выборов их надо будет решать обычными средствами. Чтобы сохранить шанс на победу, необходимо создать образ „начавшегося решения всех проблем". Иными словами, мы инсценируем то, на создание чего у нас нет времени и возможностей...»[143].

Авторами этих циничных слов были Глеб Павловский и группа интеллектуалов, объединившаяся вокруг Фонда эффективной политики (ФЭП). Показательно, что многие сотрудники ФЭП вовсе не были сторонниками режима, да и сам Павловский в публичных выступлениях был скорее его критиком. Сочетание «интеллектуальной» критики власти с ее ежедневным небескорыстным обслуживанием — классический пример продажности и беспринципности, воцарившихся среди представителей медиакратии. Применявшиеся методы также не отличались особой чистоплотностью. Так, например, представители ФЭП с гордостью рассказывали своим коллегам, как им удалось срывать пресс-конференции кандидата коммунистов Геннадия Зюганова — в результате журналисты приезжали на встречу с Зюгановым то на два часа раньше, то на час позже. ФЭП занимался и распусканием всевозможных слухов: «Иногда в масс-медиа запускалась самая, казалось бы, невероятная информация. К примеру, о том, что в случае победы Зюганова будут отменены все телесериалы. Или о том, что причиной вражды Зюганова и Ельцина стало «золото КПСС», найденное Юрием Лужковым во время реконструкции Манежной площади»[144].

На самом деле, однако, работа по созданию «позитивного имиджа» Ельцина дала весьма скромные результаты. Обливание грязью коммунистов и распространение нелепых «слухов-пугалок» начало давать обратный эффект. Кампания по обработке молодежи, затеянная Сергеем Лисовским в рамках акции «Голосуй или

---

143 *Засурский И.* Цит. соч. С. 100.
144 Московские новости. 16.06.1996.

проиграешь!» тоже не была успешной. Лисовский за огромные деньги нанял популярных исполнителей и провез их по стране, превращая концерты поп-музыки в проельцинские митинги. Телевидение постоянно рекламировало эту акцию. «Напрасно Лисовский выгреб из бюджета на эту акцию кучу денег, напрасно заставил инфарктного президента глупо скакать по сцене под попсу, — констатирует Александр Тарасов. — Основными посетителями акции „Голосуй или...“ были подростки 14—16 лет, а они, как известно, в выборах не участвуют. В Волгограде и Астрахани, как выяснилось из опросов год спустя, подавляющее большинство молодых избирателей, которые присутствовали на концертах Лисовского, не ходили голосовать вообще. А те, кто ходили, голосовали в основном за Лебедя, Жириновского, Зюганова или против всех. Они проголосовали — и проиграли»[145].

Возникла прямая угроза поражения на выборах, чего режим ни при каких обстоятельствах допустить не мог. Надо было менять пропагандистскую стратегию. И здесь на первый план выходит группа американских консультантов. Именно этой группе, по утверждению журнала «Тайм», принадлежит в 1996 г. сомнительная честь «спасения Бориса»[146].

Ключевыми моментами пропагандистской кампании отныне стали запугивание народа гражданской войной, апелляция к традиционному послушанию и начальстволюбию российского обывателя. Если интеллектуалы из ФЭП пытались представить ельцинский режим носителем чего-то нового и современного, то американцы обратились именно к самым традиционным, консервативным, авторитарным стереотипам массового сознания. Они агитировали именно тех людей, которых ФЭП записал в сторонники Зюганова.

Страх перед гражданской войной стал решающим фактором, предопределившим победу Кремля в 1996 г.

---

[145] Континент. 1999. № 12. С. 4.

[146] См. *Kramer M.* Rescuing Boris. Time International. 15.07.1996.

Фактически речь шла о прямом шантаже. Избирателю откровенно дали понять, что в любом случае Ельцин никуда не уйдет. Просто в случае своей победы он останется у власти мирным и «законным» путем, а в случае победы Зюганова он все равно останется, но путем государственного переворота. Планы государственного переворота действительно были, что позднее подтверждали приближенные к президенту генералы Коржаков и Куликов (первый их отстаивал, второй, напротив, в них сомневался).

Так или иначе, угроза репрессий и гражданской войны, выглядевшая вполне реально после событий 1993 г., оказала решающее воздействие на сознание масс. Что особенно важно, страх перед переворотом парализовал политическую волю оппозиции, которая в глубине души предпочитала проиграть, чем стать в очередной раз жертвой репрессий. Наконец, свою роль сыграла и альтернатива «Ельцин или коммунисты». На эту альтернативу средства массовой информации активно работали уже в первом туре. Описывая выборы 1996 г. в Воркуте, социолог В. И. Ильин отмечает: в общественном сознании удалось сконструировать дилемму: либо Ельцин, либо коммунисты, которых ассоциировали исключительно со сталинизмом, который у воркутинцев вызывал воспоминание о «городе-концлагере»[147]. И все же, несмотря на активное промывание мозгов средствами массовой информации, примерно половина воркутинцев голосовать не пошла. Из тех, кто все же решил голосовать, большинство принимали решение по принципу «пусть даже Ельцин, но только бы не коммунисты»[148].

Пропагандистская победа Кремля и медиакратии была пирровой. Дозы информационного воздействия в ходе выборов оказались столь огромными, что после них «избирательные технологии», применявшиеся в меньших

---

[147] Трудовые отношения и коллективные действия в современной России. С. 254.

[148] Там же. С. 257.

масштабах, уже не действовали. Результатом стала серия поражений «партии власти» на выборах губернаторов в 1996—1998 гг. В промышленных регионах нечерноземной России сложился так называемый «красный пояс». Другое дело, что победившие кандидаты оппозиции были вовсе не радикалами, стремящимися к «походу на Москву», а умеренными прагматиками, готовыми торговаться с Кремлем по поводу субсидий и влияния. Не став политическим вызовом Кремлю, «красный пояс» все же вынудил президентское окружение скорректировать политику в регионах и пойти на уступки по ряду вопросов (замедлились темпы и масштабы приватизации, в некоторых областях произошла фактическая ренационализация заводов в пользу местной власти). Региональные элиты стали самостоятельным центром силы наряду с московскими олигархами, правительственными чиновниками и медиакратами.

Вторым следствием выборов 1996 г. стали информационные войны между олигархами. Как отмечает Засурский, «на президентских выборах 1996 г. был сформирован *новый класс медиа-управленцев, прошедших в ходе кампании школу манипуляции общественным мнением*». Мало того, что эти люди ничего другого делать уже не умели, но и *«репутация прессы упала так низко у всех изданий, что бояться этической конкуренции больше не было смысла»*[149]. Между тем единый блок бюрократов и олигархов, победивший на выборах 1996 г., распался. Причиной тому было не только ощущение избыточной уверенности в себе, наступившее после того, как стало ясно, что ни со стороны оппозиции, ни со стороны масс ждать неприятных сюрпризов не приходится, — не менее важным было и то, что ресурсы, потребляемые олигархией, исчерпывались. Все меньше оставалось неприватизированных предприятий, все меньше свободных средств, которые можно было бы перераспределить в свою пользу и проесть. За оставшиеся государствен-

---

[149] *Засурский И.* Цит. соч. С. 106, 108.

ные пакеты акций прибыльных компаний началась острая борьба.

Раскол единого олигархо-бюрократического блока вовсе не означал противостояния частных собственников и государства. Скорее, можно говорить о том, что различные группы чиновников заключили альянсы с различными конкурирующими группами олигархов. Раскол происходил внутри самого государственного аппарата. Как следствие этого, борьба также велась прежде всего политическими методами. Важнейшим из них стала публикация в прессе компрометирующих материалов — «компромата» — друг против друга. «В отличие от американских разгребателей грязи начала века, российские коллеги в большинстве случаев не ориентируются на публику, — пишет Засурский. — Основной целью является направленное воздействие на политизированную элиту»[150]. Нужно подорвать позиции своих противников в аппарате власти и поддержать своих друзей. На смену централизованным информационно-пропагандистским кампаниям пришли информационные войны.

Сначала компания НТВ на всю страну заявила о «государственном перевороте», когда охрана задержала имиджмейкеров президента, пытавшихся вынести из Дома Правительства коробку из-под ксерокса, набитую неучтенными долларами. Затем еще более масштабная война разразилась в 1997—1998 гг., когда ОНЭКСИМ-банк Владимира Потанина не без помощи Анатолия Чубайса за бесценок получил приватизировавшийся пакет акций компании «Связьинвест». Березовский и Гусинский предприняли акции «информационного возмездия», реально ослабившие позиции Чубайса в структурах власти. Затем издания, близкие к Юрию Лужкову, начали кампанию по дискредитации вице-премьера Бориса Немцова, в котором Лужков на тот момент видел опасного для себя соперника на президентских выборах. Отчасти за этим конфликтом скрывалась борьба московского

---

[150] *Засурский И.* Цит. соч. С. 111.

автозавода АЗЛК с нижегородским ГАЗом за правительственные заказы. Нижегородец Немцов продвигал ГАЗовскую «Волгу» в качестве отечественного автомобиля, на который нужно «пересадить» чиновников. У Лужкова были собственные проекты престижных автомобилей. Сами чиновники, однако, вообще не собирались пересаживаться на отечественные автомобили, предпочитая немецкие «ауди» и «мерседесы».

Наконец, после августа 1998 г. развернулась информационная война между Березовским и Лужковым. Впрочем, это уже был конфликт иного рода. Если до того все конфликты заканчивались примирением сторон, то теперь началась война на уничтожение.

За годы ельцинского правления средства массовой информации полностью дискредитировали себя в качестве «четвертой власти», точнее, доказали, что эта власть не менее (а, может быть, даже более) коррумпирована, чем все остальные. Своими рекламно-пропагандистскими кампаниями они фактически разрушали единое информационное пространство, дезориентируя, дезорганизуя и разобщая людей. Но они же сами оказались жертвой собственной политики. Теряя моральный авторитет, они утрачивали и свою ценность в глазах бюрократии и политизированного капитала. И тем самым создавали почву для перехода к новым «управленческим технологиям», основанным на цензуре и применении прямого насилия.

[Глава 6]

Корпоративная модель и социальный конфликт

В 1990-е гг. Россия утратила не только статус великой державы. Перемены затронули весь образ жизни людей. Миллионы впадали в нищету на фоне стремительного обогащения новых русских. О масштабе социальных диспропорций говорит статистика, приведенная в исследовании, сделанном экспертами банковской группы МЕНАТЕП в 1996 г. По уровню потребления все жители страны делились на четыре категории: «новые русские» составляли 1% населения, «средний класс» — 8%, «рабочий класс» — 66%, остальные 26% — просто «бедные»[151].

Неудивительно, что большинство левых ожидало подъема классовой борьбы. Радикальные авторы предсказывали: «шоковая терапия» приведет к «становлению собственной идеологии рабочего класса», «осознанию своего нового положения наемных работников у формирующегося капиталистического класса», а затем — к мощным пролетарским выступлениям[152]. Однако внуки

---

[151] Эксперт. 25.11.1996. № 45. С. 24. К концу 1990-х гг. картина несколько улучшилась за счет увеличения доли богатых и среднего класса. Но все равно рабочий класс и бедные составляли свыше 80% населения.

[152] *Ракитская Г. Я.* На пути к собственной идеологии. М., 1993. С. 11. Очень похоже рассуждают и авторы коллективной работы левых социологов, опубликованной в Англии. По их мнению, после приватизации в России наконец возникнет «естественная» почва для рабочего

пролетариев, совершивших Октябрьскую революцию, проявляли невиданное терпение и пассивность. Забастовки то и дело вспыхивали, но затем гасли, не переходя в массовое движение. Типичной формой рабочего протеста стала голодовка, зачастую переходящая в попытку коллективного самоубийства. Люди были доведены до отчаяния и все же не способны к борьбе.

Социальное партнерство, о котором писали поклонники социал-демократии, тоже осталось на бумаге. Государство создало трехстороннюю комиссию с участием правительства, профсоюзов и предпринимателей. Комиссия регулярно заседала.

Не оправдались и прогнозы относительно социальной базы новых порядков. Либеральные социологи делили трудящихся на две категории: квалифицированных, образованных, молодых людей, выступающих «за рынок», и противостоящих им неквалифицированных, малообразованных, старых «противников рынка»[153]. То, что рынок в принципе благоприятствует «хорошим», наиболее динамичным, грамотным и подготовленным работникам, казалось либералам настолько самоочевидным, что они даже не обсуждали эту посылку. Социологи также верили, что в России существуют устойчивые профессионально-квалификационные группы рабочих, у которых есть четкие социальные интересы, равно как и способность осознавать и защищать эти интересы.

движения, которое выразится в усиливающейся борьбе рабочих «внутри предприятия». Исходя из этой предпосылки, авторы, не являющиеся сторонниками обвальной приватизации, одновременно настаивали, что ее нельзя рассматривать ни как победу, ни как поражение для рабочих. См. *Clarke S., Fairbrother P., Burawoy M., Krotov P.,* What About the Workers? Workers and the Transition to Capitalism in Russia, Lnd., 1993. P. 241.

[153] На пути к социальному партнерству / Под ред. Л. А. Гордона. Спец. приложение к бюллетеню «Конституционный вестник». М., 1993. С. 76—78.

На практике наибольший ущерб от политики «свободного рынка» понесли именно квалифицированные рабочие, связанные с наукоемкими производствами, хотя на протяжении 1991—1996 гг. список «пострадавших» и «выигравших» приходилось неоднократно пересматривать. Вообще социальная история капиталистической реставрации в России полна парадоксов. Именно наименее квалифицированным и наименее «рыночным» группам трудящихся в наибольшей степени были свойственны необоснованные потребительские ожидания. Именно они стали энтузиастами рыночной утопии. Опросы 1990—1993 гг. показывают, какая путаница царила в массовом сознании. Одни и те же люди «одновременно высказываются и за свободные цены, и за их регулирование, поддерживают возможность обогащения и выступают против большой разницы в доходах»[154]. Чем ниже был уровень образования, чем меньше люди знали о мире, тем больше они зависели от средств массовой информации, контролировавшихся «реформаторской» властью. Впрочем, не имея перспектив выиграть от развития капиталистического рынка, неквалифицированные работники не являлись и по определению «проигравшими». Дешевизна неквалифицированного труда в условиях примитивного рынка и дефицит инвестиций создали своеобразное «преимущество лопаты над компьютером». 1990-е гг. стали временем массовой «переквалификации» промышленных специалистов в мелких торговцев, охранников или прислугу «новых богатых». Благодаря своим знаниям и квалификации они даже достигали известных успехов на новом поприще, но редко становились от этого более счастливыми.

Сплетение интересов делало практически каждого человека «рыночником» и «антирыночником» одновременно.

---

[154] Социальная и социально-политическая ситуация в России: состояние и прогноз (1992) / Под ред. Г. В. Осипова. М., 1993. С. 43.

Любая группа в процессе «рыночных реформ» что-то выигрывала и одновременно что-то проигрывала. Проблема лишь в том, что соотношение «плюсов» и «минусов» постоянно менялось. По официальному прогнозу, на первых этапах «реформы» должны были сказаться ее отрицательные стороны (падение уровня жизни, ужесточение требований к работнику). Зато на втором этапе должны были выявиться в полной мере «преимущества рыночного механизма». В жизни все произошло наоборот. На первых порах люди заметили некоторые положительные сдвиги: исчез хронический дефицит, появились качественные иностранные товары (особенно в Москве и Петербурге). Падение зарплаты компенсировалось возможностью участвовать в «неформальной экономике», причем — без потери «официального» рабочего места. О масштабах вовлеченности населения в «теневую» и «неформальную» экономику свидетельствует следующий факт: по данным Госкомстата РФ только за первый квартал 1997 г. граждане потратили на триллион рублей больше, чем заработали, а их сбережения не сократились. Причем речь идет о деньгах, израсходованных на продукты и одежду, иными словами, не о тайных операциях мафии, а о потреблении простых тружеников. Газета «Век», опубликовавшая эти данные, недоумевала: «откуда у россиян взялся лишний триллион»[155]. На самом деле ответ был прекрасно известен и журналистам и читателям. Без широкого развития «неформального сектора» официальная экономика просто рухнула бы под тяжестью нерешенных проблем и социальных противоречий.

Поскольку официальной статистики «неформального сектора» не существовало, о его масштабах можно судить по косвенным показателям. Одним из них является то, что при спаде промышленного производства наполовину, выработка электроэнергии уменьшилась лишь на 25%. Отчасти это связано с падением эффек-

---

[155] Век. 1997. № 13.

тивности, произошедшем повсеместно в ходе приватизации (производительность труда падала, энергоемкость продукции росла, поскольку даже при меньших масштабах производства надо отапливать цеха и т. д.). Однако это лишь отчасти объясняет произошедшее. Вторым фактором является потребление электроэнергии неформальным сектором. В условиях, когда администрация не могла платить рабочим, она не могла и противиться тому, чтобы рабочие на заводском оборудовании изготовляли какие-либо предметы для собственного потребления или на обмен. Произведенная «неофициально» продукция нигде не учитывалась, а издержки частично или полностью «вешались» на формальный сектор. Тем самым «официальные» производители косвенно субсидировали неформальную экономику, но это оказывалось для них выгоднее и проще, чем оплачивать рабочим полную стоимость рабочей силы.

Массу мелких торговцев, «челноков», курсирующих между Россией, Польшей, Китаем и Турцией, а иногда и между разными областями России, коммунистическая «Гласность» назвала «пролетариями бизнеса»[156]. Это парадоксальное определение тем более справедливо, что многие из подобных людей продолжали числиться рабочими и инженерами на своих предприятиях, а порой и работали на них большую часть времени.

До 1993 г. сохранялась полная занятость, бесплатная медицина, образование и дешевые коммунальные услуги. Ситуация начала меняться после государственного переворота 1993 г. Теперь правительству никто не мешал выполнять свою социальную программу. В результате за несколько лет политической стабильности экономический спад углубился, развал наукоемких производств стал необратимым. Товары на прилавках уже не вызывали восхищения (наступил «эффект привыкания»), зато возникла угроза безработицы, начала разваливаться привычная система социальных гарантий.

---

[156] Гласность. 11.10.1996.

Поскольку «пользователями» этой системы был каждый, ее развал ударил практически по всем социальным слоям кроме узкой группы «новых богатых». Даже рост зарплаты в преуспевших фирмах порой не позволял компенсировать потери. Соответствующие службы (в сфере отдыха, здравоохранения, образования) были созданы именно как общественные, часто — на основе предприятий. Коммерциализация дезорганизовала их, сделав неработоспособными.

Развал системы социальных гарантий стал принимать столь угрожающие масштабы, что даже находившиеся у власти неолибералы вынуждены были притормозить. Планы приватизации образования и здравоохранения были на некоторое время заморожены, жилищно-коммунальная реформа отложена. Вновь подобные программы были предложены правительством лишь в 2004 г. во время администрации Путина, когда на фоне экономического роста и высоких цен на нефть у правящих кругов возникла иллюзия, будто подобные меры можно будет провести сравнительно безболезненно.

Середина 1990-х гг. была временем всеобщего недовольства. Однако протест оставался пассивным, выражаясь главным образом в голосовании за бессильную парламентскую оппозицию и регулярно повторяющихся требованиях к власти, чтобы она выполняла собственные законы и обещания. Неприязнь к власти сочеталась с готовностью принять ее как данность, как плохую погоду или суровый северный климат.

Анализируя общественные настроения середины 1990-х гг., известный социолог Юрий Левада заметил, что «на фоне высокого уровня общественного *недовольства* оставался фактически весьма низким уровень организованного, направленного, эффективного общественного протеста»[157]. Даже там, где массовые акции имели место, они были поразительно неэффективными. Такой

---

[157] Левада Ю. От мнений к пониманию. Социологические очерки 1993—2000. М.: МШПИ, 2000. С. 156.

протест, «лишенный конкретной направленности, не создает ни субъекта социального действия, ни его общих ценностей»[158]. Отсутствовала культура солидарности, характерная для европейского рабочего движения.

Ложным оказалось и представление, будто работники имеют четкие и однозначные интересы на уровне повседневного бытия. Положение работника на советском производстве было крайне противоречиво, а потому значительная часть трудящихся вообще не в состоянии была четко сформулировать, в чем состоит ее интерес. В качестве потребителей рабочие стремились к одному, в качестве производителей к другому, в качестве наемных работников к третьему, в качестве участников корпоративного блока (вместе с директорами, инженерами и даже министрами) к четвертому. Эта принципиальная неспособность определить собственный тактический и стратегический интерес порождала крайне противоречивые и непоследовательные действия, зачастую — во вред себе.

Можно сказать, что практика опрокинула все прогнозы, как официальные, так и оппозиционные, как оптимистические, так и пессимистические.

На первых порах и левые и правые разделяли общую иллюзию. Они верили, что распространение «западных» форм частной собственности автоматически вызовет соответствующую трансформацию всех производственных и трудовых отношений по западному образцу. На деле происходило совершенно иное. Несмотря на добросовестные попытки копирования американских и европейских схем, западные формы стихийно трансформировались, адаптировались к постсоветской реальности, все менее соответствуя своим исходным прототипам.

Характерной особенностью трудовых отношений постсоветской эпохи стала хроническая задолженность по выплатам зарплаты. Это явление наблюдалось и в государственном секторе, и на частных предприятиях, как

---

[158] Левада Ю. От мнений к пониманию. Социологические очерки 1993—2000. М.: МШПИ, 2000. С. 157.

созданных заново, так и на приватизированных. Не были исключением и предприятия, принадлежавшие иностранному капиталу, хотя здесь число подобных случаев было меньше. Эпидемией задолженности были охвачены все регионы и все отрасли экономики. Аналогичная ситуация наблюдалась и в других постсоветских республиках — в Казахстане, на Украине, в меньших масштабах — в Белоруссии. К июлю 1998 г., когда в России разразилась волна массовых протестов, общая сумма задолженности по стране достигала 69 971 млн рублей (т. е. около 6,5 млрд долларов), причем в производственных отраслях — 56 431 млн рублей. На отрасли бюджетного финансирования (т.е. здравоохранение, образование и т. п.) приходилось 17,8% общего долга. Как отмечает экономист Михаил Делягин, реальное положение было еще хуже, поскольку обычно приводятся данные только по заработной плате: «в эту величину не входит долг по пособиям (в том числе по безработице и на детей, на которые во многих регионах живут целые семьи), ведомственным пенсиям, а также выплатам сотрудникам силовых структур, не входящим в понятия „денежное довольствие и заработная плата“»[159].

Невыплата заработной платы порождалась эпидемией взаимных неплатежей между предприятиями, дефицитом наличных денег из-за жесткой финансовой политики государства, когда взаимные расчеты приходилось осуществлять с помощью бартера и различных денежных суррогатов. Однако среди неплательщиков были высокорентабельные предприятия нефтяной и газовой отрасли. Невыплата зарплаты не всегда свидетельствовала об отсутствии средств. Например, одно из предприятий РАО «Газпром» — богатейшей российской транснациональной компании — при общей задолженности по зарплате в 121 тыс. рублей было потрачено 112 тыс. на

---

[159] *Делягин М.* Экономика неплатежей: как и почему мы будем жить завтра. Изд. 3-е. М., 1997. С. 232. См. также *Кагарлицкий Б.* Реставрация в России. С. 220; Трудовые отношения и коллективные действия в современной России. М: Эдиториал УРСС, 1999. С. 64—66.

закупку офисной мебели, 41 тыс. на участие в футбольном турнире, 20 тыс. на закупку пиротехнических изделий, 15 тыс. на концерт и 4 тыс. на закупку воздушных шариков[160]. Можно сказать, что, несмотря на острый социальный кризис, администрация предприятия в буквальном смысле слова пускала деньги на ветер!

Социологи справедливо сравнивают практику невыплаты зарплаты со сталинской системой принудительного кредитования власти населением в 1940-е гг. Однако, «если в сталинской системе работникам предлагалось кредитовать государство путем „добровольной" подписки на государственные займы, сейчас согласия работников не требуется даже формально. При этом, в отличие от иностранных кредиторов и отечественных предпринимателей, которые одалживают государственные средства под огромные проценты, работники вынуждены кредитовать государство и работодателей, не получая даже минимальной компенсации моральных и материальных потерь». Мало того, что подобное положение дел оказывалось крайне выгодным и власти и собственникам, «не иметь долгов по зарплате, с точки зрения работодателя, просто нерационально и даже небезопасно, поскольку свидетельствует о наличии у предприятия „лишних" денег»[161].

Для социологов и экономистов подобный кризис превратился в теоретическую проблему. Как отмечает социолог В. П. Белова, такое положение дел «ни в социалистической, ни в рыночной экономике невозможно по определению». При социализме это «противоречило бы не только идеологии, но и самим основам плановой экономики», при капитализме или смешанной экономике «это означало бы фактическое банкротство»[162]. Удобнее всего было обозначить это явление как «переходное». Но это значило ничего не сказать ни о его причинах, ни о его природе.

---

[160] Трудовые отношения и коллективные действия в современной России. С. 64.
[161] Там же. С. 64, 65.
[162] Там же. С. 66.

На деле невыплата заработной платы оказывалась специфической формой борьбы с инфляцией и повышения конкурентоспособности компаний в обществе, где, несмотря на явный поворот к капитализму, на уровне предприятия господствовал корпоративный коллективизм. По отношению к «внешним» рынкам российские предприятия выступали как капиталистические, но не по отношению друг к другу и уж точно не по отношению к своим работникам. Люди продолжали трудиться, ибо к рабочему месту их привязывала не только зарплата. Вместо отношений свободного найма господствовали отношения патернализма и личной зависимости.

События 1990-х гг. были не разрывом с советской историей, а ее продолжением. Бессилие и разобщенность трудящихся имели глубокие корни именно в советском опыте. До 1989 г. производственные объединения в СССР не только поставляли государству запланированную продукцию. Они обеспечивали социальные гарантии своим сотрудникам. Через предприятие решались вопросы жилья, детских дошкольных учреждений, летнего отдыха и даже распределения дефицитных товаров. Предприятия, трудовые коллективы были самой эффективной формой социальной организации в разобщенном обществе. Предприятие стало своеобразной *индустриальной общиной*. Не удивительно, что поведение российских «потомственных пролетариев» и формы их борьбы в годы неолиберальных реформ больше напоминали крестьянские бунты начала века, нежели европейское рабочее движение.

Становление корпоративной модели началось задолго до рыночных реформ. Многочисленные ограничения, распространявшиеся не только на передвижение по стране, но порой и на выбор профессии, дали возможность социологам говорить о «полукрепостном» характере трудовых отношений. Бывший заместитель министра труда П. М. Кудюкин писал, что в советские времена «наемный труд, и то с ограничениями, су-

ществовал только в крупных промышленных центрах»[163].

Отсутствие полноценного рынка труда имело и другую сторону. Американский социолог Дональд Филтцер отмечает, что поскольку отношения работодателя и работника не строились на основе рыночного соглашения, а цена рабочей силы, выраженная в заработной плате, далеко не всегда отражала реальную стоимость ее воспроизводства, трудовые отношения приобретали черты своеобразного «обмена услугами»[164]. Рабочие были обязаны трудиться, но были защищены от безработицы, имели низкую зарплату, субсидированное дешевое жилье, гарантированный доступ к важным для них элементам социальной инфраструктуры и т. д. В той мере, в какой предоставление услуг зависело не от государства в целом, а от администрации предприятия, эти отношения становились неформальными и даже межличностными. Каждый рабочий в значительной мере мог контролировать то, как он работает, управленцы терпели такой частичный «рабочий контроль», поскольку это было гарантией предсказуемости и надежности со стороны коллектива.

Система трудовых отношений была пронизана неформальными связями, которые успешно работали. Так решались вопросы, неразрешимые с помощью командных методов. Это оборачивалось склонностью администрации мириться с низкой трудовой дисциплиной, а со стороны рабочих — готовностью к постоянным сверхурочным, «штурмовщине», «работе на энтузиазме», отсутствию полагающихся условий труда. Наряду с интересами и целями, декларированными официально, существовали многочисленные «неофициальные» интересы, зачастую неоформленные, а порой не вполне осознаваемые участниками производственных процессов, и тем не менее — вполне реальные.

---

[163] Вопросы экономики. 1994. № 5. С. 74.

[164] *Filtzer D.* Soviet Workers and Stalinist Industrializalion. Pluto Press. Lnd. etc. 1986. P. 260.

«С формальной точки зрения, — пишет П. М. Кудюкин, — администрация предприятий не имела свободы действий в определении условий труда, будучи включенной в жесткую командную систему. Однако в реальности директор, по крайней мере с середины 1960-х гг. (после косыгинской реформы), обладал немалыми легальными, а чаще полулегальными возможностями предоставления своим работникам дополнительных социальных благ. Естественно, данные блага и их распределение были мощнейшим средством манипулирования работниками. Умелый и умный директор без особого труда мог играть роль „отца-командира" и „доброго барина", опекающего подчиненных. Но горе было тому работнику, который пытался „искать правду". На основе связки директор—профсоюзный комитет формировался местный корпоративный патернализм. „Односторонне командные" трудовые отношения дополнялись „административно-корпоративным патернализмом"»[165].

ПРОФСОЮЗЫ: «ТРАДИЦИОННЫЕ» И «АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ»

Неформальные трудовые отношения предопределяли и роль профсоюзов в советской системе. Было бы неверно утверждать, будто они вообще ничего не делали для рабочих. Просто их деятельность имела мало общего с профсоюзной работой в привычном смысле слова. Они занимались вопросами социального страхования, охраны труда, организации отдыха трудящихся, помогали обеспечивать работников потребительскими товарами. Профлидер был неофициальным заместителем директора по социальным вопросам. Перестройка практически не затронула профсоюзы. Они продолжали заниматься привычным делом, распределяя льготные путевки и дефицитные товары.

---

[165] Вопросы экономики. 1994. № 5. С. 74.

Лишь в 1990—1991 гг. в профдвижении начались серьезные перемены. После шахтерских забастовок 1989 г., вызванных в основном традиционными трудностями в угледобывающей промышленности и монопродуктивностью шахтерских регионов, ситуация для профсоюзов резко усложнилась.

Забастовки стихийно охватывали одну шахту за другой, став неожиданностью и для администрации и для профсоюзных функционеров. В ходе этих стачек появились свои лидеры, шахтеры почувствовали уверенность в себе. Хотя многие из тех, кто тем «жарким летом» возглавлял бастующих, впоследствии проявили себя не лучшим образом, было положено начало подлинному рабочему движению. Именно поэтому профсоюз угольщиков позднее не боялся конфликта с властью ни в 1993, ни в 1994 г. К тому же шахтеры считали: уголь нужен будет всегда. Даже если правительство пойдет на закрытие отдельных шахт, оно не может допустить остановки отрасли.

Шахтерские забастовки летом 1989 г. показали, что старые профсоюзы неработоспособны в новых условиях. В переговорах с бастующими профсоюзы участвовали на стороне администрации. Однако стачки не сопровождались массовым выходом рабочих из «официальных» профсоюзов или попытками создания новых. Трудящиеся видели в профсоюзах распределительную организацию, не имеющую отношения к трудовым конфликтам. Лишь полгода спустя лидеры забастовочных комитетов осознали предназначение профсоюзов. Часть активистов шахтерского движения заняла руководящие посты в традиционных профсоюзах, большинство же стало создавать новую организацию.

В 1989—1990 гг. во всех шахтерских регионах СССР возникли рабочие комитеты. Как и во всем мире, это первое поколение независимого рабочего движения породило множество надежд, обернувшихся жестокими разочарованиями. И в Донецке, и в Прокопьевске, и в Караганде забастовщики говорили не только о своих

профессиональных проблемах, но и о проблемах общества, однако всячески старались сохранить чисто шахтерский характер движения. «Таким образом, с самого начала, возможно неосознанно, шахтеры взяли на себя роль выразителей интересов большинства населения, в то же время изолировав себя от этого населения, — пишет историк и профсоюзный активист Вадим Борисов. — В дальнейшем обнаружилось, что „шахтерское движение, перетянув на себя функцию выразителя общих интересов (и переоценив свои возможности в противостоянии с правительством), выступило фактором, тормозящим развитие забастовочной активности и формирование стачкомов и независимых профсоюзов в других отраслях“»[166]. Даже позднее, когда шахтеры на своей шкуре убедились, чего стоят «реформы по-русски», они очень редко шли на совместные действия с другими отрядами трудящихся, практически никогда не предпринимали каких-либо акций солидарности, когда бастовали представители других профессий. Подозрительно относясь к интеллигенции, руководители рабочих комитетов затем легко подчинялись правительственным чиновникам и местным популистским лидерам, использовавшим шахтеров в своей политической игре. Многие руководители стачечных комитетов стали за несколько лет преуспевающими бизнесменами и государственными администраторами. Лозунг «рабочее движение — вне политики» обернулся отказом от самостоятельной рабочей политики, а затем подчинением рабочих комитетов политике Ельцина и его окружения. По мере того как социальные последствия этой политики становились очевидными, рабочие комитеты теряли свое влияние.

Появление «альтернативных» профсоюзов было первым серьезным вызовом для традиционных структур. «Альтернативные» профсоюзы возникли в огромном числе после 1989 г., и к ним примыкали рабочие активисты, недовольные бюрократизмом и бездеятельностью

---

[166] Рабочая политика. 1996. № 4. С. 8—9.

старых профсоюзов. В основном эти организации были микроскопическими (численностью в несколько десятков или сотен человек). Объединиться в масштабах страны им оказалось крайне трудно. Самым известным из новых профсоюзов был Независимый профсоюз горняков России (НПГ). Как общероссийская организация НПГ был создан в ноябре 1991 г. на учредительном съезде в Южно-Сахалинске и первоначально объединял 14,3 тыс. членов. К концу 1992 г. численность НПГ выросла до 55 тыс. Устав НПГ допускал членство в профсоюзе только для рабочих и только работающих под землей. Из общего числа таких работников на шахтах России в НПГ к 1993 г. уже состояла четверть. После ожесточенной внутренней борьбы, продолжавшейся в течение 1989—1991 гг., председателем НПГ стал Александр Сергеев.

Другими известными и политически активными объединениями новых профсоюзов были Конфедерация свободных профсоюзов России (КСПР) и СОЦПРОФ. КСПР была создана в Москве в июне 1990 г. и с самого начала заявила себя как жестко антикоммунистическая и антисоветская организация. Будучи, как и другие «альтернативные» профсоюзы, настроена против Горбачева, КСПР в отличие от проельцинского большинства в новых профсоюзах критиковала и Ельцина. Причем — справа, рассматривая его как недостаточно жесткого антикоммуниста. К середине 1993 г. численность КСПР достигла 70 тыс. человек, после чего рост рядов прекратился. КСПР смогла закрепиться в основном в строительной и металлургической промышленности, в том числе, например, серьезно потеснив «официальные» профсоюзы на Череповецком металлургическом комбинате (ЧМК), одном из крупнейших в России. После короткой закулисной борьбы политику профцентра стал определять Председатель КСПР Александр Алексеев.

СОЦПРОФ существовал первоначально как всесоюзная структура и официально расшифровывался как «Объединение социалистических профсоюзов СССР». В начальный период большую роль в СОЦПРОФе играли

левые социалисты, социал-демократы и анархо-синдикалисты. Затем СОЦПРОФ стал праветь. Слово «социалистические» в его названии было заменено на «социальные», а позже аббревиатура СОЦПРОФ и вовсе перестала расшифровываться. Из руководства СОЦПРОФа были «вычищены» все левые, лидер СОЦПРОФа Сергей Храмов из социал-демократа превратился в либерала. Позднее, в начале 2000-х гг., когда левые идеи в России вновь оказались модны, Храмов совершил очередной политический поворот и выступил в качестве антиглобалиста и критика системы. Однако это уже не имело большого значения, поскольку возглавляемое им объединение таяло на глазах. В 1992 г. официально утверждалось, что в нем 200 тыс. членов, но по оценкам независимых экспертов реальная численность не превышала 40 тыс. человек. Проверить это было невозможно: регистрация не велась, профсоюзные взносы не собирались. К началу 2000-х гг. и от этого числа людей в рядах организации оставалось не более одной десятой.

Новые профсоюзы повели яростную борьбу против традиционных, видя в них своих главных противников. Критикуя старую профбюрократию за связь с государством, они сами стали обращаться к правительству, надеясь получить поддержку против более крупных «официальных» конкурентов. После распада СССР, когда правительство России взяло курс на широкомасштабную приватизацию, лидеры «альтернативных» профсоюзов выступали в поддержку решений российских властей, не обращая внимания на недовольство трудящихся. В свою очередь правительство предоставило «альтернативным» профсоюзам непропорциональное их численности количество мест в Российской трехсторонней комиссии по трудовым отношениям и т. д.

Новым профсоюзам не удалось привлечь на свою сторону большинство работников. Даже там, где наблюдался значительный выход из старых профсоюзов, люди не торопились вступать в новые. Достоянием гласности стали финансовые скандалы, расколы и политические

чистки в «альтернативных» профсоюзах. В прессе сообщалось о деньгах (50 млн рублей только в адрес отделения НПГ в Воркуте, насчитывавшего тогда всего 50 человек), полученных НПГ от российского правительства на организацию антигорбачевской забастовки весной 1991 г. (любопытно, кстати, что «посредником» между властью и «альтернативщиками» выступило в тот момент руководство «старых» профсоюзов).

Рыночная реформа и приватизация, с одной стороны, давление «альтернативных» профсоюзов — с другой, инициировали робкие перемены и в «традиционных» профсоюзах. Первоначально бюрократия надеялась, что удастся обойтись сменой вывесок. Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов (ВЦСПС) был преобразован во Всеобщую конфедерацию профсоюзов (ВКП), после распада СССР превратившуюся в «международное объединение». Российские профсоюзы были объединены в Федерацию независимых профсоюзов России (ФНПР) во главе с Игорем Клочковым.

ФНПР сохранила на протяжении периода 1991—1996 гг. черты типичной советской, насквозь бюрократизированной, громоздкой, неповоротливой, консервативной и переполненной синекурами организации, не поспевающей за быстрыми переменами в обществе.

События августа 1991 г., поражение ГКЧП, запрет КПСС и последовавший за этим развал СССР застали руководство ФНПР врасплох. Опасаясь распространения антикоммунистических репрессий на свой руководящий аппарат и возможной конфискации собственности, руководство «официальных» профсоюзов во главе с Клочковым постоянно повторяло, что профсоюзы — вне политики (этот тезис был введен в официальные программные документы ФНПР). На практике в 1991—1992 гг. ФНПР перешла к «критической поддержке» российской власти.

Между тем новая ситуация открыла перед профсоюзной бюрократией неожиданные возможности. После августа 1991 г., когда распались союзные структуры,

была ликвидирована КПСС, а профсоюзы остались единственной массовой организацией в стране. Более 80% их членов сохранили верность своим организациям. На фоне хаоса и коррупции, воцарившихся в России, профсоюзная бюрократия того времени, привыкшая к четкому соблюдению традиционных норм, выглядела образцом порядочности. Однако у нее не было ни четкой стратегии, ни полного понимания собственной силы.

ДЕКЛАССИРОВАННЫЙ ПРОЛЕТАРИАТ

«Традиционные» профсоюзы сохраняли влияние на предприятиях, поскольку трудовые коллективы оставались стабильны. При относительно высокой занятости для постсоветского общества 1990-х гг. характерен стремительный рост скрытой или частичной безработицы. «В формировании скрытой безработицы, — отмечают эксперты, — заинтересованы как администрация предприятия, так и сами работники. Директора предприятий широко используют административные отпуска, приостанавливая открытое сокращение штатов, или официальное высвобождение кадров, поскольку у них нет средств на выплату высвобождаемым работникам выходного пособия и заработной платы на период трудоустройства в соответствии с трудовым законодательством. Статистика показывает, что объемы высвобождения кадров в 1993 г. составили 60% от уровня 1992 г. Однако начиная с III квартала 1993 г. тенденция увеличения объемов высвобождения стала восстанавливаться, и в 1994 г. она достигла 86% от уровня 1992 г.» Рост скрытой безработицы сопровождался вовлечением трудящихся в сферу «неформальной» или «теневой» экономики. Исследователи отмечают: «Практически все работники предприятий, пребывающие сегодня в административных отпусках или занятые неполный рабочий день, находят себе работу в так называемом неформальном секторе экономики.

Лишенные возможности зарабатывать на своем предприятии, они вынуждены заниматься частным нелегальным бизнесом, и инициативное осуществление этого вида деятельности на условиях „вторичной" занятости их весьма устраивает»[167].

Таким образом, вместо формирования классического пролетариата европейского типа и устойчивого рынка труда, реформы привели к массовой социально-профессиональной маргинализации наемных работников. Однако участники российской неформальной экономики радикально отличались от латиноамериканских маргиналов — не только уровнем образования и профессиональной квалификации, но и тем, что сохраняли связь с традиционным индустриальным сектором.

Противоречивость положения работников вела к параличу социальной воли. Именно это, наряду с дополнительными и (скрытыми от официальной статистики и налогов) «вторичными доходами», стало одной из причин того, что всеобщее недовольство не переросло в социальный взрыв.

Получая доходы в неформальном секторе, работники были заинтересованы и в сохранении своего основного рабочего места. Это была гарантия стабильности, социального статуса, пенсионного обеспечения. В подобных обстоятельствах люди не только не были склонны противопоставлять себя директору, но, напротив, пользовались всякой возможностью, чтобы, объединившись вокруг администрации, добиваться выживания своего предприятия.

Как отмечал Кудюкин, «корпоративно-патерналистская тенденция» с началом гайдаровских реформ даже усилилась. «Зависимость от предприятия возросла как с обострением ситуации на рынке труда, так и с резким

---

[167] Клуб «Реалисты». Информационно-аналитический бюллетень // Проблемы регулирования рынка труда. Зоны социального бедствия. М. 1995. С. 97—98.

ослаблением социальной защиты со стороны государства. Не стоит сбрасывать со счетов и значение полученных предприятием по бартеру товаров, распределяемых среди работников по ценам ниже рыночных»[168]. Широко практиковавшаяся в 1993—1995 гг. расплата с работниками продукцией собственного предприятия также усилила зависимость трудящихся от своего завода. Наконец, массовое акционирование предприятий, сопровождавшееся раздачей акций работникам, вовсе не способствовало становлению свободного труда. Не получая значительных дивидендов и фактически не участвуя в принятии решений, работник так и не стал совладельцем средств производства. Зато акция стала дополнительным способом прикрепления работника к конкретному предприятию. Ни пресса, ни профсоюзные информационные отчеты, ни исследования не зафиксировали ни одного случая, когда работники приватизированных «в пользу трудящихся» предприятий отказались бы от забастовки, мотивируя это своими интересами в качестве собственников. Зато причинами отказа от стачки постоянно назывались страхи перед потерей работы и перед репрессиями.

Теперь руководитель предприятия становился одновременно руководителем коллектива собственников и полномочным распорядителем совместного имущества. Поскольку доступ к информации о реальном положении дел у администраторов несравненно больше, нежели у работников, это давало директорам дополнительные возможности косвенного контроля за поведением «собственников»[169].

---

[168] Вопросы экономики. 1994. № 5. С. 74. См. также: *Пронин С. В.* Условия формирования российского рабочего и профсоюзного движения 90-х годов и его задачи // Доклады и сообщения ИСПРАН. М., 1994.

[169] Авторы книги «What About the Workers?» также отмечают, что крушение КПСС в 1991 г., вместо того чтобы сделать профсоюзы на уровне предприятия независимыми, лишило их прежней возможности маневрировать между партийными и хозяйственными органами, тем самым поставило в большую зависимость от администрации (*Clarke S. et al.* Op. cit. P. 191).

В общем, на протяжении 1992—1993 гг. наблюдалось не движение к «западной модели», а отдаление от нее. Ведь в конце советского времени 1990—1991 гг. патернализм оказывался как бы «за скобками» конфликта. Вопросы социальной защиты были так или иначе решены в рамках советской системы, а зоной конфликта, как и на Западе, оказывались вопросы заработной платы, охраны труда и порой профсоюзные права. По внешности трудовой конфликт образца 1990—1991 гг. практически не отличался от западного. Зато с 1992 г. нагрузка на патерналистскую модель стремительно возрастает, и одновременно становится очевидным отсутствие альтернатив. Реальный выбор, стоящий перед трудящимися, — не между патернализмом и свободой, а между социальной защищенностью и ее отсутствием. У рабочего нет возможности выбрать: жилье от предприятия, муниципальное жилье или, наконец, жилье по доступным ценам на рынке. Он все более привязан к предприятию, зависим от администрации.

Руководство предприятий уже не подчинялось партийному контролю, но продолжало культивировать корпоративные связи внутри своей отрасли. «Свято место пусто не бывает», местная администрация, зачастую опиравшаяся на бывший аппарат областных комитетов партии, стала все более активно вмешиваться в дела расположенных на ее территории компаний. Если в советское время секретарь обкома использовал свое политическое влияние в Москве, чтобы «выбивать фонды», доставать дефицитное оборудование и товары ширпотреба, то теперь, в условиях хронического дефицита инвестиций, местная власть стала совладельцем, кредитором, спонсором и защитником предприятий. Защита эта, впрочем, нередко напоминала рэкет. Тех, кто не хотел дружить с местной властью, отдавали на расправу мафии.

Трудящиеся оказались в двойной зависимости — от администрации предприятий и от региональной власти. И те и другие старались показать, что в отличие

от столичного финансового капитала готовы «заботиться о людях», решать социальные проблемы. Но в большинстве регионов для этого не было ни средств, ни возможностей.

«КАСИКИЗМ» ПО-РУССКИ

В условиях, когда корпоративизм все больше становился решающим фактором социальной организации, он не мог не проявиться и в политике, особенно на уровне местной власти. В Латинской Америке это явление принято называть — «касикизмом».

«Касик» — слово, некогда обозначавшее индейского вождя в Мексике, — уже прочно вошло сначала в испанский язык, а потом и в международный политический лексикон. Яркие примеры «касикизма» можно было найти не только в Мексике, но и в Бразилии, Колумбии, Боливии. «Касикизм» сложился в Латинской Америке, в годы, когда она была прежде всего сырьевым придатком Запада, местный рынок был слабо развит, а экономика предельно зависима от иностранного капитала. Речь шла о том, что местные администраторы превращаются в полновластных хозяев своих регионов, о политической коррупции. Центральная власть мирится с административным произволом на местах, поскольку сама нуждается в поддержке регионального начальства. Права и политические возможности различных регионов не одинаковы — они в конечном счете зависят от влияния того или иного «касика» и, разумеется, от экономического веса стоящих за ним группировок.

Российские регионы оказались в большинстве своем слабы экономически, но сильны политически. Лишь немногие из них сделались самодостаточными. Они относительно малы. Нарезаны административные границы были в основном при Сталине — для удобства централизованного управления. Например, Кемеровская область была специально организована для более эф-

фективного управления угольной промышленностью. После 1991 г. она стала одним из 89 «субъектов федерации».

Экономическая слабость регионов приводила к тому, что ресурсы перераспределялись через Москву. Здесь же происходило накопление капитала. К тому же столица — окно на Запад, что предельно важно в зависимой стране. Но совершенно естественно, что при такой системе региональные элиты не могли не пытаться за счет политических действий компенсировать свою экономическую слабость. Концентрируя власть на местах, они получали возможность торговаться с центром, выгодно продавая свою политическую поддержку.

Децентрализованный авторитаризм допускает больший произвол, нежели централизованный. В первом случае гражданам приходится иметь дело с одним самодуром, а во втором — с восемью десятками. В первом случае власть главного начальника сдерживает бесчинства начальников местных, во втором — дополняет их.

На местах происходило то же, что и в центре. Под разговоры о федерализме страна получила странное соединение централизованного государства и конфедерации, соединяющее недостатки обеих систем, но не их достоинства. В регионах появилось 89 мини-самодержцев, чья власть так же бесконтрольна, как и власть кремлевского Большого Брата. Единственным, что сдерживало произвол удельных князей в регионах, оказывалась такая же неограниченная власть президента в центре. В конечном счете все определяется соотношением сил. К середине 1990-х гг. формируются авторитарные режимы в масштабах одной отдельно взятой провинции — будь то Калмыкия, Башкирия или Татарстан. Некоторые губернаторы напротив предлагали себя в качестве образцов просвещенного самодержавия, другие правили, не слишком оглядываясь на закон. Выборность губернаторов, бесспорное благо с точки зрения теории, в реальной политической жизни вовсе не обязательно означала

демократию, ибо подтасовка результатов голосования стала обычным делом, варьируясь от совершенно скандальной на Северном Кавказе до стыдливо умеренной в европейской России[170].

Безнаказанность администраторов, которые сами формируют избирательные комиссии, сами же продвигают кандидатов, сами же предоставляют (или не предоставляют) им доступ к средствам массовой информации, рано или поздно должна была сказаться и на общероссийских парламентских выборах, однако на первых порах избирательные фальсификации компенсировались *плюрализмом начальства*. Иными словами, одни подправляли выборы в пользу левых, другие в пользу правых, третьи вообще пускали все на самотек, а в итоге получалась картина, примерно соответствующая действительности. Губернаторы проталкивали своих протеже в территориальных округах, а на партийные списки смотрели без особого интереса. К тому же в годы правления Ельцина губернаторы по совместительству являлись членами Совета Федерации и сами могли законодательствовать.

Губернаторы оказались далеко не едины ни в применявшихся ими методах управления, ни в своем авторитаризме (демократизме). Разным был и их политический стиль. Тем не менее, можно четко выделить несколько групп. Это немногочисленные «демократы»-западники, пытавшиеся воспроизводить европейские политические ритуалы (но, как правило, не их содержание) и открыто

---

[170] Однако на Северном Кавказе фальсификация выборов периодически вызывала протест, иногда — насильственный. Достаточно вспомнить массовые волнения в Карачаево-Черкессии в 1999 г. и хроническую нестабильность в Ингушетии 2000-х гг., после того как под давлением Кремля там произошла смена правящей элиты. В регионах европейской России, напротив, проигравшие редко протестовали против фальсификации публично. Обвинения в подтасовке итогов выборов выдвигались то там, то здесь, но никто и никогда не пытался в этом разобраться. Нарушения избирательного законодательства и прямые фальсификации результатов голосования постоянно обсуждались в прессе, некоторые частные случаи признаны официальными органами, но ни один местный начальник за это не пострадал.

ориентировавшиеся на Кремль; лидеры «красного пояса», формально Кремлю оппозиционные, но на практике с ним сотрудничающие; и, наконец, «удельные князья» — наиболее типичные представители «касикизма». Последние с Кремлем также активно сотрудничали, но постоянно пытались навязать ему собственные условия. Связь между местным криминалом и местной же властью — тоже хорошо известная черта «касикизма». На общенациональном уровне построить такие отношения технически очень сложно. Но на местах, где все друг друга знают и у всех состоятельных людей полно общих интересов, непосредственное сращивание власти и криминального мира становилось широко распространенной практикой.

Классическим примером «красного губернатора» считался Юрий Горячев в Ульяновске. «Несмотря на некоторое стремление соответствовать европеизированному культурному эталону, Горячев все же с самого начала интуитивно связывал эффективность и эффектность своей власти с народными ожиданиями, со справедливостью, — пишет политолог А. Магомедов. — Регулярно организуемые осенние и весенние ярмарки на центральном рынке, дни открытого письма в районах (встречи с населением в сельских клубах) стали событиями, утверждающими собственное губернаторское видение местной политической реальности. Они поддерживают веру Горячева в то, что большинство населения лояльно по отношению к нему. Вера эта искренняя и основана на интересе ульяновского лидера к нуждам простых людей. В общении и контактах с ними он нащупал оптимальный стиль реализации своего образа. Вот Горячев в кругу инсценированного народного гуляния на ярмарке, в одежде, ничем не выделяющей его из массы граждан. Вот он ходит по торговым рядам и справляется о ценах. Вот он в магазине в окружении пожилых покупательниц. Вот он осматривает сельхозтехнику в поле...»[171]

---

[171] Свободная мысль. 1994. № 11. С. 113.

Что касается «удельных князей» или «русских касиков», то большая часть из них возглавляла в 1993—1999 гг. автономные республики в составе Российской Федерации. Невразумительный статус автономии позволял местному авторитаризму развиваться до максимальных пределов, допускаемых конституцией, и далеко за эти пределы. Президент Минтимер Шаймиев в Татарстане или калмыцкий «хан» Кирсан Илюмжинов с оппозицией не особенно церемонились. Выборы с единственным кандидатом, подавление оппозиционной прессы, а в Калмыкии и политические убийства стали обычной практикой. Однако принадлежность к национальным меньшинствам, давая определенные преимущества «ханам», одновременно ограничивала их политические амбиции. Вот почему наиболее влиятельным из «удельных князей» стал все же мэр Москвы Юрий Лужков. Хотя политическая практика в столице не доходила до таких крайностей, как в автономиях, наблюдатели дружно признавали, что правит он в своей вотчине «твердой, порой даже очень твердой рукой»[172]. В методах Лужкова было многое от «красных губернаторов». Та же ставка на патернализм, демонстративная забота о социальных программах, та же публичность и «народность» власти — мэр самолично открывает чуть ли не каждое новое здание, построенное в городе, он позирует в кепке среди восторженной толпы, постоянно рассказывает о том, как заботится о бедных. В столице развивался своеобразный муниципальный госкапитализм, при котором городская администрация оказывалась и главным инвестором, и основным заказчиком многочисленных проектов, порой весьма прибыльных. Однако в отличие от «красных» губернаторов, делавших ставку на сохранение остатков промышленности, лужковская империя основывалась на своеобразной финансовой ренте.

Как всегда бывает в условиях периферийного капитализма, взаимоотношения между глобальным «цент-

---

[172] Свободная мысль. 1996. № 4. С. 40.

ром» и «периферией» естественным образом воспроизводились внутри страны. Точно так же, как по отношению к России «центром» выступали Западная Европа и США, по отношению ко всей России финансовым и деловым центром была Москва. Стихийная централизация капитала гарантировала постоянное перераспределение средств в ее пользу. В 1993—1996 гг. на Москву приходилось порядка 50% иностранных инвестиций. По мере нарастания инвестиционного кризиса эта диспропорция только усиливалась. «В 1997—1998 гг. для России был характерен не только общий спад инвестиционной активности отечественных инвесторов, — пишет Ирина Богачева, — но и дальнейшая концентрация прямых иностранных инвестиций в Москве. В 1997 г. в столице было сосредоточено около 80% общего годового объема прямых иностранных инвестиций...»[173]

Большая часть отечественного финансового капитала была также сосредоточена в столице. Именно здесь находились штаб-квартиры основных корпораций, тут они и платили налоги. Строительство и операции с недвижимостью стали важнейшими отраслями муниципального бизнеса, а городская бюрократия развила своеобразный симбиоз с частным сектором, кормившимся от ее заказов и подкармливавшим ее различными «пожертвованиями». Здесь же был достигнут своеобразный «трипартизм» — профсоюзы и предприниматели в равной степени оказались подчинены жесткому контролю аппарата, который поощрял «своих» и ставил на место непослушных.

Выборы 1996 г. в Москве, когда Лужков получил около 90% голосов, поставили социологов в тупик — мэр был популярен, но все же не настолько. Еще более

---

[173] Россия на пороге XXI века: социально-экономический кризис и пути его преодоления. С. 34. По данным Юрия Лужкова, в 1996 г. из 4,8 млрд долларов иностранных инвестиций на Москву пришлось 4,29 млрд. Всего в стране было лишь 7 регионов из 89, не получавших дотаций из федерального бюджета, — в том числе Москва. На самом деле столица могла финансировать федеральный бюджет лишь потому, что сама вытягивала финансовые ресурсы из всей России (см. Неделя. 1997. № 19).

«странными» были выборы Московской городской думы год спустя, когда во всех округах с примерно одинаковым результатом побеждали зачастую никому не известные ставленники мэрии, иногда даже не удосуживавшиеся вести избирательную кампанию. Проигравший блок бывшего председателя Моссовета Николая Гончара заявил о многочисленных нарушениях, но расследование дела потонуло в недрах Государственной думы[174]. Окончательные и полные итоги выборов так и не были вообще обнародованы. Спустя еще год «красный губернатор» Аман Тулеев провел выборы местного законодательного собрания таким же точно образом, не отдав оппозиции или независимым ни одного места.

Все русские «касики» в той или иной форме контролировали политическую жизнь своей территории. Неравенство регионов означает неравенство их граждан. Формальные демократические свободы, провозглашенные в центре, имеют мало смысла в условиях существования авторитарных режимов на местах. Кремль охотно мирился с подобным положением дел на протяжении большей части 1990-х гг. Ситуация изменилась в 1998—1999 гг., когда стало ясно: без участия губернаторов трудно будет решить вопрос о том, кто победит в Москве. В известном смысле Россия пережила реальную децентрализацию власти. Беда лишь в том, что от перераспределения полномочий и политического влияния в пользу местных элит большинству народа жить не стало ни лучше, ни свободнее.

КОРПОРАТИВНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА

Зависимость населения от администрации предприятий и от местной власти все же не означала полной пассивности. После расстрела Белого дома в 1993 г. полити-

---

[174] Подробнее об этом см.: *Kagarlitsky B.* Moscow's Strange Vote // The Moscow Times. 25.12.1997. См. также «Независимая газета». 19.12.1997. Обзор «странностей» московских выборов был дан также в журнале «Итоги».

ческий протест угасает, но социальные конфликты продолжают вспыхивать то там, то тут.

Пока «традиционные» профсоюзы боролись с «альтернативными», трудящиеся оказались предоставленными самим себе. Распространенным явлением стали «дикие» забастовки, которые сплошь и рядом терпели поражение, так как не были подготовлены. Из ФНПР начался отток наиболее активной части членов. Слабость профсоюзов привела к тому, что решающую роль в организации коллективных действий все чаще играли представители директорского корпуса. «Директорские стачки» стали наиболее типичной и массовой формой коллективных действий в России 1990-х гг. Обосновывая необходимость сотрудничества с директорами, газета ФНПР «Солидарность» писала: «Борьба профсоюзов за права конкретного труженика — одновременно и борьба за всю страну, за ее будущее. И здесь союзником профсоюзов являются так называемые „красные директора“»[175]. Даже в шахтерской забастовке 1989 г., которая считалась наиболее стихийной, имели место случаи участия директоров в забастовочных комитетах[176]. Участвовали директора и в организации коллективных действий вместе с профсоюзами ФНПР в 1992—1993 гг. Во время выступлений работников оборонной промышленности «Вести ФНПР» отмечали: «На большинстве предприятий действия профсоюзных организаций были поддержаны директорским корпусом. Местные органы власти проявили нейтралитет. Исключение составила администрация Владимирской области, запретившая подачу гудков (сирен) на предприятиях»[177]. Порой доходило до курьезов. Так, в Иванове директор АО «Шуйские ситцы» В. Тихонов, член Коммунистической партии Российской

---

[175] Солидарность. 1994. № 16. С. 13.

[176] См. Социалистический Донбасс. 8.08.1989. Обзор случаев участия администрации в шахтерских выступлениях см. в ст. *Friedgutl Th., Siegelbaum L.*, Perestroika from Below: The Soviet Miners Strike and its Aftermath // New Left Review, May/June 1990, № 181. P. 13.

[177] Вести ФНПР. 1994. № 7. С. 34.

Федерации, самолично возглавил забастовочный комитет, требовавший от дирекции повышения заработной платы. «Профсоюзное обозрение» ехидно заметило по этому поводу, что «председатель забастовщиков В. Тихонов, требующий повышения зарплаты от директора В. Тихонова, — позиция, которая может заинтересовать специалистов по расщеплению сознания»[178]. На самом деле «случай Тихонова» лишь выявлял в крайней форме общую закономерность, состоящую в явной противоречивости и неоднозначности отношений между трудящимися и администрацией. Нередко коллективные действия, начатые по инициативе или с одобрения администрации, выходили из-под ее контроля. Однако до тех пор, пока под вопросом было выживание отрасли, подобное «социальное партнерство» оставалось весьма устойчивым.

Хотя альтернативные профсоюзы осуждали связь ФНПР с директорами, они сами понемногу начали устанавливать подобные связи. По словам «Профсоюзного обозрения», альтернативные профцентры в 1994 г. поставили перед собой непривычную задачу: выдвинуть своих людей на руководящие посты предприятий, чтобы «обеспечить свободным профсоюзам более широкие возможности для действий»[179]. Однако в отличие от «старых» профкомов, «альтернативные» профсоюзы в большинстве случаев не имели опыта взаимодействия с управленческими структурами, а потому делали ставку на новых людей. Это, естественно, вызывало сопротивление менеджеров.

Вопрос о том, в чьих руках находится административный контроль над производством, приобретал особую остроту из-за отсутствия четкой законодательной базы трудовых отношений. Вопросы, которые раньше решались на основе неписанных норм и обычаев, в изменившихся обстоятельствах вставали по-новому, в зависимо-

---

[178] Профсоюзное обозрение. 1994. № 9. С. 13.
[179] Там же. 1994. № 7. С. I.

сти от того, как складывается соотношение сил на предприятии[180].

Роль директоров в отраслевых конфликтах 1990-х гг. особенно важна потому, что участники коллективных действий зачастую добивались не новых средств или льгот, а всего лишь требовали выплатить обещанное, дать то, что предусмотрено законами, правительственными программами и ранее заключенными соглашениями. При этом ФНПР, как правило, солидаризировалась с директорами, предъявляя требования правительству, а «альтернативные» профсоюзы утверждали, что виновниками неуплат являются сами директора. Представители СОЦПРОФа заявляли, что, по их мнению, «задержка зарплаты и неплатежи являются своеобразным видом взаимного кредита директоров предприятий»[181]. Это было подтверждено во время забастовок на АвтоВАЗе и на новосибирском заводе «Тяжстанкогидропресс», где безо всякой помощи государства директора смогли выплатить задерживаемую по нескольку недель зарплату на следующий же день после начала стачки. И все же, несмотря на все манипуляции директоров с финансами предприятий, «кризис неплатежей» носил структурный характер и порожден был политикой правительства, стремившегося таким своеобразным способом сдержать инфляцию.

Отраслевые выступления были сугубо оборонительными и «минималистскими». И трудящиеся и администрация не пытались добиться от властей каких-либо серьезных уступок или провести определенные изменения в избранной политике, они лишь настаивали на элементарном соблюдении своих прав. Постоянно повторявшиеся призывы к «корректировке курса реформ» в силу их абстрактности оставались не более чем общей декларацией

---

[180] См. *Пронин С. , Столповский Б.* Проблемы хозяйственной демократии. Профсоюзы и реформы в России. 90-е гг. М., 1994. С. 82—101, 111—130, 139—143; Социальные конфликты в современном обществе. С. 66—109, 122—130.

[181] Профсоюзное обозрение. 1994. № 7. С. 6.

и эмоциональным фоном массовых выступлений. После каждого серьезного выступления трудящихся власти выделяли средства на латание дыр, работники получали заработную плату, предприятиям предоставлялись определенные средства, но уже через несколько месяцев кризис повторялся.

Начиная с 1992 г. каждую осень по России прокатывалась волна трудовых конфликтов. В период, когда Федерацией независимых профсоюзов России руководил Игорь Клочков, его недоброжелатели склонны были объяснять эти «осенние наступления» тем, что лидер российского профцентра после посещения Японии решил повторить опыт Страны восходящего солнца. Но и после ухода Клочкова с поста председателя ФНПР именно осенью обострялись конфликты между профсоюзами и правительством. К этому времени деньги и у правительства и у предприятий кончались[182].

«В отличие от многих стран Запада, — отмечают исследователи, — сезонные колебания забастовочной активности в России слабо связаны с проведением коллективных переговоров или иных институционализированных событий в сфере трудовых отношений, но прежде всего они отражают сезонную динамику российского экономического кризиса, необходимость подготовки к осенне-зимнему периоду в рамках «экономики выживания» и нарастания инфляционных ожиданий»[183]. Каждый год летнее расслабление (сезон отпусков) и зимняя консо-

---

[182] Анализ массовых выступлений советского периода, проведенный В. Пономаревым, свидетельствует о схожих тенденциях: большая часть зарегистрированных и изученных общественных волнений приходится на «осенний период» (начиная с середины августа и кончая серединой ноября) или на «весенний период» (с марта по июнь). Если учитывать не количество выступлений, а число участников, прослеживается та же тенденция *(Пономарев В.* Общественные волнения в СССР: от XX съезда КПСС до смерти Брежнева. М., 1990).

[183] *Кацва А. М., Патрушев С. В.* Трудовые конфликты и забастовки (октябрь 1993 — сентябрь 1994) в сб. Рабочее движение и политика реформ. № 5—6 // Социальные проблемы, трудовые конфликты и рабочие организации в СНГ. М., 1994. С. 20.

лидация (борьба за выживание предприятия), сменялись «сезонами социальной борьбы».

Если первой реакцией западных профсоюзов на программы капиталистической рационализации 1980-х была попытка защищать каждое рабочее место на каждом предприятии, то ФНПР была постоянно готова обсуждать альтернативные варианты модернизации. Беда в том, что в условиях инвестиционного голода никакой модернизации в большинстве отраслей не проходило. Обсуждать было нечего.

С каждым «циклом спада» ситуация становилась все более драматичной, ибо все новые и новые отрасли втягивались в воронку кризиса. Происходило постепенное накопление проблем: отраслевые конфликты перерастали в «межотраслевые узлы противоречий», а в перспективе маячил глобальный конфликт производителей с новыми собственниками.

Неолиберальная модель экономической реформы предполагала сохранение в условиях промышленного спада определенных точек роста. К числу отраслей, которые должны были бы выиграть от проводившейся политики, можно (наряду с новыми коммерческими и банковскими структурами) в первую очередь отнести строительство, энергетику, добывающую промышленность. Сырьевые отрасли легче могли «конвертировать» свою продукцию для валютного экспорта, их бесперебойная работа оставалась гарантией социально-политической стабильности и относительной жизнеспособности экономики в целом.

К числу проигравших относились прежде всего работники обрабатывающей промышленности, причем не только военно-промышленного комплекса. Текстильные производства и предприятия, производившие потребительские товары для внутреннего рынка, разваливались даже быстрее, поскольку страдали одновременно и от сужения внутреннего рынка (население беднело, сбережения были «съедены» инфляцией), и от иностранной конкуренции. Исключением оставались предприятия,

временно защищенные от иностранной конкуренции (например, производители легковых автомобилей среднего класса). Кто-то даже выиграл от распада Союза (особенно — производители оборудования для добывающей промышленности, которые смогли расширить свою долю рынка за счет прекращения поставок с Украины и из Белоруссии).

Спад в обрабатывающей промышленности предопределил «географию протеста». С одной стороны — текстильщики Иванова, с другой — оборонщики Урала. Традиционно высокой оставалась и стачечная активность шахтеров. В 1994 г. «лидерами» по числу потерянных в результате стачек «человеко-дней» оказались «угольные» регионы — Кемеровская, Челябинская, Ростовская области, Красноярский край и Республика Коми. Однако повсюду, за исключением Ростовской области, не было массового участия трудящихся в коллективных действиях. Общая же численность забастовщиков оказывалась не намного больше, нежели в регионах, считавшихся «спокойными»[184].

В условиях спада коллективные действия малоэффективны, тем более что центральные власти заранее планировали свертывание, а возможно, и полную ликвидацию некоторых отраслей. Гибнущие отрасли не бастовали из-за того, что не могли, а в немногих растущих отраслях люди могли бастовать, но для этого не было особых поводов. До весны 1994 г. практически не было выступлений в добывающей промышленности, а горняцкие лидеры грозили забастовками в поддержку правительства — т. е. **против** недовольных коллег-рабочих в других отраслях. В 1995—1997 гг., когда массовые протесты охватили горняцкие регионы, остальные трудящиеся смотрели на это без особого сочувствия.

---

[184] См. Рабочее движение и политика реформ. № 5—6. С. 23.

ДЕФИЦИТ СОЛИДАРНОСТИ

Отсутствие солидарности между работниками различных отраслей было вызвано объективными причинами. Порой уровень заработной платы, если ее вообще платили, различался между предприятиями и регионами в десятки раз при приблизительно одинаковом количестве и качестве труда. Традиционная же культура рабочего движения была подорвана как советским опытом, так и либеральной идеологической гегемонией в начале 1990-х гг. Это предопределило политическую слабость рабочего движения. «Спрашивается, при таком масштабе различий экономических и иных условий, в которых оказались предприятия и целые отрасли, на какой основе профсоюзы могут сформировать какие-то общие для всех требования? — недоумевает социолог В. П. Белова. — Сила профсоюзов именно в том, что они могут выступить единым фронтом, выдвигая работодателям общие условия. Для нас это нереально»[185].

В сельском хозяйстве правительство «реформаторов» делало ставку на быстрое социальное расслоение и поддержку со стороны преуспевающих хозяйств (как из числа фермеров, так и созданных за счет приватизации). Но кризис инфраструктуры, подорожание топлива и техники сделали невозможным возникновение «точек роста». Вместо расслоения усилилось корпоративное единство. Противоборство фермеров и колхозного начальства сменилось совместными действиями по выбиванию средств из государства. Контролируя столь важный ресурс как продовольствие, аграрники имели гораздо больше шансов повлиять на власти, нежели текстильщики или работники оборонной промышленности. Однако разовые «вбросы» денег не могли остановить развал инфраструктуры села.

---

[185] Трудовые отношения и коллективные действия в современной России. С. 71.

Для добывающих отраслей ситуация начала меняться ранним летом 1994 г. Развал внутреннего рынка, последовавший за кризисом промышленности, резко сократил внутренний спрос на продукцию добывающих отраслей в то самое время, когда их возможности на внешнем рынке были исчерпаны, а бывшие союзные республики увязли в долгах. За этим последовал углубляющийся кризис инфраструктуры. Без государственных инвестиций разрушалась транспортная система, выходили из строя трубопроводы. Общий дефицит инвестиций в стране сказывался и на отраслях-«победителях». Фактическое прекращение государственных инвестиций не смогло заменить ни вливания западного и отечественного частного капитала, ни самофинансирование предприятий.

«Снижение государственной поддержки отрасли не компенсируется ростом цен (с 1991 г. — в 450 раз) на уголь, поскольку стоимость горно-шахтного оборудования, все производство которого оказалось за пределами России, возросла в 1400 раз», — отмечала «Независимая газета». — 55% шахт эксплуатируются более сорока лет. Выбытие мощностей в угольной промышленности в три раза превышает ввод новых. Качество добываемого угля ниже всякой критики, однако закрытие крупной шахты — такой, как «Хальмер-Ю», — правительству просто не под силу, ибо потребует затрат, оцениваемых приблизительно в 40—43 млрд рублей. Угольщики требуют минимум — социальных гарантий и активных преобразований в отрасли, угрожая правительству осенними забастовками[186].

Из-за кризиса транспорта российское сырье неожиданно оказалось слишком дорогим именно на внутреннем рынке. Это породило в отдаленных районах дополнительный рост цен, от которого резко отставала заработная плата. «Новыми проигравшими» оказались в первую очередь шахтеры и нефтяники, по которым ударила и политика сдерживания инфляции на основе

---

[186] Независимая газета. 1.09.1994.

«жесткой бюджетной экономии», и рост региональных диспропорций. Выступления трудящихся начались в конце 1993 г. в Печорском угольном бассейне, но в 1994 г. акции протеста распространились по всему северу. Острые конфликты возникли и в лесной отрасли. В феврале 1994 г. на 700 предприятиях была прекращена отгрузка продукции. В акции участвовало более 800 тыс. человек по всей стране[187]. Протестовали летом 1994 г. и работники атомной энергетики, но здесь из-за специфики отрасли забастовку заменили символическими действиями («накопление персонала»). В 1997 г. кризис энергетики привел к полному параличу экономики Приморского края.

Разобщенность трудящихся по отраслям и регионам усиливала роль корпоративной солидарности внутри предприятия и отрасли. Но границы и противоречия этой корпоративной солидарности слишком очевидны. Оказываясь заложником патернализма, рабочее движение не смогло реализовать свой потенциал. Забастовки, голодовки и демонстрации стали частью повседневной жизни и... все оставалось по-старому.

Тем временем директорский корпус постепенно утрачивал прежнее единство. В нем наблюдалось явное расслоение. Часть высших административных кадров вошла в состав новой «обуржуазившейся» номенклатуры, сосредоточив в руках огромную собственность и власть. Другая часть административного персонала, и даже директоров, напротив, оказалась более тесно связана со своими работниками в общем противостоянии «новым порядкам».

Тот факт, что коллектив сталкивался в одно и то же время с разными типами конфликтов, надолго предопределил сосуществование двух типов профсоюзов. Зачастую одни и те же люди состояли в двух профсоюзах сразу или постоянно переходили из одного в другой. Шахтеры раньше и лучше других поняли необходимость

---

[187] См. *Пронин С., Столповский Б.* Цит. соч. С. 132.

совместных действий конкурирующих профсоюзов. В Киселевске летом 1994 г. во время стачки на шахте № 12 рабочие потребовали от обоих профсоюзов объединить действия горняков Киселевска и Прокопьевска, чтобы совместными усилиями «давить» на правительство. Контакты и совещания представителей обоих шахтерских профсоюзов на местах стали обычной практикой, несмотря на сохраняющееся соперничество. Показательно, что и руководство компании «Росуголь» вместо того, чтобы противопоставлять друг другу и этим ослаблять профсоюзы, склонно было вести с ними совместную работу в рамках общеотраслевого корпоративного сотрудничества.

Ослаблению «альтернативных» профсоюзов способствовала и «прорыночная» идеология, которая, ориентируясь на «западные» образцы поведения, делала их абсолютно не готовыми решать проблемы реально существующего постсоветского рынка. По мере нарастания проблем в «альтернативном» профдвижении усиливался идеологический кризис. Стачкомы и «рабочие комитеты», возникшие в 1990—1991 гг., тоже не смогли развить свой успех. Большая часть их кадров либо покинула ряды рабочего движения, либо составила основу «альтернативной» профбюрократии. В 1992—1993 гг. возникло большое количество новых стачкомов, главным образом по инициативе профсоюзов, входящих в ФНПР. Но и эти стачкомы не всегда можно было считать выразителями «низовой» инициативы. Они создавались профсоюзом как прикрытие для того, чтобы избежать непосредственного столкновения с властью или репрессий при проведении стачки. Порой они обретали самостоятельность и даже вступали в конфликт с «родным» профсоюзом. Так было во время выступлений медиков и учителей в 1992 г. Иногда возникали противоречия между стачкомами «самостоятельными» и «бумажными» — как в Нефтегазстройпрофсоюзе в 1994 г. Профсоюз угольщиков первым в ФНПР отказался от «стачкомов прикрытия», заявив в 1993 г., что

забастовки должны проводиться открыто самим профсоюзом.

На протяжении 1991—1993 гг. ФНПР показала себя способной эффективно и жестко вести переговоры по Генеральному, региональным и отраслевым тарифным соглашениям, защищая рабочие места и заработную плату. Слабым местом федерации оставалась неспособность мобилизовать людей на активные действия. Исходя из этого, власти выработали собственную тактику. Они шли на уступки в ходе переговоров, а затем не выполняли взятых на себя обязательств. Принятый в 1991 г. закон об индексации зарплаты, который профсоюзы считали своим главным достижением, не выполнялся. По данным профсоюзов, Генеральное соглашение 1992 г. выполнялось обычно не более чем на 50—60%.

Осенью 1992 г. ФНПР организовала всероссийские коллективные действия, требуя от правительства корректировки курса реформ. Несмотря на радикальные настроения значительной части профсоюзного актива, эти коллективные действия окончились неудачей. Многочисленные собрания и митинги напоминали очередную пропагандистскую кампанию прошлых лет. Не было ни четких общероссийских требований, ни ясной программы дальнейших действий. Власти просто не реагировали на выступления ФНПР, а профсоюзы оказались не в состоянии перейти от митингов к более серьезным мерам.

Провал последующего «осеннего» и «весеннего» наступлений 1992 г. углубил кризис в «официальных» профсоюзах. Выработка единой позиции затруднялась тем, что ФНПР представляла собой объединение отраслевых и территориальных структур. Соотношение сил между ними определяло выбор политики. «Территориалы» более радикальны и склонны были выдвигать жесткие требования к правительству. Отраслевики, руководство которых располагается в Москве, предпочитали прямые переговоры с министерствами.

Профсоюзы постоянно отставали от развития событий. ФНПР потеряла почти год, не решаясь заявить об оппозиции правительству. Московская федерация профсоюзов сразу же заняла нишу конструктивной оппозиции, а общероссийский профцентр пытался проводить линию критической поддержки реформ — в то самое время, когда Гайдар и его команда занимались реализацией программы Международного валютного фонда, направленной, помимо всего прочего, на разгром профсоюзов. На собственном опыте профсоюзные деятели России обнаружили цену ошибки. В 1993 г. ФНПР повторяла путь, пройденный московскими профсоюзами за год до того. Зато в Москве руководство профсоюзов к тому времени уже стало куда менее радикальным. Критики обвиняли руководство МФП в коррупции. Ее лидеры оказались заложниками собственного успеха: выступлениями 1991 и 1992 гг. они добились от руководства столицы серьезных уступок и теперь должны были заботиться о сохранении достигнутого, предпочитая «не раскачивать лодку».

Левым активистам и политикам, которые по инициативе лидера МФП Михаила Шмакова стали появляться в профсоюзных структурах, пришлось испытать на себе прессинг «аппарата». Подобную школу неплохо было бы пройти и многим западным интеллектуалам. Это было тяжелое испытание, требовавшее крепких нервов. Люди оказывались погребены в кабинетах, завалены горами бумаг. Для подготовки решения в ФНПР требовалось собрать 8—10 подписей, а чтобы приступить к исполнению уже принятых решений, требовались новые подписи, иногда больше дюжины. Бегать из кабинета в кабинет, собирая подписи у людей, совершенно не заинтересованных в решении вопроса, называлось на аппаратном языке «приделать бумаге ноги». Число совещаний вообще не поддавалось учету.

Впрочем, бюрократия до поры ограничивала коррупцию. Потратить даже небольшую сумму денег без множества согласований было почти невозможно. Это не

значит, будто в профдвижении коррупции не было, но на общем фоне структуры ФНПР, безусловно, выглядели «чистыми».

ПОРАЖЕНИЕ ПРОФСОЮЗОВ

Летом 1993 г. ФНПР смогла добиться первого заметного успеха: была создана Российская ассамблея социального партнерства (РАСП). В РАСП объединились ФНПР, Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП) во главе с А. Вольским (лидером «Гражданского союза»). Российский конгресс деловых кругов и другие менее крупные организации. На практике под названием «предприниматели» в этих объединениях выступали в основном «красные директора» — управленческие кадры бывших государственных предприятий. Они согласовали с ФНПР совместную позицию по борьбе за сохранение производства. ФНПР получила мощных союзников в Трехсторонней комиссии, где «официальные» профсоюзы смогли теперь противостоять блоку правительства с «альтернативными» профсоюзами и частью работодателей. Таким образом правительство лишилось инструмента «цивилизованного» давления. Одновременно руководство ФНПР в своем противостоянии с правительством все более сближалось с руководством Верховного Совета и органами представительной власти на местах, в которых традиционные профсоюзы видели естественных союзников.

Вторым успехом ФНПР стали массовые акции летом 1993 г. Правительство само спровоцировало конфликт с профсоюзами, сорвав, как и в 1992 г., выполнение Генерального тарифного соглашения с ФНПР. В ответ ФНПР смогла поднять на активные действия только в первые десять дней 1,5 млн человек. Во многих случаях стачки были поддержаны руководством предприятий, а местная администрация в Приморском крае использовала социальный конфликт, чтобы выдвинуть собственные требования к центру.

Полной неожиданностью для правительства стало то, что традиционные профсоюзы сумели реально мобилизовать миллионы своих членов. Нарушая Генеральное соглашение, власти не ожидали натолкнуться на серьезное сопротивление. Настроения на местах были гораздо более радикальны, чем в центральном аппарате ФНПР. Там, где стихийно складывалась предзабастовочная ситуация, структуры ФНПР видели свою задачу в том, чтобы обеспечить законный характер выступлений, собрать, обобщить и передать наверх требования, провести по этим требованиям переговоры с правительством. Напротив, сроки и масштабы коллективных действий зависели, как правило, от состояния дел на местах, хотя ФНПР всегда подчеркивала свою координирующую роль. Однако к сентябрю центральный аппарат стал утрачивать контроль над акциями протеста, а к концу сентября они фактически сошли на нет. Политический кризис осенью и сентябрьско-октябрьский государственный переворот положили конец профсоюзным выступлениям.

В октябрьских событиях 1993 г. ФНПР потерпела серьезное поражение. Коллективные действия в августе разворачивались в основном стихийно, а в сентябре так же стихийно начали затихать. События подтвердили самые худшие ожидания. В августе я писал о двух сценариях — оптимистическом (профсоюзы овладевают ситуацией и становятся важнейшей общественной силой) и пессимистическом (профсоюзы теряют контроль над событиями, оказываются не способны эффективно действовать, и это приводит к тяжелым последствиям как для самих профсоюзов, так и для демократии в России). Все развивалось точно по пессимистическому сценарию. Коллективные действия фактически прекратились на фоне московских политических конфликтов. Клочков оказался перед выбором: если профсоюзы не пригрозят забастовками в защиту конституции, с их заявлениями никто не будет считаться. Если призовут к забастовкам, то не смогут их успешно организовать. В результате была принята двусмысленная формула «вплоть до забасто-

вок», которая никого ни к чему не обязывала и никого не напугала. Власти, увидев бессилие ФНПР, предприняли очередной натиск, пригрозили роспуском ФНПР. На самом деле полная ликвидация ФНПР была правительству не нужна, ведь множество текущих проблем власти без помощи профсоюзного аппарата просто не могли решить. Но запугать профсоюзных лидеров удалось. После расстрела Белого дома среди руководства ФНПР началась настоящая паника. Правительство конфисковало у профсоюзов фонд социального страхования, в некоторых регионах власти попытались захватить профсоюзную собственность.

После избрания лидером ФНПР Михаил Шмаков открыто дал понять, что настало время налаживать отношения с властью. Страх потерять собственность парализовал многих лидеров. Надо было выбирать: что главное — борьба или управление собственностью? Выбор был сделан в пользу собственности.

Московский опыт «социального партнерства» толкал лидеров ФНПР на повторение тех же шагов в масштабах России. Однако это было невозможно, поскольку правительство России не имело в середине 1990-х гг. ресурсов, подобных тем, которые московские власти могли бросить на решение социальных проблем в столице.

Когда зимой 1994 г. Гайдар ушел с поста вице-премьера, в профсоюзах появилась надежда, что теперь все проблемы удастся решить. Весна 1994 г. была объявлена президентской командой временем национального примирения. Между тем социальные конфликты лишь обострялись. Новая волна коллективных действий поднялась из-за задержек с выплатой зарплаты. С февраля 1994 г. число трудовых конфликтов России ежемесячно увеличивалось в среднем на 18%. Шахтеры, рабочие атомных электростанций пикетировали здание правительства. На Дальнем Востоке прошла всеобщая стачка водителей — впервые в истории России. В Надыме (Восточная Сибирь) в ходе всеобщей стачки забастовщики

взяли власть в свои руки. Шахтеры выдвинули политические требования, всекузбасская конференция трудовых коллективов выразила недоверие Ельцину и начала сбор подписей в поддержку досрочных президентских выборов. Поскольку центральный аппарат ФНПР демонстративно ничего «не замечал», решающая роль в этих событиях принадлежала отраслевым профсоюзам, часто согласовывавшим свои действия с руководством предприятий. Между тем директорский корпус был вовсе не заинтересован в развертывании движения протеста. Он лишь использовал выступления трудящихся в качестве своеобразного инструмента лоббирования.

28 апреля 1994 г. ФНПР подписала Договор об общественном согласии, который обязывал участников воздерживаться от выступлений протеста. Одновременно Министерство труда России решило провести через Государственную думу новый Кодекс законов о труде, который резко сужал права профсоюзов и наемных работников по сравнению с советским законодательством. ФНПР, связанная октябрьским соглашением и Договором об общественном согласии, могла противопоставить этому лишь лоббирование парламентских фракций и правительства. Поскольку невозможно было полностью избежать конфликтов, политика руководства ФНПР, начиная с осени 1993 г., состояла в переносе центра тяжести с общероссийских коллективных действий на выступления на местах. Сходные тенденции прослеживались и в «альтернативных» профцентрах.

Летом 1994 г. стало очевидно, что правительство вновь игнорирует Генеральное тарифное соглашение. ФНПР протестовала на Трехсторонней комиссии — и только. Российский профсоюз машиностроителей пошел дальше, отозвав свою подпись под Договором об общественном согласии. Свои подписи стали отзывать и другие отраслевые профсоюзы. Никаких серьезных последствий это тоже не имело. Лидеры ФНПР были вынуждены вновь прибегнуть к коллективным действиям.

Осенью 1994 г. руководство ФНПР сделало основную ставку на митинги и пикеты, пытаясь, насколько возможно, не допускать забастовок. Это объяснялось, помимо прочего, финансовыми причинами. Несмотря на то что пикеты обходятся очень дорого профсоюзному бюджету, они стоят дешевле стачек. Децентрализация профсоюзных средств в середине 1980-х гг. практически сделала невозможным создание крупных фондов солидарности и забастовочных фондов. В случае стачки профсоюзы должны быть либо уверены в быстрой победе, либо надеяться на энтузиазм работников. Пикетирование же могло дать ощутимые результаты лишь в том случае, если бы власти сознавали, что за пикетами последуют стачки. Это было очевидно в случае с шахтерами летом 1993 г. и ранней весной 1994 г. Профсоюзы, которым удалось «подверстать» свои акции к шахтерским выступлениям, тоже добились результатов. Но когда пикеты стали выстраиваться у Дома Правительства практически каждый день в течение весны 1994 г., они стали совершенно неэффективны. Такими же неэффективными оказались «дни протеста», проводившиеся ФНПР ежегодно. Пресса открыто иронизировала над жестами профсоюзных лидеров, сводивших борьбу за права рабочих к однодневным символическим акциям. Серьезные столкновения с властью не укладывались в новую стратегию федерации, «предлагающей себя в качестве респектабельной, стабильной организации, готовой сразу выступить в качестве элемента госуправления экономикой»[188].

Каждый отраслевой профсоюз все более замыкался в собственной жизни, ориентируясь, скорее, на «своих» директоров, чем на «товарищей» по рабочему движению. Впервые за все время своего существования ФНПР столкнулась с финансовым кризисом. Многие организации перестали платить взносы. Расходы на аппарат существенно росли, его эффективность катастрофически падала. Увеличивающиеся расходы покрывались доходами

---

[188] Независимая газета. 16.03.1996.

от приватизации профсоюзной собственности. К концу 1995 г. лишь 5% бюджета ФНПР покрывалось за счет членских взносов. В результате резко ослабели связи между профсоюзами и их членами. Усилились противоречия между «богатыми» и «бедными» организациями, причем «богатство» или «бедность» не зависели непосредственно ни от численности профсоюза, ни от благосостояния его членов.

Руководство профсоюзов все более становилось не только независимо от рядовых членов, но незаинтересовано в своей непосредственной «уставной» деятельности. Ее заменяли всевозможные политические интриги и коммерческие операции. На этом фоне в профсоюзах стремительно росла коррупция. Либеральная пресса с удовольствием констатировала: «наиболее мобильные профессиональные союзы сегодня сближаются с бандитами»[189]. Сотрудничество коррумпированных профсоюзных лидеров с мафиозными структурами стало достаточно распространенной практикой как в «старых», так и в «новых» организациях. Однако еще более частым явлением стало банальное разворовывание средств.

Не имея возможности ни конструктивно сотрудничать, ни бороться с властью, профсоюзы делались зависимы от ее подачек. К концу ельцинской эпохи ФНПР вновь становится официальным профцентром, занимающимся проблемами трудящихся на правительственном уровне. Корпоративная солидарность между трудовыми коллективами и директорами оказалась гораздо сильнее, чем солидарность организованного рабочего класса. Но корпоративный протест противоречив и консервативен. А следовательно, обречен.

Конец 1990-х гг. оказался временем, когда старая корпоративная солидарность постепенно разрушалась, а новая, классовая, никак не могла сложиться из-за разобщенности трудовых коллективов, неоднородности эко-

---

[189] Время-MN. 11.10.1999. С. 3.

номики и сохраняющихся корпоративных барьеров. Психологическое состояние масс оставалось близким к депрессии. «Нормой поведения становится крайний индивидуализм, жесткая конкуренция за получение рабочего места, растет взаимная отчужденность людей, которых еще недавно объединяли общие корпоративные интересы, — сетовали левые социологи. — Все чаще приходится сталкиваться с фактами равнодушного отношения тех, кто трудится на относительно благополучных предприятиях, к бедственному положению родственных коллективов. Иногда групповой эгоизм проявляется в том, что рабочие отдельных, сохранивших работоспособность предприятий, демонстрируют откровенную незаинтересованность в улучшении ситуации в других коллективах, так как видят в них конкурентов на рынке труда и сбыта продукции»[190].

Рынок разлагал индустриальную общину так же, как за сто лет до того он разложил общину крестьянскую. Поражение Верховного Совета, пытавшегося опереться на корпоративные структуры в противовес центральной бюрократии и «компрадорам», означало и решающее поражение общинного начала в экономике. С продолжением неолиберального курса индустриальная община не была уничтожена, но утратила прежнюю органичность и устойчивость.

Между тем в наиболее модернизированных регионах — Москве, Петербурге, Нижнем Новгороде, представлявших своего рода «анклавы» капиталистического центра, тоже нарастало недовольство. Новое поколение видело в существующих порядках тормоз для развития страны. Однако между растущим недовольством трудящихся модернизированного сектора и отчаянием представителей индустриальной общины или новых маргиналов не было связи. Не было и общественных или политических организаций, способных скоординировать разные формы протеста.

---

[190] Рабочая политика. 1996. № 5. С. 16.

Директора предприятий и профсоюзные руководители так или иначе сумели решить свои проблемы. Они успешно находили свое место в постсоветском истеблишменте. Между тем положение большинства населения продолжало ухудшаться. Как и во многих странах, практиковавших неолиберальную модель, некоторое улучшение макро-экономических показателей (стабилизация рубля, замедление спада производства и т. д.) сопровождалось в 1994—1997 гг. углублением социального кризиса. Все большим становилось число «диких» забастовок, голодовок. В Сибири и на Дальнем Востоке доведенные до отчаяния люди выходили на улицы, перекрывали дороги, останавливали движение поездов. Учителя и шахтеры совершали публичные самоубийства. В мае 1997 г. «Независимая газета» писала про настоящую «эпидемию самоубийств» в Кузбассе, сопровождавшую «реструктурирование угольной отрасли» по программе Всемирного банка: «Главная причина этой трагедии — отчаяние людей, не только не получавших денег за тяжелый, опасный и некогда почетный труд, но и полнейшая безысходность и полное отсутствие какой-либо перспективы»[191].

В Кемерове шахтерами стали создаваться «комитеты спасения», фактически бравшие на себя некоторые функции местной власти. Происходило это несмотря на противодействие руководства профсоюзов, повторявшего, что подобные органы не нужны, поскольку «все функции, которые пытаются взять на себя рабочие комитеты и комитеты спасения, четко прописаны в конституции и в законе» и должны выполняться государством. Надо лишь добиваться «влияния на эту власть»[192].

И администрация предприятий, и профсоюзы постепенно утрачивали контроль за событиями. В Государ-

---

[191] Независимая газета. 17.05.1997.
[192] Момент истины. 1996. № 2. С. 3.

ственной думе раздавались голоса, предрекавшие: «Шахтер в следующий раз будет обматывать нитку динамита не вокруг себя, а вокруг линии электропередач», ибо «когда у человека остается выбор умереть от голода или от пули, он выбирает пулю»[193]. Растущая радикализация масс, однако, еще не означала подъема классовой борьбы. Во Владивостоке, где люди месяцами не получали зарплаты, где отключалось электричество и отопление, люди требовали прямого президентского правления, надеясь, что чиновники, присланные из Москвы, будут лучше местных. В других регионах протестующие выдвигали путаные, противоречивые требования и расходились по домам, выслушав очередную порцию лживых обещаний.

Ни заседавшие в Думе оппозиционные партии, ни профсоюзы, ни радикальные левые, увлеченные академическими дискуссиями и критикой оппортунизма парламентариев, не могли повлиять на ситуацию. Между тем углубление социального кризиса заставляло трудящихся самих искать выход. Ответом на политику властей стала разразившаяся летом 1998 г. «рельсовая война». Потерявшие терпение рабочие стали перекрывать крупнейшие железнодорожные артерии страны. Эта форма борьбы оказалась неожиданно эффективной. Миллионные убытки, понесенные государством и экспортными отраслями экономики, заставили правительство пойти на уступки. Положение дел с выплатой зарплаты в угольной отрасли улучшилось. С июня по октябрь на Горбатом мосту у Дома Правительства стоял шахтерский пикет, требовавший отставки президента Ельцина. Лидеры НПГ, прежде поддерживавшие либеральные реформы, начали ругать капитализм и произносить революционные речи. Профсоюзы Воркуты потребовали национализации угольной промышленности.

Если в 1991 г. именно среди горняков были сильнее всего либеральные настроения, то в 1998 г. социологи

---

[193] Момент истины. 1996. № 2. С. 3.

уже дружно отмечали «конец шахтерского либерализма»[194]. В конце 1990-х гг. растущая оппозиционность наблюдалась и в настроениях менеджеров низшего звена. Сохранение неолиберальной модели воспринималось ими как угроза самому существованию промышленности. Разочарование в либерализме охватило не только шахтеров, но и представителей среднего класса. Показателем этого стал резкий рост численности профсоюзов в банковском секторе и других предприятиях «нового частного бизнеса». Деловая газета «Ведомости» писала про «призрак профсоюза в банках», появившийся после 1998 г.: «Получающие хорошую зарплату банковские работники вряд ли задумались бы о том, чтобы последовать примеру шахтеров и горняков, если бы не кризис и сокращение штатов и зарплат, уже случившиеся и ожидаемые в связи с реструктуризацией банковской системы»[195]. Список выигравших и проигравших в ходе реформы в очередной раз нужно было пересматривать.

Обострение социальных конфликтов и финансовый крах августа 1998 г. привели к падению неолиберального кабинета Сергея Кириенко. Последовали первые с 1991 г. попытки серьезной корректировки курса. Однако для того чтобы изменить направление развития страны, стихийных протестов оказалось недостаточно. После краткого перерыва, вызванного приходом к власти правительства Евгения Примакова осенью 1998 г., социальная напряженность снова стала нарастать. Отставка Примакова в мае 1999 г. была воспринята значительной частью общества как доказательство того, что никаких перемен к лучшему от властей ждать не приходится. Между тем в условиях возрастающего расслоения старой административной элиты «директорская забастовка» начала 1990-х гг. сменилась новой формой корпора-

---

[194] Трудовые отношения и коллективные действия в современной России. С. 262.

[195] Ведомости. 11.10.1999. С. 6.

тивного массового действия, когда одна часть администрации компании использовала рабочих против другой, одни претенденты на собственность — против других. «Использование данного законом права на забастовку также стало весьма популярным методом борьбы за собственность», — возмущалась праволиберальная газета «Время-MN». «Рабочие коллективы постепенно превращаются в орудие передела собственности — такое же, скажем, как арбитражный суд, пластиковая бомба и контрольный выстрел в голову. Схема использования недовольных масс в собственнических интересах в течение последнего года была отработана во многих регионах страны. На Выборгском целлюлозном комбинате рабочие не допустили собственников к управлению. В Оренбурге на химическом предприятии «НАСТА» ведомые директором, отстраненным акционерами от руководства, пролетарии блокировали здание заводоуправления и вступили в сражение с милиционерами, прибывшими исполнять решение арбитражного суда. Некоторые якобы трудовые конфликты остаются незамеченными, однако при желании гнев пролетариата можно усилить, излив его на телеэкраны и газетные страницы. Так, например, совсем недавно и было на Ачинском глиноземном комбинате, рабочие которого заступились за своего директора, на которого покусился Александр Лебедь»[196].

В большинстве подобных конфликтов трудящимися манипулировали. Их выступления не только не имели ничего общего с классовой борьбой, но порой и противоречили собственным интересам рабочих. Однако у этих конфликтов была и другая сторона. Уже то обстоятельство, что решение вопросов собственности стало зависеть от рабочих выступлений, полностью противоречило «нормальной логике» капитализма. Когда решение арбитражного суда может быть отменено действиями рабочего комитета, это ставит под вопрос само существование буржуазного права и вводит явочным порядком

---

[196] Время-MN. 11.10.1999. С. 3.

своеобразный рабочий контроль на производстве — пусть и в интересах одной из соперничающих групп собственников. Конфликты сопровождались насилием, столкновениями с милицией, из которых рабочие нередко выходили победителями. Это меняло психологическую ситуацию в трудовых коллективах. Почувствовав за собой силу, рабочие начинали применять ее не только в интересах своих «покровителей», но и в собственных интересах.

Первой ласточкой стала судьба Ломоносовского фарфорового завода. После того как акции предприятия скупили американцы, трудовой коллектив взбунтовался и добился ренационализации завода. Однако по-настоящему переломным оказался конфликт вокруг Выборгского целлюлозного комбината. Здесь рабочие не пускали на завод представителей английской компании «Alcem UK Ltd.», опасаясь, что новые хозяева проведут массовые сокращения. На протяжении нескольких месяцев перед столкновением рабочие фактически сами управляли комбинатом, назначив собственную администрацию. И управляли эффективно — повысилась рентабельность, начала регулярно выплачиваться зарплата, ликвидированы были долги (в том числе и по налоговым сборам). Но именно успех рабочего самоуправления ускорил конфликт — ценность предприятия резко возросла. После решения арбитражного суда власти отправили на завод спецподразделение «Тайфун», попытавшееся взять предприятие штурмом. Рабочие сопротивлялись. Началась настоящая рукопашная схватка, и спецназ открыл по толпе огонь на поражение. Несколько человек были ранены, но рабочие не отступили. В результате спецназ вынужден был забаррикадироваться в заводской столовой, захватив семерых заложников. Теперь служители закона требовали только одного — чтобы их выпустили с территории комбината живыми. Что и было обеспечено после длительных переговоров.

По словам газеты «Сегодня», схватка в Выборге «опрокинула все прежние представления» о трудовом кон-

фликте, а судебные власти вынуждены были смириться с унизительным поражением, подписав «акт о невозможности исполнения решения суда»[197]. Еще более категорична была деловая газета «Ведомости»: «Рабочие, загнанные в угол или сами себя туда загнавшие, способны не только перекрывать железнодорожные пути и брать директоров в заложники, они могут попробовать управлять предприятием. И не только Выборгским ЦБК...»[198]

«Рельсовая война» 1998 г. и побоище в Выборге в 1999 г. показали, что времена меняются, а сопротивление трудящихся властям и собственникам может быть эффективным: однако до настоящего перелома было еще далеко. Массовое разочарование в итогах неолиберальных реформ не сопровождалось появлением новой, боеспособной оппозиции. Общество устало и было деморализовано. Ему оставалось только надеяться на позитивные перемены сверху.

---

197 Сегодня. 15.10.1999.
198 Ведомости. 21.10.1999.

[Глава 7]

Закат ельцинщины

Неолиберальная модель в России, как и в других странах, была построена на двух фундаментальных принципах: приватизация и финансовая стабилизация. К началу 1998 г. казалось, что обе задачи успешно решены. Начавшись поздней осенью 1991 г. вместе с распадом СССР, неолиберальная реформа российской экономики прошла две фазы. Первый период — 1991—1994 гг. — был временем «бесплатной» или «ваучерной» приватизации и гиперинфляции. Второй период — 1994—1998 гг. — можно назвать эпохой полной победы капитализма. Крупные финансовые империи и частные корпорации к тому времени вполне сформировались. Большая часть народного достояния была поделена между ними. Государство отдавало последнее, но уже за деньги. Инфляцию удалось погасить.

Увы, именно в тот момент, когда неолиберальные экономисты, казалось бы, должны были торжествовать историческую победу, разразился беспрецедентный финансовый кризис, поставивший под вопрос будущее капитализма не только в России, но и во всем мире.

ОТКУДА ВЗЯЛИСЬ ОЛИГАРХИ?

В конце 1997 г. российские чиновники обещали скорое начало экономического роста, а западная деловая пресса была полна пророчествами о предстоящем бурном

подъеме в России. Если в первый период «реформ» рубль стремительно обесценивался, то во второй период он даже рос в цене. Покупательная способность доллара на российском рынке упала. Рубль сделался даже слишком дорогим. Однако уже весной 1998 г. оптимизм сменился паникой, курсы акций стали падать, а капитал начал бежать из страны. Такой итог был закономерным и неизбежным результатом политики, проводившейся все эти годы. И уже события 1992—1993 гг., когда у власти был ортодоксально-либеральный кабинет Егора Гайдара, предопределили дальнейшее развитие.

Что бы ни говорили экономисты про борьбу с инфляцией, на первом этапе обесценивание рубля было важнейшим элементом проводимой реформы. Потеряв власть, Егор Гайдар и другие реформаторы «первой волны» утверждали, что финансовая политика была недостаточно жесткой, недостаточно монетаристской. Надо было еще больше сокращать расходы государства, еще больше сократить финансирование здравоохранения, образования, поддержку промышленности и обеспечение продовольствием северных регионов. Поскольку же эти «необходимые, но непопулярные меры» не были проведены, экономику оздоровить не удалось, и инфляция продолжалась. И в самом деле, при Гайдаре дефицит бюджета был рекордным — порядка 30%. Лишь позднее, когда у власти оказались менее последовательные монетаристы, дефицит бюджета сократился до 7%. В действительности, однако, сокращение государственных расходов при Гайдаре было совершенно чудовищным. Беда в том, что вместе с государственными расходами падали и доходы. Чем больше сокращали бюджет, тем больше становился его дефицит.

Между тем инфляция и обесценивание рубля не особенно пугали правящую верхушку. Практически во всех странах, где проводились неолиберальные меры, первым следствием борьбы за финансовую стабилизацию оказывался именно рост инфляции. Обесценивание рубля было необходимо для успеха приватизации. Вместе

с рублем падала цена основных фондов, перераспределявшихся в пользу новых русских. На этапе финансовой стабилизации произошло новое перераспределение — от мелких и бестолковых контор новых русских к крупным империям олигархов.

Произошло то, что предсказывал один из героев романа В. Пелевина «Generation П»: «Пройдет год или два, и все будет выглядеть иначе. Вместо всякой пузатой мелочи, которая кредитуется по пустякам, люди будут брать миллионы баксов. Вместо джипов, которые бьют о фонари, будут замки во Франции и острова на Тихом океане. Вместо вольных стрелков будут серьезные конторы. Но суть происходящего в этой стране всегда будет той же самой»[199].

Представители возникавшей элиты отличались от новых русских не только размерами состояния. Гораздо важнее была их органическая связь с властью. Олигархи, писал обозреватель московского делового журнала, это капиталисты, которые «целиком и полностью зависят от государства». Стратегическими инвесторами они быть не способны, ибо у них «нет ни своих денег, ни приличной кредитной истории»[200]. Если на первом этапе приватизации государство теоретически отказывалось от собственности, то на втором огосударствление происходило по-новому, и не за счет национализации, а за счет сращивания государственной бюрократии с олигархическим капиталом. Показательно, что в 1999 г. именно партнер Березовского по AVVA Александр Волошин стал главой администрации президента. Впрочем, как отмечает известный журналист Олег Лурье, Волошин, в свою очередь, даже оказавшись на важных государственных постах «не забывал и коммерции»[201]. Короче, деловые и политические интересы элит переплелись самым тесным образом.

---

[199] *Пелевин В.* Generation П. М.: Вагриус, 1999. С. 22.

[200] Власть. 17.08.1999. № 32. С. 29.

[201] *Лурье О.* Украденная Россия. М., 2002. С. 195. В книге Лурье можно найти жизнеописания и других деятелей ельцинско-путинского режима — Б. Березовского, Р. Абрамовича, М. Касьянова и т. д.

Подобное развитие событий вполне типично для периферийного капитализма и логично для российской политической экономии. Раздел собственности открывал грандиозные возможности для бюрократического произвола, а советские предприятия были изначально организованы таким образом, что без государства им не выжить. Экономическая эффективность в качестве критерия успеха приватизации была отвергнута в тот самый момент, когда было решено отказаться от продажи собственности по рыночным ценам. В данном случае логика «строительства капитализма» победила логику капиталистической рациональности. Понятно, что процессом должны были управлять бюрократы, и они управляли им в собственных интересах. В итоге бурный рост управленческого аппарата происходил на фоне сокращения роли государства в экономике. При Леониде Брежневе, в знаменитую эпоху застоя, управленческий аппарат в СССР составлял около 12 млн человек. После того как Михаил Горбачев затеял борьбу с бюрократией, аппарат вырос до 18 млн сотрудников. При Борисе Ельцине в одной лишь «независимой России» число государственных чиновников оказалось больше, чем при Горбачеве во всем Советском Союзе.

Легко догадаться, что раздел собственности в таких масштабах не может не сопровождаться бурным ростом коррупции и других видов преступности. Задним числом либеральные экономисты, особенно западные, жаловались, что успеху реформ препятствовала всеобщая криминализация общества, рост мафии и тотальное неуважение к закону. Специфика русского капитализма, однако, была не в широком распространении коррупции, а в ее неэффективности с точки зрения экономического развития. Crony capitalism («капитализм круговой поруки») и олигархия господствовали во многих «периферийных» странах. Однако если в Восточной Азии подобные формы капитализма оказались совместимы с промышленным ростом и технологическим развитием, то в России все сложилось иначе. Олигархия возникла не в ходе

модернизации, а, напротив, в процессе разложения советской системы. Она создала свои капиталы не за счет строительства новых предприятий, а за счет перераспределения собственности. Иными словами, если олигархический капитализм в Азии был выразителем своего рода «пассивной революции», то в России — социальным продуктом реставрации.

Коррупция стала единственным рациональным критерием для принятия решений. Однако старая номенклатура, многое получив от раздела собственности, все же вынуждена была потесниться. Заводы, недвижимость и месторождения полезных ископаемых уходили в руки шустрых менеджеров, которых на первых порах партийные и государственные чиновники подобрали на роль доверенных лиц. На практике именно эти менеджеры присвоили себе львиную долю собственности, хотя и старая номенклатура не осталась в накладе.

Бывшие комсомольские работники и представители советской партийно-хозяйственной бюрократии формировали костяк новой буржуазии, пополнявшейся выскочками из рядов интеллигенции и разбогатевшими мафиози. Методы, которыми пользовались ради обогащения, были не самые красивые, но все списывалось на «переходный период». В декабре 1996 г. московский еженедельник «Итоги» опубликовал восторженную биографию математика Бориса Березовского — в то время одного из самых могущественных предпринимателей страны, ставшего к тому же заместителем секретаря Совета безопасности России.

«Березовский создал акционерное общество «ЛогоВАЗ» и поначалу просто торговал «жигулями». Но скоро ему стало тесно. Амбиции математика уже не умещались в рамках ассортимента Волжского автомобильного завода. И даже приобретение статуса привилегированного дилера «мерседеса» и ряда других престижных марок автомобилей ненадолго развлекло его. Он задумал построить свой завод и наладить выпуск отечественного «народного автомобиля». Ради этого был основан Авто-

мобильный всероссийский альянс (AVVA), и Березовский стал его генеральным директором.

«Народный автомобиль» требовал немалых денег, причем именно народных же, а не бюджетных. Недостатка в доверчивых вкладчиках тогда не ощущалось. Россиянам пообещали, что вложив свои трудовые накопления, они получат хорошие дивиденды и дешевый автомобиль в придачу. Народ выстроился в привычные очереди. Прошло три года. Завод, как утверждает автор этой затеи, строится в Финляндии, акционеры же AVVA пока не получили ничего. Теперь недруги обвиняют Березовского в создании банальной «финансовой пирамиды» и «обогащении за счет народа». Березовский огрызается: он, мол, и не обещал вкладчикам немедленной отдачи, а дело идет туго еще и потому, что их прежние взносы съела инфляция.

Впрочем, за это время интересы гендиректора AVVA успели перерасти рамки автомобильного бизнеса. В 1994 г. он стал первым заместителем председателя АО «Общественное российское телевидение», а «фактически — хозяином первого, „останкинского", телевизионного канала»[202].

Не правда ли, это поразительно похоже на гоголевские истории про церковь, которая «начала строиться, да сгорела» или казенное здание, которое не было завершено, хотя у организаторов строительства в другом конце города появились особняки гражданской архитектуры?

Биографии большинства других лидеров постсоветского бизнеса не слишком сильно отличаются от истории Березовского. Главное было не только оказаться в нужном месте в нужное время, но и суметь наладить связи с нужными людьми из старой элиты.

Так появились олигархи — четыре десятка сверхбогатых мужчин, взявших под контроль большую часть экономики бывшей советской сверхдержавы. Появились бизнес-политические кланы, объединяющие чиновников,

---

[202] Итоги. 3.12.1996. С. 24.

общественных деятелей и предпринимателей. Борьба за раздел собственности между этими кланами стала главным содержанием политической жизни, основной формой конкуренции. Тот же «политизированный капитал» взял под свой контроль большую часть средств массовой информации, как государственных, так и частных. Несмотря на все перипетии конца 1990-х и 2000-х гг., олигархическая структура экономики оставалась на протяжении всего этого периода неизменной. Исследование, проведенное в 2004 г., свидетельствовало, что «если в качестве критерия оценки брать объемы производства, то более одной трети промышленности России находится в руках 23 человек и производственно-финансовых групп. Им же «принадлежат» 16% трудовых ресурсов страны и 17% банковских активов»[203]. На самом деле концентрация ресурсов была даже большей. Либеральные исследователи забыли про значительное число компаний, формально находившихся (полностью или частично) в государственной собственности, но реально контролировавшихся тем же олигархическими группами.

ИГРЫ С РУБЛЕМ

Хотя собственность, по существу, захватывалась и распределялась внутри элит, какой-то официальный механизм приватизации был все же необходим, равно как и какие-то цены. Вот тут-то и выяснились преимущества обесцененного рубля. Стоимость основных фондов приватизируемых объектов была подсчитана по старым советским ценам и заморожена. Тем временем реальный рубль обесценился в 100, а к концу периода 1992—1993 гг. — в 1000 раз. Гражданам страны были выданы нелепые бумажки — ваучеры, — которые надо было куда-то инвестировать. Рядовой гражданин не имел для этого никакой возможности. Официальная цена ваучера

---

[203] Бизнес-журнал. Май. 2004. №8. С. 3.

составляла 10 тыс. рублей, а реально он продавался за бутылку водки или за 3 тыс., что по курсу 1993 г. составило не более 3 долларов. Не удивительно, что ваучеры были скуплены инвестиционными фондами, которые были созданы при поддержке официальных структур и принадлежали будущим олигархам. В свою очередь ваучеры были обменены на акции приватизируемых предприятий. Большая часть объектов уходила за 1,5—2% от их реальной стоимости. Причем статистика показывает, что чем важнее был объект и чем больше потенциальная прибыль, тем дешевле он обходился будущему хозяину.

После первого ваучерного этапа приватизации начался второй, когда предприятия продавались за деньги. Именно на этом этапе олигархи фактически сменили новых русских в качестве решающей силы. В ходе второго этапа приватизация достигла своего пика. За три года (1993—1995) было приватизировано 20 из 27 тыс. государственных предприятий, однако по подсчетам западных экспертов «доходы от приватизации упомянутых предприятий составили примерно 10% от стоимости их основных и оборотных фондов»[204]. В действительности результаты, скорее всего, были еще хуже.

«На госпакеты акций нет серьезных стратегических инвесторов, — констатировала «Независимая газета». — Есть лишь небольшое число конкретных заинтересованных лиц, которым нужен контроль за финансовыми и товарными потоками той или иной российской компании. И эти люди согласны приобретать госпакеты акций только по бросовым ценам, дабы эффективность сделки (измеряемой отношением потенциальной прибыли от контроля над продукцией и потенциальными же доходами к затратам на приобретение акций) была высокой»[205].

В 1995 г. в бюджет страны от приватизации поступило около 800 млн долларов, что составляло менее 2%

---

[204] Конец ельцинщины. С. 50.
[205] Независимая газета. 12.11.1996.

от его доходной части. Даже в 1996 г., когда приватизацию уже проводили по новым ценам и даже с «аукциона», в бюджет государства от продажи собственности поступило всего 1 трлн рублей, т. е. менее 200 млн долларов. Это составляло менее 1% от доходной части бюджета. Нередко на приобретение госсобственности тратились деньги, предварительно взятые взаймы у государства же. А проданы были ценнейшие объекты добывающей и обрабатывающей промышленности, приносившие казне немалую прибыль. Либеральная пресса, отстаивая правильность проводимой политики, открыто заявляла: «отечественный бизнес, во-первых, заплатить больше тогда просто не мог, а во-вторых, даже если бы и мог, ему это было бы абсолютно невыгодно»[206]. Трудно представить себе такой бизнес, которому при любых условиях платить полную цену было бы выгоднее, нежели получать объекты за гроши. Признавая задним числом определенные эксцессы при проведении приватизации, никто из правительственных деятелей даже не смел публично предположить, что предприятия, которые невозможно выгодно продать, следовало бы просто оставить в государственной собственности. Когда в 1995 г. вновь назначенный руководитель Госкомимущества Владимир Поливанов рискнул обнародовать данные об экономической неэффективности приватизации, он был немедленно снят со своего поста[207].

Конечно, «открытые» издержки олигархов и новых русских представляли лишь часть общих расходов на приватизацию. Надо было платить большие взятки чиновникам всех уровней, занимавшихся этим процессом. Между тем новые хозяева на самом деле были не так уж богаты. У них не было средств на инвестиции, на развитие производства, а затраты на приватизацию нужно было немедленно вернуть. Потому предприятия стали не

---

[206] КоммерсантЪ-Власть. 1998. № 46. С. 31.

[207] См. *Полеванов В.* Разрушение российской государственности. Свободная мысль. 1995. № 6.

более чем источником ресурсов. Если они могли производить что-то ценное, они должны были работать до тех пор, пока не развалятся машины. Если они не могли выгодно продать свой товар на рынке, их можно было использовать как резервуары металлолома. О том, чтобы модернизировать или реструктурировать предприятия, не могло быть и речи.

«Действовали олигархи в такой ситуации двумя способами, — отмечает московский деловой еженедельник. — Первое их соображение состояло в том, что даже если завод и не приносит реальной прибыли, он пока работает, все равно приносит какую-то выручку. Потому ее можно куда-нибудь (лучше в заграничный офшор) спрятать до лучших времен — например до тех, когда промышленные инвестиции в России начнут вдруг давать отдачу. Ну а пока это время еще не наступило, часть дохода вполне естественно направить на удовлетворение личных нужд.

Второе соображение было более оригинальным. Единственная остающаяся еще возможность преобразовать существующие предприятия в „западные" — это прямая поддержка властей. Несмотря на все сделанные авансы и пресловутую „дешевизну" залоговых аукционов»[208].

Бизнес нуждался в поддержке правительства. Но у государства денег не было именно потому, что все лучшие объекты были уже приватизированы за бесценок. Возникла парадоксальная ситуация — чем больше предприятий приватизировалось, тем больше становилась осознаваемая самим бизнесом потребность в государственном вмешательстве. И чем больше была потребность в государственных инвестициях и кредитах, тем меньше денег на эти цели было у правительства.

В итоге эффективность падала, энергоемкость и другие издержки производства росли. При сокращении

---

[208] КоммерсантЪ-Власть. 1998. № 46. С. 32.

прибылей увеличивалась нагрузка на окружающую среду. Производство снижалось даже в конкурентоспособных отраслях.

Поскольку перераспределение собственности — не только первичное, в 1991—1993, но и вторичное, в 1994—1995 гг., — происходило не по рыночным принципам, то и ценовой механизм в полной мере работать не мог. С одной стороны, предприятия, испытывавшие дефицит финансовых средств, прибегали к бартеру, взаимозачетам, использовали всевозможные денежные суррогаты. Все оказывались должны всем. А с другой стороны, огромные средства проходили мимо рынка. Они либо циркулировали в коррупционно-политических структурах, либо концентрировались в финансовых учреждениях, кредитовавших государство и друг друга. «В рамках этой экономики, — пишет экономист Андрей Колганов, — возникает и своеобразный механизм ценообразования, потому что цены на товары, продаваемые за «живые» деньги, и цены на товары, продаваемые за долговые обязательства, это совершенно разные цены. Причем цены на товары, продаваемые за долговые обязательства, определяются не текущей рыночной конъюнктурой, а специфическими взаимоотношениями между конкретными контрагентами. Уровень этих цен может колебаться в совершенно немыслимых пределах, причем установить эти пределы невозможно. Здесь существует многослойный механизм сокрытия реального содержания этих отношений. И криминальная сторона здесь, конечно, играет весьма существенную роль»[209].

Описанный механизм мало отличается от того «серого» рынка, который существовал между предприятиями в конце советской эпохи. Разница лишь в том, что в конце 1980-х экономисты утверждали, что с проведением приватизации и либерализации цен подобные явления исчезнут сами собой. Произошло же прямо противоположное — сфера «серого» и черного рынка начала

---

[209] Россия в конце XX века. С. 180.

стремительно распространяться, подчиняя своим законам остальные элементы экономики.

Еще одним важным результатом второго этапа приватизации оказалось то, что неэффективный частный бизнес оказался полностью на содержании государства. Резко сократившийся государственный сектор показывал гораздо лучшие экономические результаты, нежели приватизированный. По подсчетам экспертов, к концу 1996 г. «88% промышленных предприятий перешло в частные руки, при этом производимая ими продукция составляла лишь 22% от общей, и работало на них 26% всех занятых в промышленности. В то же время предприятия, сохранившие долю государственной собственности, они же крупнейшие производители, выпускали 65% общего объема продукции, давая работу 57% занятых, составляя при этом лишь 6% от общего числа промышленных предприятий. Находящиеся в безраздельной государственной собственности предприятия составляли всего 2,6% от общего числа, с долей в производстве 4, а в общей занятости — 2%»[210]. Государственные и полугосударственные предприятия отличались и более высокой производительностью труда, и более высокой производственной дисциплиной. Массовые увольнения имели место при всех формах собственности. Существенно, однако, то, что происходило на полугосударственных предприятиях. Если инвестиции поступали туда почти исключительно за счет правительства, то прибыли распределялись в пользу частных акционеров. В ряде случаев государство вообще отказывалось от своей доли прибылей. Так, в крупнейшей российской компании «Газпром» правительство не только отказалось от своей доли дивидендов (ради инвестирования этих средств в развитие отрасли), но и передало свой пакет акций (35%) в траст администрации компании (фактически — частным акционерам).

---

[210] Конец ельцинщины. С. 51.

Поскольку госсектор не справлялся с возрастающей нагрузкой, а аппетиты частного сектора постоянно росли, правительство вынуждено было повышать налоги. В России при отсутствии прогрессивного налога на большие и сверхбольшие доходы облагалась налогами даже минимальная заработная плата, не обеспечивающая работникам физического выживания. Мелкий бизнес был бы полностью удушен налогами, если бы не перестал их платить. Поскольку уклонение от налогов стало общенациональным спортом, не могла не усиливаться коррупция государственного аппарата. Государство ослабевало, а функции поддержания порядка и регулирования жизни все больше приватизировались различными сообществами (от мафии и землячеств до местной администрации и тех же государственных служащих, действующих неофициальным образом).

В российском опыте нет ничего уникального. Страны, следовавшие рецептам МВФ, повсеместно переживали развал промышленности, работающей на внутренний рынок. Напротив, страны, отвергшие неолиберальные рецепты, будь то Китай или Белоруссия, достигли в те же годы высоких темпов экономического роста. Сохранив предприятия, работающие на внутренний рынок, они смогли увеличить и промышленный экспорт.

Развал внутреннего рынка увеличивал заинтересованность новых хозяев России в рынке международном. Международный валютный фонд не скрывал своего желания интегрировать Россию в мировую экономику, прежде всего как поставщика сырья и энергоносителей для Западной Европы, о чем открыто писалось в его документах, начиная с 1990 г. Для того чтобы промышленность могла быть конкурентоспособной, ее нужно модернизировать, нужно вкладывать деньги. Но денег не было, и конкурентоспособность промышленности неуклонно снижалась. Напротив, нефть и газ можно было вывозить независимо от уровня эффективности производства.

Эффективность в добывающей промышленности тоже падала, и дефицит инвестиций в середине 1990-х здесь тоже сказывался. Росли потери сырья, измерявшиеся миллионами тонн «пролитой» нефти и газа, ушедшего на «отопление неба». В таких условиях, в краткосрочной перспективе наращивать экспорт можно было двумя способами — увеличить производство или сократить спрос на внутреннем рынке. Первый способ требовал огромных капиталовложений, второй не стоил практически ничего. Легко догадаться, какой был сделан выбор. Именно второй период «реформ», начавшийся в 1994 г., стал временем одновременно укрепления рубля и роста экспорта. На первый взгляд это кажется противоречием, ведь удорожание рубля должно было ударить по экспортерам. Но это было время, когда мировая капиталистическая экономика находилась на подъеме. Цены на нефть, газ, цветные металлы росли в любом случае. Более того, они росли быстрее, чем цены на промышленные изделия. Зато дорогой рубль помогал подавить отечественную промышленность. Ее продукция оказывалась неконкурентоспособны даже на внутреннем рынке. Производство сокращалось. Ресурсы высвобождались для экспорта. А на вырученные деньги ввозились импортные потребительские товары. Дорогой рубль сделал импорт дешевым. Экспортеры вкладывали свои деньги и в импортные операции, в банковский сектор и в сферу услуг, наживая дополнительную прибыль. А в Москве и Санкт-Петербурге рос и процветал новый средний класс, потребляющий эти товары, обслуживающий новых господ. Олигархии нужны были грамотные менеджеры и хорошие парикмахеры, специалисты по ремонту «мерседесов» и лояльные идеологи, надежные охранники и ангажированные журналисты. Все они в свою очередь становились клиентами друг у друга. Улицы Москвы заполнились тысячами превосходных западных автомобилей, расцвели бутики, а курорты Средиземноморья заполнились русскими туристами. В то время как в провинции большинство семей было вынуждено отказаться

от подписки на ежедневные общенациональные газеты, бурный рост переживал рынок элитных «глянцевых» журналов. Телевидение показывало новейшие голливудские ленты, оплаченные за счет рекламы импортных товаров.

Подобное процветание, однако, наблюдалось лишь в нескольких городах ставших центром системы. Что касается периферии, то там царили запустение и нищета. В Москве оказалось сконцентрировано около 80% финансового капитала, около 12% приходилось на долю Петербурга и лишь 8% на всю остальную страну. Но и этот оставшийся капитал, как легко догадаться, был распределен крайне неравномерно. В 1998 г. 21,7% населения страны по официальным данным имели доходы ниже прожиточного минимума. Зато 10% населения, по большей части находившиеся в столице и крупных деловых центрах, получали около трети всех денежных доходов.

Экспорт сырья и захват государственного имущества приносили немалые доходы новым элитам. Этого капитала было явно недостаточно для крупномасштабных инвестиционных проектов, но слишком много для личного потребления. В то время как предприятия страдали от недостатка инвестиций, собственники столкнулись с кризисом перенакопления капитала. Огромные средства олигархов и новых русских были сконцентрированы в банках. Это были своеобразные банки, неохотно оказывавшие услуги клиентам, но скупающие недвижимость и средства массовой информации, нанимающие бывших сотрудников разведки в «аналитические службы» и финансирующие политиков. Банков было много, ибо каждый олигарх и даже предприниматель средней руки стремился иметь свой собственный. Банки прежде всего хранили капитал своих хозяев. Но куда его пристроить? Как обеспечить его возрастание?

Тем временем правительство отчаянно боролось с нарастающим финансовым кризисом. Дохода от госсобственности больше не было, а налоги не поступали. Серьезные налоги можно было взять лишь с небольшо-

го числа экспортеров, которые не могли скрыть прибыль, но и эти компании не торопились платить. Они обладали политическим влиянием, предпочитая расходовать деньги на подкуп чиновников и пропаганду. Они оправдывали свое нежелание платить налоги тем, что им, в свою очередь, много задолжали предприятия, работающие на внутреннем рынке. Правительство пыталось компенсировать дефицит бюджета за счет увеличения налогов, в результате чего, как и следовало ожидать, платить стали еще меньше. Короче, деньги в бюджет не поступали.

ЖИЗНЬ ВЗАЙМЫ

Эксперты Международного валютного фонда настаивали, что решать проблему бюджетного дефицита за счет эмиссии бумажных денег — недопустимо. Но, согласно тем же экономистам, деньги можно было просто взять взаймы. На самом деле рост государственного долга представляет собой лишь законсервированную или отложенную инфляцию, но именно такое решение выгодно финансовым институтам. Парадоксальным образом интересы западных биржевых спекулянтов, российского правительства и банкиров-олигархов совпали. С конца 1994 г. стабильность рубля поддерживалась за счет постоянно возрастающих государственных заимствований. Краткосрочные государственные ценные бумаги (ГКО) выпускались в рублях и обеспечивали баснословные проценты их держателям. Это должно было сделать рубль более привлекательным по сравнению с долларом, гарантировать банкам надежное и прибыльное вложение капитала и обеспечить постоянный приток денег в казну. ГКО действительно пользовались феноменальным успехом среди инвесторов. В Россию хлынули миллионы долларов западного спекулятивного капитала. Проблема в том, что одновременно инвестиции в промышленность, и без того ничтожные, фактически прекратились,

а кредит стал недоступен не только для мелкого, но и для среднего бизнеса. Ни одно предприятие на финансовом рынке не могло конкурировать с правительством.

Между тем, чем больше становился долг, чем глубже был спад в промышленности, тем слабее были позиции рубля. Поддерживая завышенный курс, правительство вынуждено было постоянно повышать проценты по ГКО. Государственный долг рос по принципу пирамиды. По существу ГКО пришло на место МММ. Но если в игры Мавроди играли мелкие вкладчики, то вложениями в ГКО занимался крупный капитал, в том числе и международный.

Новые кредиты были необходимы не для решения экономических проблем, а для обслуживания прежнего долга. На протяжении 1990-х гг. лавинообразно рос и внешний долг. Унаследованные от Советского Союза долги не были выплачены и постоянно реструктурировались. А тем временем Москва прибегала ко все новым и новым заимствованиям. «С 1990 г. Россия не платила долги, которые, напротив, продолжали расти, в то время как Лондонский и Парижский клубы кредиторов щедро давали отсрочки, требуя политические проценты вместо экономических, заплатить по которым Россия была не в состоянии, — пишет итальянский журналист Джульетто Кьеза. — Внешний долг, в 1990 г. уже достигший внушительной суммы в 87 млрд долларов, к концу 1996 г. вырос до 128—135 млрд, к которым надо еще прибавить 66 млрд внутреннего долга. В этих условиях невозможно всерьез говорить о национальном суверенитете»[211].

К началу 1998 г. было очевидно, что до трети государственного бюджета пойдет на выплату долгов. На период 1999—2000 гг. прогнозировалось, что обслуживание долга будет съедать до двух третей бюджета. Учетные ставки достигали от 20 до 60% годовых. После того как в конце 1997 г. разразился азиатский финансовый кризис и западные инвесторы стали проявлять нервоз-

---

[211] *Кьеза Дж.* Цит. соч.. С. 172.

ность, процентные ставки еще больше взлетели вверх. К весне 1998 г. правительство довело процентные ставки до 200% годовых. На поддержание курса рубля Центральный банк весной 1998 г. тратил около 500 млн долларов в день. В это же время врачи и учителя месяцами не получали зарплату, а предприятия, лишенные наличных денег, вынуждены были выживать за счет бартера. Стали стремительно сокращаться золото-валютные резервы Центрального банка. В 1996 г. они достигали 40 млрд долларов, но к весне 1998-го сократились до 17—18 млрд. Несмотря на новые кредиты, предоставленные МВФ, к концу лета резервы сократились до 13 млрд. Западные и российские валютные спекулянты подсчитывали прибыли, но система уже была обречена. Весенний кризис 1998 г. был последним предупреждением. И хотя на стене уже были начертаны огненные письмена, пиршество финансового капитала продолжалось.

Разумеется, катастрофа не наступила бы так быстро, если бы мировой капитализм в целом не начал входить в фазу кризиса. В отличие от времени экономического роста, в период кризиса цены на сырье и энергоресурсы падают быстрее, чем цены на промышленную продукцию. Цены на продукцию российских экспортеров сырья и энергии в 1997—1998 гг. падали столь стремительно, что предприятия не успевали приспособиться к новой ситуации. Нефть подешевела на 34%, медь на 34%, никель на 25%.

Газпром и нефтяные компании, ранее не особенно страдавшие из-за чрезмерно дорогого рубля, неожиданно почувствовали себя припертыми к стенке. Российские бизнесмены проиграли не только абсолютно, но и относительно. У них было меньше валюты, а импорт стал дороже. Экономический крах стал лишь вопросом времени.

Почувствовав неладное, кремлевское руководство пошло привычным бюрократическим путем: политические и экономические проблемы пытались решать с помощью кадровых перестановок. Многоопытного

бюрократа Виктора Черномырдина, тесно связанного с Газпромом, сменил молодой Сергей Кириенко, не скрывавший близости с московскими банкирами. Иными словами, была подтверждена решимость власти удерживать курс рубля любой ценой. Но для этого уже не было ни ресурсов, ни времени.

Известный журналист Олег Давыдов, напоминая о ранних этапах карьеры будущего премьер-министра в советском комсомоле, назвал его «виртуальным комсомольцем». Как и положено комсомольскому деятелю советского периода, Кириенко сочетал дисциплинированность и лояльность по отношению к «старшим товарищам» с полнейшей безответственностью. «Впоследствии он много и путано объяснял, чего он хотел и чего не смог. Но главного — почему он даже не попытался сразу принять те антикризисные меры (девальвация и т. д.), которые, по его же словам, были необходимы, — он так и не объяснил. Все только твердил, что от весенней девальвации все бы очень пострадали. Как будто никто не пострадал от осеннего дефолта... Впрочем, разбираться в том, чем было скоротечное премьерство Кириенко, — чьей-то попыткой оттянуть неизбежное или операцией по спасению милых какому-то сердцу финансовых структур? — дело правоохранительных органов и историков экономики»[212]. Что же касается личных мотивов премьера, то их исследование, по мнению Давыдова, стоило бы предоставить психоаналитикам.

РУССКИЙ ЛЮКСЕМБУРГ

Частичная стабилизация экономики, достигнутая при Черномырдине, породила новое социальное расслоение. Важным отличием 1996—1999 гг. от предыдущего периода было появление в России некого подобия нового

---

[212] Фигуры и лица (приложение к «Независимой газете»). 18.11.1999. № 18. С. 2.

среднего класса. Это были уже не «халявщики», собиравшиеся вокруг МММ. Возникшая в крупных городах новая социальная группа несла на себе явный отпечаток специфики периферийного капитализма. Теоретически к «среднему классу» следовало бы отнести мелких предпринимателей, но с ними все как раз обстояло неважно. В 1998 г. социологи отмечали, что многие из мелких предпринимателей «едва сводят концы с концами и по своему уровню жизни не могут быть отнесены к среднему слою»[213].

В 1970-е гг. социологи писали про «Бельгию в Индии»: это был даже не средний класс в западном смысле слова, а просто люди, занятые в наиболее модернизированных и преуспевающих секторах экономики, как правило, связанных с экспортом, импортом и услугами для богатых, люди, получающие зарплаты, сопоставимые с европейскими. По формальному статусу они вроде бы оказывались не выше своих прозябающих в нищете коллег. Просто секретарша, работающая в транснациональной корпорации, получала в несколько раз больше, чем такая же девушка, служащая у мелкого провинциального начальника. Как сложилась «Бельгия в Индии», так возник и «Люксембург в России».

В 1994—1998 гг. население «русского Люксембурга» существенно не выросло, зато его материальное положение заметно улучшилось. Новые русские просто не могли все проесть, пропить и вывезти. Начиналось стихийное перераспределение в пользу нижестоящих. Достаточно было побродить по магазинам, чтобы заметить, что покупают там не одни лишь новые русские, или посмотреть на улицу, где рядом с роскошными «мерседесами» появились в огромном количестве менее дорогие, но тоже вполне приличные машины. Представители нового среднего класса покупали компьютеры, подключались к Интернету, подписывались на «глянцевые» журналы. Поскольку большая часть «русского Люксембурга»

---

[213] Свободная мысль. 1998. № 7. С. 31.

расположилась в Москве, Петербурге и нескольких крупнейших городах, легко догадаться, насколько важна была для власти лояльность этой социальной группы.

Как и в странах третьего мира, новый средний слой пополнялся за счет менеджеров транснациональных корпораций, порой за счет рабочих, экспортных отраслей. При крайне низкой цене рабочей силы в России (5—10% от западного уровня), расходы компаний на управление и маркетинг зачастую превосходили европейские. С одной стороны, раздутый и чрезмерно дорогой управленческий аппарат снижал эффективность компаний (это относится к предприятиям как отечественного, так и транснационального капитала). Но с другой стороны, он же способствовал расширению социальной базы режима. Создавалась и видимость возникновения внутреннего рынка.

Решающую роль в развитии нового среднего слоя сыграл рост спроса на различные услуги для богатых. Услуг в самом широком смысле — от обслуживания счетов в коммерческих банках до идеологического обслуживания в прессе и на телевидении. Производственно-менеджерские группы в отличие от Запада в русских средних слоях были представлены слабо.

Хотя жители «русского Люксембурга» получали свои доходы, в конечном счете от новых русских, олигархов или государства, сами они, будучи в большинстве людьми динамичными, образованными и профессиональными, были уверены, что своим преуспеванием обязаны только самим себе. О том, что все в обществе взаимосвязано и честные доходы неотделимы от бандитских расходов, они предпочитали не думать. Разве хороший парикмахер, повар или программист обязаны знать, откуда деньги у их клиентов? Мало того что жители «русского Люксембурга» считали, что творящиеся в «большой России» безобразия к ним никакого отношения не имеют, они не испытывали к власти никакой благодарности и постоянно жаловались на царящую в государстве коррупцию, неэффективность и бюрократию. В свою

очередь власть до определенной поры могла спокойно относиться к подобному брюзжанию, понимая, что люди на самом деле великолепно вписаны в существующую систему, а потому в переменах по большому счету не заинтересованы.

Именно средние слои считали себя «гражданским обществом», именно на них все больше обращали внимание политики, на их вкусы ориентировалась реклама товаров и политическая пропаганда, для них ставились спектакли и снимались фильмы.

В 1998 г. крах рубля ударил именно по этим слоям, лишив их счетов в прогоревших банках, приведя к закрытию многочисленных проектов в разных областях, кормивших целую армию специалистов. Но до того средние слои чувствовали себя довольно уверенно и искренне считали себя выигравшими в результате реформ[214].

КАТАСТРОФА

В конце 1997 г. западная деловая пресса была полна оптимистических прогнозов о предстоящем экономическом подъеме и даже «буме» в России. Вместо этого наступил катастрофический спад. Задним числом либеральные комментаторы пытались представить дело таким образом, будто финансовый кризис, вызванный неверными политическими решениями, спровоцировал падение производства. В действительности все обстояло наоборот. Развал производства, оказавшийся закономерным следствием неолиберальной политики, сделал неизбежным крах рубля. Уже в первом полугодии 1998 г., когда правительство России и МВФ продолжали делать оптимистические прогнозы, валовой внутренний продукт сократился по сравнению с тем же периодом прошлого года на 2%, промышленная продукция на 2,5%, сельское

---

[214] Подробнее о российских средних слоях и их кризисе в 1998 г. см.: *Кагарлицкий Б.* Восстание среднего класса. М.: Ультра.Культура, 2003.

хозяйство упало на 3%. Причем не следует забывать, что спад производства в России уже задолго до того превысил масштабы Великой депрессии в США[215].

К лету половина предприятий в стране была убыточной. Задолженность по зарплате в масштабах страны выросла на 60%. При этом 11% трудоспособного населения были фактически без работы, а большая часть из них не получала и пособий. Даже тем, кому пособия полагались официально (не более четверти от общего числа людей, сидевших без работы), не платили в срок. У Государственного фонда занятости не было денег, пособия задерживались на полгода и больше. Поступления в бюджет стремительно падали, ибо налоги было собирать не с кого и не с чего. Август вообще оказался катастрофическим: спад промышленного производства составил 11,5% по отношению к тому же периоду прошлого года, а сельское хозяйство упало на 22,9%! Газета «Известия» вынуждена была констатировать, что «спад в промышленности и сельском хозяйстве бьет рекорды»[216]. Одновременно продолжался обвальный спад производства в нефтяной отрасли, скважины закрывались одна за другой. Компания ЮКОС даже предложила местным властям, если они хотят сохранить рабочие места, национализировать в свою пользу убыточные скважины.

17 августа 1998 г. рубль рухнул. Попытки удержать курс рубля провалились. К сентябрю, как отмечала The Moscow Times, рубль «падал быстрее, чем любая другая национальная валюта за последние годы... Индонезийские деньги обесценились на 84% за 12 месяцев, а российский рубль потерял 66,7% за три недели»[217]. Правительство Сергея Кириенко, просуществовавшее все-

---

[215] Ряд экономистов утверждает, что масштабы спада в России 1990-х гг. преувеличены, поскольку официальная статистика не учитывала теневую экономику и значительную часть неформального сектора, которые бурно росли в тот период. Это верно, однако не следует забывать, что неформальный сектор практически не производил промышленной продукции.

[216] Финансовые известия. 22.09.1998.

[217] The Moscow Times. 8.09.1998.

го пять месяцев, сделало все то, что оно должно было предотвратить. Оно признало девальвацию рубля, ввело 90-дневный мораторий на выплату российскими фирмами долгов западным партнерам, а обслуживание ГКО было прекращено. В один день были уничтожены многомиллионные состояния. К финансовому кризису добавился политический.

Большинство неолиберальных комментаторов объяснило российских банковский кризис местной спецификой. Авторы, длительное время восхищавшиеся успехами приватизации в России, неожиданно открыли для себя «олигархический капитализм» и заговорили о том, что подлинное частное предпринимательство в России так и не родилось. Знаменитый финансовый спекулянт Джордж Сорос был более откровенен, признав, что «русский обвал выявил некоторые стороны международной финансовой системы, на которые раньше не обращали внимания»[218]. Чем более сложными оказываются цепочки взаимных обязательств, чем более они свободны от внешнего контроля, тем больше риск того, что ошибки одних приведут к краху других, в конечном счете разрушив всю чрезвычайно сложную и запутанную систему.

Олигархический характер экономики, сложившейся в ельцинской России, не подлежит сомнению. Парадокс, однако, в том, что в 1998 г. в России рухнул как раз наиболее глобализированный, наиболее «модернизированный» (по стандартам неолиберальных идеологов) и наиболее рыночный сектор. Западные финансовые спекулянты показали себя в этой истории не лучше русских олигархов. Крах 1998 г. был не только русской катастрофой. Он был поражением международных финансовых институтов.

Под развалинами компрадорского капитализма оказались погребены и многие русские компании, ранее неплохо нажившиеся на разорении собственной страны,

---

[218] *Soros G.* The Crisis of Global Capitalism. Public Affairs. New York. 1998. P. XIII.

международные финансовые спекулянты, которые из жадности продолжали играть на рынке ГКО, несмотря на очевидные признаки надвигающейся катастрофы. Один лишь Дж. Сорос потерял около 3 млрд долларов. Большинство российских банков оказалось на грани банкротства. Валютные счета были заморожены, банкоматы перестали выдавать наличность. Встал вопрос о национализации банков.

С 1 августа по 14 сентября цены выросли на 56%, зарплату, однако, не увеличивали, а то и не платили вовсе. Правительство категорически отказывалось прибегать к дополнительной эмиссии наличных денег, ибо гнева Международного валютного фонда боялось значительно больше, нежели голода в собственной стране. Однако удержать ситуацию под контролем уже не было никакой возможности.

Ельцин предложил заменить провалившегося Кириенко испытанным Черномырдиным, но большинство населения прекрасно помнило, что именно при Черномырдине была создана пирамида ГКО, именно он руководил развалом экономики. Государственная дума оказалась меж двух огней — с одной стороны Кремль, грозящий парламенту разгоном, с другой — разъяренное население. Депутаты уперлись, отказываясь утверждать Черномырдина, несмотря на то, что эта кандидатура первоначально была согласована с руководителями крупнейших фракций. Военные не гарантировали Ельцину лояльность своих подразделений. Кремль в спешном порядке пытался реорганизовать вооруженные силы и создать Федеральную гвардию — элитные подразделения для борьбы с волнениями и мятежами в армии. Но времени уже не было. Региональные лидеры, чувствуя, что Москва парализована, стали принимать решения самостоятельно, не оглядываясь ни на конституцию, ни на законы. Им нужно было предотвратить голод. В областях вводился контроль над ценами и создавались собственные таможни, чтобы остановить вывоз дешевого продовольствия. В начале сентября страна находилась на грани хаоса.

Кризис ельцинского порядка вызван был, разумеется, не только крушением рубля. В известном смысле рубежом стали массовые выступления трудящихся в мае — июне 1998 г. Их психологическое воздействие на российское общество сравнимо с тем, какое оказала французская забастовка декабря 1995 г. на Западную Европу. Перекрыв железнодорожные и автомобильные магистрали, взбунтовавшиеся шахтеры сделали правительство неожиданно уступчивым, но волнения не прекращались даже после того, как начали выдавать задержанную зарплату. Протестующие требовали уже не только возврата денег, но и отставки президента. Ненависть к власти была столь всеобщей, что даже умеренные лидеры Независимого профсоюза горняков вынуждены были поддержать это требование.

Впрочем, протесты не были эффективными. Известный левый публицист Вадим Белоцерковский совершенно справедливо писал в «Независимой газете», что «нельзя одновременно требовать от власти отставки и зарплат». Шахтерское движение не может добиться «настоящей солидарности» со стороны других отрядов трудящихся, ибо само остается корпоративным, не осознает своей ответственности перед всеми трудящимися[219]. И тем не менее именно шахтерские бунты, совпавшие со студенческими волнениями, спровоцировали волну выступлений солидарности — в оборонной промышленности, среди автостроителей, работников академии наук. Даже если среди трудящихся не было подлинного классового единства, о котором мечтали левые, в нем возникало общее настроение. Процессы, происходившие в разных социальных группах, входили в «резонанс», создавая новую ситуацию. Это признает и Белоцерковский. Несмотря на дефицит «настоящей солидарности», начавшееся в мае противостояние «все-таки произвело

[219] Независимая газета. 26.06.1998.

серьезные перемены в психологическом климате страны, и эти перемены могут иметь далеко идущие последствия. Майская волна протеста по сравнению с предыдущими волнами поднялась значительно выше, была мощнее, упорнее, организованнее, и тем самым она поколебала уверенность властей и капитала в том, что народ российский в результате воздействия старого и нового режимов утратил способность к самозащите, к восстанию, и с ним поэтому можно делать все, что требует теория монетаризма, МВФ, форсированное строительство капитализма»[220].

Массы научились сопротивляться. При этом, выходя на рельсы под красными знаменами, шахтеры прогоняли представителей КПРФ и других партий. Студенты также отвергали представителей «официальных» партий — влиянием здесь иногда пользовались комсомольцы Игоря Малярова и живописные национал-большевики «Эдички» Лимонова, на основе постмодернизма соединяющие в своей пропаганде левый и правый радикализм. Официальные «левые» политики были дискредитированы и уже не воспринимались массами как «свои». Это были в лучшем случае союзники. Новая ситуация требовала перемен в самом левом лагере. Но перемены происходили медленно и до поры более или менее эффективно блокировались думским аппаратом Зюганова. Между тем сдвиг влево все равно назревал, причем Ельцин с его удивительным «звериным» чутьем, осознал это острее и раньше, чем кто-то из лидеров оппозиции. В очередной раз перехватив инициативу у думских депутатов, президент объявил о формировании нового правительства. Вместо ненавистного обществу Виктора Черномырдина, премьер-министром был назначен Евгений Примаков. Новое правительство было сформировано с участием левых и при поддержке парламента. Было торжественно объявлено о смене курса.

---

[220] Независимая газета. 26.06.1998.

«РОЗОВОЕ» ПРАВИТЕЛЬСТВО

До того как стать премьером, Примаков руководил министерством иностранных дел, где ему удалось обеспечить если не независимую внешнюю политику, то по крайней мере определенную автономию по отношению к Госдепартаменту США. Еще раньше Примаков руководил Службой внешней разведки. В качестве специалиста по арабскому миру он был действительным членом Российской академии наук. К тому же по возрасту он принадлежал скорее к поколению советников Горбачева, чем к молодым карьеристам из ельцинского окружения. Вторым человеком в правительстве стал коммунист Юрий Маслюков, прежде руководивший советским Госпланом. Парадокс в том, что Маслюкова в правительство пригласил еще Кириенко (и Маслюков согласился). Однако именно рядом с Примаковым, в одной связке с ним, Маслюков мог претендовать на серьезную роль.

Резко изменилась политика Центрального банка, куда вернулся Виктор Геращенко, ранее смещенный под давлением западных финансовых институтов и отечественных либералов. Далее правительство и Центральный банк совершили нечто такое, чего прежде никому даже не приходило в голову. Они добились снижения инфляции, печатая деньги.

«Чудо Геращенко» требует, разумеется, объяснения. До него никто не применял эмиссию наличных денег как средство стабилизации курса валюты. Но дело в том, что огромные товарные запасы, накопившиеся у импортеров в период кризиса, не могли быть проданы ни по старым, ни по новым ценам. Население просто не способно было что-либо приобретать. По оценкам Ассоциации российских банков, в обороте катастрофически не хватало денег, из-за чего 70% расчетов осуществлялось с помощью бартера и взаимозачетов. По признанию самих банкиров, денежная эмиссия была необходима, а «политика монетаризма себя

дискредитировала»[221]. Как только печатный станок был запущен и выплачена часть долгов по заработной плате, рынок ожил. Впрочем Центробанк действовал осторожно, денег в обороте все равно было мало. Продавцы начали снижать цены, инфляция сократилась, а падение рубля замедлилось.

Стабилизация, достигнутая в октябре 1998 г., дала правительству небольшую передышку, но ключевые вопросы оставались нерешенными. Кабинет Примакова был слишком слаб, чтобы пойти на радикальные меры, но без них он не имел никакой перспективы. Крах неолиберальной модели поставил в порядок дня вопрос об альтернативе.

Российский кризис являлся лишь частью глобального краха неолиберальной экономической модели. Падение рубля немедленно отразилось на Уолл-стрит. Нестабильность на мировых финансовых рынках вызвала изменения в экономической политике большинства стран. Недавние «отличники» Международного валютного фонда переживали тяжелые времена. За Россией последовала Бразилия. На очереди была Аргентина. Более слабые латиноамериканские государства быстро девальвировали свои валюты.

В России не потому рухнул рубль, что пирамида ГКО стала невообразимо большой, а наоборот, пирамиду ГКО оказалось невозможно поддерживать из-за того, что мировой кризис опустил цены на нефть и дезорганизовал работу международного финансового рынка. Капиталистическая Россия стала страной со слабой и одновременно чрезвычайно открытой экономикой. Сочетание катастрофическое: в условиях мирового кризиса именно таким странам приходится тяжелее всего.

Запад отвык за послевоенные годы от крупномасштабных кризисов. В сущности, с западным обывателем произошло то же, что и с российским. Все хотели свободного рынка и забыли за годы кейнсианского государ-

---

[221] Век. 17.09.1998.

ственного регулирования, что свободный рынок решает проблемы с помощью кризисов и социальных катастроф. Спохватившись, теперь все дружно требовали антикризисной политики. Слово «национализация» возвратилось в экономический лексикон. Даже на страницах «Financial Times» можно было прочитать предсказание, что поскольку приватизация крупных предприятий была «формально» незаконной, «любое постельцинское правительство вынуждено будет эти предприятия ренационализировать под давлением общественного мнения и здравого смысла»[222]. Социологические опросы, проведенные в России в конце 1998 г., свидетельствовали о том, что «треть общества категорически против частной собственности, четверть — за, а две пятые не требуют ее уничтожения, одновременно выступая за преимущественное развитие государственно-общественной собственности. При этом можно добавить, что большинство населения готово поддержать национализацию банков и крупных предприятий, хотя около двух третей из них считают нужным сохранить в частной собственности мелкие и средние предприятия, в первую очередь в сфере услуг и производстве товаров народного потребления»[223].

Можно сказать, что народ в целом сделал свой выбор — граждане России после семи лет неолиберального эксперимента в большинстве своем выступали за смешанную экономику с доминирующим общественным сектором. Вообще-то настроения масс не так сильно изменились с 1991—1992 гг. Если с определенными оговорками можно говорить, что жители бывшего Советского Союза в начале 1990-х готовы были идти в сторону капитализма, то большинства, поддерживавшего неолиберальную экономическую модель, не было никогда. Большинство населения, приветствуя внедрение рынка, отрицательно относилось к приватизации крупных заводов. Однако кризис 1998 г. повлиял на общественное

---

222 Financial Times. 15.09.1998.

223 Независимая газета // НГ-сценарии. № 12. Декабрь 1998. С. 7.

мнение, вызвав антибуржуазные настроения не только в низах общества, но и в средних слоях.

Кризис неолиберальной модели поставил страну перед необходимостью начинать процесс экономических реформ как бы заново, только в значительно худших условиях. Несмотря на призывы средств массовой информации по второму разу пройти весь курс шоковой терапии и либерализации по рецептам Международного валютного фонда, совершенно очевидно, что политические силы, пытающиеся вести страну в этом направлении, были деморализованы, а их социальная база подорвана. Средние слои оказались разорены, а олигархи поставлены на грань финансового краха. Единственным реальным выходом оставалась политика, нацеленная на возрождение промышленности, а единственной силой, способной ее проводить, — государство.

Удешевление рубля создало благоприятные возможности для отечественного производства. Предприятия неожиданно обнаружили, что их товары, которые еще вчера были никому не нужны, за два-три дня вдруг сделались невероятно конкурентоспособными. Импорт упал, и российская промышленность без боя завоевала новые рынки. Падение импорта улучшило торговый баланс, содействуя стабилизации российской валюты. Но предприятия были обескровлены многолетним отсутствием инвестиций, уходом квалифицированных кадров. Связи между регионами были разрушены. Еще хуже было положение на селе. Крупный рогатый скот забили, поля заросли сорняками, техника развалилась. В итоге не удавалось наращивать производство даже тогда, когда на товар был бешеный спрос.

Промышленности требовались крупные общественные инвестиции для модернизации и завоевания рынков. Технологический потенциал военно-промышленного сектора все еще мог быть использован для мирных целей, но лишь при условии, что средства, поступающие от продажи нефти и газа, стали бы направляться на конверсию. Для наведения порядка требовалась жесткая

борьба с коррупцией и четкое выполнение принимаемых решений. Без контроля над капиталовложениями обеспечить все это было невозможно, а без устранения со сцены олигархов и национализации хотя бы части их собственности не могло быть и контроля за капиталовложениями.

Кабинет Примакова, первоначально возникший как компромисс между коммунистами и парламентским правым центром, быстро превратился в правительство левого центра. Правые политики либо покинули его, либо оказались подчинены представителям левых — вице-премьеру Юрию Маслюкову и главе Центробанка Виктору Геращенко. Но и по отношению к руководству компартии правительство все больше выступало как самостоятельная сила. Руководство КПРФ, имея большинство в парламенте, дискредитировало себя непоследовательностью, соглашательством и попытками прикрыть отсутствие принципиального курса националистической риторикой. Большинство населения, возмущенное результатами правления неолибералов и не доверяющее коммунистам, возлагало надежды на Примакова. Рейтинг премьера стремительно рос. Другой вопрос, могло ли правительство эти надежды оправдать? Официальными целями кабинета были объявлены «поддержка населения, социальная переориентация рынка, возрождение реального сектора и на этой основе — ускоренное восстановление конкурентоспособности России». Кабинет обещал усилить государственное регулирование, одновременно гарантировав, что «потрясений не будет». Не будет и передела собственности — «ни в форме повального ускоренного банкротства, ни в форме повальной национализации»[224].

Понимая, что без государственной поддержки им не выжить, финансово-промышленные группы пытались заставить государство оплачивать их долги, одновременно требуя защитить священное право собственности.

---

[224] Век. 1998. № 46. С. 7.

Вопреки очевидной логике, кабинет умеренных левых готов был в данном случае идти им навстречу.

Легко заметить, что левоцентристская программа, вырисовывающаяся из заявлений нового российского правительства, легко ложилась в общий контекст перемен, наметившихся в Европе, где повсюду наблюдалось разочарование в правых и возвращение к власти социал-демократии. Однако точно так же повсеместно левый центр, придя к власти, оказывался не в состоянии обеспечить желанные перемены. Серьезная попытка улучшить экономическую структуру и подавить коррупцию поставила бы правительство Примакова перед необходимостью проводить именно те меры, от которых оно принципиально отказалось, — национализировать одни финансово-промышленные группы и признать банкротство других.

РОССИЯ И МИРОВОЙ КРИЗИС

Привычная вера в собственную «исключительность» мешала российским интеллектуалам понять, что с нами происходит. К 1998—1999 гг. даже среди апологетов буржуазного порядка стало возникать ощущение, что мироэкономика переживает системный кризис. Джордж Сорос произнес в Конгрессе США горячую речь о том, что существование капитализма под угрозой, а политика свободного рынка потерпела поражение. При этом он то и дело шокировал своих слушателей, используя марксистскую терминологию.

Культ «глобализации», «гибкости» и «финансовых инструментов» создал у международных элит ложное представление о последствиях собственной политики и своих возможностях. Не будучи гуманистами и вполне осознанно допуская разрушение целых стран и регионов, они все же далеко не всегда готовы были предсказать все негативные последствия своих решений. Мировая экономика, подчиненная корпорациям, живет по

принципу олигополии. «То, что происходит сейчас на финансовых рынках, — типичный пример олигополии и манипуляции, — пишет сингапурский экономист. — Несколько крупных фондов, зачастую специализирующиеся на спекулятивных портфельных инвестициях, контролируют значительную часть денежных потоков (как в виде наличности, так и в виде кредитов), и они изучили все трюки, позволяющие им обогащаться с помощью любых финансовых инструментов.

Они могут манипулировать курсом валют, ценами акций и банковскими ставками, в результате порождая финансовую нестабильность и экономический хаос»[225].

Можно заметить, что 18 лет глобального укрепления транснациональных институтов (примерно с 1980 по 1998 г.) дали примерно те же результаты, что и 18 лет брежневской стабильности в СССР. Элиты, сконцентрировав в своих руках грандиозные ресурсы, не просто понемногу теряли чувство реальности, но и начали позволять себе все более грубые ошибки, ибо немедленного «наказания» за эти ошибки не следовало. При столь огромной власти создается ложное ощущение, будто справиться можно практически с любой неприятностью, а потому нет необходимости беспокоиться из-за накапливающихся нерешенных проблем. Одновременно резко падает качество управления, снижается компетентность руководящих кадров, нарастает коррупция в системе. Чем больше корпорация, тем сильнее в ней развиваются внутренние групповые интересы, вступающие в конфликт друг с другом. Отказываясь реформировать себя, система не только затрачивает все больше средств на самоподдержание, но и действительно становится *нереформируемой,* создавая условия для собственного краха. Попытки реформ в подобной системе, разумеется, возможны и даже неизбежны, более того, они почти непременно будут инициированы сверху, но приведут они, как и советская перестройка, не к стабилизации, а к развалу.

---

[225] Third World Resurgence. November 1998. № 99. P. 29.

Главным достижением неолиберальной глобализации принято считать повышение гибкости системы — прежде всего на уровне отдельных корпораций. Парадокс в том, что это же сделалось и главной проблемой. Чем более «гибкой» является бизнес-структура, тем более она склонна концентрироваться на краткосрочных задачах, жертвуя долгосрочными. Иными словами, повышение «гибкости» бизнеса на всех уровнях сопровождалось упадком стратегического планирования. Если бюрократический централизм имел свои серьезные недостатки, то система гибкого рыночного управления капитализмом — свои, возможно, не менее серьезные. Сочетание корпоративной централизации, разворачивавшейся в небывалых масштабах на мировом уровне, с внедрением «гибкого» подхода означало и соединение недостатков, органически присущих обоим типам структур. Итогом этого стала беспрецедентная самодестабилизация капиталистической системы. «Отдельные спекулянты, корпорации, брокерские конторы, пенсионные фонды и т. д. получают от системы огромную выгоду, но в то же время они не могут заботиться о ее воспроизводстве, даже если они в этом кровно заинтересованы, — писала Сьюзан Джордж. — Все участники рынка действуют рационально и на этом все построено. В финансовой сфере, однако, преобладают краткосрочные, мгновенные решения, а краткосрочная выгода противоречит долгосрочному интересу, реализация личных возможностей каждого оператора на рынке противоречит задаче поддержания его стабильности, без чего этим же операторам не выжить. В такой ситуации разве можно избежать опасного поворота событий или предотвратить глобальный крах?»[226]

Потрясения лета — осени 1998 г. заставили западные финансовые институты отчасти пересмотреть свои приоритеты. Лидеры Всемирного банка выступили с кри-

[226] The Lugano Report. On Preserving Capitalism in the Twenty-first Century. With an Appendix and Afterword by S. George. Pluto Press, London, 1999. P. 26.

тикой Международного валютного фонда. После периода борьбы с инфляцией начался период снижения учетных ставок центральными банками, в обращение была вброшена дополнительная денежная масса. Правительство Японии совместно с оппозицией даже приняло решение о национализации одного из крупнейших банков — LTCB. В Гонконге правительство скупило акции ряда крупнейших компаний. В Малайзии был введен контроль над движением капиталов. Лозунг пересмотра итогов приватизации принес успех оппозиции на выборах в Словакии, причем выдвигали его не левые, а правый центр. Чили, некогда любимая страна либеральных экономистов, оказалась первой страной Латинской Америки, где были введены жесткие меры государственного контроля над рынком капиталов. Мероприятия, типичные для кейнсианской концепции регулирования, бессистемно и безответственно применялись теперь запаниковавшими монетаристами[227].

Правительство Евгения Примакова оказалось вполне на своем месте в мировом процессе. И его первоначальный успех, и его политическое поражение и вынужденный уход (когда острота кризиса миновала) — вполне закономерны. Его первые радикальные меры вполне вписывались в общемировую конъюнктуру. Но точно так же не являлись «аномалией» последующие медлительность и колебания «розового кабинета», в конечном счете приведшие его к краху.

Временная стабилизация, обеспеченная политикой Примакова, не решила ни одной структурной проблемы, точно так же как и отчаянные меры других правительств, предпринятые в это же время. Но, не сняв противоречий мировой экономики, эти краткосрочные мероприятия смягчили остроту кризиса и вернули правящим кругам

---

[227] Для краткости здесь сокращена большая часть размышлений об общей динамике глобального капитализма, присутствовавшая в соответственном разделе «Реставрации в России». См. *Кагарлицкий Б.* Реставрация в России. С. 295—302. См. также *Freeman A., Kagarlitsky B.* (Eds.) The Politics of Empire. Pluto Press, London, 2004.

уверенность в себе. Хотя кризис был всего лишь отложен (причем — ненадолго, о чем напоминали и падение курсов акций на Уолл-стрит в 2000—2001 гг., и нестабильность валютного рынка), возникло ощущение, что худшее позади.

С весны 1999 г. в мировой экономике снова начинается заметный рост, сопровождающийся ростом спроса на нефть. Вместе с ним растут и цены на сырье. А российская промышленность, возвращенная к жизни крахом рубля, наращивает производство. Чем лучше идут дела в стране, тем меньше правящие круги нуждаются в Примакове. Уже с декабря 1998 г., оправившись от паники, олигархи открыто взяли курс на дестабилизацию кабинета. Правительство ежедневно подвергается атакам купленных ими средств массовой информации. Политические противники Примакова получив щедрую финансовую поддержку, с каждым днем ведут себя агрессивнее.

В свою очередь «левое» большинство в Думе не проявляло никакого желания идти на конфликт с олигархией. Казалось бы, коммунисты должны были ратовать за национализацию. Но когда еще Сергей Кириенко в ходе недолгого своего премьерства завел речь о том, что государство должно забрать собственность Газпрома как самого злостного неплательщика налогов, именно представители КПРФ в Государственной думе подняли бурю возмущения. Законопроекты, позволяющие национализировать банки, «коммунистическое» большинство в Думе тоже потопило.

Национализация естественных монополий (Газпрома, нефтяных компаний и металлургии) обеспечила бы немедленный приток средств в бюджет. Если к этому добавить реальную, а не декларируемую государственную монополию на производство водки, проблема наполнения бюджета была бы решена без особого труда. Вместо этого болезнь стали загонять вглубь, не допуская ни массовых банкротств, ни широкой национализации.

Промышленный подъем, развернувшийся с поздней осени 1998 г., «The Moscow Times» метко назвала «экономическим бумиком»[228]. Товары российских производителей стали конкурентоспособны на мировом и внутреннем рынке. Угольная отрасль, считавшаяся бесперспективной, неожиданно сделалась прибыльной. Сталь, произведенная в России, заполонила мировой рынок настолько, что западные страны, ратующие за свободу торговли, начали в срочном порядке возводить протекционистские барьеры. Иностранные компании, ранее ввозившие потребительские товары в Россию, стали создавать на ее территории собственные производства, используя предельную дешевизну рабочей силы. Но главное, экономическое оздоровление в странах Восточной Азии привело к новому подъему мировых цен на нефть.

Кризис 1998 г. ударил главным образом по среднему слою. Поскольку практически во всех компаниях расходы на управление и маркетинг были завышены, именно за счет их сокращения предприятия пытались преодолеть свои трудности. Московские и петербургские «yappies» оказались выброшены на улицу, потеряли сбережения в банках. Резко подорожали типичные для их потребления импортные товары. И все же наметившийся экономический рост позволил большинству из них снова встать на ноги. Появились новые рабочие места в растущих компаниях. Жить теперь приходилось скромнее, но в целом новые средние слои удержались на плаву.

Парадокс в том, что начавшийся экономический рост лишь усилил кризис системы. Обнаружилось, что экономическая структура, создававшаяся ельцинским режимом на протяжении предшествующих восьми лет, в принципе не приспособлена для роста. Увеличение промышленного производства привело к энергетическому

---

[228] The Moscow Times. 14.08.1999.

кризису. Поскольку в течение длительного времени «нерентабельная» угольная отрасль систематически свертывалась, а все производители сырья переориентировались на экспорт, промышленность столкнулась с острым дефицитом ресурсов, особенно в энергетике. Летом 1999 г. разразился бензиновый кризис. Вскоре затем начались проблемы с электроэнергией. Анатолий Чубайс, возглавивший к тому времени РАО «Единая энергосистема России», заявил в сентябре, что положение «беспрецедентно тяжелое»[229].

Еще более серьезная проблема была связана с дефицитом инвестиций. «Насколько я могу себе представить, — писал в 1999 г. известный экономист Андрей Колганов, — единственная отрасль, которая в состоянии потенциально мобилизовать ресурсы для модернизации, — это газовая отрасль». Спрос на продукцию есть, а средств для обновления оборудования и расширения производства — нет. «Вполне возможно, что некоторое время будет продолжаться небольшой прирост валового внутреннего продукта за счет использования ныне простаивающих мощностей, но пока в этой экономике не просматривается никаких механизмов, которые бы позволяли мобилизовать инвестиционные ресурсы для ее модернизации, а без этого условия через какое-то время станет невозможен дальнейший экономический рост»[230].

Промышленность требовала капиталов, а их не было. Как отмечал журнал «Власть», олигархи стратегическими инвесторами быть не способны, ибо после августа 1998 г. у них «нет ни своих денег, ни приличной кредитной истории»[231]. Государство же не имело средств, ибо все ресурсы были отданы олигархам. Для того чтобы обеспечить поток инвестиций в промышленность, необходима была экспроприация олигархов. Поскольку же

---

229 Независимая газета. 18.09.1999.
230 Россия в конце XX века. С. 183—182.
231 Власть. 17.08.1999. № 32. С. 29.

левая оппозиция была либо сломлена, либо коррумпирована, единственная перспектива состояла в экспроприации одних олигархов другими. Чтобы удерживать ситуацию под контролем, необходима была консолидация элит, но единственным способом достичь ее было пожирание слабых сильными.

Первой жертвой обострившейся борьбы за власть стало правительство Примакова. Россия — странная страна, где предстоящие государственные перевороты обсуждаются публично, а их сроки назначаются почти официально. Весной 1993 г. Ельцин пообещал совершить переворот осенью того же года и слово свое сдержал. Весной 1999 г. Ельцин промолчал, но московская пресса с начала мая была полна прогнозов относительно предстоящего переворота, а влиятельные политики на страницах прессы обсуждали его сроки. Известный правый политик Александр Шохин назвал даже дату: 13 мая правительства не станет.

Формально причиной кризиса стало обсуждение в Государственной думе импичмента президенту Ельцину. На самом деле все прекрасно понимали, что при действующей конституции отстранить президента от власти практически невозможно. Не решаясь ставить вопрос о собственности и экономической власти, депутаты от КПРФ пытались в очередной раз доказать избирателям свою оппозиционность, поставив в повестку дня импичмент. Однако, подняв этот вопрос, коммунистическое большинство Думы лишь дало Ельцину повод начать политическое контрнаступление.

Примаков просил депутатов отказаться от голосования или перенести его на другую дату, что однажды уже было сделано. Но тут уже депутаты и особенно фракция КПРФ обнаружили, что отступать невозможно — в противном случае они будут выглядеть просто комично. К тому же часть руководства компартии явно была не прочь «подставить» кабинет Примакова. Стремительно растущая популярность премьера раздражала не только Кремль, но и лидеров оппозиции.

Окружение Ельцина давно мечтало избавиться от кабинета Примакова. Назначение Примакова было вынужденной мерой в условиях катастрофического кризиса, охватившего страну в августе. Мало того, что никто из либеральных политиков не имел в тот момент достаточной поддержки, чтобы взять управление в свои руки, но никто и не готов был взяться за это. Кандидатов в министры воспринимали как политических самоубийц.

Теперь, когда обещанной катастрофы не наступило, голода удалось избежать, начались выплаты долгов по заработной плате, а рубль стабилизировался, популярность правительства неуклонно росла, что не могло не вызывать раздражения и в Кремле и в Думе.

В окружении президента нарастала решимость избавиться от премьера. Примаков мог начать предпринимать более решительные шаги. Разговоры о национализации части нефтяной промышленности ни к чему не вели, но ряд крупных промышленных предприятий уже сами просились назад в государственный сектор. Программы приватизации как-то сами собой заморозились. Правительство пыталось приостановить разворовывание ресурсов страны олигархами, усилив контроль над экспортно-импортными операциями и движением капиталов. Все это было нестерпимо.

Изменилась внешняя политика России. Решительный жест Примакова, развернувшего самолет над Атлантикой и отказавшегося от визита в США в ответ на американские бомбардировки Югославии, получил массовую поддержку. Война на Балканах выявила масштабы антиамериканских настроений в российском обществе, особенно — среди молодого поколения, которое западные журналисты по инерции продолжали называть опорой либеральных реформ. Причина тому не в солидарности с «братьями славянами» и уж тем более не в православной вере — большинство молодых людей в России и креститься правильно не умели. Война в Югославии лишь дала им возможность выразить то, о чем они давно уже думали.

Тухлые яйца и чернильницы, полетевшие в здание американского посольства, сигнализировали, что в стране произошел психологический перелом. Люди устали от чувства бессилия, от стыда за самих себя. Им хотелось действовать, совершить что-то такое, чем можно гордиться. Первые неудачи американцев на Балканах стали предметом шуток — раньше в России шутили только над собственным правительством. Русские хакеры начали систематические атаки на официальные сайты в США, о чем с симпатией писала молодежная пресса. Бульварная пресса является мощным индикатором общественного мнения. Один из бульварных еженедельников поместил на первой полосе портреты Клинтона и Милошевича с подписью «по ним плачет тюрьма». Корреспондент либеральной «Новой газеты» на Балканах признался, что мечтает о том, чтобы Черноморский флот вошел в Адриатическое море, хотя сознает: это означает войну.

Правительство Примакова прекрасно уловило смену настроений. С одной стороны, оно опиралось на менеджеров военно-промышленного комплекса, оставшегося в государственном секторе, а потому и не развалившегося, в отличие от приватизированной промышленности. С другой стороны, Примаков, в прошлом известный специалист по арабским странам, был первым из видных политиков в России, отдававшим себе отчет о значении третьего мира. На практике это означало, что, оппонируя США, Россия могла завоевать поддержку большинства человечества. Ведя переговоры с МВФ о списании части российского долга, правительство Примакова создало важнейший прецедент для стран-должников. Разрабатывая дешевое, но эффективное оружие и поставляя его в развивающиеся страны, российский военно-промышленный комплекс мог не только зарабатывать валюту для государства, но и дать бедным странам шанс успешно противостоять агрессии богатого и избалованного высокими технологиями Запада.

КПРФ, представлявшая себя одновременно как консервативную и левую партию, не учла, что чем консервативнее те или иные слои населения, тем более они враждебны любым переменам (включая даже возврат в милое им прошлое), тем более склонны они поддерживать действующую власть и существующий порядок. Опросы, проводившиеся в середине 1990-х гг., фиксируют стремительно возросшую буквально во всех слоях общества «потребность в социальной опеке». Социологи отмечали «заметное усиление в массовом сознании и „державнических" тенденций, и настороженности по отношению к Западу, и ностальгии по доперестроечным временам». 65% опрошенных в 1996 г. считали, что «отношение власти к людям ухудшилось», и только 4% видели перемены к лучшему. Социологи отмечали также, что важнейшим критерием при оценке власти оказывалась «интенсивность и эффективность государственного патернализма»[232].

Вопреки ожиданиям лидеров Компартии, однако, эта ностальгия отнюдь не толкала людей в лагерь оппозиции. Чем больше массы нуждались в государственной поддержке, тем больше они возлагали надежд именно на действующую власть, которая должна осознать свои ошибки, измениться, повернуться лицом к людям и т. д. Напрасно интеллектуалы иронизировали по поводу того, что, если нынешняя власть повернется к народу своим лицом, вид будет еще омерзительнее. Ориентация на патернализм и борьба против власти психологически несовместимы.

После неудачи на президентских выборах лидеры КПРФ говорили уже не о смене руководства в стране, а о «консолидации элит». При этом лидеры партии были искренне убеждены, что подобная политика пойдет на пользу их социальной базе: войдя во власть, бывшие

---

[232] Полис. 1996. № 4. С. 68.

оппозиционеры смогут обеспечить для нее патерналистские меры. Идеи Подберезкина стали официальной партийной линией, хотя самого Подберезкина из фракции «вычистили», как и многих других, кто раздражал первых лиц излишней публичной активностью.

Фракция коммунистов проголосовала в Думе за доверие премьер-министру Черномырдину, а затем и за неолиберальный бюджет. Думская фракция КПРФ постоянно критиковала правительство, но поддерживала его при решающих голосованиях. Именно их голосами были утверждены правительства и Сергея Кириенко, и Сергея Степашина, и Владимира Путина в 1998—1999 гг. Коммунисты неоднократно вотировали бюджет, принимали законопроекты, лоббировавшиеся частными компаниями и иностранными деловыми кругами. Зачастую причины такого поведения лежали вообще вне сферы политики: лоббизм по-русски мало отличается от обычного взяткодательства. На выборах губернаторов кандидаты от возглавляемого коммунистами народно-патриотического блока всячески подчеркивали свою умеренность и профессионализм. Остальные левые могли лишь растерянно наблюдать «правый марш» Зюганова и его окружения, не имея ни собственной организации, ни массовой поддержки.

«Коммунистическую партию трудно считать оппозицией», — констатировала в конце 1996 г. «Независимая газета». Политика партии нацелена не на смену власти, а на ее улучшение: «часть прежней бюрократии, вынужденно оказавшейся в так называемой „оппозиции“, видимо, почувствовала, что многие из тех бывших товарищей, кто находится в исполнительной власти, угнетены отсутствием перспектив роста, к которым они привыкли раньше, и удручены качеством нового чиновничества, которое все больше ворует. Это создает возможность объединения всех, кто раньше был единым целым»[233].

---

[233] Независимая газета. 21.12.1996.

В начале 1999 г., когда трудящиеся во многих регионах страны просто голодали, а доведенные до отчаяния работники здравоохранения и образования выходили на улицы, партийные лидеры заявляли, что политическая жизнь в стране «теряет черты опасного антагонизма». Партия видела свою задачу не в защите интересов трудящихся, а в том, чтобы сплотить «силы, отстаивающие приоритет национально-государственных ценностей, сильную и на благо всей страны ориентированную экономику, а также идею возрождения великой России во всех ее ипостасях»[234]. Каковы будут основы этой экономики, партийные лидеры предпочитали не сообщать.

Напротив, правительство Евгения Примакова, пытавшееся за свои восемь месяцев хоть как-то скорректировать курс в интересах непривилегированных слоев населения, укрепить государственный сектор и подтолкнуть рост промышленности, не получило со стороны КПРФ должной поддержки. Хотя член руководства партии Юрий Маслюков отвечал в правительстве за экономическую политику, лидеры КПРФ относились к этому обстоятельству без особого энтузиазма и не пытались сопротивляться, когда Ельцин отправил кабинет в отставку.

Антонио Грамши в «Тюремных тетрадях» писал про партии, которые были созданы в одну эпоху, а затем сталкиваются с проблемами другой. Если партия не может найти ответов на новые вопросы и организоваться в соответствии с новыми задачами, она «мумифицируется». Партийная бюрократия превращается в «сплоченную солидарную группу, которая существует сама по себе и чувствует себя независимой от партийной массы, а сама партия в конце концов станет анахронизмом и в периоды острого кризиса потеряет свое содержание и уподобится пустой оболочке»[235]. Однако такая мумифициро-

---

[234] Независимая газета.13.01.1999.

[235] *Грамши А.* Избранные произведения. Т. 3. С. 176 — Тюремные тетради, замечание о некоторых сторонах структуры политических партий в периоды органических кризисов.

ванная организация может существовать годами и даже сохранять массовую поддержку до тех пор, пока не наступит «момент истины». Российская КПРФ, не имея ни политики, ни стратегии, оставалась крупнейшей партией в стране просто потому, что общество не могло породить ей альтернативу, а власть готова была терпеть ее в качестве «внутрисистемной оппозиции».

«Давайте посмотрим на себя самокритично, — призывал один из представителей думских левых. — Сегодня мы радеем о судьбах нации в приличном зале, в благоприятных условиях. Оппозиция вовсе не страдает, ни тюрьма, ни полицейские преследования ей не угрожают». В то время как для большинства жителей страны положение становится невыносимым, «лидеры оппозиции вполне удовлетворены тем состоянием, в котором они находятся»[236].

Парламентский кретинизм КПРФ вызывал все большее раздражение в обществе. «Разрыв между радикализирующимися массами, требующими немедленного улучшения своего положения, и умеренными и безрезультативными действиями руководства КПРФ предопределяет глубокий кризис левой оппозиции, — писала газета „Век". — Пока протест населения носил пассивный характер, увлечение КПРФ парламентаризмом выглядело вполне оправданным. Но сейчас ситуация в стране резко меняется. Забастовочное движение находится на подъеме, его требования радикализируются. В чем же причина продолжения КПРФ соглашательской линии?» Страх перед роспуском Государственной думы парализовал политическую волю лидеров партии, которые по всем серьезным вопросам соглашались с правительством. Это предопределило падение популярности партии и, как следствие этого, еще больший страх перед досрочными выборами. «Правда состоит в том, — продолжает „Век", — что партаппаратчики уже давно не являются корпорацией профессиональных

---

[236] Момент истины. 1996. № 2. С. 1.

революционеров. Они боятся массовых движений протеста в не меньшей степени, чем представители нынешней властвующей элиты. В восприятии современных вождей КПРФ, как и их предшественников из КПСС, „колонны трудящихся" могут играть только одну роль — фоновой массовки перед начальственными трибунами. Во всех остальных случаях эти колонны становятся ненужными»[237].

ПАДЕНИЕ «РОЗОВОГО ПРЕМЬЕРА»

Элита, сформировавшаяся за годы правления Ельцина, чувствовала себя неуютно. С каждым новым успехом правительства рос страх. В Кремле прекрасно понимали, что дальше так продолжаться не может. Двоевластие должно было закончиться. Правительство левого центра сделало свое дело, ему пора уходить.

Именно в этот момент на политической сцене вновь появился Черномырдин. Формально — в роли специального представителя президента Ельцина по Югославии. Зачем вообще нужен такой представитель, было на первых порах не вполне понятно. Все Министерство иностранных дел занималось в эти дни почти исключительно Балканским кризисом. Министр иностранных дел Игорь Иванов и сам премьер Примаков были опытными дипломатами, прекрасно владевшими ситуацией. Напротив, Черномырдин никогда Балканами не занимался, дипломатического опыта не имел — даже в годы премьерства он мало интересовался внешней политикой, которая находилась в ведении команды президента. К тому же Черномырдин имел в России прочную репутацию человека, который непременно проваливает любое дело, за которое берется. Правда... не без выгоды для себя.

---

[237] Век. 1997. № 11.

Циничные московские наблюдатели расценили назначение Черномырдина как попытку Кремля саботировать работу Министерства иностранных дел и сорвать посреднические усилия России (подыграв Вашингтону). Однако при ближайшем рассмотрении обнаружилось, что перед Черномырдиным стояли и другие задачи.

По мере того как выяснялась несостоятельность американской стратегии на Балканах, руководство США объективно все более нуждалось в помощи России, чтобы выбраться из неприятностей, которые само для себя создало. Тут был нужен Черномырдин, в отличие от Примакова и Иванова, человек вполне лояльный к интересам США. Однако у Ельцина были и собственные интересы.

К весне 1999 г. Черномырдин был единственно приемлемым для Запада и окружения Ельцина кандидатом на пост нового президента России. Проблема в том, что он оказался абсолютно неприемлем для населения собственной страны. Его возвращение во власть было бы возможно лишь в случае, если будут резко изменены правила игры. Демократическими процедурами такого постичь нельзя. Но если демократическими формальностями на некоторое время все равно предстояло пожертвовать, то Черномырдин уже не мог считаться идеальным лидером — нужен был кто-то более жесткий и сильный. Кремль находился в поисках.

12 мая, точно в соответствии с опубликованными в прессе прогнозами, правительство Примакова было отправлено в отставку. Думе предлагают утвердить новую кандидатуру — министра внутренних дел и главного полицейского страны Сергея Степашина. Черномырдин остается в резерве, а депутатам напоминают, что, если они три раза подряд проголосуют против, правительство все равно будет назначено, зато Думу разгонят. Оппозиция сначала обещала уличные протесты, а затем стала обсуждать заведомо непроходной импичмент. Впрочем, понять депутатов можно: они боялись не только разгона

Думы, но запрета оппозиционных партий и такого изменения избирательного закона, чтобы никто из опасных противников Кремля в новый парламент не прошел. Ельцинская конституция позволяет сделать это вполне законно. Фактически она предоставляет президенту право раз в два года совершать государственный переворот. Планы эти обсуждались в печати вполне открыто и сочувственно.

Черномырдину действительно было что обсуждать в Вашингтоне. Американской администрации пришлось выпутываться из Балканского кризиса. Кремль мог надавить на Белград, сделать его сговорчивее. А Черномырдину и Ельцину нужны были гарантии Запада при решении собственных проблем. Прогнозировались массовые волнения, и даже восстания, депутаты могли отказаться разойтись, и речь шла о применении силы. Необходимо было, чтобы демократический мир все это одобрил, поддержал и оказал, по возможности, материальную помощь.

Семь с половиной месяцев правления Примакова подошли к концу. В течение этого времени Россия в первый раз получила правительство, которое без большой натяжки можно назвать «розовым» или социал-демократическим. Причем не в духе «третьего пути», изобретенного в Европе конца 1990-х гг. Тони Блэром и Герхардом Шредером, а вполне в традиционном смысле. Люди из окружения Примакова и Маслюкова прямо говорили про «двоевластие» в стране. Но это двоевластие не имело ничего общего с двоевластием времен революции, когда одна власть опиралась на бюрократический аппарат, а другая на народное движение. В 1992—1993 гг. Верховный Совет, пусть непоследовательно и трусливо, но все же пытался опереться на массы в борьбе за власть. В 1998—1999 гг. обе конкурирующие силы вели чисто бюрократическую игру. Легко догадаться, что на этом поле у Кремля было огромное преимущество.

Чувствуя угрозу, правительство Примакова начало отступать. Именно его кабинет в принципе мог протащить

через Думу несколько законопроектов, которые должны были бы ублажить Международный валютный фонд. Ради сохранения у власти левоцентристского правительства парламентскому большинству предложили в очередной раз пожертвовать интересами своих избирателей. В свою очередь Примакову пришлось бы взять на себя ответственность за непопулярные меры, принятые под давлением МВФ. Западные банкиры требовали увеличения налогового бремени, и без того практически подавившего экономику, сокращения социальных дотаций. Жертвами сокращений должны были стать образование, медицина, культура и даже инвалиды Чернобыльской катастрофы. Но в Кремле желание избавиться от левого правительства пересилило даже соблазн провести правый курс его руками. Тем более что в качестве компенсации за отстранение левых от власти, МВФ со своей стороны мог бы сделать определенные уступки, смягчив требования.

Черная работа по выжиманию средств из населения досталась следующему кабинету (который, к счастью, с ней тоже не справился). А у жителей России остался светлый миф о хорошем левом правительстве, которое пыталось защитить интересы народа и было за это отправлено в отставку. Как и все мифы, он не вполне соответствует действительности, но создал его сам Ельцин.

Если Примаков остался в героях, то Коммунистическая партия, не сумевшая и не пожелавшая защитить «розовый кабинет», была еще больше дискредитирована. Престиж Примакова и до отставки был значительно выше, чем у депутатов и партийных лидеров. Теперь разрыв еще больше увеличился.

Ко всеобщему изумлению на пост премьера Кремлем был предложен Сергей Степашин, бывший министр внутренних дел, прославившийся только военными провалами в Чечне. Ельцин, как всегда, победил своих соперников, но новому правительству оставалось либо продолжать по инерции курс Примакова, либо повернуть

руль вправо. В последнем случае страну ожидало резкое обострение социального кризиса, а возможно, и повторение августовского финансового краха. Возникла патовая ситуация. Управлять ею Степашин мог, выйти из нее — нет. А потому буквально с первого дня для Кремля было ясно, что эта фигура переходная. Не просидев в кресле премьера и трех месяцев, Степашин был вынужден уступить его бывшему руководителю госбезопасности Владимиру Путину.

Впрочем, эти несколько переходных месяцев не прошли совершенно впустую. Соглашение по Югославии, принятое министрами иностранных дел России и «Большой семерки», дало Западу спасительный шанс. Тупиковая ситуация на Балканах была преодолена и американская дипломатия начала развивать наступление, делая ставку на смену режима в Белграде. Территориальная целостность Югославии формально была гарантирована, но не само существование Югославии в качестве единой страны.

И все же время Ельцина подходило к концу. Дело не только в сроке его власти, которая по конституции должна была закончиться в 2000 г. Дело было даже не в ухудшавшемся здоровье президента. Настроение и ситуация в обществе изменились. Недовольство стало практически всеобщим, а главное, грозило принять активные формы. Миллионы людей в России мало думали о конституционных полномочиях президента. Они просто ненавидели Ельцина и его американских покровителей.

Многие революции начинались с попыток старой власти сместить умеренно реформистское правительство. В итоге общество сравнительно быстро получало новых лидеров, куда более радикальных. В окружении Ельцина отдавали себе отчет и в этом. Нужно было создать видимость перемен — для того, чтобы все осталось по-старому. Нужно было дистанцироваться от Запада для того, чтобы сохранить выгодные транснациональным монополиям экономические структуры. Надо было поставить на место олигархов, дабы те своими выходками

не приближали собственное крушение. Надо было защитить воров от правосудия — под предлогом борьбы за «наведение порядка» в правоохранительных органах. Необходимо было создать видимость обновления политики и руководящих кадров, сохранив преемственность. Наконец, нужна была жесткая и жестокая фигура, способная осуществить все это на практике и удержать ситуацию под контролем.

Такой фигурой для Кремля в 1999 г. стал Владимир Путин.

[Глава 8]

Война за кремлевское наследство

Разговоры о возможной отмене выборов в России начинались всякий раз, когда избирателям полагалось решать судьбу президента. В 1996 г. вопрос перед кремлевской верхушкой стоял совершенно четко и ясно: сохранение власти для Ельцина и его окружения требовалось обеспечить любым способом, но предпочтительно было достигнуть этого через выборы, законным порядком. Рейтинг Ельцина был не более 6%, а потому прогнозы об отмене голосования выглядели очень убедительно. Министр внутренних дел Анатолий Куликов позднее признавался, что в марте уже и решение об отмене выборов было готово и указ о запрете Компартии написан. В последний момент президент передумал. Выборы состоялись в срок, а вместо танков применили «избирательные технологии», и результат получили ничуть не хуже: Ельцин остался в Кремле, а олигархия при деньгах. В 1999 г. Кремль столкнулся с теми же проблемами, но при еще менее благоприятных обстоятельствах.

ДИЛЕММЫ «СЕМЬИ»

И в 1996-м и в 1999—2000 гг. суть проблемы формулировалась предельно откровенно: стране грозит «передел собственности». Сколько бы ни рассуждали эко-

номисты о построении рыночной экономики, собственность и власть в России оставались тесно переплетены. В Восточной Европе за время либеральных реформ удалось создать некое подобие правящего класса. Эта группировка оказалась достаточно устойчива. Она не только могла благополучно пережить смену политического руководства, но и успешно управлять ею в своих интересах. Когда антикоммуниста Леха Валенсу на посту президента Польши сменил бывший коммунист Квасьневский, люди, контролирующие финансовый капитал, спокойно продолжали свои дела. Чередующиеся правительства должны были сами искать у них одобрения.

В России ситуация сложилась иначе. Войдя в капиталистический мир в качестве сырьевого придатка Запада, страна не смогла сформировать собственную национальную буржуазию. Вместо единого, более или менее структурированного правящего класса возникли многочисленные группировки, клики, банды, «семьи». Внутренний рынок оказался слабо интегрирован: наиболее динамичные производства работали на экспорт, но выжить без остальной страны они не могли. Поддержание экономической и политической устойчивости попрежнему лежало на государстве. Оно же не давало обществу окончательно распасться на соперничающие группировки.

Без государства ни одна деловая империя в России 1990-х не возникла и не выжила бы. Многие «первопроходцы рынка» быстро сошли со сцены именно потому, что не поняли этой простой истины. Отношения с государством строились не на формальном договоре, а на личных связях, взаимопомощи и взаимном доверии между определенными группами предпринимателей и чиновников. Это уже не коррупция, а система, без которой не может существовать ни государство, ни бизнес. Описывая отношения между дочерью Ельцина Татьяной Дьяченко, банкиром Александром Мамутом, нефтяным магнатом Романом Абрамовичем, политиком Анатолием Чубайсом и олигархом Владимиром Потаниным,

деловая газета «Ведомости» писала: «Что это, если не классическая old boy network по английскому образцу? Все вместе учились, все друг другу доверяют (поэтому, например, Мамут не верит в кремлевскую коррупцию, а Татьяну Дьяченко называет великой альтруисткой). Все вместе пьют кофе в парижских кафе, катаются на лыжах в Швейцарии». Это продолжение традиций, сложившихся еще в конце советской эпохи. «В каждом московском поколении были „золотые" мальчики и девочки с дорогими машинами и папами во Внешторге или адвокатских кругах. „Хорошие семьи" всегда держались вместе. Вот и Мамут женат на бывшей жене внука Брежнева. Мало кто из отпрысков этих семей нищенствует или бунтует. Особенно к 40 годам»[238].

Группировка, сложившаяся вокруг президента, получила название «семья» не только потому, что центральной фигурой в ней явилась Татьяна Дьяченко, дочь Ельцина. Гораздо важнее, что сами отношения между партнерами здесь строились совершенно неформально, по-семейному. Приход во власть нового человека немедленно разваливает подобную систему. И не столь уж было важно, кто этот новый человек — Зюганов, Лужков или Лебедь.

Бывшую всенародную собственность поделили незаконно, а потому повод для передела имелся всегда. В начале 2000-х гг. это великолепно почувствовали на себе те из олигархов, которые не смогли ужиться с Путиным. То, что кем-то придется пожертвовать, было ясно уже к концу 1990-х. Но оставалось неясно — кем именно?

События августа 1998 г. показали, что в стране слишком много олигархов. Экономика, сократившаяся в объеме за время реформ, уже не могла обеспечивать благополучное существование такому количеству империй. Концентрация капитала становилась настоятельной необходимостью, но единственно доступным механизмом оставалась экспроприация. Поскольку национализация

---

[238] Ведомости. 11.10.1999.

исключалась, наиболее реалистическим сценарием была экспроприация одних олигархов другими.

В 1996 г. крупнейшие олигархи, понимая это, предпочли договориться между собой. В 2000 г. сделать это оказывалось уже труднее — ресурсы были исчерпаны, соперничество обострилось. Главная проблема, таким образом, была не в том, что Ельцин, по выражению генерала Лебедя, решил умереть президентом. Просто в случае смены лидера в Кремле положение «семьи» рисковало стать критическим. Ельцин сам сделал все, чтобы не допустить появления наследника. В любом политике из своего окружения, способном стать ему заменой, он видел опасность для себя. К 2000 г. стали очевидны плоды этой политики. «Семья» с удовольствием поддержала бы «ельцинизм без Ельцина» — но было поздно.

Упущенное время требовалось компенсировать нестандартными политическими решениями. А натиск на позиции «семьи» усиливался. Нападали на власть не возмущенные массы, а ее же собственные недавние сообщники. За несколько месяцев существования правительства Примакова в правоохранительных органах оживились попытки хоть как-то ограничить разгул коррупции. Генеральный прокурор Юрий Скуратов поплатился за это креслом (причем «розовый премьер» не только не выступил на его защиту, но солидаризировался с Кремлем). Поскольку Ельцин не мог открыто объявить об истинных причинах отставки, ее мотивировали «неэтичным поведением» прокурора, уличенного в свидании с двумя легкомысленными девицами. Доказательством прокурорского грехопадения служила видеозапись, сделанная скрытой камерой. Та же видеозапись, однако, служила и доказательством заранее спланированной провокации.

Согласно конституции отстранение Скуратова требовало одобрения Советом Федерации. Губернаторы, из которых состояла половина верхней палаты, заартачились. 17 марта 1999 г. они отказались утвердить указ президента о смещении генерального прокурора. Как

отмечал обозреватель газеты «Континент» Сергей Обухов, Совет Федерации «подавляющим большинством влепил пощечину кремлевскому клану»[239]. В ответ власти продемонстрировали скандальную пленку по телевидению (в первый раз, правда, в сокращенном виде). Однако Россия — не Соединенные Штаты. Подобные методы оказались здесь совершенно неэффективны, вызвав скорее симпатию к жертве провокации.

Против Скуратова возбудили уголовное дело, которое с треском провалилось, но попытки прокурора вернуться в свой кабинет пресекались охраной здания. Не имея возможности назначать и снимать генерального прокурора, Ельцин стал назначать и снимать исполняющего обязанности руководителя прокуратуры. В итоге Россия получила сразу двух генеральных прокуроров — одного законного, но не действующего, другого действующего, но незаконного. Смена правительств в этой ситуации ничего не изменила. Евгения Примакова на посту премьера сменил Сергей Степашин, затем Степашина — Владимир Путин, а генерального прокурора в стране все не было. В 1999 г. таким же образом сместили и близкого к московскому мэру Лужкову руководителя столичной милиции генерала Николая Куликова. Отставленный генерал жаловался в суд на незаконное решение, но это никого особенно не смущало.

МЕЧТА ЛУЖКОВА О КРЕМЛЕ

Раскол внутри власти обострился из-за президентских амбиций Юрия Лужкова. Для этого ему необходимо было политически перерасти границы своего «удельного княжества». Но любая попытка консолидировать региональные элиты помимо Кремля означала автоматическое нарушение хрупкого политического равновесия, на котором держалась ельцинская система.

---

[239] Континент. Март. 1999. № 12. С. 3.

В этой обстановке Лужков сделал, как ему показалось, наиболее естественный и правильный ход. Он решил договориться с самыми сильными региональными лидерами, собравшимися в блоке «Вся Россия». Здесь объединились типичные российские «касики», к тому же — настоящие специалисты по выборам. Лужков избрался на пост мэра в 1996 г., получив 90% голосов, — никто из серьезных политиков даже не решился баллотироваться. Деятели из «Всей России» шли тем же путем. Минтимер Шаймиев, грубо нарушив закон о выборах, сделал себя единственным кандидатом на пост президента в республике Татарстан. Народ поддержал, как в советское время, — 90% голосов! В том же 1996 г. прессу обошла замечательная стенограмма селекторного совещания башкирского лидера М. Рахимова с районными начальниками. Республиканский лидер внедрил тогда новую избирательную технологию: пообещал на зиму отключить отопление и электричество в районах, где за Ельцина будет отдано недостаточно голосов. Районное начальство, естественно, постаралось.

Выборы в городское собрание Петербурга, проведенные мэром Владимиром Яковлевым, запомнились в основном убийствами и подлогами. Голосование прошло успешно, хотя заставляло вспомнить про избирательные технологии, применявшиеся гангстерами Аль Капоне в Чикаго 1930-х гг. В законодательное собрание прошел ряд известных всему городу бандитов. За бывшей «колыбелью революции» закрепилась теперь еще и слава «криминальной столицы».

То, что эти губернаторы объединились в одной команде, совершенно неудивительно. Гораздо интереснее задуматься о том, что объединило их с Лужковым. Ведь в отличие от московского мэра у деятелей, создавших «Всю Россию», президентских амбиций не было. Большинство из них уже и так были президентами — в автономных республиках.

Традиционно лидеры автономий не отличались державным патриотизмом. А уж Шаймиев вообще грозил

выйти из состава России. Лидер Ингушетии Руслан Аушев, подозревавшийся в симпатиях к чеченским сепаратистам, тоже не был самым отчаянным сторонником государственного единства. Между тем Лужков делал ставку на имперскую риторику, его сравнивали с московским князем Иваном Калитой, «собирателем земли русской», Лужков требовал от Украины возвратить Севастополь, а кавказцам — соотечественникам Аушева — создал в столице совершенно невыносимые условия. Очевидно, правители автономий явно не верили ни слову из того, что говорил московский мэр. И именно поэтому готовы были его поддержать.

С другой стороны, решение Лужкова о союзе с группировкой Шаймиева свидетельствовало о глубоком кризисе первоначального политического проекта столичного мэра. Надежда на то, что, опираясь на московский опыт и деньги, можно будет получить массовую поддержку в стране и создать крепкую власть, явно не оправдывалась. Московский мэр оставался не способен влиять на события за пределами своей вотчины. Создав собственное движение «Отечество», Лужков не сумел превратить его в настоящую всероссийскую политическую силу. Не только за пределами столицы, но даже в Москве эта организация не могла функционировать без помощи мэрии. Вместо того чтобы стать опорой Лужкова, его партия сделалась обузой — нужно было содержать совершенно бесполезный, но невероятно прожорливый и насквозь коррумпированный аппарат.

Политическая база губернаторов — классическая клиентела латиноамериканского типа. Личная преданность вождю вознаграждалась доступом к общественным ресурсам и неформальным влиянием в среде себе подобных. Эта модель отношений весьма устойчива, но у нее есть и свои минусы, которые обнаружились при партстроительстве. В «Отечестве» оказалось много начальников разного ранга, но не было активистов. Пользуясь административными методами, они могли вывести некоторое количество добродушных обывателей на

площадь (прислали автобусы, отпускали людей с работы, контролировали, чтобы не разбежались по дороге), но на выборах это не помогало. А главное, за пределами Москвы начальники играют в ту же игру, только — в свою пользу.

Почувствовав, что Лужков может стать новым лидером страны, к нему стали стягиваться карьеристы всех мастей, обиженные Ельциным чиновники кремлевской администрации, несостоявшиеся министры. Вокруг него вилась целая туча льстецов и «интеллектуалов», воспевавших великие заслуги мэра и непрерывно клянчивших деньги. Театральный критик Инна Вишневская описывает одну из встреч Юрия Лужкова с «интеллигенцией». Сначала к мэру вышла Наталья Дурова, руководитель Театра зверей. «На шее у нее бантом был завязан пятнистый удав, все норовивший достать жалящим своим языком глаз мэра. „Накормите Театр зверей!" — сказала Дурова. Мэр немедленно согласился, увертываясь от горжетки-гадюки. Из рядов вывели большого медведя, который попросил у мэра повышенной пенсии». Лужкову ничего не оставалось, как выписать чек. Но это было только начало. «Сказав еще на прощание, что тараканы узнают ее по голосу, сверкая роскошной камеей, мушкетерской шляпой и зелено-бурой змеей, Дурова удалилась. На смену ей стали выбегать уже и вовсе „теоретики", обобщающие театральный наш опыт, — директора, главные режиссеры и главные актеры неких театров под общим названием „Видогонь". Борцы за культуру просили расширить помещение для театра „Аквариум", потому что уже сами плавают в этом аквариуме, построить им дворец, потому что, как говорили классики, театр — это храм, и, наконец, перечислить пять лампочек по 60 свечей, так как старые, ввинченные еще Лениным, — перегорели. Юрий Михайлович покорно все записывал в блокнот». Затем вся публика ринулась в зал с накрытым столом, как принято в таких случаях, — «после собрания, симпозиума, премьеры, — обязательно увидите сотни спин лежащих животами на фуршете

и шуршащих полиэтиленовыми мешочками, куда, еще во время войны учил нас один из вахтанговских актеров, нужно сливать с банкетных столов подсолнечное масло. Вы должны лечь на лежащих и, балансируя тарелкой, схватить без вилки скользкий гриб...»[240]

Вся эта публика умела только выпрашивать, растрачивать и разворовывать деньги — никакой политической выгоды для Лужкова от подобных мероприятий не было. Иметь дело с провинциалами было надежнее. Не очевидно, что дружба Лужкова с Шаймиевым прибавила московскому мэру авторитета у жителей Казани, но многолетняя практика «корректировки» выборов гарантировала отсутствие неприятных сюрпризов.

Объединение с региональными лидерами могло стать возможным лишь на основе взаимных уступок. Блок московского правителя с другими удельными князьями фактически означал отказ от претензии на царскую власть. В обмен на поддержку региональных лидеров Лужков должен был по крайней мере пообещать своим коллегам такую степень независимости, что сама должность кремлевского президента рисковала превратиться в номинальную.

По мере того как делалась ясна цена компромисса, пост президента начал терять привлекательность для Лужкова. В то же время все более очевидной становилась необходимость искать политически удобную фигуру, пользующуюся влиянием не только в столице. Это вынудило Лужкова совершить новый шаг в сторону от первоначального проекта — пост лидера коалиции «Отечество — Вся Россия» (ОВР) был предложен Евгению Примакову. После некоторого колебания отставной премьер согласился. Опросы общественного мнения показывали, что и после отставки Примаков оставался самым популярным политиком в стране. Более того, рейтинг бывшего премьера продолжал расти. Примакова

---

[240] Дом актера. 1999. Декабрь — январь. С. 14.

считали независимым политиком, не связанным ни с одной элитной группировкой, думающим об интересах страны и простых людей. В этом плане появление Примакова во главе блока «Отечество — Вся Россия» было сильным предвыборным ходом. Но одновременно это было и серьезным просчетом Примакова, который утратил репутацию независимого политика.

На протяжении всех 1990-х гг. политики и журналисты пугали друг друга призраком распада России (который естественным образом должен был последовать за распадом СССР). Но Российская Федерация сохранилась. Точнее, период полураспада России оказался исключительно долгим. Формой распада стало не создание новых государств, а именно развитие «касикизма» по-русски. Но политический процесс вступил в 1999—2000 гг. в новый цикл. Замена Ельцина на Горбачева сопровождалась крахом Союза. Ясно, что борьба за власть в Кремле была не единственной, даже не главной причиной этого, но именно она подтолкнула окончательный развал. Среди бюрократической элиты действовала почти феодальная логика. Политик, удерживающий власть, стремится сохранить целостность страны, ибо это его владения. Напротив, политик, борющийся за власть, вполне может пожертвовать частью земель, ведь они еще не стали его личными вотчинами.

Борьба за передел власти, начавшаяся в 1999—2000 гг., снова сделала угрозу распада страны актуальной. Будучи лидером московской деловой группировки, Лужков вступил в борьбу за президентское кресло не только из-за личных амбиций. Интересы группировки надо было охранять и от кремлевских олигархов, и от «жадных провинциалов», которые могут захотеть использовать государство для перераспределения ресурсов в свою пользу. Находясь в Москве, легко говорить об общих интересах, но по отношению к стране в целом столичная элита оказывалась одной из самых своекорыстных и «сепаратистских». Разумеется, сепаратизм

Москвы имел определенные пределы. Благополучие столицы зиждилось на перекачивании финансовых ресурсов с периферии в центр — такова логика капиталистического рынка (по той же логике финансовые ресурсы России аккумулировались на Западе). Централизация капитала позволяет эти ресурсы выгоднее использовать. Лужков был всегда заинтересован в том, чтобы единое экономическое пространство до известной степени сохранилось. Парадокс в том, что команда Ельцина в 1991 г. рассуждала точно так же. Исходя из очевидных экономических преимуществ России по отношению к ее политической периферии, эта команда готова была допустить распад Союза в глубокой уверенности, что республики все равно никуда не денутся. Между тем логика политической дезинтеграции требует иного, а локальные финансовые центры начинают напрямую работать с западными. От бывшей метрополии стараются удалиться даже себе во вред, ибо бюрократия не всегда думает об экономике.

Объединение региональных элит и их попытка поставить под свой контроль нижнюю палату означала нарушение сложившегося равновесия. Политический конфликт принял форму информационной войны, но для всех участников событий с самого начала было ясно, что пропаганда и насилие (или угроза насилия) неотделимы друг от друга. Региональные элиты, не вошедшие в ОВР, тоже стали объединяться. Кремль оказал им в этом поддержку. После некоторого колебания большинство близких к президенту губернаторов объединилось в межрегиональное движение «Единство» (Блок «Медведь»). Плюрализм избирательных нарушений в 1994—1998 гг. оставался в России единственной реальной гарантией свободы выбора. Чем более консолидированы местные элиты, тем меньше плюрализма, тем меньше зависит от воли граждан. В свою очередь Кремль, предвидя возможные неприятности, предпринял меры для того, чтобы свести к минимуму подтасовки в пользу ОВР, одновременно гарантировав безнаказанность тем, кто по-

старается в пользу «Медведя». В Москве началась спешная замена состава избирательных комиссий, показавших себя инструментом Лужкова в 1996 и 1997 гг. В регионах, поддержавших Кремль, подобных «чисток» не проводилось.

БЕЗЛИКИЕ ЛЕВЫЕ

В 1996 г. главным оппонентом Кремля на президентских выборах была Коммунистическая партия. Она же с 1995 г. преобладала в Думе. Но ельцинская конституция 1993 г. фактически не давала возможности оппозиции парламентским путем прийти к власти. Бессильная Дума могла стать политической трибуной, но не инструментом политической и социальной реформы.

Интегрировавшись в думские структуры, приняв правила игры, парламентская оппозиция все более коррумпировалась — и в политическом, и в моральном, и даже в прямом, уголовном смысле. Она утрачивала решимость к борьбе, связь со своими сторонниками на местах. Аппаратная грызня привела к выдвижению на первый план людей бесцветных, но лояльных по отношению к руководству. Если в 1995 г. еще можно было провести четкое различие между консервативно-почвенническими настроениями Зюганова и партийной программой, то к концу 1999 г. лидеру и его ближайшему окружению удалось почти полностью изжить остатки коммунистической идеологии в политике и даже риторике партии. Социалистические идеалы сменил «державный патриотизм», на самом деле — обычная идеология провинциального консерватизма. С такими идеями партия была бессильна предложить стране программу модернизации, она не могла привлечь на свою сторону молодое поколение, просто образованных людей, жителей крупных городов. В рабочих районах «красного пояса» популярность КПРФ стремительно падала. И дело было не в том, что массы недостаточно патриотичны, а в том, что любовь к родине

несовместима с бездарным почвенническим консерватизмом.

Команда Зюганова с примерным постоянством проигрывала власти в любом конфликте. Но это отнюдь не отражалось на положении вождя партии. Единственное, в чем он и его приближенные преуспели, — это в подавлении внутренней оппозиции. После августовского финансового краха общественное мнение в России явно «полевело». Но за четыре года работы в Думе руководство компартии себя дискредитировало, а лидеры двух других «левых» фракций (аграрии и группа «Народовластие»), полностью подконтрольные КПРФ, вообще потеряли собственное политическое лицо. Если в 1995 г. голосование за коммунистов было единственным способом выразить недовольство системой, то в 1999 г. Компартия сама воспринимается как часть системы, причем далеко не лучшая. Предав в мае левоцентристское правительство Примакова, руководство КПРФ еще больше подорвало доверие к себе избирателей. В течение лета и начала осени 1999 г. популярность отставленного Примакова продолжала расти, а популярность КПРФ падала. Коммунисты в Думе даже не решились полностью отвергнуть пакет мер, предложенных властью по согласованию с МВФ. Вместо решительного «нет» прозвучало нечто невнятное: все, что полезно для страны, примем, а вредное отвергнем.

В коммунистическом движении четко обозначился разрыв поколений. Руководство партии могло доверять лишь лояльным пенсионерам, не задававшим лишних вопросов и не выдвигающих лишних инициатив. «У партии на уровне первичных организаций сейчас два основных метода работы: собрания и митинги, — констатировал один из функционеров КПРФ. — Однако партсобрания надоели даже самому пожилому партактиву, а тех, кто помоложе, туда и на канате не затащишь. С митингами еще хуже — зачастую партийца надо доставлять к месту борьбы на носилках и потом отпаивать валидолом»[241].

---

[241] Правда-5. 1997. № 15. С. 2.

В молодежные секции партии решено было принимать всех, кто был моложе пятидесяти лет. Весной 1997 г. такая политика привела к открытому бунту Российского коммунистического союза молодежи (РКСМ). «Партийные начальники хотят иметь свою молодежь, но такую, которая совершенно похожа на них, — возмущался секретарь РКСМ Игорь Маляров. — С одной стороны, мы видим молодых людей, сформировавшихся в постсоветскую эпоху (и именно поэтому они стали левыми), а с другой стороны, мы видим партийных функционеров, которые смотрят на компьютер как на страшное чудовище и для которых кока-кола остается символом буржуазного вырождения. Разве они могут найти общий язык?»[242]

Резкое неодобрение комсомольцев вызвала и националистическая политика Зюганова. Как отмечали представители РКСМ, пенсионеры могут быть антисемитами и коммунистами одновременно, но если молодой человек проникается националистическими идеями, он идет не к коммунистам, а к фашистам. Резкое неприятие вызвал и лозунг «консолидации элит». Накануне IV съезда КПРФ руководство комсомола опубликовало в газете «Правда-5» открытое письмо к партийному руководству, под заголовком «Закончилось время „приводных ремней"». «В преддверии съезда, — говорилось в письме, — партия стоит перед выбором: поддержать реально существующий комсомол или продолжать изображать молодежь в партийных секциях, молодежных комиссиях, никого не представляющих оргкомитетах; иметь реального союзника и молодежный резерв или утешать себя фикциями? Выбор за делегатами»[243]. Делегатам, однако, выбора не предоставили. Малярову, как и другим оппозиционерам, даже не дали выступить на съезде. Результатом обструкции со стороны партийного руководства стал открытый разрыв между КПРФ и РКСМ.

---

[242] Green Left Weekly. 23.04.1997. P. 19.
[243] Правда-5. 1997. № 15. С. 6.

Впрочем, взбунтовавшийся комсомол не стал и не мог стать массовой альтернативой зюгановской партии. Противостояние КПРФ и РКСМ являлось скорее симптомом кризиса зюгановской политики, нежели способом разрешить этот кризис. Молодое поколение левых активистов, сформированное опытом 1990-х гг., не находило себе места в зюгановской партии и не имело собственного политического движения.

В течение 1990-х гг. число людей, воздерживающихся от голосования или голосующих против всех, постоянно возрастало. Теоретически кризис КПРФ в сочетании с полевением общества давал шанс на возрождение в России демократических левых. На самом деле, однако, все обстояло гораздо сложнее. Партии и движения демократических левых, весьма активные в период 1991—1993 гг., пришли в упадок или развалились, не выдержав совместного давления ельцинской власти и зюгановской КПРФ. Партия труда распалась. Социалистическая партия трудящихся резко сократила свою численность и влияние и медленно умирала[244]. В мире неолиберального капитализма левые оказываются обречены на радикализм, если, разумеется, они серьезно хотят играть роль в политической жизни. Однако «верхи» оппозиционных организаций эволюционировали в проти-

---

[244] В преддверии выборов 1999 г. возникла коалиция четырех небольших организаций: Социалистической партии трудящихся во главе с Л. Вартазаровой, Союза труда и народоволастия, возглавляемого генералом А. Николаевым, Партии самоуправления трудящихся под руководством С. Федорова и Союза реалистов — Движения за новый социализм, созданного Ю. Петровым. В совместной декларации они заявили о намерении не только вместе идти на выборы, но и создать впоследствии Объединенную социалистическую партию. Лидером блока был назван генерал Андрей Николаев, бывший командующий пограничными войсками России. Несмотря на почти революционные названия, все это были организации весьма умеренные, пытающиеся завоевать доверие западной социал-демократии. Политическое лицо коалиции осталось неясным, лозунги невнятными. На выборы объединившиеся левоцентристы пошли под названием «Блок генерала А. Николаева и академика С. Федорова». Пропаганда блока призывала голосовать за «людей твердого слова и честного дела». Политическая и экономическая программа этих хороших людей так и осталась для избирателей тайной.

воположном направлении. Хотя именно консерватизм и оппортунизм подорвали позиции КПРФ, соперничающие группы пытались занять позицию еще правее. Свободного пространства там не было, и ряды политических самоубийц множились.

СТРАТЕГИЯ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ

К осени 1999 г. всем стало ясно, что время Ельцина в России кончается. И дело не в том, что конституция 1993 г. запрещала президенту баллотироваться на третий срок. Политическая и экономическая модель, созданная в результате октябрьского переворота 1993 г., исчерпала себя. В стране просто нет ресурсов для поддержания системы олигархического капитализма. Нет средств на инвестиции, нет возможности содержать паразитические элиты и развращенный ими средний класс. Единая команда олигархов, порой соперничавших между собой, но совместными усилиями контролировавших страну, распалась на соперничающие группировки.

«После 17 августа 1998-го власть и крупный бизнес друг другу более не доверяют, совместные дела вести не будут. Эпоха олигархического капитализма в России закончилась», — констатировал журнал «Власть». Увы, это заявление было явно преждевременным. Как признавал тот же журнал, несмотря на крушение финансовой системы, олигархи сохранили контроль над крупнейшими сырьевыми предприятиями страны. «Пока в Ханты-Мансийском округе есть нефть, а в Курской области — магнитная аномалия, будут живы и олигархи»[245].

И все же первоначальная олигархическая модель управления действительно развалилась. Власть раскололась на две группировки. С одной стороны — окружение Ельцина, так называемая «семья», объединившаяся вокруг дочери президента Татьяны Дьяченко, банкира

[245] Власть. 17.08.1999. № 32. С. 29.

Бориса Березовского, нефтяного магната Романа Абрамовича и аппарата президентской администрации. С другой стороны — лидеры местных элит, собравшиеся вокруг мэра Москвы Юрия Лужкова. Конфликт между ними становился все более острым, и к началу осени стало ясно — идет борьба на уничтожение.

До того как в 1998 г. рухнул рубль, положение основных олигархических групп казалось довольно стабильным. Большинство из них имело однотипную структуру, которая включала в себя компанию, экспортирующую сырье на мировой рынок, банк, аккумулирующий прибыли, и средства массовой информации, пропагандирующие преимущества либерального капитализма. За счет продажи сырья импортировались потребительские товары с Запада, которые покупал растущий столичный средний класс (он же был основным читателем общенациональных газет и социальной базой режима). Из тех же средств выделялись деньги на подкуп чиновников, политиков и журналистов.

Все группировки представляли собой ту или иную форму симбиоза чиновников и предпринимателей. Но формы их взаимодействия были различны. В одних случаях денежные мешки контролировали коррумпированных чиновников. В других, напротив, чиновники командовали предпринимателями. Последние группы складывались вокруг сильных региональных лидеров. Влияние губернаторов определялось их способностью контролировать ресурсы на своей территории и управлять волеизъявлением граждан во время голосования. Чем более откровенной была практика фальсификации выборов, тем более тесными оказывались отношения местной власти и бизнеса. Как уже говорилось выше, наиболее сильные территориальные группы сложились в Москве и Татарстане. Региональные лидеры создавали свои банки и финансовые группы, устанавливали контроль над местной прессой.

Особняком стояла группа Гусинского, которая специализировалась на развитии средств массовой инфор-

мации и культивировании отношений с политиками. Имея собственную финансовую структуру (МОСТ-банк), традиционно связанную с московской городской администрацией, она не обладала серьезными позициями в сфере сырьевого бизнеса. В группу Гусинского (МедиаМОСТ) вошли телекомпания НТВ, радиостанция «Эхо Москвы», ежедневная газета «Сегодня», еженедельники «Семь дней», «Общая газета», «Итоги», спутниковый канал «НТВ +».

В 1996 г. все средства массовой информации развернули мощную кампанию в поддержку Ельцина. После победы над коммунистами единый блок олигархов распался, поскольку началась борьба за раздел остатков государственной собственности. Тогда разразилась информационная война между ОНЭКСИМ-банком и Березовским. ОНЭКСИМ-банк опирался на газеты «Русский телеграф» и «Известия» (позднее слившиеся). Березовский сосредоточил в своих руках крупные пакеты акций двух телевизионных каналов (ОРТ и ТВ-6 — 16 и 26% соответственно). Он же спонсировал «Независимую газету» и журнал «Огонек», дал гарантии под кредит убыточных «Новых известий». При этом Березовский никогда не пытался приобрести издания целиком или даже контрольный пакет. Его власть покоилась на личных отношениях с редакторами и журналистами. Как выразился один московский предприниматель, Гусинский покупал газеты, а Березовский — людей. Сам Березовский постоянно подчеркивал, что в качестве акционера никогда не вмешивается в работу средств массовой информации.

Борьба Березовского с ОНЭКСИМ-банком окончилась примирением, но крупные пакеты акций бывших госпредприятий отошли к ОНЭКСИМ-банку. После этой неудачи Березовский стал культивировать свои отношения с Кремлем. Он все больше сближался с дочерью и советником Ельцина Татьяной Дьяченко, а в 1999 г. администрацию президента возглавил Александр Волошин, в прошлом партнер Березовского по бизнесу. Вместе они

собрали деньги населения на производство «народного автомобиля». Ни одного автомобиля так и не было произведено, зато Березовский и Волошин стали заметно богаче.

Крах рубля в августе 1998 г. резко изменил положение дел. Финансисты оказались на грани банкротства. Ресурсы, считавшиеся безграничными, были исчерпаны. Колебание цен на нефть продемонстрировало уязвимость сложившейся экономической модели, а денег на инвестиции в промышленность (включая топливную) не было — они были растрачены или вложены в недвижимость за границей. Инвестиционные средства надо было где-то достать, лучше всего взять у олигархов-соперников. Топливно-финансовые группы существенно ослабели, территориально-бюрократические усилились. Увеличились амбиции местных лидеров. Если раньше они довольствовались тем, что Кремль не вмешивался в их дела, то теперь они стремились посадить своего человека в кресло президента. Когда было достигнуто соглашение о единстве между Лужковым и Шаймиевым, обслуживанием интересов этого блока занялась мощная информационная система, включающая практически все городские издания в столице, канал «ТВ-Центр», спутниковый канал «Метеор-ТВ» и ряд региональных газет. Сюда же примкнул «Московский комсомолец» — это не просто крупнейшее в Москве полубульварное издание, но и целая сеть дочерних газет в провинции. Лужков создал даже собственную метеослужбу: по его мнению, прогнозы погоды, готовящиеся соответствующей общенациональной службой, были тенденциозны. МедиаМОСТ, не имевший собственных ресурсов, примкнул к Лужкову.

Наступление Лужкова на Кремль не могло не встретить отпора со стороны Березовского. Готовясь к информационной войне, он купил контрольный пакет акций газеты «КоммерсантЪ» и сменил ее главного редактора. В союзе с Березовским выступили государственные средства массовой информации, подконтрольные администт-

рации президента. Против неприятеля применялись и такие неординарные меры воздействия, как внеочередная налоговая проверка. Наконец, вновь созданное Министерство печати, телевидения и средств массовой коммуникации во главе с Михаилом Лесиным стало своего рода силовой структурой информационной войны. Чего можно добиться с помощью дружественно настроенных чиновников, показали события 2 сентября 1999 г., когда министерство просто отключило Петербургское телевидение, осмелившееся издеваться над предвыборными мероприятиями правых.

На публику обрушился очередной поток грязи. Участники информационной войны не стеснялись даже разыгрывать антисемитскую карту — издания, близкие к Березовскому, напоминали об еврейском происхождении бывшего премьера Евгения Примакова, примкнувшего к «Отечеству», а издания, ориентирующиеся на Лужкова, не забывали упомянуть о национальности самого Березовского. Вновь всплыла и история о несостоявшемся «народном автомобиле». Телевизионные «аналитические» шоу потрясли даже видавших виды российских зрителей. На экране показывали, как неугодный Кремлю генеральный прокурор Юрий Скуратов занимается любовью с двумя проститутками, как чеченские боевики рубят голову пленному и даже как производится хирургическая операция, похожая на ту, что сделали Примакову в Швейцарии. В последнем случае тошнотворные кадры явно демострировались с единственной целью вывести из равновесия одного конкретного зрителя — самого Примакова. Что и было достигнуто. Взбешенный экс-премьер начал звонить в эфир конкурирующей информационной программы и жаловаться. «Грязные медиавойны, которые ведут политически ангажированные телемагнаты через своих продажных журналистов, давно уже стали нормой на российском телевидении, — писал Андрей Золотов в «The Moscow Times». — То же можно сказать о сценах насилия и секса, которые никогда не увидишь в Соединенных Штатах

или Европе». И все же, продолжает Золотов, на этот раз «так называемые серьезные телепрограммы еще больше опустились»[246].

БОЛЬШАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА

Самый большой выброс компрометирующих материалов произошел все же не в российской, а в западной прессе. В августе 1999 г. в «New York Times», «Corriere della sera» и других западных изданиях началась публикация статей об огромных масштабах коррупции в Кремле, отмывании грязных денег через американские банки и т. п. Для российского читателя здесь не было практически ничего нового. Почти все эти сведения и оценки в той или иной форме у нас уже публиковались (достаточно вспомнить историю с бесследным исчезновением 500 млн. долларов первого транша «угольного» кредита, предоставленного России Всемирным банком). На протяжении многих лет подобная информация была вполне доступна также для западных журналистов и дипломатов, которые ее демонстративно игнорировали. Неожиданный интерес на Западе к коррупции в Кремле сопровождался утечками данных из российской и швейцарской прокуратур и из соответствующих органов в США. Если в России любую информацию можно просто купить, то аналогичные утечки в Швейцарии выглядели несколько странно.

Показательно, что еще во время Балканской войны весной 1999 г. обозреватель «New York Times» Томас Фридман писал: «Даже полумертвый и смертельно пьяный Борис Ельцин все еще представляет огромную ценность для США. Никто из российских лидеров сегодня не обладает такой лисьей хитростью и медвежьей хваткой, как старина Борис. Нам его будет не хватать»[247].

---

246 The Moscow Times. 26.10.1999.
247 The New York Times. 15.04.1999. P. A25.

К лету настроения в американских политических кругах стали меняться. Все большее число политиков и государственных чиновников задумывалось о том, как строить отношения с Россией после Ельцина. А это значило, что надо заранее устанавливать связи с будущими победителями. Другое дело, что в Вашингтоне не могли толком понять, кто таким победителем станет. Более того, после дефолта 1998 г. Запад практически не обладал эффективными рычагами для воздействия на ситуацию в России. Близкие к ним группировки были ослаблены и скомпрометированы, а новые связи устанавливались медленно.

Американские политики и журналисты вдруг «открыли» в России факт массового казнокрадства и нелегального вывоза капитала. Западная пресса, по аналогии с уотергейтским скандалом 1970-х гг., заговорила про Russiagate. Признано было даже то, что приватизация в России была по сути разворовыванием народ-ного достояния. Редакционная статья «The Moscow Times» констатировала, что все это сплошное лицемерие: «На самом деле американцы поддерживали российскую приватизацию как свою собственную политику»[248].

Российская публика, порядочно уставшая от потоков грязи в газетах и на телеэкранах, на американские разоблачения реагировала вяло. Правда, было несколько забавно, что западная и наша либеральная пресса фактически доказывали правильность обвинений, выдвигавшихся коммунистами против Ельцина и его окружения в 1995—1996 гг. Обвинений, которые те же газеты ранее яростно отвергали. В целом же доверие населения к прессе падало, все участники информационных войн вызывали одинаковую неприязнь.

Зато в Кремле публикации, появившиеся на Западе, были расценены как политический сигнал. Чем бы ни были вызваны статьи в «New York Times» на самом деле,

---

[248] The Moscow Times. 7.09.1999.

для русских начальников это был знак того, что в Вашингтоне ищут замену Ельцину. Между тем Ельцин, а главное — его команда — уходить не собирались. Березовский и «семья» президента оценили кампанию в западной прессе как «антироссийскую». Вашингтон поддерживал Ельцина и тогда, когда тот развалил Советский Союз, и тогда, когда расстреливал собственный парламент, и тогда, когда бомбил мирных жителей в Чечне. Смену настроений на Западе воспринимали в Кремле как предательство.

Таким образом, попытки западных политиков отмежеваться от русской коррупции лишь усугубили кризис в России. На Кремль «предательство» американцев подействовало весьма своеобразно. Перспектива ареста счетов в западных банках стала совершенно реальной. Чиновники и олигархи из ельцинского окружения внезапно обнаружили, что бежать им, в случае чего, некуда. До сих пор многие «демократические» черты российской власти были необходимы для того, чтобы доставить удовольствие Западу. Теперь поняли, что угождать Западу не обязательно. Начав антиельцинскую кампанию, западная Большая (Mainstream) пресса фактически подталкивала московские верхи к еще большему авторитаризму.

Описывая войну, разразившуюся между соперничающими финансово-политическими группами, журнал «Власть» писал: «Победители получат шанс обратить большие долги в большие деньги, а проигравших ждет неминуемое банкротство и уход со сцены. Это в лучшем случае. А скорее всего — судебный процесс. Эмиграция в приличную страну с остатками капитала исключена. За кордоном проигравших ждет незавидная доля виновников Russiagate. Столь громкий скандал не может тихо закончиться. Победителей, как известно, не судят, тем более когда они во главе ядерной страны. А проигравшие станут той жертвой, которая смоет с России клеймо „бандитской страны", которым ее наградили западные масс-медиа»[249].

---

[249] Власть. 21.09.1999. № 37. С. 19.

О том, что перед выборами разразится политический кризис, который скорее всего закончится резким изменением правил игры, все знали заранее. Неизвестной была лишь форма предстоящего кризиса. «У „семьи" почти не осталось выигрышных ходов в рамках закона», — констатировал обозреватель «The Moscow Times» Джонас Бернстайн в начале августа[250]. Но он был не совсем прав. Некий запасной вариант был, и он начал реализовываться. Не прошло и месяца, как началась война в Дагестане, а затем в Москве прозвучали взрывы.

ВОЙНА В ДАГЕСТАНЕ, ТЕРРОР В МОСКВЕ

Боевые действия в Дагестане велись между теми же противниками, что и в чеченской войне в 1994—1996 гг., но характер противостояния радикально изменился. На сей раз чеченские боевики нападали, а российская армия оборонялась. Изменилась и идеология боевиков. В 1994 г. чеченцев возглавлял советский генерал Джохар Дудаев, который отстаивал принципы светского государства и верил в возможность построить в республике собственную модель «социализма», а Шамиля Басаева в те времена «Московские новости» называли «стихийным чеченским социалистом»[251]. К концу 1990-х официальным принципом боевиков был политический ислам ваххабитского толка, а на деле серьезной идеологической основы у них вообще не было. Деньги и закулисные договоренности значили гораздо больше, чем любые принципы.

Даже в условиях оккупации 1995—1996 гг. Чечня пыталась сохранять более или менее управляемую армию и хотя бы видимость собственного «конституционного порядка». Но в 1999 г. в Дагестан вторглись вооруженные формирования, не подчиняющиеся никому,

---

250 The Moscow Times. 6.08.1999.
251 Московские новости. 1996. № 47. С. 8.

кроме собственных командиров и спонсоров, финансировавших вторжение. За годы, прошедшие после фактического получения независимости, проект создания в Чечне собственного национального государства потерпел явную неудачу. Вместе с ним рухнула и дудаевская идеология светского национализма. Радикалы, отказавшись от последних остатков левой риторики, перешли на позиции исламского фундаментализма, а генерал Масхадов, будучи официальным президентом, по существу утратил контроль над страной.

Известный исследователь Кавказа Георгий Дерлугян отмечает, что главной задачей Масхадова после окончания первой чеченской войны было «вернуть образованные кадры и найти ресурсы для демобилизации боевиков». Однако с этими задачами руководство республики не справилось. Когда ректор грозненского университета просил у Масхадова дополнительные средства для обучения участников освободительной борьбы каким-нибудь мирным профессиям, он «услышал в ответ лишь горько-ироничное предложение ранга бригадного генерала Ичкерии ради пущего уважения среди такого рода студенчества»[252].

Герои войны показали полную некомпетентность в качестве администраторов. Между бывшими соратниками начались острые конфликты. Республика оказалась поделена на фактически самостоятельные зоны. Чеченская верхушка, установившая после окончания войны неформальные связи с кремлевскими элитами, все более коррумпировалась. Неопределенность политического статуса республики, вызванная в первую очередь нежеланием Москвы признать ее независимость, способствовала формированию в Чечне криминальной экономики. Что вполне устраивало московских олигархов, проворачивавших здесь свои «неофициальные» дела.

Крушение чеченского национального проекта было прямым результатом сговора между лидерами сопротив-

---

[252] Прогнозис. 2004. № 1. С. 158.

ления и московскими элитами. Этот проект не смогли полностью подорвать ни неудачи дудаевского правления в 1991—1994 гг., ни военная оккупация в годы первой войны. Но три года перемирия, сотрудничество с российскими чиновниками и олигархами в деле восстановления республики — и разворовывание выделенных на это ресурсов привело к полному разложению верхушки сепаратистов.

Пресса отмечала, что вторжение чеченцев в Дагестан накладывалось на борьбу за контроль над каспийской нефтью. Овладев Дагестаном, можно было контролировать нефтяные потоки, идущие на Запад. Все это происходило на фоне борьбы арабских и российских производителей за повышение цены нефти на мировом рынке. Еще до начала боевых действий Чечня закрыла нефтепровод, по которому на север поступала азербайджанская нефть. С началом войны был перекрыт и второй маршрут — через Дагестан. Это способствовало росту цен на сибирскую нефть, поставляемую Березовским, Потаниным и другими российскими олигархами.

Столкновение в Дагестане наложилось и на противостояние интересов в самом российском нефтяном бизнесе. Принадлежавшая Березовскому «Сибнефть» была заинтересована в том, чтобы азербайджанское топливо поступило в Европу как можно позже и стоило бы как можно дороже. При любом раскладе себестоимость добычи на севере куда больше, чем на юге, а поток нефти из Азербайджана будет способствовать падению цен на рынке. В то же время компания «Транснефть», занимающаяся строительством и эксплуатацией трубопроводов, была заинтересована в азербайджанской нефти, разумеется, при условии, что ей достанется соответствующий контракт. Показательно, что боевые действия в Дагестане совпали с обострением борьбы за контроль над «Транснефтью». Здесь противоборствующие стороны тоже применяли силу — был смещен президент компании Дмитрий Савельев, центральный офис был захвачен полицейским спецподразделением. По сведениям,

просочившимся в прессу, Березовский финансировал дагестанский поход Басаева на паях с саудовскими спонсорами, которые тоже стремились перекрыть поток нефти с Каспия. Если эта информация верна, то можно сказать, что в Дагестане «Сибнефть» сражалась против «Транснефти»: первая использовала чеченских боевиков, а вторая — российскую регулярную армию.

Война 1999 г. не имела ничего общего с освободительной борьбой. Чеченские полевые командиры утверждали, что их позвали сами дагестанцы. Учитывая коррупцию, этнические и социальные противоречия в Дагестане, исламисты рассчитывали получить здесь массовую поддержку. Вместо этого против них поднялся буквально весь народ. «Люди в Дагестане действительно не любят власть, — констатировал корреспондент „Общей газеты". — Но чужаков с оружием не любят еще больше»[253]. Надо отметить, что столь явное неприятие массами националистической и фундаменталистской пропаганды стало полной неожиданностью и для властей в Москве и Махачкале.

Ответом на вторжение боевиков в августе 1999 г. стало массовое вооружение дагестанцев. Люди продавали скот и машины, чтобы купить автоматы. Как сказал один из ополченцев московскому журналисту, взяться за оружие людей заставил «наш дагестанский интернационализм»[254]. Призывы раздать оружие народу вызвали панику среди местного начальства. Руководство республики не решалось ни отказать населению, ни принять его требования. Как отмечал корреспондент «Общей газеты», на заседании Госсовета Дагестана никто не решался выступать по существу. «Впечатление такое, что собравшиеся умышленно вязли в пустых и, в сущности, ненужных формулировках»[255]. Нежелание властей вооружать массы вполне понятно, но народ начинал терять

---

253 Общая газета. 12—18.08.1999. № 32. С. 3.
254 Власть. 17.08.1999. № 32. С. 21.
255 Общая газета. 12—18.08.1999. № 32. С. 3.

терпение. Между властями и отрядами самообороны происходили конфликты. В районе Бабаюрта, где чеченские боевики повредили железную дорогу, около 300 местных жителей перекрыли федеральную трассу Махачкала — Астрахань, требуя оружия.

Потери армии в боях были невероятно большими — некоторые подразделения потеряли до 20% своего состава убитыми и ранеными, хотя, в отличие от противника, Российская армия применяла артиллерию, авиацию, танки. Летчики, не имевшие достаточного опыта из-за отсутствия горючего для тренировочных полетов, сбрасывали бомбы мимо цели, артиллерия била по своим.

При таком положении дел одержать победу без массовой поддержки местного населения было бы невозможно. Хотя генералы не желали этого признавать, именно участие в боях ополченцев обеспечило успех федеральных сил. Ополченцы превосходно знали местность и были психологически приспособлены к боям в горах. Смешиваясь с мирным населением, они отслеживали передвижение боевиков там, где бессильна была армейская разведка. Чеченцами командовали Шамиль Басаев и иорданец Хаттаб, раньше успешно воевавшие против российских войск. На сей раз их партизанская тактика оказалась совершенно негодной из-за того, что население было им враждебно. Несколько иначе сложились дела в селах Карамахи и Чабанмахи, где исламисты опирались на поддержку местных жителей. Здесь мощная армейская группировка завязла на две недели, понеся тяжелые потери. Но благодаря многократному перевесу в живой силе и технике войска все же сумели занять обе деревни. К середине сентября поражение чеченцев было полным.

Между тем в Буйнакске, Москве, а затем в Волгодонске прозвучали взрывы. Взрыв в военном городке Буйнакске воспринимался как продолжение боев в Дагестане. Ельцин распекал своих министров. «Почему бомбы взрываются именно в хорошо охраняемых военных городках?» — возмущался президент. Судя

по всему, террористы учли критику президента. Сначала взлетел на воздух зал игровых автоматов в подземном комплексе «Охотный ряд» — буквально в двух шагах от Кремля. Затем последовало уничтожение в Москве двух домов со спящими жителями и взрыв в Волгодонске, оставивший без крова целый микрорайон. Около тысячи человек погибло в результате террористических актов. Общество было потрясено.

Власти сразу же обвинили чеченцев. Ни одно обвинение доказано не было, да никто и не собирался их доказывать. В средствах массовой информации началась настоящая расистская истерия. Наиболее откровенно эти настроения выразил известный либеральный националист Михаил Леонтьев, заявив, что «чеченцы хотят только одной независимости — от Уголовно-процессуального кодекса»[256]. В качестве рецепта решения чеченской проблемы Леонтьев предлагал применять газовое оружие, напалм и ковровые бомбардировки. Бывший председатель Совета Федерации призывал «перестрелять террористов как бешеных собак», при этом явно не делая особых различий между понятиями «чеченец» и «террорист»[257].

За действия полевых командиров Басаева и Хаттаба в Дагестане и за неизвестно кем подложенные бомбы в Москве должен был расплачиваться весь народ Чечни. «Что-то новое и непоправимое случилось с нами за годы „демократических и либеральных" реформ, — писал Андрей Пионтковский в «The Moscow Times». — Десять лет назад никто в России не решился бы призывать к физическому истреблению целого народа. Гитлеровский фашизм нанес нам больший ущерб, чем мог бы любой Хаттаб. И тем не менее даже в годы Второй мировой войны никто в России не призывал истребить весь немецкий народ. „Гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ остается", — повторяла наша пропаганда»[258].

---

256 Власть. 21.09.1999. № 37. С. 2.
257 Там же.
258 The Moscow Times. 23.09.1999. P. 8.

Волна национальной вражды, растиражированная телевидением, была беспрецедентна даже для средств массовой информации «демократической» России. Время от времени делались лицемерные оговорки, что далеко не все чеченцы — террористы и надо отличать верующих мусульман от фундаменталистов, но эти оговорки лишь прикрывали расистскую пропаганду точно так же, как антисемитская пропаганда часто прикрывается «борьбой с сионизмом». По интенсивности эмоционального накала сентябрьские телепередачи напоминали знаменитые «пятиминутки ненависти» из романа Дж. Оруэлла «1984». Пресса и не скрывала своих целей. «Чтобы победить врага, его надо ненавидеть — таков закон войны конца XX в., которая только тем и отличается, что ей предшествует информационная артподготовка», — цинично рассуждали журналисты «Московского комсомольца». Безо всякого осуждения они рассказывали, как был «быстрыми темпами создан образ врага». Журналисты получили твердые ориентиры, чего в 1994—1995 гг. не было. «Во главе этого движения встало вновь созданное Министерство печати, которое фактически ввело в эфире частичную цензуру»[259].

Перспективы чрезвычайного положения открыто обсуждались в прессе и по телевидению. На улицах городов появились военные и милицейские патрули. Население призвали дежурить в своих подъездах, дабы не пустить туда террористов. Практической пользы от этого быть не могло — бомбы никто не закладывал в подъезды, взрывчатка находилась либо в подвалах, либо в припаркованных автомобилях. Но дежурства должны были приобщить все общество к борьбе с терроризмом. Журналисты подстрекательски обсуждали возможность стихийных антикавказских погромов. К их разочарованию, погромов не последовало.

Государственное телевидение обвинило Лужкова в полном развале правоохранительных органов в столице,

---

[259] Московский комсомолец. 30.09.1999.

из-за чего якобы и стали возможны террористические акты. Сторонники Лужкова, напротив, обвиняли Кремль в разрушении государства, ослаблении силовых структур и беспринципном сотрудничестве с чеченскими бандитами. Близкий к Лужкову руководитель столичной милиции Николай Куликов был снят со своего поста.

Официальные лица в Кремле и Белом доме сразу после террористических актов обвинили в их организации *чеченских и арабских террористов,* настаивая на том, что организаторы московских взрывов имеют прямую связь со знаменитым арабским миллионером бен Ладеном, ответственным за многочисленные террористические акты против граждан США. Говорилось и писалось это, кстати, еще до знаменитых нью-йоркских взрывов 11 сентября 2001 г., тоже приписанных бен Ладену. Никакими данными участие бен Ладена в организации московских взрывов подтверждено не было, но с пропагандистской точки зрения для российского начальства было предельно выгодно показать такую связь. В то время как Запад жаловался на коррупцию русских правителей, сами эти правители героически защищали «свободный мир» от происков «международного исламского терроризма».

Произошедшее повергло официальный Грозный, как отмечала газета «Известия», «в состояние, близкое к панике». Чеченские власти заявили о создании собственной оперативно-следственной группы, пообещали выдать любого гражданина республики, вина которого будет доказана и обещали «оказать федеральным властям практически любую помощь»[260]. Президент Масхадов встречался с главами пограничных российских регионов, просил о встрече с Ельциным. Кремль не реагировал.

Москва непрерывно обвиняла Масхадова в слабости, бездействии и неспособности навести порядок. В Чечне президента критиковали за его не особенно скрываемые пророссийские симпатии (последнее, впро-

---

[260] Известия. 15.09.1999.

чем, относилось и к первому лидеру независимой Чечни, генералу Дудаеву). Сам же Масхадов настаивал, что «при условии юридического признания чеченского государства мне было бы легче остановить тех, кто мутит воду». Кадровый советский военный, генерал Масхадов мечтал о союзе с Россией против НАТО, обещал, что Чечня станет «надежной опорой для России на ее южных рубежах»[261].

Представители чеченских боевиков отрицали свою причастность к взрывам и связь с бен Ладеном, заявляя, что «Москву взрывают московские политики». Помимо общих слов о недопустимости таких методов, боевики задавали резонный вопрос: «Как можно ввезти в такой охраняемый закрытый город, как Москва, около тонны взрывчатки?»[262] Аналогичные вопросы задавали и газеты, близкие к столичной мэрии. «Московский комсомолец» прямо обвинил Кремль и Березовского в организации взрывов. Даже если исполнителями были чеченцы, заказчиками выступали люди из окружения президента. Эти же люди подтолкнули своих чеченских друзей к вторжению в Дагестан. В прессе появились стенограммы перехваченных разговоров Березовского с чеченскими политиками и полевыми командирами, и сам олигарх не отрицал, что подобные связи имели место. Однако, по заявлению Березовского, он занимался исключительно освобождением в Чечне пленных и заложников. В ответ на это «Новая газета» ехидно замечала, что Березовский совсем не похож на альтруиста. С чеченскими неформальными лидерами его могут связывать только «общие интересы». Надо искать не только террористов, не только тех, кто заказал им взрывы, но и «тех, кто оплатил заказ»[263].

Издания, близкие к Березовскому, возражали, что такой замечательный человек просто не может быть

---

261 Власть. 21.09.1999. № 37. С. 16.
262 Независимая газета. 18.09.1999.
263 Новая газета. 1999. № 35. С. 1, 3.

заказчиком террористических актов. «Не думаете же вы в самом деле, что Березовский на такое способен?» — вопрошали «Независимая газета» и «Известия». В ответ «Московский комсомолец» провел опрос своих читателей, которые дружно утверждали — да, именно так мы и думаем[264]. Президент Чечни Аслан Масхадов не только подтвердил подлинность сведений о переговорах Березовского с боевиками, но и добавил, что московский миллионер «лично оплачивал мобильную связь лидерам боевиков»[265]. В октябре спонсируемая Березовским «Независимая газета», подтвердив факт его контактов с чеченскими полевыми командирами перед войной, продолжала доказывать, что такой кристально честный человек, как Борис Абрамович, ничего плохого замыслить не мог. Затем «Независимая газета» вынуждена была сменить аргументацию и стала объяснять, что хотя договоренности с боевиками, видимо, имели место и их действительно подстрекали из Москвы к вторжению в Дагестан, но во всем виноват не Березовский, а российские спецслужбы, использовавшие московского олигарха «втемную»[266].

Дело осложнилось еще больше, когда сотрудники ФСБ были пойманы с поличным в Рязани при попытке заложить взрывчатку в подвале жилого дома. Агенты спецслужб тут же объяснили, что речь шла об учебном мероприятии с целью проверить бдительность местных жителей. Правда, они так и не смогли растолковать, зачем надо было использовать боевой взрыватель для «учебного мероприятия». Показательно, что в ноябре — декабре, когда российская авиация и артиллерия в Чечне сметали с лица земли целые деревни вместе с их жителями, когда счет жертв войны шел уже на тысячи человек, в Москве или Петербурге не прозвучало ни

---

[264] См.: Независимая газета. 17.09.1999; Московский комсомолец. 21.09.1999.

[265] Московский комсомолец. 21.09.1999.

[266] См.: Независимая газета. 15.10.1999; The Moscow Times. 22.10.1999.

одного взрыва. Объяснить это хорошей работой столичной милиции было невозможно, ибо как раз в это время ее начальник Николай Куликов был снят со своего поста за недостаточно активную борьбу с несуществующими террористами.

К зиме террористов просто перестали искать. Многочисленных подозреваемых отпустили (как выяснилось, ими оказались состоятельные кавказцы, у которых, по утверждению журналистов, милиция просто вымогала взятки). «Чеченская версия» взрывов фактически лопнула. Но это уже не имело никакого значения, ибо на Кавказе уже шла полномасштабная война. Организаторы осенней подрывной кампании явно достигли своей цели.

К середине октября версия относительно присутствия в Чечне бен Ладена и других международных исламских террористов также лопнула, но к тому времени российская армия уже вторглась в Чечню. А эксперты, близкие к военным кругам, могли открыто заявлять: «Есть в Чечне Усама бен Ладен или нет, это значения не имеет. Россия вынуждена продолжать широкомасштабную антитеррористическую операцию, чтобы лишить возможности Хаттаба и Радуева, Басаева и Масхадова вести террористическую войну в Чечне и за ее пределами»[267]. Таким образом, в число «террористов» вместе с признанными экстремистами Хаттабом, Радуевым и Басаевым был записан и Масхадов, законный президент Чечни, которого никто даже не обвинял в организации террористических актов.

ЧЕЧЕНСКИЙ ПОХОД «СЕМЬИ»

К ноябрю 1999 г. информационная война достигла такой интенсивности, какой Россия не знала со времен расправы Ельцина над парламентом в 1993 г. Разница была лишь в том, что в 1993 г. масс-медиа были консолидированы

---

[267] Независимая газета. 21.10.1999. С. 3.

вокруг власти. Теперь соперничающие элитные группировки, восхваляя мудрое руководство армии и решимость правительства на Кавказе, параллельно призывали к расправе друг над другом. Это происходило на фоне постоянно циркулирующих слухов о болезни или о предстоящей отставке Ельцина. На сей раз об отставке говорили не противники президента, а люди из его ближайшего окружения, ведь досрочная и добровольная отставка гарантировала, что Кремль сможет контролировать процесс передачи власти, а премьер-министр Путин до выборов и без выборов займет место президента. Слухи эти то опровергались Кремлем, то снова распускались близкими к «семье» людьми, повергая всех в полнейшую растерянность.

Пытаясь успокоить Кремль, Лужков начал «давать задний ход», напоминая, что он еще не заявлял о намерении баллотироваться в президенты и, скорее всего, делать этого не станет, а поддержит Евгения Примакова. К тому же на декабрь были назначены выборы мэра столицы. На этот срок их перенес сам Лужков (точнее, подконтрольная ему городская дума), стремясь развязать себе руки перед летними президентскими выборами. В результате же Лужкову пришлось воспользоваться городскими выборами как поводом для публичного отказа от президентских амбиций. На предвыборных собраниях мэр объяснял москвичам, что никогда их не бросит и никакая другая должность ему не нужна. Тем временем чиновники из окружения московского мэра повторяли, что сотрудничество с Примаковым допустимо «только до декабря», т. е. до парламентских выборов. А в президенты пройти самостоятельно «он не в состоянии»[268]. В окружении московского мэра усиливались конфликты.

Остановить информационную войну было уже невозможно. С подачи Кремля на пост мэра выдвинулись заведующий делами администрации президента Павел Бородин (ранее фигурировавший в ряде скандальных дел

[268] Власть. 21.09.1999. № 37. С. 22.

с сомнительными многомиллионными денежными переводами) и бывший премьер-министр Сергей Кириенко. Телевидение ежедневно расхваливало их невероятные достоинства. Подконтрольный Березовскому первый канал телевидения так же ежедневно поливал столичного градоначальника грязью, публично называя его «вором», «лицемером» и т. д. Даже выигранные Лужковым судебные иски не остановили деятелей первого канала, среди которых особо отличался Сергей Доренко, прозванный среди журналистов «самураем Березовского»[269].

Лагерь Лужкова казался все более растерянным, кремлевская «семья» наступала, но двигал ею уже не азарт, не возбужденная жажда победы, даже не стремление к власти и обогащению, как в 1991 и 1993 гг., а обыкновенный страх. Политическая система, построенная на крови октябрьского переворота 1993 г., разваливалась на глазах. Процесс вышел из-под контроля.

Кремлю нужна была только победа. Параллельно с кампанией по политическому уничтожению группы Лужкова «семья» сделала ставку на военную победу в Чечне. Опять, как и в 1994 г., считалось, что успешная военная кампания может списать все экономические катастрофы, воровство, достигшее фантасмагорических масштабов, некомпетентность, фальсификацию выборов, отсутствие внешней политики. Чечня в 1999 г. так же идеально подходила для «маленькой победоносной войны», как и за пять лет до того. С одной стороны, у Кремля не было стратегии развития отношений с Чечней, а с другой — неразрешенный конфликт на юге страны мог использоваться во внутриполитических играх. К тому же царившие в Чечне порядки не вызывали сочувствия у российской публики.

«Что бы ни творилось — заполыхала война, разразилось землетрясение, налетело цунами, наступил голод, страну охватила чума, накрыло радиоактивное облако, — но,

---

[269] Об отношениях Доренко и Березовского см. в кн.: *Засурский И.* Цит. соч. С. 149.

если это идет на пользу сохранения власти семьи, она все примет безропотно, даже с благодарностью, ибо уверена, что все эти беды ее не коснутся, а другие люди не в счет», — писал коммунистический депутат на страницах газеты «Ведомости»[270]. А антикоммунистический «Московский комсомолец» констатировал: власть «хочет с помощью десантно-штурмовых операций смахнуть с политической шахматной доски абсолютно все фигуры и начать свою, новую партию вместо той, которая складывается сейчас»[271].

И это Кремлю удалось. По сообщениям прессы, уже 28 сентября Ельцин одобрил подготовленный военными план нового вторжения в Чечню. На сей раз генералы обещали не повторять ошибки, совершенные в 1994—1995 гг. Впрочем, сомнение в способности военных учиться на собственных ошибках вызывали их же собственные заявления. По телевизору непрестанно показывали разгромленных в первой чеченской войне генералов, которые рассказывали изумленному зрителю, что и в прошлый раз они почти выиграли — только непоследовательность политиков помешала им добить врага.

С первого же дня боев генералы начали врать. Они в десятки раз завышали потери неприятеля и скрывали свои собственные. Они рассказывали, что в северной Чечне ими блокирован Шамиль Басаев, который тем временем давал пресс-конференцию в Грозном. На востоке есть пословица — «Не хвались, едучи на рать». Ельцинским генералам эта пословица явно была неведома. Не выиграв ни одного сражения, не вступив даже в серьезный бой с неприятелем, они буквально заполнили прессу и телевидение победными реляциями. То они сообщали о тысячах убитых боевиков (признавая, правда, что тел погибших найти не удалось), то демонстрировали совершенно неповрежденные чеченские окопы, рассуждая о невероятно высокой эффективности артиллерий-

---

[270] Ведомости. 11.10.1999. С. 2.
[271] Московский комсомолец. 1.09.1999.

ского огня. «Мы не повторим прошлых ошибок», — как заклинание повторял генерал Виктор Казанцев, которому поручили командовать операцией. Он даже обещал захватить Чечню, не занимая населенных пунктов и не штурмуя Грозного: «Что в нем такого ценного?»[272] Была введена военная цензура. За бахвальством военных скрывался непреодолимый страх перед неприятелем.

Сравнительно легкое продвижение войск по равнине северной Чечни, где население в принципе настроено пророссийски, было объявлено доказательством возросшей эффективности армии, хотя в 1994 г. ту же северную Чечню войска прошли не только быстрее, но и с существенно меньшими потерями. «Российские лидеры дураки, если они думают, будто начинающаяся война будет легкой прогулкой, что нынешнее слабое сопротивление чеченцев — прелюдия к краху их движения за независимость, — писал военный обозреватель «The Moscow Times» Павел Фельгенгауэр. — Сегодня чеченцы организованно отступают, но за этим последует не капитуляция, а яростные и хорошо спланированные контратаки. Чеченский президент Аслан Масхадов — известный мастер военной тактики — согласно имеющимся данным, снова координирует действия чеченских сил. В войне 1994—1996 его руководство обеспечило чеченцам победу»[273].

Генералы настаивали, что их единственной ошибкой было недостаточное использование авиации и артиллерии в первой чеченской войне. На этот раз авиацию стали использовать активнее. Результат: если за всю чеченскую войну 1994—1996 гг. российская армия потеряла один самолет, то за первую же неделю боев второй чеченской войны — сразу два (и один в Дагестане). Увы, главной «ошибкой» была сама война. И ее-то как раз не только не собирались признать или исправить, но, напротив, готовы были усугубить. Увеличив вдвое численность

---

272 Известия. 16.10.1999.
273 The Moscow Times. 7.10.1999.

войсковой группировки, нагнав на передовую толпы необученных рекрутов, генералы надеялись за счет превосходства огневой мощи и дешевой солдатской крови избежать повторения чеченского позора 1996 г.

Итак, 2 октября 1999 г. российская армия повторно пересекла границы Чечни и вторглась в республику. Чеченский поход «семьи» начался. «Опять на те же грабли», — мрачно констатировал «Московский комсомолец»[274].

МИЛИТАРИЗМ ЭЛИТ

Главный вывод, который российские генералы сделали из позорного поражения 1996 г., состоял в том, что им мешали пресса и колеблющиеся политики-либералы. Российская военная бюрократия по-своему интерпретировала и уроки косовской кампании НАТО. В Западной Европе и США действительно перед началом интервенции была проведена мощная пропагандистская обработка населения. Следовательно, рассуждали отечественные стратеги, главное — это добиться перед началом боевых действий единодушной поддержки среди политических элит и заткнуть рот недовольным. На российского обывателя обрушилась волна пропаганды, а противники войны почти не имели доступа к средствам массовой информации.

Вторая чеченская война, в отличие от первой, получила одобрение всех фракций российского «политического класса». Егор Гайдар, считавшийся в 1994 г. «голубем», вдруг сделался решительным «ястребом», в почвенническом духе осудив Запад, который дескать не может понять Россию. Бывший марксист Рой Медведев выступил в поддержку войны на страницах правой прессы. А те, у кого были сомнения, не решились их высказать. Так спикер Государственной думы Геннадий Селезнев, напомнив, что он «категорический противник»

---

[274] Московский комсомолец. 1.09.1999.

войны в Чечне, тут же добавил: «Я поддерживаю действия Правительства, когда речь идет о разгроме бандформирований, на какой бы территории они ни находились»[275]. Показателем того, что случилось в обществе, является позиция Комитета солдатских матерей. В 1994—1996 гг. это была одна из главных сил антивоенного движения. На сей раз представители комитета заявили, что они в принципе, конечно, против войны, но, коль скоро предотвратить ее не удалось, Комитет будет бороться за то, чтобы солдатам, воюющим в горах, хорошо платили — не менее тысячи баксов в месяц.

Премьер Владимир Путин, переходя на блатной жаргон, обещал «замочить в сортире» чеченских «террористов». Среди политической элиты и либеральной интеллигенции это вызвало бурю восторга. «Теракты в Москве и Волгодонске, военная операция в Дагестане, а затем в Чечне качественно изменили общественные настроения в России, причем во всех ее регионах, — писала газета „Трибуна". — Произошла милитаризация массового сознания. Это самое существенное, что отличает сегодняшний день от предыдущих. Сегодня все — и политики, и те, кто далек от их таинств, вынуждены произносить и комментировать то, что за день до них сказал или сделал Путин. Любое критическое слово, сказанное в адрес премьера или по поводу руководимой им военной операции на Кавказе, воспринимается как предательство национальных интересов России, как нож в спину тех российских солдат и офицеров, что сражаются в Чечне за наш покой и нашу безопасность. Милитаризированное общественное сознание рождает качественно иную потребность в политических лозунгах. И в этом смысле у Путина неоспоримое преимущество, ибо невозможно представить Примакова, Лужкова, Явлинского или Зюганова, дающими рекомендации «замочить» или „перестать сопли жевать"»[276].

---

[275] Панинтер. Ноябрь. 1994. С. 1.
[276] Мир за неделю. 20—27.11.1999. № 13. С. 3.

Думская оппозиция продемонстрировала полное единодушие с правительством. Ее не смутило даже то, что война явно была заказана кремлевской «семьей» под выборы. Стреляли в чеченцев, но целились явно в Лужкова и других критиков Кремля. Война парализовала оппозицию, которая по инерции продолжала ругать Ельцина, но не решалась ни слова сказать против Путина. А именно на Путина теперь была сделана главная ставка кремлевской камарильи. Другой вопрос — насколько оправданной была эта ставка в стратегическом плане.

«Хотя это и странно — подозревать Бориса Абрамовича в отсутствии коммерческого смысла, но я думаю, что он все же излишне потратился по предвыборной части, — писал близкий к анархистам провинциальный журналист. — Громоздкая кавказская пиротехника, трудоемкие воинские массовки требуют больших денег. При тотальном контроле над основными СМИ можно было бы поднимать рейтинг Путина с минимальными затратами. Бодрящие новости с Кавказа вполне могли бы уступить место сюжетам из жизни „председателя правительства": „Путин раздает похлебку неимущим", „Путин наставляет заблудшего банкира", „Путин порет на псарне казнокрада". Что-то в этом роде, впрочем, имеется на ТВ: „Путин дает отпор Западу", „Путин повышает пособие пенсионерам". Конечно, все это слишком пресно для наших любителей моченого. Но опыт предыдущей чеченской кампании (когда многие СМИ демонстрировали неизъяснимое человеколюбие) показал, что кровожадные инстинкты не слишком укоренены в русском народе»[277].

Изменения в общественном сознании были меньшими, чем полагали политические элиты. Опросы общественного мнения фальсифицировались. Телевидение утверждало, что после начала войны премьера поддерживало 47% населения, однако те же рейтинги показывали, что поддержка правительства составляла всего 12%. Разумеется, личный авторитет премьера может

---

[277] «Вестник Солидарности». Ноябрь. 1999. № 11. С. 1

быть выше, чем у возглавляемого им кабинета, но не в четыре же раза! Массовое сознание было не настолько милитаризировано, как могло показаться при чтении прессы, а война отнюдь не вызвала народного энтузиазма. По различным опросам 42—47% населения в ноябре 1999 г. высказывалось за немедленное начало мирных переговоров. Зато политики, за исключением Григория Явлинского, требовали войны до победного конца.

Не народ поддержал войну, а оппозиция в очередной раз предала народ. Полностью дискредитировавший себя «политический класс» и утратившие всякие моральные стандарты средства массовой информации не имели воли для того, чтобы пойти против течения. Разрыв между «политическим классом» и массами продолжал углубляться, и война лишь усилила его.

Когда Григорий Явлинский рискнул высказаться за переговоры с чеченцами, на него обрушился шквал обвинений. Виталий Третьяков на страницах «Независимой газеты» заявил, что «Яблоко» — это «антигосударственническая» и «безответственная» структура[278]. Анатолий Чубайс пошел еще дальше. «В Чечне происходит возрождение российской армии, — заявил он, — утверждается вера в армию, и политик, который так не считает, не может считаться российским политиком. В этом случае есть только одно определение — предатель. И возможные попытки Явлинского оправдаться сути не меняют»[279]. А миролюбивый Геннадий Селезнев напомнил, что сам Явлинский недавно призывал «совершать акты возмездия» и прокомментировал: «Это что же получается: у нас взрывают дома, значит, и мы должны там взрывать дома с мирными жителями?»[280]

По сути, армия именно это и делала, только не закладывала взрывчатку в подвалы жилых домов, а бомбила чеченские города и села с воздуха и обстреливала

---

278 Независимая газета. 10.11.1999.
279 Известия. 13.11.1999. С. 1.
280 Панинтер. Ноябрь. 1999. С. 1.

из реактивных установок. Протестовать никто из политиков не осмелился. Среди либеральных журналистов, однако, нашлось меньшинство, готовое выступить с критикой войны. «Новая газета» публиковала репортажи с фронта, рассказывая о том, что творится на самом деле, и военный обозреватель Павел Фельгенгауэр решился заявить на радио «Эхо Москвы», что «антитеррористическая операция превращается в террористическую»[281]. Журналист Анна Политковская, вернувшаяся из Чечни, писала «о бойне исключительно мирного населения, о гибели детей, беременных и стариков». В «освобожденных» деревнях жителям приказом генерала Шаманова было запрещено выходить на улицы. «Командование распорядилось просто: гражданское население имеет право покидать подвалы только с 11 до 13 часов, держа в руках белый флаг, если без флага — стрельба по движущейся цели с очевидными последствиями, если с 13 до 14 — тоже...» В Алхан-Юрте погибло 23 крестьянина, из них лишь 3 во время бомбежки, остальные — при «зачистке» села. И так — буквально всюду. Даже в северной Чечне, где традиционно симпатизировали России, зрели гроздья гнева. В селе Горагорское журналист видела снесенную военными до основания мечеть. «Молчаливым ответом горагорцев, приветливо улыбающихся всем „лицам славянской национальности", заезжающим теперь в село, стало ночное обезглавливание скульптурного изображения неизвестного солдата, как водится, находившегося на центральном „пятачке". Голову спилили аккуратно, автогеном — и она исчезла. Горагорцев, упрятавших внутрь пружину ненависти и мести, не остановило даже то, что среди сельчан — ветераны Великой Отечественной войны»[282].

По мнению Фельгенгауэра, и военные и политические лидеры, которые ими руководят, являлись военны-

---

[281] Текст был размещен 1 декабря 1999 г. на сайте радио «Эхо Москвы» по адресу: www.echo.msk.ru., а также 1—2 декабря на сайте Кавказ-центра по адресу: www.kavkaz.org и др.

[282] Новая газета. 1999. № 47. С. 11.

ми преступниками. Среди военных преступников он назвал Анатолия Чубайса, руководившего в тот момент энергосистемой России и отключившего еще до начала боев электричество в Чечне. В результате обесточены оказались больницы, родильные дома, структуры, обеспечивающие элементарное жизнеобеспечение в городах. «Отключение электро- и газоснабжения Чечни, которое было сделано в октябре, было прямым нарушением четвертой статьи второго Женевского протокола 1977 г.»[283]

Провозгласив целью государства «борьбу против терроризма» (как и латиноамериканские генералы-«горилллы» 1970-х гг.), российская власть сама не могла уже действовать иными методами кроме террористических. На российской территории, писал Фельгенгауэр, «беженцев притесняют у всех на виду. В Грозном и на юге Чечни, куда войска еще не дошли, российских граждан уничтожают без всякого разбора ракетами, бомбами и снарядами. При этом нет особой надежды на то, что это безобразие вскоре приведет хоть к какому-нибудь результату»[284].

Столичные политические элиты в своем единодушном милитаризме сами себя загоняли в ловушку. Никто из них даже не попытался просчитать варианты, подумать о том, что делать, если армия в очередной раз потерпит поражение. Поразительно наивное доверие политиков к генералам можно объяснить лишь тем, что элиты ельцинской «второй республики» окончательно потеряли чувство реальности. Занятые своими интригами, составлением хитроумных политических сценариев и взаимными нападками, они уже смутно представляли себе мир, в котором живут. Тем временем события в Чечне развивались совершенно не так, как ожидали в Москве. С самого начала операция была неправильно

---

[283] Текст был размещен 1 декабря 1999 г. на сайте радио «Эхо Москвы» по адресу: www.echo.msk.ru., а также 1—2 декабря на сайте Кавказ-центра по адресу: www.kavkaz.org и др.

[284] Интерфакс-время. 11—17.11.1999. № 46. С. 4.

спланирована и бездарно проведена. «Нынче войну затеяли на зиму глядя, когда солдаты десятками попадают в госпитали с пневмонией и нефритами от переохлаждения, — писал Павел Фельгенгауэр. — Сверх того, на пороге Грозного военные вынуждены начать дембель наиболее обученных за два года сержантов и солдат. Уверен, что вскоре передовые части на треть обновятся вчерашними школьниками, которых полгода готовили воевать в учебках. Естественно, что войско, состоящее из солдат-недорослей, только и может, что неприцельно бомбить издали чеченские города. Счет пострадавших женщин, детей и стариков уже идет на тысячи. А удалось ли „замочить" хоть одного настоящего террориста, неизвестно»[285]. Кое-как обученные за шесть месяцев пехотинцы представляли собой жалкое зрелище. Военный комиссар города Москвы жаловался, что среднестатистический призывник к боевым действиям совершенно непригоден: «В массе своей он откровенно хиловат, физически не развит. Вес зачастую не соответствует росту. В этом году медики выявили больше двухсот человек с таким дефицитом веса, что сочли за благо не просто дать отсрочку, а вообще освободить их от службы»[286]. Все это происходило в благополучной Москве — в других регионах положение было еще хуже. Хорошо откормленные мальчики из «приличных семей» от службы в армии откупались. Взяточничество стало обыденной нормой в аппарате военкоматов. Представители «золотой молодежи» тоже гибли тысячами, но не под пулями чеченских боевиков, а в автомобильных катастрофах или от передозировки наркотиков.

Необученные войска и на поле боя вели себя соответственно. Чеченцы характеризовали боевые порядки российской армии как «скопища». Журналистка «Новой газеты», не раз уже посещавшая горячие точки, с ужасом наблюдала, как солдаты в полный рост стояли на

---

[285] Интерфакс-время. 11—17.11.1999. № 46. С. 4.
[286] Метро. 15.12.1999. № 226. С. 3.

передовой или рассаживались на бронемашинах «таким образом, что никак не в состоянии были наблюдать за территорией противника»[287].

Корреспондент «Новых известий» Валерий Яков, попав в ноябре 1999 г. в зону боевых действий, обнаружил там хорошо знакомую по первой чеченской войне картину: «Войска занимают позиции вдоль трасс, располагаясь по правую и левую стороны на километр-другой и создавая тем самым видимость повсеместного присутствия. На самом же деле многие километры перелесков, полей и холмов никем реально не контролируются, и боевики при желании могут совершенно спокойно перемещаться в любом направлении, с легкостью игнорируя „санитарный кордон". Единственная задача — оставаться незамеченными с воздуха на тот случай, когда в небе появится разведывательный самолет или вертолет». С наступлением холодов в горах спустился туман, и авиационная разведка стала совсем неэффективной. Боевики, то появляясь, то исчезая, наносили удары по малоподвижным соединениям федеральных сил. «В зоне безопасности, активно разрекламированной федеральными спецпропагандистами, они чувствуют себя абсолютно свободно, совершая вылазки в тылы войск, в селения, которые уже не один день находятся под армейским контролем». Армия все более втягивалась в затяжную позиционную войну с «невидимым» неприятелем, «когда враг повсюду, а наступающие подразделения вынуждены переходить к круговой обороне»[288]. По другим каналам из зоны боев приходили сообщения об авиации, которая бомбит своих, о беспорядке в организации простейшей работы, об усталости и растерянности войск.

Пропаганда продолжала морочить голову обывателю в тылу, но в самой Чечне Российская армия имела дело не с виртуальным, а с реальным противником. Еще

---

[287] Новая газета. 1999. № 47. С. 11.
[288] Новые известия. 10.11.1999. С. 4.

ни одну войну не удалось выиграть с помощью пропаганды, тем более — когда эта пропаганда воздействовала не на неприятеля, а на собственное население. Поражения на поле боя можно было скрыть, но их нельзя было избежать.

ВОЙНА БЕЗ ПОБЕДНОГО КОНЦА

Стратегический замысел генерала Грачева в 1994 г. состоял в том, чтобы одним мощным броском, используя перевес в технике, за кратчайший срок прорваться к Грозному, взять город, разгромить чеченские военные и политические структуры, пока те не успели организоваться для ведения партизанской войны. К тому же первоначальный план Грачева как раз предполагал сведение к минимуму потерь среди мирного населения, неизбежно возрастающих в случае затяжной борьбы.

Преимущество регулярной армии перед партизанами и ополчением состоит исключительно в возможности стремительного маневра крупными силами (это обнаружил еще британский генерал Робертс во время Англо-бурской войны). Начиная боевые действия, Грачев учел опыт Афганистана. Он пытался максимально использовать свои козыри раньше, чем чеченцы успеют опомниться. Этот план вовсе не был ни безумным, ни «преступным», как потом говорили журналисты. Более того, с военной точки зрения он был единственно разумным. Но, как всегда, исполнение оказалось ниже всякой критики, предновогодний штурм Грозного потерпел неудачу, началась затяжная осада города, которая дала возможность президенту Дудаеву подготовить в горах южной Чечни военно-политическую базу для длительного сопротивления.

План генерала Грачева провалился в первую очередь из-за предшествующей деятельности политика Грачева, который унизил и деморализовал армию, заставив ее выступить в роли орудия государственного переворота

в 1993 г. Боевые действия в Чечне год спустя после расстрела парламента значительная часть солдат и офицеров воспринимала как продолжение войны против собственного народа. А многие в российском обществе видели в чеченском сопротивлении не только попытку создать собственное государство, но и борьбу против режима Ельцина.

Неудача первоначального плана обрекла Российскую армию на затяжную войну в горах, выиграть которую при имевшемся количестве сил и средств было невозможно. Многочисленные позорные эпизоды 1995 и 1996 гг. были лишь следствием этого стратегического провала.

Между тем решения, принятые в 1999 г., оказались в стратегическом смысле не только не лучше, чем в 1994 г., а даже хуже. Армия продвигалась к Грозному медленно, не ввязываясь в крупные сражения. Боевиков «выдавливали» с занимаемых позиций артиллерийскими и авиационными ударами. После каждого такого удара (а во многих случаях — до него) боевики отступали с занимаемых позиций. Военные рапортовали об успехе, продвигались еще на несколько километров, пока не наталкивались на очередной узел сопротивления. Артиллерийские удары имели бы какой-то эффект, если бы чеченцы всерьез пытались держать фронт по правилам Первой мировой войны, но они вели партизанскую борьбу, а единственная их цель состояла в том, чтобы замедлить и осложнить продвижение войск — что и достигалось. Генералы рассуждали о том, что берегут своих людей. Огромные и бессмысленные потери, которые армия стала нести в декабре, показали, чего стоили эти заявления. Напрашивается вывод, что тактика российского командования в Чечне объясняется не тонким стратегическим замыслом, а глубочайшим страхом перед противником.

Масхадов не мог без боя сдать Грозный или Бамут по той же причине, по которой Кутузов не мог без боя уступить Москву. Но Грозный, как и Москву в 1812 г., никто не собирался удерживать любой ценой. Единственная

задача обороняющихся состояла в том, чтобы нанести нападающим максимальный ущерб. В свою очередь Российская армия вынуждена была штурмовать Грозный не считаясь с потерями, ибо это — единственный способ доказать свою победу. Проблема в том, что, с одной стороны, неудачи при штурме города имели глубочайший деморализующий эффект для армии, а с другой стороны, взятие города на общем ходе войны не могло отразиться никак — чеченцы заранее запланировали, что город будет взят неприятелем. В этот раз из-за медлительности федеральных сил оборона Грозного для чеченцев была даже менее важна, нежели в 1994 г. В южной Чечне к ноябрю все уже было готово для продолжения борьбы. Защита столицы — чисто символическое действие, как бой при Бородине, который дал Кутузов французской армии.

Российские генералы начали войну, не задумываясь ни о технических проблемах снабжения, ни о трудностях, с которыми сталкивается авиация, ни о том, что войска несут потери от обычного переохлаждения. На передовую бросали необученных новобранцев, которых в репортажах торжественно называли «свежими войсками». В ноябре — декабре под Аргуном, Урус-Мартаном и Грозным армия натолкнулась на упорное сопротивление и начала нести катастрофические потери, которые на первых порах удавалось скрывать от российской общественности благодаря военной цензуре. Бессмысленные лобовые атаки сменялись бездарно спланированными обходными маневрами, в результате которых российские передовые колонны оказывались отрезанными от собственных частей и уничтожались. Артиллерия и авиация, как всегда, били по своим, солдат было нечем кормить, а на рынках «освобожденных» федералами районов солдаты оживленно торговали с повстанцами. Боевики приобретали оружие, боеприпасы и горючее в обмен на еду и водку. Мародерство и дезертирство стали обычными явлениями. Армия разлагалась на глазах.

Генералы почему-то считали, что чеченцам будет трудно зимовать в горах (хотя зимы 1994—1995 и 1995—1996 гг. дудаевские боевики, гораздо менее подготовленные к партизанской войне, чем отряды Масхадова, все же пережили без большого труда). При этом никто не задумывался о том, как будут зимовать в Чечне сами российские подразделения. Коммуникации находились в ужасающем состоянии (хуже, нежели в 1994 г.), а разрушенный Грозный — точная аналогия сожженной Москвы в 1812 г. — не был приспособлен для зимних квартир огромной армии. Замысел Масхадова оказался прост и понятен всякому, прошедшему начальную военную подготовку. Партизаны, действующие малыми группами, не вступая в бои с крупными армейскими частями, дезорганизуют снабжение. Дело довершает коррупция, которой давно славится ельцинская армия. Не разгадали этот замысел только профессиональные полководцы, руководившие российскими войсками.

Военная пропаганда повторяла, что на сей раз мирные жители встречали армию гораздо дружелюбней, чем в 1994 г. в северной Чечне, где разместилась большая часть российских сил и преобладали пророссийские настроения. Более того, тогда значительная часть территории северной Чечни находилась в руках антидудаевской оппозиции, которая в начале первой войны даже поддерживала федеральные силы с оружием в руках. На этот раз подобных сил в северных районах Чечни не было, а это значит, что психологически и политически положение армии оказалось даже хуже.

Дудаев обещал людям, что Чечня будет демократическим, светским, социалистическим и процветающим государством. К 1999 г. чеченцы получили нищету, беспорядок, власть бесконтрольных и коррумпированных полевых командиров, наступление религиозного экстремизма, которому Масхадов делал уступку за уступкой. Война 1994—1996 гг. заменила дудаевскую советизированную военную элиту в Чечне на полевых командиров типа Басаева, не прошедших советской выучки и

не обладавших военной этикой Дудаева и Масхадова. Видимо, в Кремле полагали, что по сравнению со всем этим российская власть будет выглядеть более привлекательно. Но хаос, который российские военные сумели за несколько дней создать на контрольно-пропускных пунктах между Чечней и Ингушетией, коррупция и расизм гражданских и военных властей отталкивали от армии даже симпатизирующих России чеченцев. Кстати, помнили в Чечне не только безобразия трех последних лет «независимости», но и кошмар предшествующего российского вторжения. Эксцессы со стороны армии еще больше оживляли эти воспоминания. Напротив, боевики, уйдя в подполье, снова выглядели героями. Российские власти не могли ни восстановить Чечню, ни создать там рабочие места. Они лишь продолжали разрушение. А это значит, что у молодежи даже в северной Чечне просто не оставалось других занятий, кроме стрельбы по движущимся мишеням, одетым в форму Российской армии.

Поведение военных свидетельствовало о полном отсутствии сколько-нибудь внятного плана. «Почему сейчас командиры „берегут жизни военнослужащих", а в Ботлихском и Новолакском районах Дагестана это их совершенно не заботило? — спрашивал „Московский комсомолец". — Потом, в сентябре, заговорили о надежной защите границы с Чечней, но никто не собирался идти в глубь ее территории. Прозвучало название будущей операции федеральных сил: „Создание санитарного кордона". Почему планы изменились? Почему „санитарный кордон" решили создавать на северных территориях Чечни, а не за ее пределами? Почему „санитарной зоны" оказалось мало и войска двинулись в глубь Чечни? Почему сейчас говорят о штурме Грозного, хотя еще месяц назад об этом речи не было?

Такое впечатление, что ходом боевых действий дирижирует какой-то оголтелый тип, который сам не знает, что ему надо. Или, наоборот, очень хорошо это знает, но

его „надо" очень далеко от тех целей, которые публично декларируют власти»[289].

Журналисты «Московского комсомольца» были убеждены, что на самом деле за войной в Чечне скрывалась борьба за контроль над транспортировкой каспийской нефти. Эффективный контроль над Чечней требовался для обеспечения «северного транзитного маршрута» через Россию (либо по старой советской трубе, идущей под чеченской территорией, либо по новому трубопроводу через Дагестан). Изменения в поведении российских военных на Кавказе странным образом совпадали с изменением обстановки вокруг «Каспийского проекта». В конечном счете, однако, Россия проиграла конкурентам. Во время европейского саммита в Стамбуле 18—19 ноября 1999 г. Азербайджан при посредничестве США подписал соглашение с Грузией и Турцией о строительстве трубопровода по «южному маршруту». Тем самым война в Чечне была проиграна вне зависимости от того, как складывалась обстановка на поле боя.

С точки зрения борьбы за каспийскую нефть продолжение боевых действий отныне теряло всякий смысл. Но война имеет собственную инерцию и логику, особенно для генералов, журналистов и политиков, которые сделали ставку на «победоносный поход». Кровопролитие должно было продолжаться просто потому, что уже никто не решался признать свои ошибки (и заплатить за это своей карьерой). К тому же в российских элитах наступило самоотравление пропагандой. Восторги интеллектуалов по поводу осенних «побед» превзошли даже бахвальство военных. Любопытно, что все «певцы» чеченской войны, не сговариваясь, запели не только об одном и том же, но даже одними и теми же словами. Стоило Чубайсу сказать про «возрождение» армии, как традиционно критиковавшая его «Независимая газета» написала, что «армия возрождается на глазах»[290].

---

289 Московский комсомолец. 15.11.1999.
290 Независимая газета. 10.11.1999.

Все эти восторженные репортажи писались в Москве за тысячи километров от линии огня, в то время как в самих войсках царили иные настроения. Но пока солдаты и младшие офицеры в очередной раз задавались вопросом о том, зачем их послали умирать, генералы уже чувствовали себя победителями — если не в войне с чеченскими боевиками, то уж во всяком случае в противоборстве с «неблагонадежными» журналистами. Пресса и телевидение соревновались в лести по отношению к военному начальству, расхваливали «грамотную подготовку» кампании, «о которой еще каких-нибудь полгода назад побоялись бы говорить даже самые активные сторонники силовой операции»[291].

Осадив Грозный, генералы оказались перед выбором: начать штурм или, блокировав столицу, бросить основные силы на горные районы юга Чечни, где находились основные базы Масхадова. Второй вариант был в военном отношении более удобен, ибо наступления на юг чеченцы не ожидали. Однако армия сделала то, чего не предполагал никто: распылив силы, она начала в декабре наступление сразу на обоих направлениях. Это был настоящий новогодний подарок неприятелю. Боеспособных войск было мало, добиться перелома ни на одном из направлений было невозможно. Массы плохо обученных солдат и скопления бронетехники создавали дополнительные проблемы для самих наступающих. Новобранцы мешали воевать более опытным подразделениям. Войска надо было кормить и снабжать, а ничего толком не было организовано.

После публичных заявлений о том, что армия не будет штурмовать Грозный, войска были брошены на приступ. Повторилось то же, что и в 1994—1995 гг., — горы солдатских трупов на улицах, сожженная и брошенная бронетехника, упорные бои за каждый дом. Армия действовала с жесткостью, поражавшей даже на фоне эксцессов первой чеченской войны. Жилые кварталы, где

---

[291] Независимая газета. 18.11.1999.

прятались русские женщины, старики и дети, обстреливали из систем залпового огня «Град» и «Ураган», реактивных огнеметов, бомбила стратегическая авиация.

Ошибки военных в значительной мере были предопределены политическим заказом. Поскольку война велась прежде всего ради пропаганды, руководство страны вынудило генералов в декабре высадить десант в южных горах под грузинским селом Шатили — якобы для перекрытия стратегической дороги с Грузией. Никакой дороги на Шатили не было, ее начали строить в 1997 г., но затем бросили. Но московским политикам перед выборами нужна была победная реляция, тем более что из Грозного стали просачиваться сведения о потерях. Бессмысленно выброшенный десант сразу оказался в окружении. Эвакуировать или снабжать его было крайне трудно из-за нелетной погоды. Чтобы выручить его, войска должны были пробиваться через горные ущелья на юг, не закончив бои в Грозном. Штурм города стал захлебываться. В конце декабря чеченские подразделения встретили наступающие колонны у входа в Аргунское ущелье, где началась настоящая бойня.

ПУТИНЩИНА

Российскому начальству мир в Чечне в 2000 г. не был нужен. Даже военная победа была не обязательна. Требовались репортажи о победах. Ссылки на них позволяли объяснить фантастические рейтинги Путина, а затем прикрыть этими рейтингами сомнительные результаты выборов. Тем временем события на Кавказе развивались по собственной логике. Сделав первый выстрел, Россия уже потерпела тяжелейшее поражение в геополитическом плане. Война в Чечне, судя по социологическим опросам, стала главным фактором, отталкивающим белорусов от объединения с Россией. В братской республике не хотели получать цинковые гробы с Кавказа. Та же война поссорила Россию с мусульманскими государствами

и вызвала возмущение в странах третьего мира. Наконец, чеченская заваруха помогла западным политикам «отмыться» после Косова. Только стали поступать сообщения о масштабах натовского вранья, только публика в Европе заметила, что после «победы» в Косове продолжаются этнические чистки, как появилась новая тема, куда более впечатляющая: война в Чечне. Разумеется, никакого морального права ругать «русских» у западных политиков не было. Но у них имелись козыри, которых Москва не имела. Экономически ослабленная страна с неэффективной и безответственной властью обречена была перед Западом выступать в роли просителя, какие бы патриотические заявления ни делали хозяева Кремля.

Уже к декабрю 1999 г. стало ясно: если война не закончится настоящей, не виртуальной, победой в течение ближайших двух-трех месяцев, дипломатическое и моральное поражение дополнится политическим. Олигархия, сделавшая ставку на Путина, должна была консолидировать политический режим в кратчайшие сроки, чтобы затем никакие военные неудачи не могли пошатнуть власть.

Чечня стала полигоном, на котором явно обкатывались методы установления военной диктатуры в самой России. Находящееся в Моздоке командование контролировало телевизионные передачи, оценивало действия политиков, категорически запрещая кому-либо оценивать эффективность (или неэффективность) собственных операций. «Власть военных здесь безгранична как в любой банановой стране, где произошел военный переворот и установилась диктатура полковников, — писал Валерий Яков. — Военные контролируют потоки беженцев, военные раздают пенсии, военные открывают школы и создают комендатуры. Закон молчит. Конституция отдыхает, о введении чрезвычайного положения хотя бы в рамках санитарного кордона ничего не слышно. А генералы уже диктуют свою волю не только беженцам, покорно бредущим по кругу, но и обществу. Казанцев,

Шаманов и прочие полководцы каждый вечер появляются на телеэкранах, превосходя по частоте появлений самого премьера, и пугают своим ультимативным тоном встревоженных сограждан: „Да если нас остановят...", „Да если мы снова не добьем...", „Да если вздумают начать переговоры..." И озадаченные сограждане теряются в догадках, у кого же теперь в стране власть: у Москвы или у Моздока?»[292]

Демократический фасад «второй республики» рушился на глазах. Либеральная экономическая модель тоже не выглядела устойчивой. С этим фактически смирились на Западе. «Экономические и политические реформы должны быть проведены в ограниченный срок, — писал «Newsweek». — В России такая возможность была в начале 1990-х, когда формировалась новая система, когда убежденные либеральные реформаторы были у власти, когда Борис Ельцин был здоров телом и душой, когда можно было открыто симпатизировать Западу. Соединенные Штаты имели огромное влияние на Россию, которая искала свое новое место в мире. Но мы сами все испортили. Теперь остается заботиться лишь о том, чтобы свести ущерб к минимуму. Запад должен смириться с мыслью, что попытка превратить Россию в либеральную демократическую страну провалилась. У Соединенных Штатов есть теперь только один интерес в России — безопасность все еще огромного советского ядерного арсенала»[293].

Американский журналист несколько лукавил. Во-первых, именно «убежденные либеральные реформаторы» при полной поддержке и одобрении Запада заварили кашу, которую тамошние лидеры теперь не желали расхлебывать. Во-вторых, что гораздо важнее, интересы Запада в России не сводились к охране ядерного арсенала. Не менее (а на самом деле — более) важно было сохранение России на периферии миросистемы в качестве

---

[292] Новые известия. 10.11.1999. С. 4.
[293] Newsweek. 27.09.1999. P. 6.

сырьевого придатка «центра» и рынка сбыта. И все же главное было сказано откровенно: даже на уровне политических деклараций и риторики правящие круги Соединенных Штатов готовы отказаться от демократических принципов в отношении России. Если интересы Запада и стабильность в России будет охранять националистическая или даже террористическая диктатура, в этом нет ничего страшного. Если Путин и мог покоробить западную публику своими методами, то «реальные политики» в Вашингтоне понимали, что при данных обстоятельствах лучшего союзника в Москве у них все равно не будет.

Демократические институты ельцинской «второй республики» могли существовать лишь до тех пор, пока их неэффективность была стопроцентно гарантирована. В условиях, когда население заведомо не имело возможности воспользоваться своими правами, когда у народа никакого выбора не было, могла сохраняться видимость политической свободы. Как только такой выбор появляется, сохранять конституционно-демократическую законность становится невозможно. И неважно, что выбор, представляемый народу, был между несколькими олигархическими группировками. Даже такая альтернатива подрывала основы ельцинского режима, основанного на равновесии сил между соперничающими группами.

В России сформировалась элита со специфической криминально-бюрократической психологией. Наивно было полагать, будто люди, подобные Борису Березовскому, Татьяне Дьяченко или Анатолию Чубайсу, отдадут власть и собственность мирно, согласятся уважать демократические процедуры и смирятся с неблагоприятным для них исходом политической борьбы. Не менее наивно было бы ожидать уважения к демократии от «русских касиков», от насквозь коррумпированных региональных элит.

Государство все более утрачивало монополию на насилие: наряду с вооруженными формированиями, формально подчиненными власти, в стране действовали многочисленные охранные структуры, не говоря уже

просто о бандитских формированиях и широком распространении оружия среди «мирных граждан». Главное, однако, в том, что само государство утрачивало единство, и вооруженные отряды, подчиненные бюрократическим группировкам разного уровня, уже не являлись в полной мере частями одной системы. Этот «плюрализм» не имел ничего общего ни с демократией, ни со «всеобщим вооружением народа», о котором мечтали ранние социалисты и анархисты. Скорее это напоминало зарождение феодальных дружин. Для того чтобы гарантировать минимально мирное развитие общества, государству необходимо было восстановить монополию на насилие, но сами по себе попытки власти навести здесь хоть какой-то порядок, оборачивались поэтапным введением диктатуры во имя «защиты мирных граждан». Другим психологически допустимым оправданием диктатуры становилась «борьба с терроризмом». Обывательское сознание вполне готово принять диктатуру в надежде на то, что вместе с ней придет «порядок», прекратится «воровство» и «бандитизм». Но обыватель, как всегда, заблуждался. Его безопасность менее всего волновала людей в погонах.

Разумеется, любая политика имеет свою инерцию, и любое ужесточение власти может иметь неожиданные последствия для тех, кто эту политику заказал и подготовил. В этом очень скоро убедились и Борис Березовский, и многие другие представители олигархических элит, горячо поддерживавшие приход к власти Путина. Экономическая ситуация делала перемены неизбежными, но любые перемены в сложившихся условиях были чреваты потрясениями.

«Вторая республика» агонизировала. Под грохот взрывов, пальбу в Дагестане и Чечне, под залпы информационной войны уходила в прошлое и эпоха «либеральных реформ».

Национал-консерватизм Владимира Путина стал логическим и неизбежным завершением ельцинской эры либеральных реформ. Впрочем, либеральные реформы

в России всегда именно так и кончались — закреплять их результаты приходилось с помощью консервативной реакции. Проблема власти состояла лишь в том, что разложение государства на сей раз достигло невиданных масштабов. Стабилизировать систему с помощью пропагандистского шума и кадровых перестановок было уже невозможно. Более того, судорожные попытки власти как-то изменить ход событий сами оказывались дестабилизирующим фактором.

Поддержав войну во имя возрождения армии и государственности, российские элиты, включая интеллектуалов и оппозиционеров, взяли на себя ответственность за политику, неизбежно ведущую в долгосрочной перспективе к развалу армии и дальнейшему разложению государства. Они выступили соучастниками провокаторов, взрывавших жилые дома, они стали идеологами и пропагандистами диктатуры. Рано или поздно за это придется ответить перед собственным народом. В том числе — перед детьми рабочих и крестьян, одетыми в армейскую форму.

Ставка на Путина была сделана от отчаяния. Политический ресурс «путинщины» слишком ограничен, чтобы на этом могла быть построена долгосрочная политика. Стремясь найти разрешение объективным историческим противоречиям с помощью пропаганды и фальшивых рейтингов, власть загнала себя и всю страну в очередную катастрофу.

В начале 2000-х гг. правление Путина считалось образцом стабильности, но осенью 1999 г. власть имущие отнюдь не чувствовали себя уверенно. Кампания в Чечне не закончилась быстрой победой, напротив, становилось ясно, что страну втянули в новую затяжную войну. Производство, получившее в 1998—1999 гг. неожиданный импульс благодаря девальвации рубля, сокращению импорта и ослаблению контроля со стороны столичных олигархов, уже задыхалось без инвестиций. К концу 1999 г. темпы роста вновь начали падать, рост импорта опережал развитие экспорта. Советское

«наследство» было практически проедено. Из-за многолетней инвестиционной паузы в стране стал ощущаться недостаток уже не в финансовых, а в материальных ресурсах, включая трудовые. Недоставало квалифицированных рабочих и грамотных управленцев. Многочисленные курсы подготовки менеджеров, открытые в стране за десять лет либеральных реформ, оказались совершенно бесполезны для общества, ибо управленческий персонал, способный развивать производство, там не готовили. Трудоспособные молодые люди продолжали погибать в Чечне. Предприятия сталкивались с дефицитом газа, электроэнергии, горючего. В некоторых регионах России отключали к зиме 2000 г. не только неплательщиков, но и всех подряд, ибо электричества просто не было.

Спасение пришло совершенно неожиданно благодаря подъему мировых цен на нефть. Если резкий спад нефтяных цен в 1998 г. ускорил крах рубля, то новое повышение цен, вызванное оздоровлением экономики в странах Азии, создало благоприятную обстановку для политической стабилизации в России.

ТРИУМФ «МЕДВЕДЯ»

Избирательная кампания 1999 г. отличалась исключительной вялостью всех участников. Спонсоры, ранее не жалевшие денег на раскрутку своих политических союзников, на сей раз поскупились, ибо все были уверены — никакой реальной власти депутаты не получат. Телевидение показывало невыразительные клипы, из которых было совершенно непонятно, за что выступает та или иная группировка. Никто не стремился разъяснить массам свои взгляды, но даже там, где у политиков свои позиции были, они всячески старались их скрыть. Говорить откровенно о своих целях и идеях для «политического класса» образца 1999 г. значило бы вызвать ярость населения.

«Партия власти» в 1999 г. выступала под двумя вывесками. Как известно, в 1995 г. Кремль тоже пытался создать сразу два проправительственных блока — один левый, другой правый. С левым блоком Ивана Рыбкина ничего не вышло, а правый блок оказался совершенно нежизнеспособен, пройдя в парламент. На сей раз ставка была сделана на создание сразу двух правых блоков. Различия между ними были не идеологическими, а культурными, «стилевыми». Чиновники старшего поколения объединились в блоке «Единство» («Медведь»), а молодые карьеристы — в Союз правых сил.

«Атака двумя колоннами» оказалась тактически выгодной для правящей группировки еще и потому, что необходимо было подорвать позиции ОВР, не усилив при этом «Яблоко» или КПРФ. Агрессивная кампания против ОВР и КПРФ велась государственным телевидением и особенно журналистами, близкими к СПС. В это самое время представители «Медведя» вели «позитивную» кампанию, не вступая в полемику со своими противниками. Культурные различия тоже принимались в расчет. «Медведь» должен был отобрать избирателей у ОВР, а СПС, обладавший более «интеллигентным» имиджем, — у «Яблока».

Телевидение рассказывало избирателям о растущем рейтинге «Медведя», который первые две недели практически не вел избирательной кампании, подтверждая опасение, что в пользу этого блока готовится широкомасштабная фальсификация. Шедевром избирательной пропаганды «Медведя» был мультипликационный клип, в котором «Медведь» приходил чинить сказочный теремок, по дороге выбрасывая оттуда волка, обещавшего домик приватизировать. Правда, в русской сказке, по которой был сделан клип, теремок развалился как раз после того, как туда вселился медведь... Если Россия представляла собой теремок, то последствия победы «Медведя» предсказать было нетрудно.

Хотя программы у всех партий были более или менее правыми, то избирательная риторика и пропаганди-

стские образы у всех, включая Союз правых сил, исключительно левыми. СПС, получив огромные деньги, вел кампанию особенно напористо. Блок возглавили бывший премьер Сергей Кириенко, бывший вице-премьер Борис Немцов и бывший министр Ирина Хакамада. Все эти персонажи были столь похожи друг на друга и столь лишены самостоятельного политического лица, что журналист Олег Давыдов даже предложил их считать за одну личность, которую он назвал «Кирнемхака». Фоторобот этого существа был опубликован на страницах «Независимой газеты»[294]. На общем унылом фоне СПС выделялся энергичной пропагандой. О либерализме, частной собственности и «открытом обществе» за все время кампании не было сказано ни слова. Лозунгом СПС было: «Молодых надо!»

На выборах 1999 г. отсутствующие партийные программы были заменены взаимными обвинениями в коррупции и самовосхвалением политиков. Кирнемхака в этом смысле превзошла всех, ибо никаких черт, кроме молодости, она вообще не обнаружила. Зато организаторам кампании успешно удалось заставить избирателя забыть о прошлом ключевых персонажей СПС. От населения фактически скрыли не только программу блока (хотя Кириенко время от времени размахивал перед телекамерами толстенной книгой), но и его состав. Гайдара и Чубайса предпочитали публике не показывать. Провалившихся отставных начальников превратили силами имиджмейкеров в молодых радикалов, добивающихся обновления власти.

Хуже всего обстояли дела у коммунистов. В Думе созыва 1995 г. КПРФ получила только по спискам 99 мест, что давало ей возможность вместе с депутатами-одномандатниками и союзниками контролировать до 220 голосов. Однако этот результат был достигнут не благодаря массовой народной поддержке партии, а из-за

---

[294] См.: Фигуры и лица (приложение к «Независимой газете»). 18.11.1999. № 18.

парадоксов российского избирательного законодательства. «В декабре 1995-го половина мест, распределяемых по партспискам, досталась мелким партиям, не преодолевшим проходной барьер, в результате чего их мандаты поделили между собой четыре победителя, — отмечал журнал „Эксперт". — Бонус КПРФ составил около полусотни мандатов». В одномандатных округах для победы порой хватало 20% голосов, что опять же благоприятствовало КПРФ, которая была относительно сильнее других партий.

Однако, завоевав мощные парламентские позиции, руководство партии даже не пыталось ими воспользоваться. «Конвертировать стратегическое преимущество в Думе во что-нибудь осязаемое коммунисты не сумели из-за своей идеологической заскорузлости и неспособности к маневру. Даже „розовый" кабинет Примакова, куда вошли (в кои-то веки!) несколько членов КПРФ, они не только не смогли уберечь, но и приблизили его кончину, упорствуя с импичментом президенту. Оба варианта политического соглашения между ветвями власти (осень — 98 и зима — 99), которые могли стать первым шагом к коррекции Основного закона в желанном для коммунистов направлении, те отвергли из чистой фанаберии»[295].

На самом деле проблема коммунистического руководства была не в «заскорузлости» и «фанаберии», а в отсутствии политической стратегии, нежелании бороться с властью. В 1999 г., накануне выборов, Геннадий Зюганов с важным видом обещал «Независимой газете», что его партия получит до 40% голосов и вместе со своими союзниками завоюет в Думе две трети мест, «так называемое конституционное большинство»[296]. В это самое время избиратели массово покидали партию.

Выборы 1999 г. не были ни честными, ни свободными. Группировки, не пользовавшиеся благоволением

---

[295] Мир за неделю. 20—27.11.1999. № 13. С. 1

[296] НГ-сценарии. 10.11.1999. № 10. С. 1.

Кремля, были лишены доступа к общенациональным телеканалам ОРТ и РТР, а Лужкова и ОВР ежедневно поливали грязью. Коммунистов на сей раз не трогали, но слова им не давали. За постсоветские годы в России местные администраторы освоили целый арсенал средств избирательной фальсификации. Можно еще до открытия участков поставить там урны, уже частично заполненные бюллетенями в пользу «нужных» кандидатов и партий, правда в этом случае могут не сойтись списки проголосовавших с количеством бюллетеней в урнах (на что жаловалась оппозиция в Москве в 1997 г.). Можно вбросить некоторое количество бюллетеней в последний момент, заодно расписавшись за не пришедших голосовать избирателей (такие факты неоднократно выявлялись в русской провинции). Мертвых душ в списках всегда оказывалось достаточно. На выборах президента Карачаево-Черкессии голосовал некто Лайпанов, погибший в автокатастрофе за несколько месяцев до того. Тот же Лайпанов осенью 1999 г., по данным российских спецслужб, взрывал жилые дома в Москве. Не исключено, что он голосовал и на выборах 1999 г. в Госдуму. Наконец, можно просто исправить или сфабриковать итоговые протоколы (подобная практика была замечена на Северном Кавказе, в Подмосковье, в отдаленных районах Крайнего Севера).

Прямая фальсификация итогов голосования являлась в ельцинской России лишь одним, причем не главным, средством управления выборами. Более распространенной и эффективной практикой было давление на избирателей. Доходило до прямых угроз — отключить в районе свет и отопление в случае неверного волеизъявления. В отдаленных гарнизонах и маленьких деревнях люди голосовали под присмотром начальства. Администрация предприятий объясняла работникам в «закрытых городах», кого выбрать, чтобы получить зарплату. Полноценное наблюдение за выборами в масштабах страны могли наладить только коммунисты, вследствие чего у них, как правило, голоса не крали. Но подправить

результат кремлевских любимчиков можно было за счет неголосующих или за счет слабейших списков.

Центральная власть сама не занималась подтасовкой выборов, оставляя это на усмотрение местного начальства. Ему лишь давали знать, какого результата ждут, а какими средствами это будет достигнуто — дело самих региональных администраторов, которые могли выбрать любой метод (от грубой фальсификации до «изящной» информационной манипуляции) или соединить несколько подходов сразу. Ясно, что в урбанизированных регионах Европейской России прямая подтасовка встречалась реже, чем в «медвежьих уголках» на севере и востоке, куда наблюдатели часто могли долететь только вертолетом. К тому же местная администрация в этих регионах больше зависела от бюджетной подпитки из центра.

Выборы 1999 г. показали как влияние русских «касиков», так и силу Кремля, способного скоординировать и направить в нужное русло усилия тысяч чиновников. Судя по итогам выборов, население повсюду проявило поразительную солидарность со своими губернаторами. Поскольку же региональное начальство было расколото, то и результаты выборов в регионах разнились поразительно. В Самарской области 40% голосов ушло к Союзу правых сил, к которому принадлежал местный губернатор Константин Титов. Причем особенно усердно за правых, называющих себя выразителями чаяний «нового городского поколения», голосовали сельские районы, населенные преимущественно пенсионерами. Зато в Башкирии, где Муртаза Рахимов поддержал блок «Отечество — вся Россия», до 73% населения голосовало за это объединение, особенно усердно, опять же, в сельских районах. В Подмосковье действующий губернатор Тяжлов обнаружил себя на одном из последних мест на выборах главы администрации, проходивших параллельно с думскими. В результате протоколы вообще куда-то пропали. Было объявлено, что все уже заполненные протоколы недействительны и началось изготовление новых. Как

отмечает «Московский комсомолец», в избирательной комиссии случилось нечто необъяснимое: «Пока представители облизбиркома бродили из здания в здание, протоколы участковых комиссий пяти степеней защиты оказались безнадежно испорчены. И срочно потребовалось переписывать данные с защищенных бланков на ксерокопированные листы. Все бы ничего, но наблюдателей удивило, почему вдруг в ходе «переписи» у некоторых кандидатов куда-то подевались проценты голосов, а у кандидата Тяжлова они вдруг «приросли» неизвестным макаром. В результате чего действующий губернатор прочно обосновался на втором месте»[297]. Подоспевшие представители компартии подняли скандал, в результате чего итоги выборов оказались под вопросом. Однако подобный happy end был возможен лишь в Подмосковье с его развитой инфраструктурой и близостью к прессе. К тому же Тяжлов находился в оппозиции Кремлю, а потому его прикрывать не стали.

Чем более отдаленным был регион, тем прочнее оказалось положение «Медведя». В «медвежьих углах» северо-восточной России «партия власти» лидировала, набрав более 28%. Странно высокими были и результаты СПС в регионах, где у него явно отсутствовала массовая база. На западе страны «Медведь» несколько потерял вес, но усилились позиции СПС. В конечном счете на первое место вышла КПРФ, но результаты выборов оказались совершенно непохожи на обещанные Зюгановым. КПРФ получила 24,2% голосов, «Медведь» — 23,4%, ОВР — 12,6%, СПС — 8,7%, «Яблоко» — 6,1%, Блок Жириновского (ЛДПР) — 6%. Остальные блоки в Думу не прошли. На Западе выразили удовлетворение итогами. Западные элиты приветствовали победу Путина и благословляли его на роль преемника Ельцина.

Несмотря на постоянно повторявшиеся в прессе разговоры о росте националистических настроений в стране, наиболее известные глашатаи русского национализма

---

297 Московский комсомолец. 21.12.1999.

на выборах в Думу провалились. Не прошел ни вице-спикер Сергей Бабурин, известный своим энтузиазмом по поводу войны в Чечне, ни Александр Невзоров, певец войск специального назначения, участник расправ с балтийскими таможенниками в 1991 г. Провалился и Константин Затулин, сделавший своим коньком призывы к бескомпромиссной борьбе против Украины. Из видных националистов, ранее избиравшихся в Думу по одномандатному округу, поддержку избирателей в 1999 г. получил лишь Дмитрий Рогозин. Националистические организации потерпели неудачу на выборах по партийным спискам. Замыкали список аутсайдеров, как и в 1995 г., правые социал-демократы. В прошлый раз их вел к поражению Гавриил Попов, теперь же они пришли к провалу под предводительством Михаила Горбачева.

Проиграли «Яблоко» и ОВР. Первые получили значительно меньше голосов, нежели рассчитывали, а вторые потеряли голоса, отошедшие преимущественно к СПС. В 1995 г. «Яблоко» выиграло за счет краха неолиберальной партии Егора Гайдара «Демократический выбор России». Возвращение в Думу гайдаровцев под вывеской СПС вело к упадку «Яблока».

И все же главными проигравшими на выборах 1999 г., как и ожидалось, оказались коммунисты. Парадокс в том, что КПРФ получила даже больше голосов, нежели в 1995 г. Но, потеряв всех своих союзников, подавив все другие левые партии, КПРФ оказалась в изоляции. В итоге коммунисты, контролировавшие вместе с близкими к ним группами 205—220 мест в прежней Думе, на сей раз получили всего 111 мандатов. Независимых в парламенте оказалось 105 человек, и среди них обнаружились знакомые лица нефтяных магнатов Романа Абрамовича и Бориса Березовского, а так же Юрий Маслюков, бывший «красный вице-премьер» правительства Примакова. По списку КПРФ прошло несколько беспартийных — в том числе известный экономист Сергей Глазьев.

Сразу же после выборов независимые депутаты начали дружно перебегать в ряды «Единства», а в рядах

ОВР начался разброд — блок разделился на две группы. Губернаторы из «Всей России», почувствовав, кто в доме хозяин, начали плавно дрейфовать в сторону Кремля. У Примакова осталось знамя «Отечества», но бойцов под этим знаменем уже не было.

Партия власти торжествовала победу. Это торжество было омрачено только одним — молниеносная чеченская кампания, являвшаяся главным пропагандистским козырем власти, обернулась затяжной войной. Правительство Путина не могло ни прекратить, ни выиграть войну. А главное, оно не могло и бесконечно скрывать собственную несостоятельность. Оставалось только упираться, «закручивать гайки», пытаться ужесточить цензуру, внушая растерянному народу, что он без памяти любит власть.

Обстановка на чеченских фронтах и социально-экономическая ситуация ухудшались, экономические показатели не слишком обнадеживали. В Кремле уже сомневались, что удастся сохранить иллюзию благополучия до летних президентских выборов, на которых по первоначальному сценарию Путин должен был сменить Ельцина. Требовалось срочно совершить нечто такое, что сделало бы ситуацию необратимой.

30 декабря 1999 г. Ельцин последний раз публично выступил в Кремле. Он вручил звезды героев России генералам Казанцеву и Шаманову — достойная награда за провал военной операции и массовые расправы над мирным населением. Он похвалил военных и заявил, что они вели себя в Чечне безупречно. Виновники торжества выглядели мрачными. На следующий день Ельцин досрочно ушел в отставку, напоследок испортив народу новогодние праздники. Вместо того чтобы хоть один день в году отрешиться от политики, миллионы людей, собравшиеся у новогодних столов, вынуждены были с тревогой обсуждать — что будет дальше...

В своем последнем президентском выступлении Ельцин выглядел совершенно сломленным. Он чуть не прослезился и даже попросил у народа прощения, впрочем,

толком не объяснив, за что именно. Это напоминало речь на собственных похоронах. Прощание с властью было для этого человека страшнее прощания с жизнью.

Уходя, Ельцин оставил своему наследнику войну, которую нельзя выиграть, экономику, которую невозможно восстановить без жестокого передела собственности, и государство, которое не может жить, не прибегая ко лжи, провокациям и манипуляциям. Впечатляющий итог «эпохи реформ».

АД ДЛЯ ЛИБЕРАЛОВ

После неудачного боя у села Алхан-Юрт солдаты генерала Шаманова выгнали из подвалов прятавшихся там людей. Некоторые из них держали на руках детей четырех-пяти лет. Их построили и заставили бежать по полю шесть километров до соседнего села. Всем, кто добежит, обещали сохранить жизнь. Вслед им стреляли танки.

Село Алхан-Юрт оказалось родиной пророссийского чеченского политика Малика Сайдуллаева. В отличие от десятков других сел, точно так же расстрелянных и разбомбленных, оно удостоилось нескольких строчек в российской прессе. Для тех, у кого не совсем еще атрофировалась совесть, Алхан-Юрт стал таким же символом чеченской войны, как деревня Сонгми — символом вьетнамской.

Даже в среде либеральной интеллигенции нарастало осознание того, что чеченский беспредел является, в сущности, продолжением и логическим завершением «эпохи реформ». Известный публицист Андрей Пионтковский, которого нельзя заподозрить в левых симпатиях, писал в «Новой газете»: «В том, что есть ад на Земле, мы уже можем не сомневаться. Мы ежедневно творим его своими высокоточными „градами“ и „ураганами“. Если ад есть на небе, то в одном из его закоулков обязательно будет шестикилометровое поле, разрытое снарядами. По нему вечно будут бежать Гайдар и Чубайс

со своими очаровательными женами, Хакамада и ее красавец муж с длинными развевающимися волосами.

Они, а не герой России генерал Шаманов. Для одноклеточных не бывает ада. Шамановы невинны, ибо не ведают, что творят»[298].

Этот ад был создан не без участия самой либеральной интеллигенции. Позорное презрение к собственному народу, попустительство к воровской приватизации, безразличие к коррупции обернулись моральной катастрофой. В этом аду страна жила уже не первый год, но только теперь интеллектуалы начали понимать, что происходит.

Впрочем, не все и не сразу.

Главные события путинского царствования были еще впереди.

---

[298] Новая газета. 1999. № 49. С. 17

[Глава 9]

После Ельцина

Официальные результаты президентских выборов 26 марта 2000 г. не стали неожиданностью. Путин победил в первом туре, как и было запрограммировано по кремлевскому сценарию. И все же выборы прошли неудачно практически для всех, кто в них участвовал.

Главной сенсацией выборов стали не их результаты, а их обсуждение. Впервые за все время с 1993 г. подтасовка результатов голосования обсуждалась открыто уже в ночь подведения итогов. На самом деле, в 2000 г. все было не «грязнее», чем референдум по конституции в 1993 г. или президентские выборы в 1996 г. Но тогда никто из оппозиционных политиков не решился прямо заявить о подтасовке. Более того, когда в 1993 г. о фальсификации заговорили независимые эксперты, политики постарались от них отмежеваться. В 2000 г. аналитики в прямом эфире НТВ стыдливо говорили про «административный ресурс», не решаясь произнести вслух слово «фальсификация», а сами кандидаты начали приводить факты (противоречивые данные о численности избирателей, явную корректировку итоговых цифр по мере их поступления и т. д.). Все три «серьезных» оппозиционных кандидата — Зюганов, Явлинский и даже Жириновский говорили о подтасовке (правда, Жириновский в свойственной ему манере уточнил, что он за это на власть совершенно не в обиде).

Подобные откровения следует отнести не столько за счет неожиданно пробудившейся гражданской смелости кандидатов, сколько за счет успеха кампании протеста против выборов, развернувшейся в значительной части страны. В этой ситуации политики, претендующие на оппозиционность, не могли игнорировать давление снизу.

По существу, все кандидаты проиграли. Владимир Путин одержал в лучшем случае пиррову победу. Если учесть то, в каких условиях проходили выборы, и то, какое количество голосов ему просто приписали, можно сказать, что официально объявленные 52,94% — это явная неудача. Попытка превратить выборы в референдум о неограниченных полномочиях президента провалилась. И для сторонников, и для противников режима стало очевидно, что поддержка Кремля населением оказалась ниже обещанной (достаточно вспомнить социологические опросы, популяризировавшиеся государственным телевидением и дававшие Путину поддержку 60—70% народа).

ЧУДО ИЛИ ФАЛЬСИФИКАЦИЯ?

Итоги выборов, объявленные Центральной избирательной комиссией (ЦИК), оказались столь сомнительными, что избежать разговоров о фальсификации оказалось невозможно. Путина, несмотря на войну в Чечне, особенно активно поддержали в мусульманских автономиях, включая саму Чечню, где голосовало по официальным данным 80% населения (хотя не менее трети жителей бежали с территории республики). Подавляющее большинство (49,4%) чеченцев, судя по данным ЦИК, — поддержали Путина. Кто-то ехидно заметил, что, по всей видимости, боевики спустились с гор, пришли на избирательные участки и, проголосовав за Путина, вернулись в горы воевать против него. Около 24 млн избирателей, по утверждению ЦИК, проголосовали

буквально в последний час, хотя избирательные участки просто физически не в состоянии были бы вместить такое количество людей одновременно. «Единственное убедительное объяснение всех этих чудес, — писал Павел Фельгенгауэр, — массовая фальсификация итогов голосования. Коммунистическая партия, имеющая десятки тысяч наблюдателей на избирательных участках, заявила, что Путин действительно вышел на первое место, получив 45% голосов, но этого недостаточно, чтобы победить в первом раунде». Тем не менее кремлевская свита поторопилась и объявила победу своего кандидата уже в первом туре. Тем самым она не только совершила роковую ошибку, но и обратила победу в потенциальное поражение. «Путин почти наверняка победил бы во втором туре. Но если будет доказано, что его победа оказалась результатом фальсификации в первом туре, легитимность нового президента окажется под вопросом»[299].

Официальная проверка итогов президентских выборов была осуществлена думской комиссией под председательством Александра Салия. Результаты оказались вполне предсказуемыми. Проверив всего два региона — Дагестан и Саратовскую область, комиссия выявила массовые нарушения (уничтожение бюллетеней, заполненных в пользу оппозиционных кандидатов, фальсификация протоколов территориальных избирательных комиссий, вброс дополнительных бюллетеней). Основную работу по исправлению результатов голосования взяли на себя территориальные избирательные комиссии (ТИК). Не удивительно, что в составленных ими протоколах итоги явно отличались от суммарных итогов голосования на подведомственных им избирательных участках. В саратовской области «в 3 часа ночи 27 марта, когда стали поступать данные с избирательных участков, стало ясно, что и Путин, и губернатор Дмитрий Аяцков (в области одновременно проводились губернаторские

---

[299] The Moscow Times. 30.03.2000.

выборы) не набирают 50%. Всю ночь протоколы переписывались, неиспользованные бюллетени были погашены только утром. Коммунисты направили по этому случаю иск, но суд отказался принять дело к рассмотрению, направив его для проверки в ту же ТИК»[300].

Когда корреспондент оппозиционной «Советской России» сравнила данные по 28 участкам с материалами территориальных комиссий, у нее получилось, что Путину приписали только по этим участкам 3769 голосов. Больше всего украли у Явлинского, меньше у Зюганова и у других кандидатов. По данным комиссии Салия на 16 обследованных ей территориях Дагестана Путину приписали 187 тысяч голосов[301]. Исследование, проведенное газетой «The Moscow Times», выявило аналогичную картину в Башкирии, Мордовии, Татарстане, Калининградской и Курской областях, Приморье, не говоря уже о республиках Северного Кавказа — Кабардино-Балкарии, Чечне и Ингушетии[302].

Обобщив данные нескольких параллельных исследований, политолог Владимир Прибыловский пришел к выводу, что победитель получил примерно 48—49% голосов — хороший результат для любого кандидата в первом туре выборов, но все же недостаточно для победы. Следовательно, Путин не выиграл выборы в первом туре. Кремлевская свита не могла позволить себе второго раунда. Победу «всенародно любимого кандидата» провозгласили, не дожидаясь поддержки народа. Как ехидно заключил Прибыловский, «царь-то ненастоящий»[303].

Если победа Путина оказалась, в лучшем случае, пирровой, то и Зюганов не сумел добиться успеха. Бесперспективность Зюганова как кандидата в президенты стала слишком очевидна. В 1996 г. он мог победить, если бы хотел бороться. На сей раз у него изначально не было шансов. В итоге он получил даже меньше голосов,

---

300 Россия Путина. Пристрастный взгляд. М.: Панорама, 2003. С. 149.
301 Там же. С. 148, 150.
302 The Moscow Times. 9.09.2000.
303 Россия Путина. Пристрастный взгляд. С. 146.

нежели в первом туре 1996 г. Объяснить это фальсификацией нельзя, ибо подтасовка имела место и на предыдущих выборах. Относительно высокий результат баллотировавшегося в президенты «красного» губернатора Амана Тулеева — тоже показатель кризиса КПРФ. Успех Тулеева в подконтрольном ему Кузбассе, разумеется, был получен с помощью того же «административного ресурса». Но многие избиратели в других регионах голосовали за губернатора Кузбасса для того, чтобы выразить недовольство политикой КПРФ.

Катастрофическим оказалось и поражение Явлинского. Если Зюганов мог жаловаться, что его в очередной раз обокрали, то лидеру партии «Яблоко» винить было некого, кроме самого себя. Явлинского тоже обокрали, но и без вмешательства «административного ресурса» его результат был удручающим. Причиной тому принципиально неверный стратегический курс, избранном лидером «демократической оппозиции». На протяжении всего предвыборного периода Явлинский продолжал упорно повторять, что не видит разницы между коммунистами и партией власти. Он, лидер «Яблока», единственный настоящий демократ в России. Полученный им результат (5%) по этой логике следовало бы считать катастрофическим как для Явлинского, так и для демократии. На самом деле официальная оппозиция в составе «Яблока» и коммунистов даже по подтасованным официальным данным получила 45% голосов, и это бесспорный успех. Масса избирателей КПРФ голосовала за партию для того, чтобы выразить протест против системы, голосовала ***вопреки*** всему тому, что говорил и делал Зюганов все последние годы. Мало того, что Явлинский был оскорбительно несправедлив по отношению к этим людям, он оказался не прав и в оценке социальной сущности путинского режима. Куда больший реализм проявил лидер Союза правых сил Сергей Кириенко. В ночь после выборов он признал, что с демократией при Путине могут быть проблемы, но подчеркнул: главное — экономическая политика будет либеральной.

Во имя продолжения либеральной экономической политики и вводился авторитарный режим в России. Авторитаризм абсолютно адекватен как раз такой политике. На уровне деклараций экономический либерализм означает защиту «свободного рынка» от вмешательства бюрократов. Если перевести эту фразу с языка лозунгов на язык жизни, то она означает защиту олигархии от контроля со стороны общества. Опыт Запада подтверждает ту же историческую тенденцию. Время классического, неограниченного либерализма было временем, когда демократии в современном смысле слова не было. Либеральное государство держалось на ограничении избирательного права, всевозможных запретах и ограничениях на политическую деятельность. Когда в XX в. подобные ограничения ушли в прошлое, пострадала и «свобода» рынка. Демократия для того и нужна, чтобы общество могло вмешиваться в экономическую жизнь. Триумф неолиберализма в 1980—1990-е гг. на Западе, напротив, повсеместно сопровождался эрозией демократии.

В условиях формирования в России правого авторитарного режима эффективная демократическая оппозиция обречена была леветь хотя бы по соображениям тактическим. Но либералы старого закала понять этого не могли, а если бы даже и поняли, то не в состоянии были осуществить подобный маневр на практике.

Потерпел поражение и «Господин Против Всех». Итоги голосования показывают, что выступал он в качестве своеобразного электорального дублера Явлинского. Там, где больше голосов получал лидер «Яблока», там и «против всех» голосовали активнее. Только движение «против всех», в отличие от «Яблока», не пыталось отмежевываться от левых: как раз наоборот, оно в значительной мере левыми активистами создавалось. Можно сказать, что единственным реальным победителем на выборах 2000 г. оказался «Товарищ Бойкот». По официальным данным, выборы проигнорировали примерно 35% избирателей. По неофициальным оценкам — более 50%.

Вообще-то это не новость, на прежних выборах результаты были схожие. Разница лишь в том, что на сей раз неголосующие, если можно так выразиться, обрели голос.

ПОБЕДА И КРИЗИС ОЛИГАРХИИ

В русской драме начинался новый акт. После финансового краха 1998 г. олигархия осознавала, что система не может сохраниться в неизменном виде, но твердо намерена была сохранить ее основы. Однако на практическом уровне задача оказывалась не из легких. Как отмечала либеральная «Новая газета», программа новой администрации в конечном счете сводилась к одному призыву: «Восстановить государственность любой ценой, кроме ликвидации основ капитализма — частной собственности и рынка». Все это сопровождалось националистической и расистской пропагандой, заставлявшей вспомнить Германию начала 1930-х гг. Другое дело, что олигархия «по вполне понятным причинам зовет к власти не русского Гитлера и не русского Муссолини, а исключительно русского Пиночета»[304].

Управляемая демократия была компромиссом, который на первых порах устраивал если не всех, то многих. Правила игры были просты и понятны. Государство уважает свободу печати, но у оппозиционной прессы возникают проблемы то с налоговой инспекцией, то с санитарным контролем. Правительство не мешает деятельности политических партий, но регистрация новых организаций затруднена чрезвычайно. Выборы вполне свободны, только результаты их подправляются. Парламент есть, но власти у него нет.

Путин был необходим элитам, чтобы преодолеть политический кризис, из которого страна не выходила практически на протяжении всего времени правления Ельци-

---

[304] Новая газета. 2000. № 11.

на. В период, когда новые кланы, стремительно формировавшиеся на основе старой бюрократии, делили между собой государственную собственность, перманентный кризис был по-своему даже выгоден: в общей неразберихе обделывать свои дела было проще. Однако к концу 1990-х гг. в России сформировались мощные олигархические группы, овладевшие природными ресурсами, вышедшие на мировой рынок. Политические перемены требовали видоизмененной риторики. Вместо «общеевропейского дома» и «возвращения в мировую цивилизацию» заговорили о патриотизме и «возрождении державы».

Пропагандистская машина, созданная еще при Ельцине общими усилиями руководства приватизированных и государственных масс-медиа, теперь работала как единый отлаженный механизм. Но пропаганда обязывает. Надо было что-то делать для поддержания образа. Путин стал символом бюрократии. Знаменем сторонников полицейского государства.

Российское государство начала XXI в. не назовешь слабым. По численности бюрократии, по разветвленности всевозможных «силовых» и полицейских структур, по их готовности к применению насилия, нынешняя «демократическая» Россия не только не уступала СССР, но даже превзошла его. Однако эти структуры оказались не слишком эффективны и насквозь коррумпированы. Путинский проект укрепления государства состоял в том, чтобы усиливать и поддерживать именно эти коррумпированные и неэффективные организации.

Победителям нужен был порядок и гарантии неприкосновенности собственности. Безалаберный ультралиберализм начала 1990-х обречен был смениться национальным консерватизмом. Общее направление развития было вполне понятно и одобрялось подавляющим большинством элит. Другое дело, что практическая реализация нового курса неизбежно должна была столкнуться с проблемами и противоречиями.

Главная трудность состояла даже не в том, что изменившаяся риторика требовала хоть каких-то действий, а любая активность власти грозила нарушить хрупкое равновесие элит, воцарившееся к концу 1999 г. Гораздо существеннее было то, что экономическая система, на которую опирался изменившийся режим, была чрезвычайно слаба. Царская Россия, будучи типичным примером зависимого от Запада периферийного капитализма, все же имела достаточно сил и ресурсов, чтобы в определенных ситуациях отстаивать свою автономию и тем самым подтверждать свой имперский статус. Россия, пережившая неолиберальное разорение 1990-х гг., была не способна даже на это. За десяток лет Россия из сверхдержавы, обладавшей могучей, хотя и неэффективной индустриальной экономикой, превратилась в классический «сырьевой придаток» Запада. А структурные изменения в социально-экономической системе в планы администрации не входили. Напротив, новая имперская и национальная риторика должны были служить как раз поддержанию этой системы.

МОСКВА МЕЖДУ БЕРЛИНОМ И ВАШИНГТОНОМ

Вынужденные предпринять что-то для оправдания собственной риторики, но не способные сделать это успешно, люди из команды Путина оказались обречены на патологическую неэффективность. Лучше всего они справлялись с проблемами, когда не делали ничего. Стоило им предпринять какие-либо активные шаги, как начинались неприятности.

Режим Путина действительно показал совершенную нечувствительность к критике со стороны западных правозащитных организаций. Именно в демонстративном игнорировании международных норм, защищающих права человека, выражалось «отстаивание суверенитета». В свою очередь западные лидеры, слегка пожурив рос-

сийского лидера за геноцид в Чечне, на первых порах дружно заявляли о поддержке новой власти в Кремле.

В ответ российские власти не слишком критиковали стратегические решения Соединенных Штатов и их партнеров. Расширение НАТО на восток вызвало в Москве лишь невнятное бурчание. В вопросах внешнего долга или международной торговли правительство Путина оказалось даже более уступчиво, нежели предшествовавшие администрации. Эта покладистость была оценена по заслугам американским президентом Клинтоном и британским премьером Блэром. Однако осенью 2000 г. ситуацию осложнили президентские выборы в США. На смену гибким и циничным демократам пришла жесткая и авторитарная республиканская команда. На субъективном уровне Путин и новый президент США Дж. Буш-младший идеально подходили друг другу. Но практическая политика Буша немедленно породила новые конфликты. Соперничество Соединенных Штатов с Западной Европой, которое при Клинтоне удавалось удерживать в конструктивных рамках, стало превращаться в прямое противостояние. Затем произошли террористические акты 11 сентября 2001 г. и началась новая война в Азии. Пытаясь найти свое место в новой ситуации, Кремль колебался между стремлением поддерживать хорошие отношения с Вашингтоном и ориентацией на западно-европейских партнеров, от которых российский капитализм все более зависел.

На первый взгляд, заявления Путина по вопросам внешней политики отличались крайней противоречивостью. Он то предостерегал против вмешательства Соединенных Штатов во внутренние дела других стран, то заявлял о безоговорочной поддержке крестового похода против терроризма, повторял, что у Москвы нет имперских амбиций и тут же заявлял об особых интересах России на территории соседних государств, подчеркнуто отстранялся от политического кризиса в Грузии и активно бросался на поддержку власть имущих на Украине. По ироничному замечанию газеты «Версия», если

внимательно присмотреться к внешней политике Кремля, «обнаруживается, что ее противоречивость давно стала тенденцией»[305].

Несмотря на патриотическую риторику, именно администрация Путина сделала целый ряд ценных подарков руководству Соединенных Штатов. Были закрыты российские военные базы во Вьетнаме и на Кубе (последнее выглядело прямым приглашением организовать американское вторжение на остров). С согласия Москвы были созданы военные базы США в Центральной Азии.

И лишь в 2003 г. идиллия в российско-американских отношениях закончилась. Жесткие заявления Путина по поводу американского вторжения в Ирак вызвали у патриотической общественности приступ ностальгического восторга: на несколько минут, в самом деле, показалось, что Россия вступила в противостояние с США. Однако странным образом грозные речи, звучавшие в Москве, не произвели на Вашингтон никакого впечатления, даже не отразились на политике Белого дома в отношении Кремля. В администрации Джорджа Буша понимали не только то, насколько в действительности слаба путинская Россия, но и то, насколько она несамостоятельна. Источник проблем совершенно справедливо видели во Франции и Германии, пытающихся противопоставить американской гегемонии собственный амбициозный проект. То, что на первый взгляд могло показаться борьбой между Россией и США, на деле являлось борьбой между США и их западно-европейскими соперниками за Россию. Именно поэтому Вашингтон, крайне болезненно реагировавший на позицию Парижа, проявил исключительное снисхождение к Москве.

В борьбе за влияние на официальную Россию у консервативного руководства США было одно очень серьезное преимущество перед либеральными европейцами. Американское общественное мнение в гораздо меньшей

---

[305] Версия. 2004. № 8. С. 9.

степени, чем в Западной Европе, интересуется тонкостями международной политики своей страны. Как отмечал выходящий в Праге журнал «Виза», именно страны Евросоюза зачастую занимают «наиболее жесткую позицию по такой болезненной для России теме как Чечня, да и расширение ЕС проходит для Москвы далеко не без проблем, и тему прав человека и свободы слова Европа тоже поднимает чаще, чем США»[306].

Западно-европейским правительствам приходится (в силу «постимперского синдрома») считаться с тем, как общественное мнение оценивает положение с правами человека в дружественных государствах. Напротив, поддержка диктаторов за рубежом никогда не становилась внутриполитической проблемой для США, если только не вела к гибели американских граждан.

Чем больше проблем с правами человека в России, чем больше ограничивалась свобода слова, чем грубее фальсифицировались выборы, тем в большей степени команда Путина, осложняя себе дела в Европе, оказывалась заложником Вашингтона.

Администрация Буша демонстративно простила Путина (в отличие от его французских и германских коллег) за критические выступления по Ираку. В свою очередь Москва должна была демонстрировать лояльность американским республиканцам. Удобный случай представился осенью 2004 г. перед выборами президента США. 18 октября 2004 г. находясь на встрече глав государств организации Центральноазиатского сотрудничества, Путин сделал беспрецедентное заявление о поддержке Дж. Буша. По его словам «атаки международного терроризма в Ираке направлены сегодня не только и даже не столько против коалиционных сил, сколько против президента Буша лично». Для того чтобы противостоять терроризму, надо голосовать за Буша. Любое иное решение «придаст насилию дополнительный импульс... и может привести

---

306 Виза. 2004. № 7. С. 12.

к активизации деятельности боевиков в различных регионах мира»[307].

Подобное заявление, сделанное по отношению к избирательному процессу в любой другой стране мира, было бы расценено как вопиющее вмешательство во внутренние дела — как и случилось несколько недель спустя, когда Путин аналогичным образом принялся поддерживать Виктора Януковича в борьбе за пост президента Украины. Но Соединенные Штаты — случай особый. Американские власти не только не нашли в словах Путина ничего противоречащего международным нормам, но и незамедлительно ответили любезностью на любезность. Госсекретарь США Колин Пауэлл покровительственно заметил, что руководимая Путиным страна движется в правильном направлении, а критика либералов в адрес Путина безосновательна: нет никаких признаков того, что СССР вновь скатывается в тоталитарную бездну[308].

ЛУЧШИЙ ДРУГ ИНВЕСТОРА

По мере того как укреплялись позиции Путина, усиливалось и доверие западного финансового капитала к России. Дорожало буквально все, включая даже акции нефтяной компании ЮКОС, подвергнутой кремлевской опале. К началу 2004 г. биржевой бум достиг кульминации. За первые пять недель 2004 г. в российские ценные бумаги иностранными инвесторами было вложено 440 миллионов долларов (за весь предыдущий год приток денег составил 728 млн). По сообщению «The Moscow Times» международные опросы в бизнес-сообществе «свидетельствуют о том, что Россия является одной из самых првлекательных стран для прямых иностранных капиталовложений». Финансовые консультанты объясняли сво-

---

307 Цит. по Бизнес & Балтия. 22.10.2004.
308 Там же.

им клиентам, что в России создались идеальные условия для «строительства фабрик и захвата местных компаний, для того, чтобы использовать преимущества дешевой, но хорошо образованной рабочей силы»[309].

Западные бизнесмены вкладывали деньги не только в ценные бумаги, но скупали и фирмы, разрабатывающие передовые технологии. К американцам с европейцами здесь присоединились китайцы и фирмы из Тайваня. К началу второго срока Путина в этой сфере, по признанию еженедельника «Эксперт», «российские инвесторы уступили место международным»[310]. Иностранцы, писал журнал, «не решают, идти ли в Россию, они думают о том, как туда идти — самим или через партнеров»[311].

Еще больший энтузиазм мы обнаруживаем на страницах «The Washington Post». Ссылаясь на американских бизнесменов в Москве, газета отмечала, что никто не относится к российскому президенту с таким восторгом как «малочисленный, но влиятельный класс западных инвесторов, деловых аналитиков и биржевых спекулянтов, разместивших свои конторы в Москве». Для них «Путин — это истинный реформатор, „единственный союзник" западных капиталистов, которые приехали в Россию строить новую рыночную экономику, однако „утонули в море коррумпированных хулиганов"»[312].

Столь же оптимистичными были и оценки представителей немецкого капитала. «В России возникла так называемая „управляемая демократия", к которой некоторые критически настроенные наблюдатели относятся весьма настороженно. Однако на экономическом сотрудничестве изменения последних лет сказались, по сути дела, только положительно», — заявила Андреа фон Кнопп, представлявшая в Москве Союз немецкой экономики. Можно не сомневаться в прекрасном будущем

---

309 The Moscow Times. 12.02.04.
310 Эксперт. 2004. № 47. С. 83.
311 Там же. С. 84.
312 Washington Post. 26.02.2004. Page 14.

России, ведь при Путине иностранцам было разрешено приобретать землю и был снижен подоходный налог и налог на прибыль[313]. Педантичные немцы ввели десятибалльную шкалу для оценки инвестиционного климата. В декабре 2004 г. Россия получила у немцев оценку 7, то есть «очень хорошую»[314].

Разумеется, экономический рост, вызвавший оптимизм иностранных инвесторов, покоился на крайне шатком фундаменте, поскольку экономика страны по-прежнему зависела от экспорта сырья, а внутренний рынок, несмотря на его рост, оставался неприлично узким. Режим Путина воспринимался иностранными инвесторами как гарантия от политических рисков. Нарушения прав человека, война в Чечне и террористические акты явно в расчет не шли, поскольку на прибыли западных компаний не влияли. Странные решения судов, неизменно отдававших воле чиновников предпочтение перед законом, несколько снижали инвестиционный рейтинг, поскольку могли отрицательно сказаться на ведении бизнеса. Но это не отменяло общей позитивной тенденции.

Политическая победа Путина открывала путь к изменению правил игры в экономике. Ельцинская система, при которой правила произвольно устанавливались крупнейшими собственниками самими для себя и так же произвольно корректировались, когда менялось соотно-

---

313 Цит. по: Deutsche Welle. 26.02.2004.

314 КоммерсантЪ-Деньги. 2004. № 49. С. 10. Либеральные оппоненты Путина изо всех сил старались доказать, что авторитарные меры президента, и особенно расправа с компанией ЮКОС нанесли ущерб деловому кризису в России. Однако это не подтверждается материалами западной деловой прессы. Определенные колебания биржевых курсов сопровождали все дело ЮКОСа, но они довольно быстро выравнивались, не становясь долгосрочными тенденциями. В самый разгар дела ЮКОСа, в августе 2004 г., иностранные инвесторы, по данным Financial Times, вложили 1,2 млрд евро в российские активы, рост прямых иностранных капиталовложений в первой половине 2004 г. составил 35% (см. Financial Times. 19.08.2004). Проблемы с иностранными инвестициями начали возникать лишь позднее, когда стало ясно, что политическая ситуация идет вразнос, а на горизонте маячит экономический кризис.

шение сил в окружении лидера, должна была уступить «классическим» порядкам капитализма. Правила (по крайней мере, на словах) стали общими для всех. В сущности, команда Путина осуществляла как раз то, что считается идеалом буржуазного государства: бизнесмены прямо не вмешиваются в дела правительства, оставляя это чиновникам и профессиональным политикам. Зато правительство заботится о благоприятных условиях для бизнеса, гарантирует, что независимо от смены собственников сами принципы частного предпринимательства и свободного рынка останутся незыблемыми.

Орган деловых кругов, газета «Ведомости», с энтузиазмом писала про предстоящую реализацию «программы Путина»: «Суть ее известна. Государство должно не столько вмешиваться в экономику, сколько формировать внятные и разумные условия игры для частного бизнеса и следить за их выполнением. Ключевым фактором становится повышение инвестиционной привлекательности российской экономики и рост частных капиталовложений в отрасли, отбираемые самим рынком. Для этого планируется проведение административной, банковской, пенсионной, жилищно-коммунальной реформ, полноценная реструктуризация естественных монополий с целью появления конкурентных сегментов в этом секторе экономики»[315]. В переводе с либерального новояза на человеческий это значит: надо приватизировать, поделить и подчинить логике извлечения прибыли все то, что еще осталось в стране не освоенным на протяжении предыдущего десятилетия. То, что подобные меры проводятся «в обход демократической процедуры», отходит, с точки зрения газеты, «на задний план»[316]. А рупор либеральных экономистов, еженедельник «Эксперт» в декабре 2004 г. цинично заметил в передовой статье, что демократия, конечно, превосходный режим, но заботиться

---

[315] Ведомости. 10.03.2004. С. 4.
[316] Там же.

о ней надо постольку, поскольку это не идет «вразрез с достижением иных, не менее важных целей»[317].

Государство в полном соответствии с канонами либеральной теории присвоило себе роль «ночного сторожа». Правда, сторож этот оказался злобный, авторитарный и злопамятный, но другим он в российских условиях и быть не мог.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ

Стабильность первого президентского срока Путина была достигнута благодаря высоким ценам на нефть. Дорогая нефть дала правящим кругам возможность почивать на лаврах. Российские элиты продолжали существовать за счет потенциала, созданного еще в Советском Союзе. Россия страдала от катастрофического износа всех видов оборудования и инфраструктуры. Оставшиеся машины эксплуатировались хищнически. У государства, несмотря на огромные доходы от нефти, не находилось средств на технологическую модернизацию. А частному бизнесу было выгоднее вкладывать деньги за рубежом — там, где уровень прибыли и эффективность управления выше. Такая тенденция наблюдалась даже в нефтяной отрасли — за все время после распада СССР не было отправлено ни одной геологоразведочной экспедиции для поиска новых месторождений.

Экономика России оказалась основательно деиндустриализована и демодернизирована, а развитие страны теперь полностью зависело от поставок сырья в Западную Европу. Пока цены на топливо были высоки, поток нефтедолларов подпитывал рост валового внутреннего продукта. Статистические показатели выглядели впечатляюще. К 2004 г. объем промышленного производства перевалил за триллион рублей (34 млрд дол-

[317] Эксперт. 2004. № 47. С. 15. Любопытно, что заявление это было сделано в декабре 2004 г., т. е. в тот самым момент, когда Кремль вовсю занимался расчленением ЮКОСа.

ларов), причем только за последний год прирост составил почти 9 млрд долларов. Экспортный сектор лидировал. Рижская газета «Бизнес и Балтия» восторженно писала, что российский внешнеторговый оборот «бьет рекорды», а поставки газа в Европу «растут как на дрожжах»[318]. Экспорт газа вырос к концу лета 2004 г. на 12,3%, внешнеторговый оборот на 26,4%.

Росли и доходы населения. Среднестатистический гражданин России получал согласно официальным данным чуть меньше 220 долларов в месяц. Число людей, находившихся за чертой бедности, сократилось до 30 млн человек. Причем, как огорченно констатировали обозреватели деловых журналов, заработная плата росла быстрее производительности труда. Надо, впрочем, учесть, что весь этот подъем благосостояния происходил на фоне катастрофического спада, пережитого страной в первой половине 1990-х гг. и нового резкого падения реальной заработной платы, последовавшего за дефолтом 1998 г. На протяжении 1999—2002 гг. трудящиеся России фактически субсидировали экономический подъем, и лишь в 2003—2004 гг. они начали чувствовать его плоды.

Количество трудовых конфликтов резко сократилось в период после краха 1998 г. и оставалось стабильно низким на протяжении первых путинских лет. В то же время выросла и организованность рабочего движения. Если в 1990-е гг. преобладали стихийные акции протеста или корпоративные выступления, организованные при поддержке администрации предприятий, то теперь все чаще рабочие шли на трудовой конфликт под руководством своего профсоюза. Разумеется, альтернативные профсоюзы были активнее, но в некоторых случаях проявляли радикализм и низовые структуры ФНПР.

Улучшилась и демографическая ситуация. «В России в 1999 г., по данным Госкомстата РФ, родилось всего

---

[318] Бизнес & Балтия. 22.10.2004.

1,2 млн детей — абсолютный минимум за все послевоенные годы, но в 2000 г. начинается постепенный рост рождаемости. Если в 2000 г. в России появились на свет 1 266 800 детей, то в 2001 г. — уже 1 311 600. Этот рост воспринимается как ответ на общее улучшение обстановки в стране или, во всяком случае, на более оптимистическую ее оценку частью россиян»[319].

Ориентирующиеся на Кремль средства массовой информации приписывали все эти успехи благотворному влиянию личности и деятельности Путина на развитие страны, и значительная часть населения склонна была в это верить. Оппозиция напоминала, что без высоких цен на нефть подобное счастье вряд ли имело бы место.

Между тем даже четыре успешных года не приблизили Россию к решению ее стратегических проблем. Разрыв между богатыми и бедными не сократился. Высокообразованная нация оказалась привязана к примитивной, полуколониальной экономике. Продолжалась деградация наукоемких производств. Эффективность крупных корпораций, составляющих основу олигархической экономики, оставалась гротескно низкой. В стране, где главным источником средств является добыча сырья, отличить эффективный менеджмент от неэффективного практически невозможно. Значение имеют лишь количество продукции и мировые цены. Пока цены высоки, а добыча налажена, даже самые плохие управленцы будут вести дела успешно. Если цены упадут, никакие гении

---

[319] Устная история и биография: женский взгляд. М.: Институт социологии РАН, 2004. С. 92. Демографический подъем 2001—2004 гг. дал эмпирический ответ на теоретический вопрос, остро обсуждавшийся в России 1990-х гг. В то время как критики власти связывали резкий спад рождаемости с экономическим кризисом, падением жизненного уровня и общей деморализацией населения, либеральные исследователи доказывали, что снижение рождаемости имеет чисто демографические причины: в репродуктивном возрасте находились сравнительно малочисленные поколения, родившиеся в 1970-е гг. Статистика 1998—2004 гг. однозначно демонстрирует связь между экономической ситуацией и рождаемостью, наглядно демонстрируя неправоту либералов. Основные параметры демографической ситуации не изменились, а уровень рождаемости колебался вместе со спадами и подъемами экономической конъюнктуры.

менеджмента не спасут от неприятностей. Жизнеспособность остальных отраслей прямо пропорциональна количеству средств, «вытекающих» из топливной экономики.

Неожиданно для себя правительство столкнулось с новой проблемой: что делать с внезапно хлынувшим на него потоком нефтедолларов? Массовое вложение денег в экономику было бы чревато не только инфляцией, но и резким увеличением государственного сектора. Закачка средств в социальную сферу привела бы к отказу от планов коммерциализации и приватизации соответствующих отраслей. Главным предлогом для этой политики была нехватка в них средств и связанная с этим неэффективность. Кроме того, вложив деньги в образование, жилищно-коммунальное хозяйство, здравоохранение, власть сделала бы интересующие бизнес объекты более дорогими, тем самым затруднив приватизацию.

Выход был найден с помощью мирового рынка. Возглавляемое Алексеем Кудриным Министерство финансов взяло курс на «стерилизацию» экономики. Правительство начало досрочную выплату долгов западным кредиторам. Также по инициативе президентского советника Андрея Илларионова создали Стабилизационный фонд, куда откачивались из экономики лишние деньги. Государство вело себя как обыватель, откладывающий средства на черный день. Фонд предполагалось тратить после того, как упадут мировые цены на нефть. Средства хранились преимущественно в долларах США или вкладывались в американские казначейские облигации (тем самым российское государство косвенно финансировало войну в Ираке и другие мероприятия президента Буша).

Проблема в том, что курс доллара и цена нефти были тесно взаимосвязаны. Рост цен на нефть был вызван не только увеличением спроса и грозящем в будущем исчерпанием запасов этого сырья, но и инфляционным потенциалом американской валюты[320]. До тех пор пока

---

[320] Подробнее см. The Politics of Empire. Globalisation in Crisis. Ed. By A. Freeman and B.Kagarlitsky. London, Pluto Press, 2004.

курс доллара искусственно поддерживался, избыток необеспеченных денег гарантировал высокие нефтяные цены. Но в тот момент, когда доллар начинал падать, цены на нефть должны были стабилизироваться или пойти вниз. Тем самым значительная часть средств Стабилизационного фонда обречена была обесцениться в тот самый момент, когда в них появилась бы нужда.

Помимо Стабилизационного фонда существовали золотовалютные резервы Центрального банка и собственный резерв Кабинета министров, которые тоже росли впечатляющими темпами. Даже либеральные эксперты недоумевали: «Зачем так яро откачивать деньги из экономики?»[321]

На протяжении многих лет отечественная экономика страдала от недостатка капиталовложений. Об этом говорили уже в последние советские годы, но по сравнению с тем, что происходило в 1990-х, тогдашняя ситуация выглядит почти идиллически. Экономический подъем, начавшийся после дефолта, выглядел впечатляюще, но при ближайшем рассмотрении обнаруживается, что восстановление производства не сопровождалось аналогичным ростом инвестиций. Старое оборудование, уцелевшее за годы реформ, кое-как приводили в порядок, отлаживали и запускали. Иными словами, это был рост без развития. Более того, оборудование изнашивалось, работники старели, технологии утрачивали новизну. Не лучше дело обстояло и с инфраструктурой, в которую годами не вкладывали денег. На общем фоне экономического подъема начала 2000-х инвестиции в основные фонды, разумеется, подросли, но совершенно не в тех масштабах, которые были бы необходимы для решения накопившихся проблем.

Правительство надеялось на частные инвестиции, а частный бизнес ожидал вложения средств со стороны государства, одновременно вывозя капиталы за рубеж. Либеральные комментаторы совершенно справедливо

---

[321] Эксперт. 2004. № 39 С. 14.

говорили о низкой эффективности хозяйственных проектов, затевавшихся бюрократией, но сам частный сектор не только не мог и не хотел сам вкладывать деньги, но и требовал увеличить государственные инвестиции.

С одной стороны, смертельно боялись инфляции, а с другой — страдали от недостатка средств. Подобное положение отражало внутренние противоречия самого российского государства и неразрывно связанного с ним частного бизнеса.

ПЕРЕМЕНЫ

До президентских выборов 2000 г. команда Путина работала на заготовках, оставленных ельцинским режимом. Беда в том, что за все надо платить, и уже в следующем году Путину пришлось столкнуться с долгосрочными последствиями тех самых решений, которые привели его к власти. Сам Путин ни одного из этих решений не принимал, во всяком случае — единолично. Но и война в Чечне, и досрочные выборы, и превращение православного национализма в некую замену государственной идеологии — все это уже его игра. Все это придумано ради него и «под него». А потому Путину и отвечать за последствия.

Наиболее простое решение состояло в том, чтобы не предпринимать никаких активных шагов. Команда президента, оставив в стороне основные социальные и экономические вопросы, сосредоточилась на укреплении собственной власти. Губернаторов припугнули, введя пост полномочных представителей президента, которым было поручено присматривать за местными элитами. Страну разделили на семь федеральных округов, однако старое деление на области упразднить не решились, так что появилась лишь дополнительная бюрократическая структура. Следующим действием, направленным против губернаторов, стала реформа Совета Федерации. После длительных проволочек президенту и его людям удалось изменить структуры верхней палаты. Теперь

здесь заседали не губернаторы и главы законодательных собраний, а их представители. Тем самым губернаторы лишались депутатской неприкосновенности, и их можно было сажать.

Путинская команда, в отличие от ельцинской, состояла из бюрократов, очень деятельных, но лишенных фантазии и инициативы. Начали постепенно оттирать от власти Бориса Березовского, считавшего себя «делателем королей» в Кремле. Это было разумно. Ведь человек, полагающий, что Путин обязан ему своим выдвижением, может претендовать на слишком многое. Именно потому, в соответствии с жанром шекспировской трагедии, олигарх был обречен. Его собственность отнята не была, но значительную часть активов ему пришлось продать. Покупателем стал Роман Абрамович, бывший младший партнер Березовского, сумевший доказать свою лояльность кремлевской команде.

Березовский покинул все официальные посты, затем снял с себя думский мандат и обиженно удалился в Лондон. На первых порах он ожидал, что Кремль одумается, но этого не произошло. Другим пострадавшим олигархом стал Владимир Гусинский, чье телевидение заняло неправильную сторону осенью 1999 г. Он занимался неподходящим бизнесом. Вместо нефти и газа он торговал словом. В скором времени бывшие соперники Березовский и Гусинский оба оказались в эмиграции.

Потеря личного влияния олигархов обернулась катастрофой для связанных с ними средств массовой информации. Телекомпания НТВ, основанная и контролировавшаяся Гусинским, перешла в руки корпорации Газпром. Захват НТВ был осуществлен совершенно легально и рыночными методами, поскольку Гусинский изрядно задолжал Газпрому. При Ельцине на такие мелочи можно было не обращать внимания, поскольку Газпром и созданный Гусинским «Медиа-Мост» были тесно связаны с властью. Если бы в 1999 г. владелец НТВ сделал правильную политическую ставку, вполне возможно, что долги были бы списаны. Но он совершил ошибку и те-

перь должен был платить, причем в буквальном смысле. Журналисты, пропагандировавшие ценности свободного рынка, столкнулись с реальностью капитализма.

Весной 2001 г. НТВ перешло в руки «Газпром-Медиа». Часть команды Гусинского перешла на новый канал ТВ-6, принадлежавший купленной Березовским компании МНВК. Но и этот канал был спустя некоторое время ликвидирован. Если с НТВ разобрался Газпром, то сомнительная честь уничтожения ТВ-6 досталась нефтяной компании ЛУКойл. Осенью 2001 г. созданный ею фонд «ЛУКойл-Гарант» инициировал судебный процесс о ликвидации ТВ-6 под предлогом ущемления им прав миноритарных акционеров. После того как вещание телеканала было отключено, его руководители основали некоммерческое партнерство «Медиасоциум» и канал ТВС. Однако теперь получилось, что на одни и те же частоты претендует две компании — «Медиасоциум» и МНВК. Дело было решено самым выгодным для властей образом: ТВС закрыли, а ТВ-6 восстановлен не был. Пустующие эфирные частоты отошли к новому спортивному каналу.

Президент Путин характеризовал произошедшее с ТВ-6 как «спор между абсолютно независимыми экономическими структурами, к которым государство не имеет практически никакого отношения»[322].

Часть старой команды НТВ продолжила работу в компании после смены собственника и в течение некоторого времени пользовалась известной творческой свободой. Но в 2003—2004 гг. Кремль начал использовать свое влияние на Газпром, треть акций которого принадлежала правительству, чтобы разобраться с неугодными журналистами. К концу 2004 г. почти все неугодные власти журналисты вынуждены были покинуть эфир, а их программы закрыты.

После падения Гусинского и Березовского рухнула годами строившаяся система негласной частной цензуры

---

322 Цит. по: Россия Путина. Пристрастный взгляд. С. 183.

в средствах массовой информации, развалился тщательно отлаженный механизм взаимодействия между собственниками и журналистской элитой. Кремлевской власти пришлось прибегнуть к более грубым методам репрессий и контроля, чтобы удерживать эфир в подчинении. Вместо телевидения, которое, допуская критику власти по мелочам, пропагандировало те же ценности, что и правящая группировка, Кремль получил неэффективную пропагандистскую машину советского типа. А обиженные журналисты станут врагами власти.

Изгнание из эфира журналистов НТВ, сыгравших не последнюю роль в «пропаганде реформ», вызвало панику среди либеральной интеллигенции, не говоря уже о недовольстве большей части профессионалов от прессы, почувствовавших угрозу своим корпоративным интересам. Не меньшее возмущение в этой среде вызывала культурная политика власти, которая пыталась вернуть доверие населения, используя советские символы (например, восстановление советского гимна с новыми словами). Но неприязнь пишущей братии еще не была достаточно серьезным политическим фактором, которого Кремль мог бы опасаться, тем более что наиболее эффективным средством воздействия на массы оставалось телевидение, эффективно контролировавшееся людьми президента.

КАДЫРОВЩИНА

Война в Чечне — главный козырь, даже в известном смысле главный метод избирательной кампании, пока единственное найденное режимом средство консолидации общества. Но для эффективной консолидации нужно одно из двух: либо явная победа, либо враг у ворот. Ни того ни другого не получалось. Чеченцев разгромить не удалось, но и Басаев у стен Кремля не стоял. Шансы на быструю победу были упущены уже в октябре, когда федеральные войска, не подготовившись, ринулись

в горную часть мятежной республики, но перевес сил на стороне федеральных войск был настолько велик, что так воевать можно было годами.

И все же надо было что-то с Чечней делать. Военное руководство, оказавшееся в 1999—2000 гг. не способно разгромить боевиков, тем более было не в состоянии управлять республикой и проводить в ней сколько-нибудь эффективную политику. В аналогичной ситуации, почувствовав, что война в Индокитае затягивается, американское руководство сделало ставку на «вьетнамизацию». Москва пошла таким же путем. Летом 2000 г. главой Чеченской республики был назначен Ахмат Кадыров, который в прошлом — сам один из лидеров боевиков. В качестве имама Чечни, Кадыров призывал к священной войне против русских захватчиков. Теперь, поссорившись с Масхадовым и Басаевым, он руководил промосковской администрацией.

Ставка на Кадырова была беспринципной, но по-своему эффективной. Под предлогом борьбы с сепаратизмом и бандитизмом новый глава республики окружил себя полукриминальными элементами из числа бывших боевиков, сформировал собственные силы безопасности, терроризировавшие местное население. Режим Кадырова был насквозь коррумпированным, жестоким и деспотическим, но, в отличие от федеральных начальников, новый лидер республики был в состоянии опереться на некоторые местные группировки. Одной из причин крушения второй чеченской независимости было то, что в разрушенной войной республике президент Масхадов не смог положить конец деятельности криминальных банд, значительная часть которых была организована бывшими борцами за свободу, не сумевшими найти легальных источников существования в новой жизни. После второго вторжения федералов часть таких группировок перешла на сторону Москвы, другие объявили себя борцами за свободу. Ни те ни другие, впрочем, не собирались отказываться от ставшего уже привычным бизнеса — контрабанда,

похищения людей, рэкет, контроль над производством «самопального» бензина и т. д.

В известном смысле новая чеченская политика Кремля опиралась на опыт советской власти в Средней Азии. Выходец из спецслужб, политолог Антон Суриков так характеризовал происходящее: «В Чечне власть постепенно передается Кадырову, братьям Ямадаевым и другим уважаемым людям из числа соратников Дудаева — войны нет, идет типичный процесс «замирения», известный по Средней Азии конца 1920-х гг., когда руководители басмаческих банд назначались секретарями райкомов. А то, что приходится платить деньги и закрывать глаза на некоторые особенности местного менталитета, — это мелочи»[323].

Впрочем, между ситуацией в Средней Азии 1920-х гг. и Чечне 2000-х было и существенное различие. Советская власть не просто назначала бывших бандитов руководить партийными организациями. Она реально осуществляла социальные преобразования, создавала рабочие места, строила школы, промышленные предприятия, дороги. Даже в Афганистане за годы советской оккупации предпринимались усилия для того, чтобы модернизировать страну. А в путинско-кадыровской Чечне ни о социальном прогрессе, ни об экономическом развитии не шло и речи. Деньги, выделенные на восстановление республики, бессовестно разворовывались.

Разборки между соперничающими криминальными отрядами приняли теперь вид борьбы между сторонниками и противниками Кадырова. Режим, созданный в Чечне бывшим имамом, систематически и безжалостно расправлялся со своими противниками, но любой бандит или боевик, перешедший на его сторону, получал возможность легализоваться. Вооруженные формирования кадыровцев не отличались ни особой дисциплиной, ни готовностью сотрудничать с федеральными войска-

---

[323] Россия – новый этап истории. / Под ред. А. А. Нагорного, А. В. Сурикова. М., Издатель Чернышева Н. Е. 2004. С. 51.

ми. Между ними и российскими подразделениями существовала устойчивая взаимная неприязнь.

Демонстрируя лояльность по отношению лично к Путину, новый глава Чечни не проявлял особого желания сотрудничать с другими федеральными чиновниками, результатом чего стали постоянные смены премьер-министра республики. Подготовленная окружением Кадырова конституция республики оценивалась экспертами как сепаратистская. Со всем этим Кремлю приходилось мириться, поскольку лучшего решения чеченской проблемы у него не было.

«С 2000 г., — пишет Дерлугян, — в Чечне начал оформляться кадыровский каудильизм под опекой России. Поначалу казалось, что клин вышибается клином, как некогда удалось замирить Чечню благодаря доставшимся от имамата Шамиля наместникам-наибам, судьям-кадиям и сельским старостам-мухтарам. Но, очевидно, пореформенная Россия 1960-х гг. была более сильным и динамичным государством, чем Россия нынешняя»[324].

Конфликт в Чечне погашен не был и с полной силой напомнил о себе осенью 2002 г., когда группа боевиков под предводительством Мовсара Бараева совершила в Москве налет на мюзикл «Норд-Ост». За несколько недель до террористического акта в столице уже поговаривали о предстоящей вылазке боевиков. Источником слухов были утечки из самих же органов госбезопасности. Позднее в прессе сообщалось о предупреждениях, полученных Федеральной службой безопасности от западных разведок. По другим сведениям, «аналогичная информация была получена также отечественными спецслужбами и по всем правилам предоставлена „наверх “»[325]. Параллельно из коридоров власти просачивались слухи о возможных переговорах с Масхадовым. За такие переговоры выступало по опросам общественного мнения до двух третей российских граждан.

---

[324] Прогнозис. 2004. № 1. С. 158.
[325] Смысл. 2.12.2002. С. 7.

Как и все другие террористические акты путинской эпохи, захват «Норд-Оста» полон странностей, наводящих на мысль о сотрудничестве террористов со спецслужбами или хотя бы какой-то их частью. Каким образом целое подразделение боевиков — вооруженное и одетое в форму, смогло проехать по тщательно охраняемой столице и захватить здание театра? Как вышло, что некоторые из участников нападения ранее задерживались федеральными органами безопасности? Это странное обстоятельство типично для исполнителей большинства серьезных террористических актов первой половины 2000-х гг. Вряд ли когда-либо будет дан полный и исчерпывающий ответ на подобные вопросы.

В отличие от террористических актов 1999 года, захват «Норд-Оста» оказался серьезным ударом по Путину. Жертвами взрывов тогда были жители рабочих кварталов. На сей раз нападение было совершено на представителей благополучного среднего класса. Мюзикл «Норд-Ост» являлся одним из символов преуспеяния путинской России. Постановка была дорогой, билеты стоили недешево, посещение спектакля считалось престижным.

Захват театра продемонстрировал, что после трех лет борьбы с терроризмом ситуация стала только хуже и никто не застрахован от неприятностей. По требованию террористов родственники заложников пытались организовать демонстрацию за мирные переговоры в Чечне, но были разогнаны милицией.

Операция по освобождению заложников стала настоящей политической катастрофой. Более двухсот человек погибло, причем не от рук боевиков и даже не в перестрелке, а от газа, пущенного атакующими. На самих боевиков газ не оказал особого действия — они продолжали обороняться более получаса. Заложенные в зале мины взорваны не были: либо боевики предпочли пожертвовать собой, сохранив жизнь заложникам, либо взрывчатка вообще была муляжом.

В декабре 2002 г. бывший сотрудник спецслужб, выступавший под псевдонимом Валерий Лунев, сформули-

ровал эти вопросы на страницах журнала «Смысл». «Похоже, что группа Бараева, захватив заложников, собиралась, продержав их подольше, устроить пропагандистское шоу, а затем покинуть концертный комплекс живыми и невредимыми. Однако Бараева, выражаясь современным языком, „кинули". Видимо, ему обещали, что штурма не будет. Но кто мог дать такое обещание? А с другой стороны, создается впечатление, что кто-то из руководителей штурма твердо знал: взрыва не будет. Иначе штурм был бы изначально обреченной на неудачу авантюрой». Технически такой же точно штурм без применения газа сопровождался бы многократно меньшими жертвами среди заложников. «Не могу отделаться от подозрения, что московский захват заложников являл собой грандиозную провокацию, направленную на срыв переговоров федерального цéнтра с Асланом Масхадовым»[326].

Подозрения относительно провокации спецслужб укрепились после того, как стало известно, что ни один из боевиков не был взят живым. Несколько женщин-террористок, на которых подействовал газ, были застрелены спящими. Оппозиционные газеты откровенно высказывали подозрение, что спецназ принудили убрать свидетелей. За отсутствием обвиняемых не было ни суда, ни расследования. Организаторам штурма вручили награды.

Главным политическим итогом «Норд-Оста», однако, стало не изменение федеральной политики в Чечне, а очередное наступление на свободу слова. В Кремле сделали по-своему правильный вывод, что, поскольку нет ни возможности выиграть войну, ни политической готовности к переговорам, необходимо мобилизовать все силы на то, чтобы не допустить проникновения неугодной власти информации в прессу. От журналистов потребовали добровольно принять новые правила освещения террористических актов, по сути, самоцензуру. Поскольку

---

[326] Смысл. 2.12.2002. С. 6.

не было особой уверенности, что правила эти будут выполнены, Кремль усилил давление на НТВ, уже находившееся в руках Газпрома.

Хотя Газпром не являлся государственной компанией (правительству принадлежало около 38% акций), портить отношения с Кремлем отнюдь не входило в задачи корпорации. Программы, проявившие недостаточную лояльность к Путину во время «Норд-Оста», были одна за другой закрыты. Правда, на это потребовалось время. «Зачистка» телевидения полностью завершилась лишь в 2004 г.

ХОЗЯИН В КРЕМЛЕ

Как бывший сотрудник госбезопасности, не принадлежавший ни к одному из соперничавших кланов, Путин устраивал всех. Чем слабее была его собственная политическая база, тем лучше. Чем менее заметен он как личность, чем он менее опытен в государственных делах, тем удобнее работать с ним было кремлевской администрации и многочисленным специалистам по пропаганде, лепивших образ вождя нации так, как им хотелось.

Смысл пропагандисткой кампании состоял не в том, чтобы объяснить народу, кем является Путин на самом деле, а в том, чтобы скрыть это, создавая образ не только отличающийся от действительности, но в значительной степени ей прямо противоположный. Владимира Путина изображали «сильным лидером», «волевым политиком», а он был средней руки бюрократом, вечным исполнителем, лишенным собственной воли и стратегической инициативы. Если бы у Путина были сильная воля и политические амбиции, он бы никогда не стал президентом. Ельцин не терпел рядом собой политиков с президентскими амбициями. Чутье у Ельцина было безупречное, звериное. В 1999 г. он просто поручил Путину работу президента, как поручают задание подчиненному.

Слабость Путина как политика прикрывалась рассуждениями о его силе, неуверенность в себе — рассказами о твердости. Страх перед будущим — демонстрацией отваги перед телекамерами. В России, где главным средством политического и социального контроля над обществом является телевидение, такой виртуальный президент вполне органичен. Тот, кто господствует в эфире, господствует и в политике. Демократические процедуры лишь дают законное оформление власти, в основе которой всевозможные манипуляции, начиная от фальсификации опросов общественного мнения, заканчивая подтасовкой итогов голосования. Однако уже в самом начале правления Путина произошло два символических события. Первым из них была катастрофа подводной лодки «Курск», резко контрастировавшая с заявлениями о возрождении армии, затем последовал пожар на Останкинской телебашне. Виртуальная реальность столкнулась с прозой жизни и дала трещину.

С другой стороны, годы, проведенные Путиным в Кремле, не прошли даром ни для него, ни для его команды. Постепенно привыкая к правилам политической игры и меняя их под себя, новый президент начинал чувствовать себя все более уверенно. К тому же постоянная пропаганда, рассказывавшая о величии национального лидера, начинала давать эффект: чем меньше ей доверяло население, тем больше в нее верили сам лидер и его сподвижники.

Первые три года правления Путина были не слишком богаты событиями. Администрация президента и другие органы власти понемногу пополнялись ленинградскими земляками и друзьями Путина. Особое предпочтение оказывалось бывшим коллегам по органам госбезопасности. Петербуржцы заняли и влиятельные посты в правительстве. Однако само правительство до поры не принимало сколько-нибудь важных решений, стихийно дрейфуя в том же направлении, что и в 1998—2000 гг. Премьер-министр Михаил Касьянов, которого считали временной фигурой, удерживался на своем посту годами.

Продолжалась чеченская война, превратившаяся в рутинное и бессмысленное, но, в сущности, уже привычное убийство. Время от времени происходили террористические акты: за них никто не брал на себя ответственность, но странным образом они неизменно содействовали укреплению авторитета власти и рейтинга президента, в очередной раз обещавших гражданам защиту и безопасность. Терроризм был оправданием для продолжения войны, а война гарантировала продолжение терроризма.

Лексика националистической оппозиции теперь вполне подходила для самого Кремля. Переустройство политического пространства началось уже в 1999 г., когда была создана партия «Единство», которая объединила большую часть государственных чиновников. После победы Путина она слилась с остатками «Отечества», представлявшего другую фракцию бюрократии. Идеологической разницы между ними не было, спор был лишь о том, чьи выдвиженцы займут ключевые места в руководстве. Консолидировав под именем «Единой России» партию власти, кремлевские политтехнологи взялись за оппозицию. Критика в Думе никогда не была серьезной проблемой для власти. Оппозиция была насквозь коррумпирована, получение депутатами и целыми фракциями взяток за «правильное» голосование являлось обычной практикой, обсуждавшейся газетами, а продажа мест в партийных списках превратилась в основной способ финансирования избирательной кампании. Однако в Кремле сочли, что даже такая оппозиция становится излишней. Если администрация Ельцина добивалась своих целей хитроумными манипуляциями, которые лишь в последний момент подкреплялись прямыми угрозами, то новая команда, оказавшаяся у руля управления, предпочитала действовать простейшими методами. Было бы глубоко неверно утверждать, будто новое руководство страны пыталось ликвидировать многопартийность либо уничтожить оппозицию. Напротив, и многопартийность, и оппозиция, и многообразие форм «гражданского

общества» должны были найти свое место в системе управляемой демократии. Оппозицию, как и проправительственных депутатов, надо было построить и руководить ими из единого центра.

Овладевшие страной кланы, лишив две трети населения собственности и социальных гарантий, не могли испытывать особого доверия к демократии. Однако не желали они и установления открытой диктатуры. Соперничающие кланы нуждались в гарантиях друг против друга. А такие гарантии могли быть обеспечены только в условиях, когда сохранялось некоторое подобие буржуазной законности. Как показал последующий опыт, путинский режим, предоставив такие гарантии на словах, оказался не связан какими-либо обязательствами на практике. Почувствовав вкус власти, люди из окружения президента решили овладеть также и собственностью. Из арбитра, обещавшего держать все олигархические кланы на равном удалении, кремлевская команда сама начала превращаться в очередной клан. Огромные политические ресурсы, которыми к тому времени овладела кремлевская группировка, были использованы для нового раунда передела экономической власти и перераспределения финансовых потоков. Но произошло подобное лишь к концу первого президентского срока Путина. А связанное с этим нарушение политического равновесия оказалось гибельным для всей системы управляемой демократии.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕФОРМА

У системы управляемой демократии были собственные правила. Те, кто не вписывался в них, должны были пострадать. Первым делом начались гонения на Коммунистическую партию. Этот удар был совершенно неожиданным для лидеров КПРФ, которые, привлеченные на первых порах националистической риторикой нового президента и его происхождением из органов госбезопасности,

надеялись наладить конструктивное сотрудничество. Вместо этого депутатов КПРФ в Думе изолировали. «Единая Россия» захватила все комитеты в Думе, пообещав президенту набрать (с помощью неизменно послушного Центризбиркома) на выборах 2003 г. большинство голосов, тем самым ускорив и удешевив прохождение законов через парламент.

«Единая Россия», ставшая парламентским инструментом Кремля, на первый взгляд представляла собой очередную наспех сколоченную «партию власти» (как «Выбор России» в 1993 г. и «Наш дом — Россия» в 1995 г.). В «Единую Россию» слили почти принудительно думские фракции «Единство», «Отечество» и «Регионы России». Уже после выборов туда же прибились и остальные «центристские» депутаты, оставшиеся без фракций. Однако на сей раз, несмотря на спешку, конструкция получилась достаточно эффективная и по-своему прочная. Объединение всех группировок в одной партии объективно отражало новую фазу в развитии режима, когда различные группировки бюрократии и бизнеса консолидируются вокруг президента.

Пропаганда «Единой России» производила, на первый взгляд, странное впечатление. На партийных плакатах возник целый сонм исторических деятелей — правых и левых, революционеров и консерваторов, либералов и государственников, националистов и западников. Лики царского премьера Петра Столыпина и диссидента Андрея Сахарова чередовались с портретами Сталина. Все это многообразие венчали цитаты из В. В. Путина.

Политическая эстетика, используемая «Единой Россией» возникла не на пустом месте. Первым шагом было организованное Юрием Лужковым помпезное празднование 850-летия Москвы в 1997 г. Именно тогда вся отечественная история предстала перед изумленной публикой в виде череды бесконфликтно сменявших друг друга начальников.

И все же решающую роль в формировании новой идеологии власти сыграли не столичные чиновники,

а теоретики из оппозиционной газеты «Завтра» и проникшиеся их идеями лидеры компартии. Именно они провозгласили «красно-белый союз». Православные фундаменталисты, добившиеся причисления к лику святых царя Николая II, прозванного «кровавым», должны были объединиться в одной колонне с политическими наследниками красных комиссаров, расстрелявших царя и его семью. Разногласия предлагалось отбросить во имя «державности». Надо иметь сильную власть, и не важно — под какими флагами, в чьих интересах. Главное, она должна быть сильной и страшной.

Сермяжный постмодернизм «красно-белого союза», таким образом, не лишен был объединяющей основы. За что бы ни сражались «красные» и «белые», и те и другие являлись властью. И те и другие были авторитарны, и те и другие, в конечном счете, формировали бюрократию и опирались на нее. Поддерживалось в советском опыте все то, что роднило его с царизмом, с империей, все, что в нем было консервативного, реакционного. И отвергалось все, что опиралось на традицию революции, освободительной борьбы, прогресса. Это была советская традиция, очищенная от коммунистической идеологии, лозунгов классового противостояния и демократических идеалов первых ленинских лет. «Сталинизм без социализма» — так характеризовал кредо Путина один из западных журналистов[327]. «Единая Россия» — партия бывших советских бюрократов, восторженно поддержавших капитализм, оказалась, по существу, наиболее последовательным воплощением «красно-белого союза».

Реформаторы начала 1990-х сплошь были выходцами из семей старой советской элиты. Разрушая все, что было создано за предшествующие десятилетия, они не переставали гордиться своими предками, расстреливавшими царских генералов или участвовавших в сталинских репрессиях. И это логично. Если бы не революция с ее «красным террором», не возглавляли бы потомки

---

[327] The Times. 30.10.2003.

«пролетарских выдвиженцев» государственные учреждения новой капиталистической России. Не было бы советской индустриализации, нечего было бы приватизировать. Миллионы людей должны были умирать и убивать друг друга для того, чтобы новые хозяева могли насладиться жизнью.

Хотя именно оппозиция сформулировала принципы «красно-белого союза», принципы эти, увы, оказались непригодны для оппозиционной деятельности. Зато они идеально подошли для партии власти.

«Красно-белая» идеология могла вдохновлять участников оппозиционных митингов лишь в то недолгое время начала 1990-х гг., когда оппозиция была консервативна, а власть выглядела «радикальной» и проводила в стране перемены. Но теперь, когда перемены завершились, новый порядок сложился и власть заинтересована в стабильности, она с удовольствием заимствовала идеи и образы, старательно подготовленные оппозицией. Сами бюрократы идеи рождать неспособны.

Коммунистическая оппозиция подготовила почву для торжества новой партии власти. Она в поте лица трудилась над созданием новой «национальной» идеологии, которая позволит примирить Россию с капитализмом (а заодно — с коррупцией, полицейским произволом, притеснением национальных меньшинств и другими «отечественными традициями»). Сделав свою работу, она обречена была уйти.

КРИЗИС КПРФ — «КРОТЫ» ПРОТИВ «СТАВЛЕННИКОВ ОЛИГАРХОВ»

Крушение КПРФ на выборах 2003 г. было закономерным результатом всей предшествующей политики Зюганова и его окружения. Но решающую роль в развале партии сыграла внутренняя борьба, разворачивавшаяся в партийных верхах на протяжении всего предвыборного года.

В январе 2003 г. близкая к руководству КПРФ газета «Завтра» опубликовала статью «Операция „Крот“», в которой открыто объявляла предателем Геннадия Семигина, руководителя созданного при партии Народно-патриотического союза России, одного из наиболее влиятельных членов думской фракции. После некоторых колебаний публикацию в газете «Завтра» поддержал и сам Геннадий Зюганов.

Чистки в руководстве КПРФ происходили периодически, и жертвами их, независимо от идеологических позиций, оказывались политики, рост влияния которых становился неудобен для лидера. Так из фракции и партии был изгнан патриотический идеолог Алексей Подберезкин, многолетний спикер Государственной думы, и традиционное второе лицо КПРФ Геннадий Селезнев. Однако за атакой против Семигина скрывались куда более серьезные разногласия в руководстве.

С одной стороны, Семигин и его сторонники были настроены на более тесное сотрудничество с Кремлем. Партия Зюганова всегда была готова к компромиссу с властью, но времена менялись. Если при Ельцине достаточно было закулисных договоренностей, то теперь администрация президента требовала открытой демонстрации лояльности. Чувствуя, что почва уходит из-под ног, Зюганов и его команда готовы были искать поддержки у оппозиционно настроенных к Кремлю олигархов. Сначала в этом качестве возник Борис Березовский, с которым стала активно сотрудничать газета «Завтра». Опальный банкир, ранее объявлявшийся ключевой фигурой еврейского заговора, теперь предстал перед изумленными читателями этого националистического издания в качестве борца за демократию и защитника угнетенных. Вскоре, однако, Березовского в роли генерального спонсора коммунистического движения сменил более респектабельный персонаж — руководитель нефтяной компании ЮКОС Михаил Ходорковский.

С точки зрения Ходорковского, надеявшегося ограничить всевластие Путина с помощью расширения

полномочий парламента, сотрудничество с КПРФ, ведущей партией думской оппозиции, выглядело вполне логично. Независимо от идеологии, тактическое совпадение интересов было налицо. Но руководство КПРФ со своей стороны тактический альянс с Ходорковским объяснить было не в состоянии. Оно вообще ничего не объясняло своим сторонникам, ибо руководствовалось не политической, а коммерческой логикой: услуги в обмен на деньги. Как ехидно заметил один из левых журналистов, лидеры партии продемонстрировали «психологию мелких лавочников»[328]. Парадоксальным образом в краткосрочном партнерстве коммунистов и Ходорковского именно первые пытались действовать как коммерсанты, а второй — как политик.

Спор о будущем партии выродился в столкновение «людей Кремля» с «людьми Ходорковского». Склока происходила прилюдно. Взаимные обвинения публиковались в средствах массовой информации. Зюганов использовал газету «Завтра» и партийную прессу. Семигин, который был не только патриотическим депутатом, но и предпринимателем, создал собственную «Родную газету».

Параллельно с борьбой между «зюгановцами» и «семигинцами» разгорелся скандал вокруг известного экономиста Сергея Глазьева. Попытки Глазьева занять более значимое место во фракции натолкнулись на противодействие руководства. В итоге Глазьев, который формально никогда не состоял в КПРФ, начал создавать собственный избирательный блок к парламентским выборам. В администрации президента на этот блок смотрели благожелательно, но помогать амбициозному Глазьеву в преддверии президентских выборов 2004 г. явно не спешили. В итоге возник блок «Родина», где Глазьев объединился с известным своей близостью к Кремлю Дмитрием Рогозиным и менее известными националистами, оказавшимися в 1999—2003 гг. за бортом парламента. Обещание свое президентская администрация

---

328 Версия. 2004. № 8. С. 10.

сдержала, блок «Родина» получил широкий доступ к телевизионному эфиру и прошел в Думу. Правда, сразу после выборов во фракции произошел раскол, и Рогозин попросту выкинул Глазьева с поста председателя.

На протяжении 1990-х гг. лидеры КПРФ постоянно повторяли, что она является единственной «настоящей» партией в стране, во всяком случае, единственно массовой. Однако в начале 2000-х гг. численность партии стремительно падала[329]. По утверждению семигинцев, она сократилась с 550 тыс. человек до 250 тыс., причем «произошло это отнюдь не из-за «вымирания» старых коммунистов, а за счет оттока партийцев, не согласных с политикой парийного руководства»[330]. Из партии наиболее часто уходили именно люди среднего возраста, в то время как коммунистическая молодежь старалась организоваться отдельно от старших товарищей. Недовольная политикой Зюганова, она не испытывала особой симпатии и к семигинцам.

Разрыв Глазьева с КПРФ усугубил публичный кризис партии. Активисты были деморализованы, растеряны. Обвинения в коррупции звучали совершенно открыто. Беда организации была не в том, что ее лидеры получили спонсорские взносы от ЮКОСа и других олигархов. В конце концов, это был не первый и не последний случай в истории, когда либеральная буржуазия и левые сотрудничали в борьбе против авторитарного режима.

---

[329] Массовый выход из партии стал заметен уже в 1999—2000 гг. В качестве поучительного примера можно привести ситуацию в Саратове, где коммунисты традиционно получали около 30% голосов. В феврале — марте 2000 г. исход активистов из партии стал настолько массовым, что местная организация КПРФ не смогла собрать нужное количество подписей для выдвижения кандидата в губернаторы. Пришлось обратиться к коммерческой структуре, которая ранее собирала подписи для Союза правых сил. Деньги за работу были заплачены, но подписи оказались поддельными. Кандидат КПРФ баллотироваться не смог. А внутрипартийная оппозиция сумела выдвинуть своего кандидата. Им оказался Игорь Караулов, пользовавшийся каждым удобным случаем, чтобы напомнить: «Соглашательская и демагогическая политика Геннадия Зюганова превратила коммунистическую оппозицию в „карманную" партию Кремля» (Саратовские вести. 22.03.2000).

[330] КоммерсантЪ-Власть. 9.08.2004. № 31. С.9.

Московский промышленник Савва Морозов вложил немалые деньги в партию большевиков. Однако революционеры того времени разительно отличались от думских политиков эпохи Ельцина и Путина.

«Сочетание политики и бизнеса, — писал на страницах газеты «Версия» член КПРФ Андрей Стариков, — как и скрещивание ежа с ужом, дает только отрицательный результат. Побеждает либо одно, либо другое. Большевики тоже брали деньги и у Саввы Морозова и у немцев, но у Ленина политика никак не подчинялась бизнесу, поэтому он и добился результата. У нынешних вождей все наоборот»[331].

Проблема КПРФ состояла не в том, что они пытались получить деньги у Березовского, а получили у Ходорковского. Партийное руководство не просто брало деньги у олигархических структур, но делало это, не имея ни твердых принципов, ни четкой политики. В результате сотрудничество со спонсорами превращалось в вульгарную коммерческую сделку. Происходила циничная продажа мест в партийном списке, причем партийные вожди, получая деньги, умудрялись еще и нарушать принятые на себя обязательства. Большая часть полученных таким образом средств не шла на борьбу с «антинародным режимом». Деньги ЮКОСа использовались для погашения долгов другого спонсора партии — Росагропромбанка, находившегося на грани банкротства.

Эта коррупция становилась видна сторонникам партии, делалась предметом публичного обсуждения, окончательно деморализуя даже аппаратчиков. Среди членов КПРФ стала популярна невеселая шутка о том, что Ленин, как и Зюганов, брал деньги у капиталистов, но, по крайней мере, не выдвигал Савву Морозова и его приказчиков кандидатами в Государственную думу.

Список, выставленный КПРФ на выборы 2003 г., был воистину позорным. В нем (во всяком случае — в его «проходной» части) не нашлось места ни для одного

---

[331] Версия. 2004. № 8. С. 10.

рабочего, ни для одного представителя молодежи. В нем не было оппозиционных активистов, а члены партии в федеральном списке составляли меньшинство. Зато он был полон именами предпринимателей и топ-менеджеров, не только не отличавшихся левыми или оппозиционными взглядами, но даже не замеченными в благотворительной деятельности.

ДУМСКИЕ ВЫБОРЫ 2003 ГОДА

Кульминацией процесса формирования управляемой демократии должны были стать выборы в новую Государственную думу в 2003 г. и повторное избрание президента в марте 2004 г. В преддверии этих событий власти принялись активно корректировать законодательство. Права оппозиции были радикально ограничены. Для этой цели были изменены законы о политических партиях, о выборах, о референдумах. Легко догадаться, что именно закон о выборах вызвал особое внимание депутатов «Единой России». Итогом их работы стал документ, предоставляющий властям почти неограниченные полномочия для борьбы с неугодными кандидатами. Политики, вызывающие серьезные опасения, в строгом соответствии с духом и буквой закона могли теперь быть просто не допущены к выборам. «Новый закон, — отмечает Владимир Прибыловский, — предусматривает 13 (тринадцать!) оснований для отказа в регистрации, 4 (четыре) основания для аннулирования регистрации решением самого избиркома и 6 (шесть) оснований для отмены регистрации решением суда по заявлению избирательной комиссии»[332].

Поводы для снятия кандидата с дистанции могли быть совершенно анекдотические. Например, умеренный оппозиционный кандидат на пост президента Чечни — Малик Сайдуллаев — был отстранен от выборов из-за того,

---

[332] Россия Путина. История болезни. М.: Панорама, 2004. С. 10.

что у него заканчивался срок действия паспорта, а бывший генеральный прокурор Юрий Скуратов из-за того, что забыл в анкете упомянуть профессорскую должность, которую получил в одном из университетов.

Официальный итог выборов был триумфом «Единой России». Если верить данным Центральной избирательной комиссии, эта партия получила 37,57% голосов. КПРФ достались 12,61%, либеральным демократам Владимира Жириновского — 11,45%, а блоку «Родина» — 9,02%. Либеральные партии в Думу не прошли. «Яблоко» получило 4,3%, а Союз правых сил — 3,97%.

Большинство, полученное «Единой Россией», было не слишком велико, но с учетом одномандатных округов, в которых кандидату для победы достаточно было незначительного перевеса, партия сторонников президента заняла господствующее положение в Думе. На нее сработали те же особенности избирательной российской системы, которые позволили в 1995 г. КПРФ сделаться ведущей парламентской партией. К фракции «Единой России» начали присоединяться независимые депутаты, представители мелких центристских партий, не прошедших в Думу, и даже перебежчики из КПРФ. Количество коммунистических депутатов упало до 54 человек, а затем продолжало сокращаться из-за расколов, исключений и дезертирства. В итоге относительный перевес пропрезидентской партии превратился в конституционное большинство — более двух третей мандатов. Теперь люди Кремля могли, не оглядываясь на оппозицию, штамповать любое решение, включая изменение Конституции.

Созданная активистами компартии система параллельного подсчета голосов FairGame показывала, что и на сей раз без фальсификации не обошлось. После обработки 60 тыс. протоколов (что составляло две трети от общего числа), обнаружилось, что их данные не сходятся с официальными результатами: «количество изначально выданных и сумма действительных, испорченных, аннулированных и т. п. бюллетеней не совпадает. Это

может означать только одно: был физический вброс. Операторы FairGame утверждают, что в целом по стране было вброшено 3,5 миллиона бюллетеней»[333]. Наиболее серьезной фальсификация была в Курганской, Ростовской, Самарской, Орловской, Тверской областях, в Ставропольском крае, Дагестане, Татарии, Башкирии и, конечно же, в Москве. В большинстве случаев фальсификация происходила в пользу «Единой России», хотя, например, в Самарской области была выявлена подтасовка результатов в пользу СПС (ситуация, характерная для этой области и в 1999 г.). Главной жертвой нечестной игры оказалась партия «Яблоко», которая в противном случае должна была бы пройти. Не исключено, что шансы на успех были и у СПС. Несколько понизилось представительство «Родины» — в последний момент кремлевские функционеры испугались, что, набрав слишком много голосов, Глазьев и Рогозин могут сорваться с поводка и затеять самостоятельную игру.

По мнению Прибыловского, «только прямыми фальсификациями результатов волеизъявления избирателей было достигнуто пропутинское конституционное большинство в Государственной думе»[334]. Однако нет никаких оснований утверждать, будто в 2003 г. фальсификация радикально изменила результы выборов. Она лишь усилила наметившиеся тенденции. «Единой России» приписали не больше 4,5% голосов, причем главным образом за счет мелких партий, которые и так в Думу не проходили. Кризис КПРФ разразился задолго до парламентских выборов 2003 г., и партия теряла голоса. Националистически настроенные избиратели ушли к «Единой России» и блоку «Родина», а люди левых взглядов зачастую предпочитали не голосовать вообще, нежели отдавать свои голоса Зюганову. Электорат КПРФ сократился почти вдвое. Лидеры партии пытались оправдать свой провал ссылками на фальсификацию итогов голосования,

---

333 Россия Путина. История болезни. М.: Панорама, 2004. С. 48—49.
334 Там же. С. 9.

но система FairGame недвусмысленно показывала, что на сей раз у КПРФ голоса не воровали.

Упадок либеральных партий также был заметен и безо всяких выборов. Не сумев попасть в Думу, Союз правых сил разделился на несколько соперничающих группировок. В «Яблоке» расколы начались еще раньше, когда из партии вышла часть левого крыла во главе с Вячеславом Игруновым. Диссиденты создали Союз людей за образование и науку (СЛОН). После выборов в рядах «Яблока» вновь обострились конфликты между тяготеющими влево низами и упорно двигающимися вправо верхами партии.

Либеральная интеллигенция оказалась глубоко деморализована, а часть ее, на собственном опыте осознав, что такое либеральный капитализм по-русски, начала быстро леветь. Психологическая обстановка начала 2000-х разительным образом контрастировала с тем, что было всего десять лет назад. Если в 1990-е гг. столичная интеллигенция была настроена в массе своей антикоммунистически и агрессивно отвергала все, что хоть капельку пахло социализмом, то сейчас любая оппозиционность вызывала у нее симпатию, и даже коммунисты казались не такими уж страшными. Левизна начала входить в моду.

ВЫБОРЫ ПУТИНА

Президентские выборы 2004 г. в народе не называли иначе как «выборы Путина». Никакой борьбы здесь не было, и единственной серьезной проблемой Кремля было отсутствие интереса населения к голосованию.

В условиях, когда оппозиция не имела доступа к телевидению, а Центризбирком откровенно играл на стороне президента, соперники Путина имели все моральные и политические основания снять свои кандидатуры, призвав к бойкоту избирательного фарса. Это был единственный вызов, которого в Кремле серьезно опасались.

Бойкота выборов требовали молодые активисты КПРФ, рядовые члены «Яблока». Но официальная оппозиция в очередной раз продемонстрировала свое политическое бессилие. Она не пошла дальше разговоров о невозможности участия в нечестных выборах, а затем приняла в них участие и получила заслуженное поражение.

Путин набрал ожидаемые 71% голосов. Даже относительный успех выдвинутого КПРФ Николая Харитонова, набравшего 13% голосов, выглядел терпимо лишь на фоне катастрофы, произошедшей с коммунистами на парламентских выборах.

Из-за низкой явки избирателей и растущего недовольства в стране успех Путина выглядел далеко не слишком впечатляющим. Накануне выборов власти делали все возможное, чтобы заставить население явиться к урнам для голосования. По сообщениям прессы, не только в больницу не укладывали людей без открепительного талона, но даже и в тюрьму без него не сажали. Фальсификации были настолько грубыми, что бросались в глаза даже иностранным наблюдателям: в Москве, прямо на глазах иностранцев, «в избирательную урну были подброшены дополнительные бюллетени», а в Хабаровске изумленные наблюдатели на одном из участков обнаружили, что «вообще подсчет голосов не производился, а итоговый протокол был фиктивным»[335]. Можно только представить себе, что творилось там, где иностранцев не было.

Оппозиционные политики вместе набрали как раз достаточно голосов, чтобы выборы состоялись. Если бы Николай Харитонов и либеральный кандидат Ирина Хакамада сняли свои кандидатуры, присоединившись к сторонникам бойкота, путинских голосов не хватило бы для признания выборов действительными. Коммунистическая оппозиция в очередной раз спасла «антинародный режим» (как и в 1993 г., когда именно призыв КПРФ прийти и проголосовать за «нет» спас от провала ельцинский референдум по конституции).

---

[335] Газета. 16.03.2004.

Главным политическим итогом первого президентского срока Владимира Путина был идеологический крах как старой патриотической оппозиции, так и либерализма. Националистическая риторика оппозиции была успешно соединена с либеральной социальной политикой и мероприятиями по укреплению полицейского государства. На протяжении 1990-х гг. либералы внушали обществу и друг другу, будто экономическая либерализация неизменно создаст условия для политической демократии. Если даже авторитарные меры и необходимы в ходе «переходного периода», то в результате становления рыночного порядка потребность в них отпадет и восторжествует свобода. На практике все оказалось строго наоборот. По мере того как прогрессировали рыночные преобразования, демократия в России сворачивалась. А к началу 2000-х гг. большая часть российского бизнеса, иностранных инвесторов и просвещенной бюрократии сошлась на том, что именно авторитаризм создает оптимальные условия для прогресса либеральной экономики. Произошел неизбежный раскол между экономическими и политическими либералами. Первые шли в правительство и торжественно докладывали об успехах реформ, в то время как вторые пытались играть роль оппозиции, истерично сетуя на удушение демократических свобод.

[Глава 10]
Зарево над Кремлем

Вечер воскресенья 14 марта ознаменовался не только торжеством Путина на президентских выборах. Как только итоги голосования были объявлены, в самом центре Москвы, у ворот Кремля вспыхнул чудовищный пожар. Горело здание Манежа, построенное Александром I к пятилетию победы над Наполеоном. «Это было одновременно страшное и завораживающее зрелище, — писала «Газета». — Объятый пламенем Манеж смотрелся гигантской декорацией фильма-катастрофы, на который не пожалели денег. На протяжении семи часов на глазах сотен, зачастую ликующих, зевак огонь уничтожал один из главных символов Москвы»[336]. При попытках потушить здание погибло двое пожарных. Огонь поднимался так высоко, что зарево было видно над Кремлем с противоположного берега Москвы-реки и казалось, что сам Кремль объят пламенем. Трудно было не увидеть в этом дурное предзнаменование.

КОНКУРЕНЦИЯ ОЛИГАРХОВ

По словам Путина, новой национальной идеей для России должна была стать конкурентоспособность. Патриотизм следовало окончательно поставить на службу

---

[336] Газета. 16.03.2004.

капитализму. Этот насквозь буржуазный взгляд на жизнь контрастировал с разгульным казнокрадством наивной ельцинской эпохи, которая воспринимала капитализм исключительно как общество потребления. Деятели путинского призыва были лишены прежнего размаха, насквозь прагматичны и в силу этого совершенно безлики. Торжество серости и мелочности, наблюдавшееся на всех уровнях российского государства и бизнеса, было одновременно ярким доказательством того, что элита страны освоила наконец правила буржуазного поведения.

На смену олигархам шла бюрократическая буржуазия, работающая в тесном сотрудничестве с западным капиталом. Причем это сотрудничество стало гораздо более основательным и долгосрочным, точно так же как более зрелым стал и русский капитализм.

Стремление олигархических элит к стабильности породило новую вспышку междоусобной борьбы во власти. Заменив Ельцина Путиным, кремлевская команда и олигархи думали, что меняют стареющего и слабеющего самодержца на молодого энергичного лидера. И в то же время они хотели, чтобы этот лидер был лишен инициативы во всем, что может затронуть их интересы. Увы, нельзя требовать от одного и того же человека противоположных качеств. Российская элита получила президента, который не только слишком слаб, чтобы брать на себя ответственность за собственные действия, но и зависим от влияния своего окружения. Борьба за власть и собственность внутри правящих верхов после небольшой паузы в 2001—2002 гг. вспыхнула с новой силой. Возникло ощущение: тот, кто управляет Путиным, управляет страной.

Не будучи связан ни с одним из олигархических и бюрократических кланов, Путин не стал и нейтральной фигурой. Он начал создавать свой собственный клан. Выходец из Петербурга, он перетащил в столицу бывших сослуживцев по тайной полиции и городской администрации. В скором времени «питерские» повели

острую борьбу со старыми кланами не только за власть, но и за собственность.

Кремль принялся за наведение порядка внутри самой элиты, расколовшейся к концу ельцинского правления на противоборствующие фракции. Перманентный «кризис верхов» был одной из главных проблем российского капитализма ельцинской эпохи. Олигархи, одичавшие от безнаказанности и бесконтрольности к концу 1990-х гг., вдруг обнаружили, что они сами стали главным препятствием для развития буржуазного порядка в России. Консолидация правящего класса, таким образом, была объективно необходима для укрепления системы. Другое дело, что команда Путина принялась решать вопрос с помощью простых административно-силовых методов, которые только и были понятны провинциальным выходцам из Комитета государственной безопасности.

«Старые» олигархи почувствовали на своей шкуре, каково из хищников превратиться в дичь. Первыми жертвами стали Борис Березовский и Владимир Гусинский. Роман Абрамович, великолепно улавливавший политическую конъюнктуру, решил удалиться подальше от Кремля. Он сделался губернатором Чукотки. Этот малонаселенный край на Дальнем Севере боготворил своего щедрого правителя. Не вмешиваясь в столичные политические интриги, новый начальник Чукотки мог беспрепятственно распоряжаться своими капиталами, скупая дворцы в Лондоне и футбольных звезд для приобретенного им в Англии клуба «Челси». Примеру Абрамовича последовал другой олигарх — Александр Хлопонин, контролировавший «Норильский никель». В 2002 г. он при поддержке Кремля избрался губернатором Красноярского края. Однако Красноярск, будучи крупным и богатым регионом, не позволял своему руководителю дистанцироваться от политики, а потому Хлопонину приходилось периодически доказывать президентской администрации, что он не собирается использовать свое положение во вред президенту.

Были и довольно экзотические способы продемонстрировать Кремлю свою лояльность. Виктор Вексельберг, глава Тюменской нефтяной компании, решил доказать свой патриотизм тем, что купил в Америке за сто с лишним миллионов коллекцию пасхальных яиц, изготовленных царским ювелиром Фаберже, и вернул их на родину.

ДЕЛО ЮКОСА

Олигархи жили за счет советских запасов, а бюрократия существовала за счет олигархов. Взятки важнее, чем налоги, прямые договоренности — значимее, нежели законы. Однако для бизнеса такое положение дел становилось все менее привлекательным. За годы экономического подъема олигархические структуры накопили существенные финансовые резервы. Уже к середине 2002 года наметилась очевидная тенденция — крупнейшие отечественные компании стали превращаться в транснациональные. Сначала на пространствах бывшего СССР и Восточного блока началась скупка активов прежних партнеров по «социалистической производственной кооперации». Российские корпорации пришли в Белоруссию, Грузию, на Украину, потом в Польшу, Словакию, Сербию. В скором времени экспансия русских олигархов дошла до Западной Европы, начиная от переработки топлива в Норвегии, кончая инвестициями в недвижимость. Отечественные корпорации стали активно привлекать западные капиталы. Виднейшие компании — ЛУКойл, «Сибнефть», «Норильский никель», Газпром — пошли по этому пути.

К середине 2000-х гг. список зарубежных активов российской олигархии выглядел уже вполне внушительно. «Северсталь» приобрела пятую по величине производства в Америке металлургическую компанию «Rouge Industry», Новолипецкий металлургический комбинат купил завод в Дании, группа «Мечел» — заводы в Румынии

и Хорватии. «Норильский никель» поглотил в США компанию «Stillwater», ведущего производителя платиноидов, а затем купил 20% акций южноафриканской компании «Gold Fields», занимающей четвертое место в мировой золотодобывающей промышленности. Трубная металлургическая компания (ТМК) приобрела 90% акций «Suderurgic Resita» в Румынии. Нефтяной гигант ЛУКойл стал скупать перерабатывающие и сбытовые мощности в Сербии. Энергетическая монополия РАО «ЕЭС» участвовала в приватизации электростанций в Болгарии и добивалась контракта на строительство предприятия в юго-восточной Турции. Туда же устремился и Газпром. Дочерние предприятия корпорации должны были обеспечить прямой контроль над сбытом и переработкой отечественного сырья в европейских странах. Компания «Русал», приобретя предприятия на Украине, в Гвинее и Австралии, активно расширяла свое присутствие в Средней Азии. В Гайане «Русал» приобрел 90% приватизируемой государственной компании по добыче бокситов. «Экспансия „Русала", похоже, не имеет границ», одобрительно констатировала газета «Ведомости»[337]. Общее настроение лидеров нового российского бизнеса выразил руководитель Газпрома Алексей Миллер: «Наш принцип — агрессивная стратегия, которая позволит обеспечить экспансию на мировых рынках»[338].

Такая стратегия развития имела мало общего с восстановлением экономического потенциала страны, о котором так много говорили в окружении Путина. Но она требовала определенной «открытости» бизнеса, выстраивающего отношения с государством более или менее в соответствии с западными нормами. Можно заплатить государству налоги, а затем легально вывезти капитал.

Под вопросом оказывалась привычная бюрократическая рента, на которой при Ельцине было построено само

---

337 Ведомости. 27.12.2004, № 238. С. 1.
338 Газпром. 2004. № 10. С. 12.

существование государственного аппарата. Михаил Ходорковский и ЮКОС стали не только политически чересчур влиятельными, но и выступили пионерами «отбеливания» бизнеса. Причем делали они это не по согласованию с властью, в рамках некого общего соглашения о новых правилах игры, а самочинно, бросая вызов как бюрократии, так и коллегам по бизнесу. Подобные действия вызвали ярость в силовых структурах. Начались аресты и следственные дела в отношении компании. Ходорковский принял ответные меры, начиная от союзов с другими олигархами, кончая финансированием оппозиционной прессы. В результате провозглашенная Путиным, «эра стабилизации» обернулась вспышкой межклановой борьбы.

Падение олигархов «первого ряда» пошло на пользу лидерам «второго ряда», крупнейшим из которых был Ходорковский. Его компания ЮКОС укрепилась и начала распространять свое влияние, ранее ограничивавшееся нефтью, на другие сферы экономики. «Питерские» смогли овладеть только Газпромом, да и то частично, поскольку государство владело 38% акций. В остальном их успехи были незначительны. Не удивительно, что разросшийся бизнес Ходорковского привлек их внимание. В свою очередь, команда ЮКОСа пыталась застраховать свой бизнес, финансируя политические партии, от коммунистов до Союза правых сил. Газетные комментаторы уже подсчитывали, сколько мест в следующей Государственной думе получит объединенная фракция ЮКОСа.

Близкие к компании газеты начали пугать читателей возвращением тоталитаризма, объясняя, что неприкосновенность собственности Ходорковского является главной гарантией политической свободы. Значительная часть либеральных журналистов искренне разделяла эту точку зрения. Однако они заблуждались. Перефразируя слова известного публициста Акрама Муртазаева, пока олигархи воровали, государство стояло на шухере. Правовое государство не может гарантировать неприкосновенность награбленного, а демократия предполагает

право народа большинством голосов пересмотреть итоги приватизации. Потому капитализм и авторитаризм в постсоветской России оказывались неразрывно связаны. А защита института частной собственности может сочетаться с совершенной незащищенностью отдельных собственников по отношению к власти.

Требованием олигархов являлась незыблемость итогов приватизации. Здесь команда президента Путина, как ни парадоксально, оказалась полностью солидарна с банкирами и нефтяными баронами. Полицейское государство для того и нужно, чтобы охранять власть собственников. Чем более сомнительны права собственности, тем более полицейским должно быть государство. Защищают бизнес в целом, а не какого-то отдельного бизнесмена, которым можно и пожертвовать. А защитники — бюрократия и силовые структуры — законно требуют своей доли и справедливо наказывают всякого, кто отказывается платить.

Готовясь к новому раунду реформ, власть вынуждена была вести войну на два фронта. С одной стороны, она наносила удары по недисциплинированным олигархам «старого призыва», не желавшим жить по законам правильного капитализма. С другой, по коммунистической оппозиции, у которой мог возникнуть соблазн воспользоваться растущим недовольством.

В свою очередь, в Думе лидеры Компартии РФ и руководство ЮКОСа начали сотрудничать между собой. Ходорковский планировал при поддержке коммунистов осуществить политическую реформу, которая ограничила бы власть президента и тем самым вывела бы его из-под удара. Понятно поэтому, что администрация не могла ждать до начала нового президентского срока. Еще до парламентских выборов 7 декабря 2003 г. Ходорковский оказался в тюрьме, а Коммунистическая партия была на этих выборах разгромлена, потеряв свое влияние в Думе.

Политическая логика, которой руководствовался Путин, на первых порах не вызывала возражений у большинства

отечественной элиты. Отдельными личностями приходилось жертвовать ради укрепления власти корпораций. После ареста Ходорковского Российский союз промышленников и предпринимателей, немного поворчав, поддержал президента. И причиной был не страх перед репрессиями, а твердое понимание собственной выгоды. Точно так же спокойно отреагировал и иностранный капитал. Правительство подчеркнуто выводило его за рамки конфликта: как бы ни складывалась судьба отечественных бизнесменов, иностранные инвестиции считались священными и неприкосновенными. Легко догадаться, что это привело к резкому усилению позиций иностранцев на внутреннем рынке. Пример подал опальный (но все же по-прежнему передовой) ЮКОС, поставивший у руля компании иностранных менеджеров, которые оказались для Кремля куда удобнее отечественных. Урок был усвоен. Теперь любая корпорация стремилась найти иностранного компаньона: уступив ему долю собственности и контроля, она получала гарантии неприкосновенности.

В годы Ельцина олигархи воспринимали страну как свое охотничье угодье, всячески заботясь о том, чтобы не пустить туда более сильных иностранных хищников. Они активно грабили страну и вывозили капитал, но делали это по возможности самостоятельно. В этом, кстати, было существенное отличие России от соседних республик (например, от Казахстана, где так и не сложилась национальная буржуазия, а бюрократия напрямую обслуживала иностранных инвесторов). Напротив, российские олигархи ревностно защищали от иностранного присутствия банковский сектор, следили за тем, чтобы западные компании не отняли у них нефтяные, алмазные, рудные месторождения.

К началу XXI в., однако, ситуация изменилась. За годы экономического роста местный бизнес почувствовал себя увереннее, а потому уже готов был войти в долю с транснациональным капиталом, не боясь быть полностью поглощенным и вытесненным. С другой стороны,

западные инвесторы и спекулянты готовы были воспользоваться открывавшимися в России возможностями — особенно ценными на фоне депрессии в Европе, неопределенности в экономике США и общего спада в капиталистической миросистеме.

Понятно, почему, несмотря на протесты опальных олигархов и жалобы интеллигенции на удушение демократии, иностранные инвестиции в Россию нисколько не сократились, а государственные мужи Запада воздерживались от серьезной критики Путина. Инвестиционный рейтинг России оставался стабильно высоким, спрос на ее ценные бумаги рос, иностранные спекулянты охотно покупали даже бумаги опальных компаний, твердо зная, что национализация им не угрожает.

Арест Михаила Ходорковского 25 октября 2003 г. вызвал краткосрочный спад на бирже. Однако на успех «Единой России» биржевые спекулянты реагировали бурным ростом котировок.

ПРАВИТЕЛЬСТВО КАСЬЯНОВА

Подавление олигархов отнюдь не означало отказа от олигархической структуры экономики. Структурные реформы как раз не входили в планы меняющейся элиты. Олигархи подвергались гонениям как личности (причем чем более заметной была личность, тем хуже для нее). Корпорации сохраняли свои позиции, одновременно обезличиваясь.

Бюрократия навязала предпринимательскому сословию свои требования. Однако ее успех был изначально гарантирован тем, что одна часть элиты все равно без другой обойтись не могла. Без государственного насилия и контроля вся социальная система новой России рисковала разрушиться. «Нормализация» отечественного капитализма закономерно требовала создания более упорядоченного, но одновременно и более авторитарного государства.

С одной стороны, происходит передел собственности — от олигархов «первой волны», сколотивших свои империи под покровительством Ельцина и его «семьи», компании переходят к новым хозяевам, принадлежащим к окружению нового президента. Но с другой стороны, что гораздо важнее, подрывая позиции «старых» олигархов, путинская администрация начала устанавливать новые правила игры, выгодные для бизнеса в целом и для транснациональных корпораций в особенности.

Беда олигархов состояла как раз в том, что они не были по-настоящему буржуазны. Они лишь научились делать деньги, растаскивая и присваивая советское наследие. Теперь, вместе с экономическим ростом и политической стабилизацией должно было начаться и проникновение капиталистических отношений в глубины российской жизни, перестройка всей системы управления, трудовых отношений и общественного поведения в соответствии с буржуазными принципами.

Предпринимательскому сообществу твердо дали понять, что время прямого вмешательства в политику закончилось. Олигархи, пытавшиеся напрямую контролировать Кремль, были изгнаны из страны или арестованы. Пестрых и экстравагантных хозяев сменяли обезличенные корпоративные структуры, сросшиеся, на американский манер, с государственной бюрократией.

Те, кто понял новые правила игры, могли воспользоваться новыми возможностями, создаваемыми экономической политикой властей. Еще во время первого президентского срока Путина в России был принят новый трудовой кодекс, сводивший к минимуму права профсоюзов и фактически запрещавший забастовки. Было разработано законодательство о пользовании лесом, вызвавшее ужас экологов и восторг бизнесменов. Ко второму президентскому сроку Путина был подготовлен целый пакет нововведений, с энтузиазмом поддержанных предпринимательским сообществом. Трудовой кодекс решили еще больше ужесточить. Подготовили и новый водный кодекс, предусматривающий приватизацию водоемов.

Несмотря на протесты специалистов, либеральные мыслители не исключили из проекта даже передачу в частные руки «объектов судоходства, в том числе гидротехнических сооружений, поддерживающих напор искусственных морей, где подъем достигает 20 метров»[339].

Среди других идей, предложенных экспертами команды Путина в качестве экономической программы на новый срок, следует отметить возврат к обслуживанию бюджета частными банками (подобную практику после дефолта пресекло правительство Примакова). Социальный налог, выплачиваемый работодателями, сочли нужным сократить. Потери бюджета планировалось возместить за счет увеличения подоходного налога, собираемого с трудящихся (при этом о возврате к прогрессивному налогообложению речь не шла, а потому богатые могли спать спокойно). Подготовлены были проекты реформы образования и здравоохранения, призванные окончательно открыть их для рыночных отношений. Особенно жестокие меры запланированы в области медицины: речь зашла об уничтожении всей системы бесплатных детских поликлиник, женских консультаций и т. д. Отложенная на некоторое время жилищно-коммунальная реформа снова возвращалась в повестку дня. На этот же период было намечено вступление России во Всемирную торговую организацию. Короче, экономическая программа второго президентского срока Путина точно соответствовала идеалам неолиберализма.

Такой поворот вполне закономерен. После того, как большая часть промышленности была приватизирована, единственная возможность для экспансии капитала сохранялась за счет открытия для рыночной эксплуатации тех сторон жизни общества, которые до сих пор были от нее защищены. Понятно, что такая политика ни в одной стране мира не вызывает восторга у населения. Но именно потому государство становилось все более жестким и авторитарным. При этом ответственность за «непопулярные

---

339 Финансовые известия. 20.02.2004

меры» должна была ложиться на правительство, а стабильность системы обеспечивал «всенародный лидер», стоящий как бы над схваткой.

Беда в том, что правительство не готово было выполнить отводимую ему роль. Не дожидаясь президентских выборов, назначенных на 14 марта, Путин 24 февраля 2004 г. уволил премьер-министра Михаила Касьянова.

Отставку Касьянова ожидали практически с момента его назначения на пост главы правительства в январе 2000 г. Его называли «техническим премьером», ему прочили два-три месяца работы. Про него точно знали, что, не будучи членом команды нового президента, он долго на своей должности не протянет. В итоге Касьянов «протянул» почти весь первый президентский срок Путина. Уход премьера произошел в тот момент, когда этого менее всего ждали: ведь после выборов по конституции все равно правительство должно было подать в отставку. Официальные объяснения президента звучали путано и невразумительно.

Президент говорил, что назначая нового премьера еще до выборов, он стремится дать сигнал обществу и показать каким будет курс власти после 14 марта. Граждан России такое поведение лидера только запутывало, тем более что процесс реорганизации правительства требовал нескольких месяцев. Однако «сигнал» президента был адресован не населению страны, а деловым кругам и западным инвесторам, которые должны были твердо знать, что конфликт с олигархами и подавление оппозиции не только не могут поколебать либеральную направленность экономического курса, но напротив, усилят ее. От того, насколько убедительными будут в данном вопросе аргументы власти, зависела поддержка деловыми кругами результатов выборов. В таких условиях президент действительно не мог откладывать реорганизацию кабинета министров до весны.

Правительство Касьянова критиковали за пассивность, бездеятельность, за стремление «почивать на

лаврах», пользуясь высокими ценами на нефть и пожиная плоды успехов, достигнутых за восемь месяцев премьерства Примакова. В преддверии второго президентского срока Путин дает понять, что пассивности больше не потерпит, начинается время активных действий.

Между тем именно пассивность, вялость и нежелание принимать решения, возможно, сделали Касьянова самым успешным премьер-министром постсоветской России. Его упрекали — в сущности, справедливо — в том, что он не использовал благоприятной конъюнктуры 2000—2002 гг. для структурных преобразований и решения долгосрочных проблем. Но дело в том, что под «структурными реформами» у нас понимают вовсе не меры, направленные на расширение внутреннего рынка, поддержку промышленности, повышение жизненного уровня, восстановление рушащейся инфраструктуры или инвестиции в образование и науку. Требуя «структурных реформ» отечественная элита имела в виду снижение налогового бремени для собственников, приватизацию и расчленение остатков общественного сектора, ликвидацию бесплатной медицины и выселение из квартир людей, не способных платить «коммерческие» коммунальные тарифы. Население смотрело на подобные планы с нескрываемым ужасом, зная по собственному опыту, что ничем хорошим такие эксперименты не кончаются.

Касьянов инстинктивно сознавал то же самое. Он не был идейным противником неолиберализма. Просто, будучи человеком осторожным и не склонным к авантюрам, он жил в московском Белом доме по принципу: «Не тронь лиха, пока лежит тихо». Зачем рисковать, если все идет нормально? В этом премьер-министр был похож на огромную массу своих сограждан, измученных потрясениями 1990-х гг., когда слова «реформа» и «беда» стали синонимами.

В правительстве шла непрерывная борьба между прагматиками и очередной «командой реформаторов», возглавляемой, как теперь положено, выходцами

из Ленинграда — Германом Грефом (Министерство экономического развития) и Алексеем Кудриным (Министерство финансов). Амбициозный «план Грефа», торжественно провозглашенный в начале царствования Путина, был фактически похоронен в правительстве. Не реагировал Касьянов и на призывы Путина принять решительные меры для удвоения валового внутреннего продукта. Не вдохновила его идея президентского советника Андрея Илларионова за десяток лет догнать и перегнать Португалию. Прагматики понимали, что всевозможные «большие скачки», «модернизационные рывки» и «решительные меры» обернутся чередой катастроф, которые в лучшем случае приведут к крушению правительства, а в худшем — дестабилизируют страну.

НАЧАЛО «НЕОБХОДИМЫХ РЕФОРМ»

Будучи занятым борьбой с политическими недругами, на саботаж правительства Путин смотрел сквозь пальцы. В некотором смысле «торможение реформ» было ему даже выгодно: пока исход политической борьбы оставался неясен, желательно было свести к минимуму риски в экономике. Но к концу 2003 г. ситуация радикально изменилась: недоброжелатели президента повержены, оппозиция сведена к политическому ничтожеству, недовольные олигархи изгнаны или «доведены до цугундера», а остальные крупные предприниматели должным образом выдрессированы.

Лидеры бизнеса теперь твердо знали, что прямое вмешательство в политику недопустимо. Что, кстати, соответствует теориям либеральной политэкономии. В свою очередь государство, в соответствии с теми же теориями, обещало удалить все препятствия для развития свободного рынка, свести к минимуму перераспределение доходов и отдать на милость частному сектору любую отрасль, в которой предприниматели пожелают извлекать прибыль. Президент отводит себе лишь почет-

ную роль «ночного сторожа». То есть главы репрессивного аппарата, каковым он и является — по должности и по призванию.

Путь к этой либеральной идиллии лежал через новую волну неолиберальных мер. Однако неожиданным препятствием на этом пути оказалось само правительство, не желавшее провоцировать новый социальный кризис в собственной стране. Газета «Ведомости» отмечала, что «многие важнейшие законопроекты — от поправок в Налоговый кодекс до нового Лесного кодекса — буксовали именно с подачи Касьянова». Осторожный премьер не испытывал большого восторга по поводу проектов, предлагавшихся неолибералами из окружения президента. На протяжении четырех лет он успешно блокировал планы Германа Грефа и его команды. В 2004 г. ситуация изменилась. Когда правительство отправило на доработку очередной проект налоговой реформы, согласованный с администрацией, «чаша терпения президента переполнилась»[340].

Касьянов стал очередной ритуальной жертвой, принесенной на алтарь либеральных реформ.

На пост главы правительства был назначен Михаил Фрадков, занимавший пост представителя России в Евросоюзе. **Российская элита оценила решение президента как** жест Кремля в сторону Запада, а биржа реагировала очередным повышением котировок, «радуясь неожиданному назначению — новому премьеру, который одновременно опирается на „силовиков" и либералов, никогда не скажет „нет" президенту и будет последовательно проводить реформы»[341].

Как принято в России, назначение нового премьера было окружено обстановкой загадочности, а в конечном итоге стало напоминать неудачный розыгрыш. Как отмечает «Газета», «чиновники администрации президента и журналисты наперебой высказывали предположения,

---

340 Ведомости. 25.02.2004.
341 The Moscow Times. 2.03.2004.

кого же назовет Путин. Кто-то пытался даже устроить тотализатор. Но назначение готовилось в такой секретности, что правильная кандидатура ни разу так и не прозвучала. Как выяснилось позже, правильный вариант не знали и те, кто в это время сидел за одним столом с Путиным». Зато потом, когда имя было произнесено, настроение изменилось в считанные секунды. Последовала сцена совершенно в духе Гоголя. «Опомниться не успели и стали одобрять», ехидно заметил кто-то из журналистов. Чиновники и депутаты «немедленно принялись хвалить решение Путина и хвастаться, кто дольше знаком с Фрадковым»[342].

Сам новый премьер узнал о своем назначении из телефонного разговора с президентом, его даже не удосужились вызвать в Москву из Брюсселя и узнать его предложения по составу, структуре или программе правительства. Да это и не требовалось. Программа уже была сформирована окружением Путина, в полном соответствии с неолиберальными учебниками. Другое дело, что ни один из питерских деятелей, приближенных к президенту не решался сам взяться за ее выполнение.

На всякий случай президент оставил под своим личным руководством Федеральную службу безопасности, Федеральную службу охраны, внешнюю разведку и другие хорошо знакомые ему ведомства. Решено было радикально сократить правительственную бюрократию. В результате проведенных энергичных сокращений количество министерств и ведомств увеличилось с 58 до 73. Зато число начальников, обладающих правом подписи и возможностью принимать решения, резко сократилось, результатом чего стала аппаратная неразбериха. Наблюдая все это, заместитель руководителя аппарата правительства А. Л. Головков меланхолически констатировал: «Пока эффективность работы федеральных структур скорее снизилась»[343].

---

342 Газета. 2.03.2004.
343 Эксперт. 2004. № 39. С. 14.

Новая структура правительства не вызывала никаких сомнений о том, чем собирается заниматься власть в ближайшие пять лет. Если не считать некоторых анекдотических мер, вроде создания «Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека» (в просторечии, «министерства благополучия»), речь шла о решительном ускорении рыночных реформ, которые тормозились предыдущим кабинетом. Петербургские либералы из окружения Путина праздновали победу.

«Приход к власти Владимира Путина и его политика в течение первого срока президентства почему-то настроили наших либералов на пессимистический лад», — писал политолог Андрей Лебедев[344]. «На самом деле это просто смешно. Либералам грех жаловаться на политику власти, ибо реально более либеральной она не была даже при Ельцине. Первый президент России лишь скромно пытался привить стране либеральные ценности, начав с отпуска на свободу цен и приватизации государственной собственности. Теперь же либерализм в России может пойти дальше. Правительство Гайдара и мечтать о таком не могло»[345].

Государственная дума ударными темпами принялась за реализацию очередного «пакета реформ». Был на треть сокращен социальный налог, который уплачивали работодатели за наемных работников, причем для работников со сверхвысокими зарплатами социальный налог был снижен до символических 2% (тем самым предпринимателей стимулировали повышать заработки топ-менеджеров). Готовился новый Лесной кодекс, допускающий приватизацию лесов, сводящий к минимуму экологические ограничения. К началу 2000-х гг. продажа необработанных лесоматериалов составляла 51,5% от экспорта России. Принятие Кодекса открывало возможность продажи примерно 843 млн га леса частным заготовителям.

---

344 Виза. 2004. № 7. С. 19.
345 Там же. С. 20.

Речь идет о по-настоящему больших деньгах. Лес, наряду с нефтью, является одним из главных богатств страны. Массированный приход частного капитала, должен был, как и в нефтяной промышленности, привести к формированию олигархических корпораций, контролирующих не только ресурсы, но и целые области страны. В соответствии с проектом собственниками лесных угодий могли стать также иностранцы. Согласно проекту единственным исключением были леса в приграничной зоне: национальная безопасность превыше всего. Остальную территорию страны можно было скупать хоть целиком. Ни о каком общественном контроле за перераспределением лесных угодий в Кодексе не было и речи. Правительство обсуждало даже вопрос о приватизации заповедников, заказников.

Когда первый вариант проекта стал известен общественности и экологическим организациям, поднялся ропот. Текст принялись дорабатывать, некоторые формулировки смягчили. Официальные лица теперь стараются пореже употреблять слово «приватизация». Документ от этого стал крайне двусмысленным, но общая направленность его не изменилась. Долгосрочная аренда, предлагаемая авторами кодекса, мало отличалась от приватизации. Разработчики документа оставили за арендатором право по истечении десяти лет выкупать лес в собственность.

Под стать лесному кодексу было и законодательство о водных ресурсах, которые теперь тоже могли переходить в частную собственность. Параллельно Министерство природных ресурсов (МПР РФ) подготовило новый вариант закона о недрах. Его философию четко и просто выразил глава МПР Юрий Трутнев: «У государства есть только одна функция — оно должно подготовить месторождение для продажи, а потом продать его максимально эффективным способом, каким является аукцион. Остальное — это как разработка компаний-недропользователей»[346].

---

[346] Итоги. 14.12.2004. № 50. С. 19.

И все же главные перемены ожидали страну в социальной сфере. Первым шагом стала «монетизация льгот». Правительство отказывалось от социальных обязательств по отношению к пенсионерам, инвалидам, ветеранам войн и другим группам населения, раньше имевшим права на различные льготы — бесплатный проезд в транспорте, бесплатный отдых в санаториях и т. д. Вместо этого бывшим льготникам предлагались денежные компенсации.

Как и ожидалось, денег на выплату компенсаций не хватило, тем более что реформа проводилась централизованно, а разбираться с бывшими льготниками предстояло местным властям. Реформа выявила и другую принципиальную проблему рыночного подхода: стоимость далеко не всех услуг можно адекватно подсчитать. Наконец, парадоксальным образом навеянная либеральной идеологией «монетизация льгот» стала существенным фактором инфляции: если раньше те или иные услуги просто предоставлялись, то теперь требовалось затрачивать дополнительные наличные деньги, которые потом расходились по стране.

«Монетизация льгот», впрочем, была задумана лишь как подготовительное мероприятие, за которым должны последовать гораздо более серьезные шаги. Прежде всего речь шла о годами откладываемой жилищно-коммунальной реформе. Целью ее была коммерциализация и приватизация всего сектора жилищных услуг, а также перераспределение жилого фонда. Менее обеспеченные слои населения должны были, не выдержав новых цен, переселяться из хороших квартир в худшие, а освободившееся жилье заселялось бы успешными представителями верхнего среднего класса. Стагнирующий рынок недвижимости получал бы новый стимул.

Поскольку страна испытывала нехватку квалифицированных производственных кадров (подготовкой новых никто всерьез не занимался пятнадцать лет), правительство предложило повысить возраст выхода на пенсию. Помимо прочего это должно было привести к серьезной

экономии средств. Как отмечала «Независимая газета», «продолжительность жизни российского мужчины в среднем ниже пенсионного возраста. Если пенсионный возраст поднять, удачей будет уже просто дожить до пенсии»[347]. Для молодых людей, родившихся уже к концу советской эпохи, создавалась накопительная пенсионная система, которая была призвана (в точном соответствии с социальной философией либерализма) покончить с принципом солидарности поколений.

Реформа образования предполагала торжество рыночного подхода. Бесплатное высшее образование уходило в прошлое, готовилась распродажа ненужных уже университетских зданий, превращающихся в объекты недвижимости. Образование должно было стать привилегией для богатых. Большинству предоставлялась лишь возможность получить профессиональную подготовку по тем специальностям, в которых заинтересованы корпорации и власть. Такая политика вызвала замешательство даже среди убежденных либералов. Так Александр Привалов на страницах «Эксперта» напоминал, что образование несколько отличается, например, от производства угля или нефти, его главный «продукт» — знание, «вещь в деньгах никоим образом не оцениваемая». По мнению Привалова, «предлагаемая реформа образования больше не позволит нам делать Большую науку: она делается только долгими и целенаправленными усилиями государства и даже чисто теоретически не может возникнуть как побочный продукт наивно коммерциализированной системы профнатаскивания»[348].

На самом деле ничего наивного в реформе (подготовленной, кстати, при содействии Всемирного банка) не было. Власти прекрасно понимали, что население страны слишком много знает — необходимо понизить его культурный и интеллектуальный уровень. В самом деле, для экономики, которая основана на добыче и вывозе

---

[347] Независимая газета. 21.10.2004.
[348] Эксперт. 2004. № 4. С. 12.

полезных ископаемых, не нужно ни многостороннее развитие науки, ни масса квалифицированных специалистов в самых разных отраслях знания. С другой стороны, новая социальная дифференциация, создававшая пропасть между элитой и основной массой населения, могла быть стабильной лишь в том случае, если разрыв в материальном достатке и власти дополнился бы не менее впечатляющим разрывом в сфере знаний.

Здравоохранение должно было реформироваться по тем же принципам, что и образование, только немного медленнее. В завершение всего было предложено отменить всевозможные отсрочки от призыва в армию — не только для студентов, но и для других категорий молодежи, включая даже сотрудников милиции. Последняя мера теоретически призвана была удовлетворить военных, которые все менее скрывали свое раздражение Кремлем. Однако подобный подарок грозил обернуться лишь новыми проблемами: никто не объяснил генералам, что делать с многократно увеличивающимся числом призывников.

«Государство, — подводил итог Андрей Лебедев в журнале „Виза", — более не намерено быть нянькой: отцом и матерью родной для своих граждан. Россия совершает прыжок в светлое капиталистическое будущее с закрытыми глазами, бросая на произвол судьбы всех тех своих граждан, которые не вписываются в новый формат жизни»[349].

ЮКОС РАСЧЛЕНЯЮТ

Правый социально-экономический курс, однозначно избранный Путиным, неизбежно должен был вызвать одобрение либералов. Но дело ЮКОСа не только продолжало провоцировать критику либеральных изданий, но и начинало раздражать крупный бизнес. Ведь отъем

[349] Виза. 2004. № 7. С. 21.

собственности у владельцев крупнейшей российской компании грозил стать опасным прецедентом даже в том случае, если бы и не принял форму официальной национализации.

На страницах газеты «Версия» популярный либеральный публицист Леонид Радзиховский доказывал, что для успеха «правого похода» президента компромисс в деле ЮКОСа жизненно необходим. Это может быть компромисс на условиях власти, «но все равно компромисс». Такая развязка «успокоит Запад и крупный капитал, но и ясно покажет им, что политика России является раз и навсегда делом только президента, в разговорах с ним „ноги на стол" лучше не класть, иначе домой пойдешь на костылях»[350].

Это звучало вполне убедительно и логично. Беда в том, что компромисс был уже невозможен. Обе стороны зашли слишком далеко и остановиться уже не могли. Тем более, что речь шла уже не только о Путине и Ходорковском с их ближайшим окружением. В конфликт, так или иначе, была замешана вся государственная машина.

Не испугала бизнес и в очередной раз продемонстрированная зависимость российских судов от власти. Публицисты либеральных газет сделали нарицательным название Басманного суда, через который проходили инициированные Кремлем дела. Но «басманное правосудие» вполне устраивало то большинство бизнесменов, чьи капиталы под властью Путина не только не пострадали, но, напротив, приумножились. А таких было большинство.

В расправе над ЮКОСом приняли участие и западные компании. Либеральные немецкие политики с возмущением обнаружили, что вместо того, чтобы сожалеть об участи Ходорковского, их буржуазные соотечественники думают, как бы поживиться за его счет. Социал-демократическое правительство в Берлине тоже не си-

---

[350] Версия. 2004. № 8. С. 5.

дело сложа руки. Оно помогло финансовому концерну «Deutsche Bank» получить заказ на оказание экспертных услуг в деле ЮКОСа. А энергетический концерт Eon из Дюссельдорфа, который владел 6,4% акциями Газпрома, планировал даже участвовать в финансировании покупки «Юганскнефтегаза».

Западные эксперты отмечали, что немецкие банкиры консультировали Газпром в деле ЮКОСа. Наряду с «Deutsche Bank», с Газпромом работал и «Dresdner Bank». Участвовали в деле и адвокаты из Франкфурта.

Для канцлера Германии Герхарда Шредера дело ЮКОСа имело собственный смысл. Он защищал Путина не только от либералов, но и от партнеров по коалиции, даже когда один из лидеров партии «зеленых» Райнхард Бютикофер вместе с главой СвДП Вольфгангом Герхардтом подписал письмо в защиту ЮКОСа[351]. Дело, разумеется, было не в личной дружбе с Путиным и не в предполагаемых германофильских настроениях обитателя Кремля, сделавшего карьеру в Восточной Германии.

Речь шла о надежности обеспечения Германии энергоносителями. По мере того как обострялось экономическое соперничество между центрами силы мирового капитализма, увеличивалось и стратегическое значение этих поставок. Конкуренция евро и доллара на финансовых рынках оказывалась неотделима от борьбы за влияние в России.

Либералы в Бундестаге кричали, что это помощь в национализации частного предприятия[352]. В берлинских правительственных кабинетах не поддавались подобной пропаганде, поскольку прекрасно понимали, что расширение империи Газпрома, акциями которого уже много лет преспокойно владели иностранные капиталисты, ничего общего с национализацией не имело.

---

351 См. Süddeutsche Zeitung. 17.12.2004.
352 См. Focus Online. 16.12.04.

Участию немецких фирм в разделе ЮКОСа помешала не истерика либералов, а вмешательство американских конкурентов.

Основной владелец ЮКОСа — МЕНАТЕП (Group Menatep) — обратился в суд в американском городе Хьюстоне и добилась решения о запрете на проведение аукциона по продаже «Юганскнефтегаза». МЕНАТЕП грозился продолжать судебные преследования. Надо сказать, что действия хьюстонского суда, не имевшего никакого юридического основания вмешиваться в конфликт, происходивший в России, не слишком отличались от отечественного «басманного правосудия». Однако команду Путина они напугали. Первоначальный сценарий был сломан.

Аукцион состоялся в назначенный срок, но его результат оказался неожиданным. Неизвестно откуда прибыли представители таинственной компании «Байкалфинансгрупп», зарегистрированной в Тверской области, и не встречая особого сопротивления со стороны остальных претендентов, купили «Юганск» за 9,35 млрд долларов. Единственный конкурент — «Газпромнефть» — отказался торговаться. Правда, «Байкалфинансгрупп» внес лишь задаток в 1,7 млрд долларов, оставшуюся сумму обещали перечислить до 18 января 2005 г. Еще до наступления этой даты «Байкалфинансгрупп» прекратил свое существование.

Продажа «Юганскнефтегаза» поразительным образом напоминала залоговые аукционы середины 1990-х гг. «История развития экономических отношений в России сделала очередной виток по спирали, — писала газета «Ведомости», — змей вонзил зубы в собственный хвост — залоговые аукционы вернулись. Ходорковский потерял свою собственность так же, как и получил, но радоваться этому не стоит»[353].

Тем временем эксперты терялись в догадках, кто стоит за загадочным покупателем «Юганскнефтегаза». Основных версий было две — Газпром и «Сургутнефтегаз».

---

[353] Ведомости. 20.12.2004. С. А4.

Ведь интересы «Байкалфинансгрупп» на аукционе представляли два сотрудника «Сургутнефтегаза». В скором времени Владимир Путин, находившийся с визитом в Германии, внес ясность в вопрос о новых хозяевах компании: «Насколько мне известно, акционерами „Байкалфинансгрупп" являются исключительно физические лица, — заявил он. — Но это лица, которые многие годы занимаются бизнесом в сфере энергетики»[354]. Очевидно, президент хорошо знал эту группу лиц и даже был знаком с их планами, поскольку добавил, что новые собственники «Юганска» намерены развивать отношения с другими энергокомпаниями России, в том числе и государственными. Он также упомянул китайскую компанию „CNPC", которая, возможно, «примет участие в работе этого актива»[355].

Покупатели «Юганска» так и остались неназванными. Было лишь ясно, что речь идет о ком-то из ближайшего окружения президента. Невыясненным остался и вопрос о том, откуда группа частных лиц достала миллиарды долларов, необходимые для сделки. Однако вскоре все это потеряло всякое значение. Не прошло и нескольких дней, как «Байкалфинансгрупп» перепродала акции «Роснефти».

После сложных комбинаций государство все же решилось открыто взять активы ЮКОСа в свои руки. Тем временем Газпром вдруг принялся продавать свой филиал «Газпромнефть», к которому предполагалось присоединить Юганск. За номинальную сумму в 30 млн долларов «Газпромнефть» перешла к неизвестной фирме. Спустя еще недолгое время было объявлено, что и эта фирма отойдет к «Роснефти».

«Наверное, после того как опустится занавес, возникнет мощный нефтяной концерн, — констатировала немецкая „Die Welt". — Он будет называться государственным. Интересы „частных лиц", а вернее, интересы

---

354 Ведомости. 22.12.2004. С. А1.
355 Там же.

команды президента будут защищены. Российская экономика до сих пор функционирует по принципу матрешки. Она непрозрачна, так же как эта игрушка. Но в центре, когда открывается последняя матрешка, всегда стоит частный интерес»[356].

Выдающийся русский историк Михаил Покровский однажды заметил, что самое трудное для деспотического режима — найти такие методы управления, которые позволили бы сочетать полицейский произвол с уважением к закону.

Российский капитализм начала XXI в. столкнулся с той же проблемой, что и в конце XIX в. Чтобы буржуазные порядки успешно функционировали, необходимо определенное уважение к закону, свободная от политического влияния судебная власть и пресса, способная объективно информировать читателя о положении дел. Но чтобы удерживать в подчинении многомиллионный народ, лишенный социальных гарантий и отчужденный от собственности, требуется жесткий авторитарный режим. Многочисленная и бесконтрольная бюрократия становится все более прожорливой и все менее эффективной. В итоге режим начинает плодить себе врагов в той самой среде, интересы которой, вроде бы, призван защищать.

Деловые круги были готовы терпеть издержки авторитаризма до определенного предела. Но власть, подталкиваемая внутренней логикой собственных решений, уже не способна была остановиться. В свою очередь, либеральная оппозиция, следуя логике политической борьбы, становилась более радикальной. Она тоже оказывалась заложником собственных лозунгов. Во имя избавления от режима Путина требовалось дестабилизировать тот самый социальный порядок, который единственно гарантировал реализацию либерально-капиталистической модели в отечественных условиях.

---

[356] Die Welt. 23.12.2004.

БЕСЛАН

9 мая 2004 г. во время торжественного мероприятия в Грозном был взорван Ахмат Кадыров, только что избранный президентом Чечни. Взрыв был осуществлен технически очень «чисто» (число пострадавших было минимально), в тщательно охраняемой зоне, что напоминало скорее «почерк» армейских спецслужб, нежели боевиков.

К тому времени события в Чечне давно уже перестали определяться местными факторами. Оккупированная республика превратилась в арену борьбы не только и не столько между военными и боевиками, сколько между различными силами, противостоявшими друг другу в Москве. Соперничество между органами госбезопасности и военными, администрацией президента, правительством и спецслужбами вылилось в очередной кризис. Взрыв 9 мая лишь показал, что события выходят из-под контроля.

В ночь на 22 июня 2004 г. около 300 боевиков неожиданно осадили здание МВД Ингушетии, городской и районный отделы внутренних дел Назрани, Карабулака и станицы Орджоникидзевская, а также назрановский погранотряд. Переодевшись в форму федералов, они захватили блокпосты, проверяли документы и расстреливали в упор тех, кто предъявлял удостоверения милиции. Пять часов вторгшиеся в республику боевики оставались хозяевами положения. В ту ночь погибли 79 человек, из них 49 сотрудников правоохранительных органов, 113 человек получили ранения. С оружейных складов в Назрани забрали большое количество оружия.

В июле решением Путина был снят со своей должности начальник Генерального штаба Анатолий Квашнин, являвшийся фактическим лидером военной элиты. Выпускник гражданского вуза, он на первых порах считался в армейских кругах чужаком, но благодаря таланту скорее политика, чем военачальника сумел завоевать в этой среде реальное влияние. Вслед за отставкой

Квашнина должна была последовать реорганизация в армейских спецслужбах. Главное разведуправление (ГРУ) Генерального штаба ожидали кадровые перестановки.

За годы, последовавшие после распада СССР, разведывательное сообщество превратилось из сложной, но четко работающей системы, по выражению Антона Сурикова, в плохо координируемую и дурно управляемую конфедерацию банд и фирм. У каждой из группировок были собственные коммерческие интересы, которые она тщательно оберегала. Наблюдавшийся при Путине рост влияния людей из ФСБ вызывал в армейских спецслужбах нарастающее беспокойство.

На угрозу реорганизации армейские спецслужбы ответили чем-то вроде забастовки (если только не прямым саботажем). Поскольку именно они в наибольшей степени могли контролировать ситуацию в Чечне, результаты не замедлили сказаться. В августе были взорваны в воздухе два пассажирских самолета, один из которых упал в подозрительной близости от резиденции Путина в местечке Бочаров Ручей. Но это было еще не самое худшее. 1 сентября, в первый день школьных занятий, боевиками была захвачена школа в североосетинском городе Беслан. Несколько сот детей и учителей оказались в заложниках.

В первый момент могло показаться, что события развиваются по тому же сценарию, что и в Буденновске. Власти должны были вступить в переговоры с захватчиками, а прибывшие на место оперативники ГРУ готовили почву для появления на месте событий Аслана Масхадова, который должен был вывести из школы заложников. Даже если бы Масхадов сделал это безо всяких предварительных условий (как он обещал через своего лондонского представителя Ахмеда Закаева), ситуация в Чечне изменилась бы кардинально, а сам Масхадов, обретя легальный статус, мог бы добиваться политического диалога с Москвой.

Однако российская элита была уже совершенно не такой как в середине 1990-х гг. Ни одно из высокопоставленных должностных лиц в захваченную школу не

явилось. Прибыл лишь отстраненный Путиным от власти бывший лидер Ингушетии Руслан Аушев. Остальные, сославшись на необходимость оберегать собственные жизни, отказались появляться в захваченной школе и даже в городе Беслане.

Масхадов так и не появился в Беслане. Вокруг школы завязалась перестрелка, спровоцированная неизвестными снайперами, переросшая в стихийный штурм. Как выяснилось впоследствии, во время суда над единственным уцелевшим террористом по зданию школы стреляли из танков и огнеметов. Бой продолжался несколько часов. Итогом была гибель сотен заложников.

Военные категорически отрицали свою причастность к началу стрельбы. Зато на третьем канале государственного телевидения прошло радостное сообщение об очередном успехе спецслужб:

«Сначала оперативники в форме МЧС, пришедшие за телами погибших, приблизились к зданию школы на расстояние пистолетного выстрела. Они в последующей перестрелке возьмут всю тяжесть огня боевиков на себя. Затем направленным взрывом спецназовцы разнесли стену школы, и заложники побежали из здания. Снайперы быстро отстреляли боевиков, высыпавших из школы и пытавшихся сначала вернуть, а затем просто расстрелять маленьких беглецов. А уже следом спецназ ворвался в школу со всех четырех сторон. Пока неясно, была ли и пятая сторона — снизу, из канализационного коллектора. Разрезанные моментально на несколько групп, террористы попытались покинуть пристрелянное снайперами здание и уйти в разные стороны поодиночке. Кто-то остался отстреливаться на лестничных пролетах школы, но был уничтожен. Вся операция длилась 12 минут, в два раза больше, чем предусмотрено учебными пособиями по борьбе с терроризмом, но впервые освобождались не обычные заложники, а маленькие дети».[357]

---

[357] http://www.tvc.ru/cached/070502004640000-0000-00-00.html 3 сентября 2004 г., 20:47.

Спустя несколько дней этот текст странным образом исчез с сайта телеканала, а сами представители ФСБ начали отмежевываться от обвинений в провокации. Но успокоить общественное мнение было уже трудно. По ходу дела выяснялись все более странные подробности. Оказалось, что почти все погибшие террористы, которых удалось опознать, на определенном этапе своей карьеры оказывались в руках российских спецслужб. Возникал закономерный вопрос: где и кем была сформирована террористическая группа, откуда она прибыла — из Чечни или из России?

«Страшная, сенсационная арифметика Беслана, — писал „Московский комсомолец. — Как выясняется теперь, пятерых из восемнадцати опознанных террористов спецслужбы уже задерживали прежде. Всех их брали с поличным, но почему-то при таинственных и преступных обстоятельствах они неизменно обретали свободу»[358]. Газетчики, разумеется, приписывали такое странное стечение обстоятельств тотальной коррупции в спецслужбах. Однако никакая коррупция не могла объяснить того факта, что террористические акты постоянно совершали именно засвеченные и известные спецслужбам боевики. С точки зрения элементарной логики террористам удобнее было бы использовать новых людей, благо недостатка кадров в разрушенной войной Чечне и дестабилизированном федеральной политикой Северном Кавказе не было. Напротив, спецслужбам приходилось иметь дело с теми людьми, которых они знали, на которых у них имелось досье, и с которыми, в той или иной форме уже существовали договоренности.

Власть, естественно, использовала бесланскую трагедию в собственных интересах. Как писала одна из сибирских газет, «кровь и слезы бесланских матерей освятили руки президента и правительства в их благом деле по дальнейшему переустройству России в образцовую

---

[358] Московский комсомолец. 21.10.2004.

страну нефтедобычи с сильными спецслужбами и без лишнего груза социалки»[359]. Путин объявил новые инициативы по укреплению единства страны — отменялась выборность губернаторов. Хотя это не имело никакого отношения к войне на Северном Кавказе, расширение власти Кремля было представлено как ответ на преступления террористов. Ужесточилась и политика федерального центра в Чечне. В марте 2005 г. Аслан Масхадов, который жил в республике почти не скрываясь, был схвачен и убит. Любопытно, что расправу с чеченским лидером Кремль даже не пытался выдать за важную победу, которая приблизит окончание войны. Напротив, государственные средства массовой информации призывали людей готовиться к актам возмездия, которые теперь непременно совершат боевики.

Народу, со страхом ожидавшего обещанных на следующий год реформ, в очередной раз предложили сплотиться вокруг власти. Однако подобные призывы оказывались все менее действенными.

«Что будет, если сентябрьские тезисы Путина воплотятся в законы, в чем собственно мало кто сомневается? — спрашивала одна из сибирских газет. — Россия перестанет быть федеративным государством, превратившись в классическую империю с богатым центром, блестящим фасадом и нищими задворками, единственная задача которых будет поддерживать великолепие столицы. Если президент будет назначать губернаторов, то население регионов утратит даже номинальную возможность влиять на власть, уподобившись населению колоний»[360].

Зададимся вопросом, недоумевал политолог Владимир Филин, «как можно консолидировать людей, ограбленных в ходе реформ, с теми, кто их ограбил? И почему ограбленные должны относиться к тем, кто их ограбил, лучше, чем к Масхадову или Басаеву, которые, вообще-то

---

359 Тюменский рабочий. 2004. № 4. С. 3.
360 Вольный город (Тюмень). 16.09.2004.

при всех их отрицательных качествах, „Челси" на украденные у народа деньги не покупали?»[361]

Реакция общества на события в Беслане радикально отличалась от того, что можно было наблюдать в 1999 г. после московских и волгодонских взрывов или даже в 2002 г. после «Норд-Оста». В то время как официальная оппозиция отмалчивалась или стыдливо солидаризировалась с властью, настроения молодых радикалов выразил Дмитрий Черный, один из идеологов Молодежного левого фронта, призвав не поддаваться «на провокацию „своих", длящуюся с 1994 г.» Вместо того чтобы сплачиваться вокруг власти для борьбы с чеченцами, надо бороться «против всех этих заказчиков и дилеров кровавого спектакля, вместе взятых»[362].

Подобные настроения, однако, свойственны были не только левым активистам. Опросы общественного мнения показывали, что желание прекратить войну овладело большинством граждан страны. В военной среде нарастала усталость от многолетней и совершенно бесперспективной войны с чеченцами. Начальник штаба Воздушно-десантных войск генерал Николай Стаськов в октябре 2004 г. открыто заявил в интервью «Московскому комсомольцу», что у военного решения нет никакой перспективы: «Развязали войну — это была ошибка. Надо ее признать и в то же время иметь твердость и мужество, чтобы не выпустить ситуацию из рук. И через осознание того, что произошло, выйти на покаяние. Тогда, может, наши внуки будут жить в мире»[363].

ЗАО «КРЕМЛЬ»

На первый взгляд, политика российской власти производила в 2004—2005 гг. странное впечатление. С одной стороны, Кремль откровенно и агрессивно отбирал собствен-

---

361 Россия – новый этап истории. С. 193.
362 Патриот. 2004. № 40. С. 9.
363 Московский комсомолец. 21.10.2004.

ность у опальных олигархов, пытаясь увеличить участие государства в Газпроме и поддерживая развитие «Роснефти». С другой стороны, проводил неолиберальные меры в социальной области и готовил приватизацию той же «Роснефти».

Даже критики Путина вынуждены были признать, что граждане России одобрили бы национализацию. Опросы общественного мнения на протяжении 1990-х и первой половины 2000-х гг. неизменно показывали, что большая часть российского общества выступает за национализацию крупных корпораций, прежде всего добывающей промышленности. «Приватизация не нашла отклика в сердцах россиян, — жаловался журналист правого еженедельника „Аргументы и факты" в 1999 г. — По данным социологических опросов, 65% россиян считают, что результаты приватизации должны быть пересмотрены. Не хотят пересмотра всего лишь 11%»[364]. Чем больше проходит времени с начала „либеральных реформ", тем больше неприятие их результатов. Очередное исследование в декабре 2004 года показало: лишь 12% опрошенных считали, что надо все оставить как есть, 11% полагали, что надо увеличить налоги, а 67% высказывались за какую-либо форму национализации[365]. Осенью 2004 г. социологи констатировали: «большинство населения страны либо поддерживает действия властей по отношению к компании ЮКОС, либо равнодушно относится к процессу»[366].

Однако вместо того чтобы честно принять закон о национализации (благо большинство в Думе имелось), Кремль устраивал какие-то странные аукционы, прибегал к посредничеству загадочной группы частных лиц. Правитель России неоднократно высказывался против национализации. В этом вопросе позиция президента была ясной и последовательной. Первый президентский

---

364 Аргументы и факты. 1999. № 49. С. 10.
365 См. Профиль. 13.12.2004. С. 4.
366 Россия Путина. История болезни. С. 98.

срок Путина сопровождался возобновлением приватизации, приостановленной правительством Примакова. Крупнейшей сделкой такого рода была продажа государством своей доли акций в нефтяной компании ЛУКойл за 775 миллионов долларов[367]. Государственный пакет акций ушел к американскому инвестору.

Впрочем, тот же Путин регулярно повторял, что принадлежащие правительству компании имеют полное право приобрести активы разваливающегося ЮКОСа. На первый взгляд это может показаться противоречием. Но лишь на первый взгляд.

Экономическая программа власти оставалась неизменной, несмотря на все перипетии дела ЮКОСа и истерику либералов. «Я считаю, — заявил Путин в сентябре 2004 г., — что Россия должна стремиться в экономике к дерегулированию, снижению учетных ставок и постепенному прекращению необоснованного вмешательства государства в экономику, в том числе с помощью субсидирования неэффективных отраслей производства»[368]. Предприятия, которые не могут конкурировать на мировом рынке, обречены были президентом на гибель. Наступление на социальные права трудящихся усиливалось, повергая в шок не только левых, но и мало-мальски здравомыслящих либералов. Казалось, что страной руководит какой-то маньяк, в действиях которого нет никакой логики. Власть провоцировала недовольство и слева и справа.

На самом деле своеобразная логика в действиях властей все же была. Достаточно вспомнить историю старого российского капитализма, чтобы понять, что режим Путина стихийно шел по его стопам.

Люди, сидящие в Кремле, имели собственную систему взглядов. Они не были либералами в западном смысле слова, но испытывали твердую и искреннюю неприязнь к любой форме социализма. Это — государственники-рыночники.

---

367 См. The Moscow Times. 17.12.2004.
368 Известия. 25.09.2004.

Государственная собственность должна была постепенно усиливаться. Но это государство не собиралось брать на себя никаких социальных обязательств в духе социал-демократии. Не собиралось оно и выступать локомотивом развития, как в советские времена. Избранный курс был по-своему последователен. Экономика должна была остаться во власти рынка. Собственность концентрируется в руках правительства, а государство превращается в самого жесткого, агрессивного и безответственного капиталиста, использующего механизмы политического контроля и свою естественную монополию на насилие в качестве своеобразного конкурентного преимущества. Бюрократия не может в такой ситуации быть честной или эффективной, ибо коррупция превращается в цель ее существования. Зато власть не может позволить себе слабость или уступчивость, ибо это равносильно экономическому краху. Контроль над финансовыми потоками делается главным смыслом управления, присвоение казенного имущества — наградой за верную службу. Государство становится коллективной собственностью высших эшелонов бюрократии, а большинство граждан — массой заложников.

Демократия отменяется, поскольку она мешает осуществлению главной цели — превращению власти в закрытое акционерное общество, в бизнес. Но это отнюдь не значит, что правящие круги готовы отказаться от ставшего уже привычным для них буржуазного права или других атрибутов рыночного капитализма. Все эти механизмы необходимы для функционирования государства, превратившегося в закрытое акционерное общество — так же, как они необходимы для любого другого акционерного общества. А предприниматель получает доступ к рынку в той мере, в какой он способен договориться с теми, кто этот рынок реально контролирует. Что, конечно, не очень приятно для бизнеса, но тоже вполне соответствует законам капитализма. Ведь если бы на месте государства оказалась сопоставимая по мощи частная корпорация, она вела бы себя примерно так же.

Такие же тенденции были типичны для царской России. Другое дело, что теперь их довели до абсурда. Либеральная империя Путина выглядит как злобная карикатура на империю Романовых. Что, впрочем, закономерно. Отечественный капитализм никогда не отличался честностью и эффективностью. Реставрированный бывшими партийными боссами и продвинутыми сотрудниками госбезопасности, он стал только хуже.

Рыночникам-государственникам неплохо было бы вспомнить историю. Крушение царского режима оказалось подготовлено одновременными ударами слева и справа, неожиданным, но неизбежным соединением либеральных заговоров и стихийного массового протеста. Может, подобные параллели приходили на ум и кремлевским деятелям? Отсюда раздражительность, истерические рассуждения об угрозе революции. Но сколько бы денег ни выделить специалистам по политическим технологиям, как бы ни увеличить численность спецслужб и их полномочия, проблему не удавалось решить, ибо главный источник дестабилизации находился в самом Кремле.

Власти это понимали. Оттого и охватила бюрократию эпидемия воровства. Людовик XV мог цинично шутить про потоп, который случится «после нас». Правители России могли торжественно обещать народу, что потоп случится еще при жизни нынешнего поколения.

ХОДОРКОВСКИЙ

Дело ЮКОСа стимулировало рост и консолидацию либеральной оппозиции Кремлю. В условиях, когда Союз правых сил и «Яблоко» переживали тяжелейший кризис, противники Путина на правом фланге не могли объединиться вокруг какой-либо партии или коалиции. Формальным координирующим центром для них стал «Комитет-2008», созданный известным шахматистом Гарри Каспаровым.

Появление на первом плане таких фигур, как Гарри Каспаров или сатирик Виктор Шендерович, свидетельствовало об углубляющемся кризисе старой либеральной элиты. Все политики, с которыми в обществе связывалось представление о либеральной программе и идеологии, были настолько непопулярны, что выдвигать их на передний план не решались даже их единомышленники. К тому же ряд влиятельных государственных деятелей и бизнесменов (как, например, Анатолий Чубайс), несмотря на идеологическую близость с «Комитетом-2008», не решались открыто порвать с Кремлем.

В практическом плане лидеры «Комитета-2008» сталкивались с неразрешимым противоречием. С одной стороны, они возлагали надежды на серьезный кризис, который расшатает власть Путина, на массовое сопротивление режиму. А с другой стороны, они были твердо убеждены, что после победы над ненавистным президентом курс на рыночные реформы должен быть продолжен и даже радикализирован.

Соединить радикальные политические перемены с преемственностью социально-экономического курса мог бы только очень сильный лидер, к тому же опирающийся на массовую поддержку и влиятельную политическую организацию. В поисках такого лидера либеральная публика все больше обращала взоры на сидящего в Матросской Тишине Михаила Ходорковского. После потери собственности и добровольного отказа от каких-либо постов в бизнесе, став жертвой явной судебной несправедливости, бывший олигарх выглядел в глазах населения куда более привлекательным и вполне мог быть представлен народу как узник совести, своеобразный российский вариант Нельсона Манделы. Однако проблемой для либеральной пропаганды довольно быстро сделался сам Ходорковский.

Если бы он просто сидел в тюрьме, предоставляя «Комитету-2008» говорить за себя, бывший хозяин ЮКОСа вполне оправдал бы надежды либеральной элиты. Между тем опальный бизнесмен, обложившись книгами

по истории России, принялся размышлять о собственной судьбе и судьбе страны. Итоги его размышлений не слишком понравились бывшим единомышленникам Ходорковского, оставшимся на свободе. Уже первое его письмо из застенка было озаглавлено «Кризис либерализма» и содержало достаточно жесткую критику приватизации. Сформулированная там позитивная программа была крайне умеренной и не шла дальше введения прогрессивного налога и перераспределения доходов. Но даже такая критика либеральных догм вызвала в прессе почти истерику, вплоть до того, что многие журналисты и политики усомнились в подлинности письма, а идеологи реформ выступили с гневной отповедью.

В декабре 2004 г. Ходорковский пошел еще дальше, опубликовав второе письмо. «Я — вослед многим и многим узникам, известным и безвестным, — должен сказать спасибо тюрьме. Она подарила мне месяцы напряженного созерцания, время для переосмысления многих сторон жизни, — писал заключенный Матросской Тишины. — И я уже осознал, что собственность, а особенно крупная собственность, сама по себе отнюдь не делает человека свободным. Будучи совладельцем ЮКОСа, мне приходилось тратить огромные силы на защиту этой собственности. И приходилось ограничивать себя во всем, что могло бы этой собственности повредить.

Я многое запрещал себе говорить, потому что открытый текст мог нанести ущерб именно этой собственности. Приходилось на многое закрывать глаза, со многим мириться — ради собственности, ее сохранения и приумножения. Не только я управлял собственностью — она управляла мною.

Поэтому мне хотелось бы особенно предупредить сегодняшнюю молодежь, которая вскоре войдет во власть: не завидуйте крупным собственникам. Не думайте, что их жизнь легка и удобна. Собственность открывает новые возможности, но она же ведет к закрепощению творческих сил человека, размыванию его лично-

сти как таковой. В этом проявляется жестокая тирания — тирания собственности.

И вот я перешел в другое качество. Я становлюсь обычным человеком (с экономической точки зрения — представителем обеспеченной части среднего класса), для которого главное — не обладание, а бытие. Борьба не за имущество, а за самого себя, за право быть самим собой.

В такой борьбе не имеют значения места в рейтингах, бюрократические связи и рекламные побрякушки. Только ты сам, твои чувства, идеи, способности, воля, разум, вера»[369].

Подобные заявления вполне могли бы выйти из-под пера радикального публициста, находившегося под влиянием экзистенциалистской философии. Однако как показали дальнейшие события, «полевение» бывшего хозяина ЮКОСа было весьма своеобразным. Итогом его размышлений стало третье тюремное письмо, прямо посвященное перспективам левой оппозиции. Гневно осудив итоги неолиберальных реформ (и тактично умолчав о собственной в них роли) автор заявлял, что только приход к власти левых исцелит страну. Уже в 1990-е гг., по мнению узника Матросской Тишины, следовало бы создать коалицию во главе с президентом Ельциным и Зюгановым в роли премьер-министра.

Автор выражал твердое убеждение, что будущее России принадлежит КПРФ и партии «Родина» (т. е. православным националистам и фашиствующим демагогам, которых он почему-то называл «левыми»). Кто-нибудь из этих достойных людей обязательно должен стать президентом, пользуясь выражением автора, «мытьем или катаньем. На выборах или без (после) таковых». Эти «левые» должны придти к власти, чтобы легитимизировать итоги приватизации, заставить народ примириться со сложившейся системой: «результатом легитимации будет закрепление класса эффективных собственников,

---

[369] Ведомости. 28.12.2004. № 239. С. 4.

которые в народном сознании будут уже не кровопийцами, а законными владельцами законных предметов. Так что левый поворот нужен крупным собственникам никак не меньше, чем большинству народа, до сих пор неизбывно считающему приватизацию 1990-х гг. несправедливой и потому незаконной. Легитимация приватизации станет оправданием собственности и отношений собственности — может быть, впервые по-настоящему в истории России».[370]

Пока Ходорковский был либералом, он по крайней мере признавал за левыми право оставаться самими собой, быть противниками частной собственности, бороться против «эффективных собственников» (т. е. тех, кто более успешно эксплуатирует рабочих). Теперь левым было отказано даже в праве на идейные принципы, им предложено просто выступить добровольными (но, возможно, небескорыстными) помощниками новоявленной буржуазии.

Взгляд Ходорковского выдавал авторитарную (и даже тоталитарную) тенденцию, присущую современному либерализму вообще и российской его разновидности в особенности. Идея плюрализма отброшена, на смену ей приходит принцип единомыслия, pensée unique, как говорят французы. Все политические партии и группировки и тенденции имеют лишь одну задачу — обслуживать интересы класса крупных собственников, единственное политическое и идеологическое соревнование — из-за того, кто лучше обслуживает эти интересы. Остальные идеи и силы вытесняются за пределы серьезной политики.

Ходорковский ссылался на опыт Восточной Европы, где левые правительства активно проводили правую политику (социальная безответственность левых кабинетов в Польше и Венгрии оставила правых далеко позади). То же самое происходило и в Западной Европе или в Бразилии, где у власти оказались неолиберальные

---

[370] Ведомости. 1.08.2005.

левые. И все же Ходорковский ошибался в главном: эти политики не смогли легитимировать итоги приватизации, примирить своих сторонников — большинство населения — с режимом свободного рынка и диктатом капитала. Они лишь растеряли политический и моральный авторитет (накопленный несколькими поколениями их предшественников, действительно боровшихся против капитала). Партии начали утрачивать влияние, раскалываться, в обществе распространилось глубокое отвращение к любым политикам, независимо от наклеиваемых им ярлыков, отчуждение между гражданами и государственной системой.

Заявив о своем «левом повороте», Ходорковский удивительным образом сумел вызвать возмущение как справа, так и слева. Либералов он обидел, демонстративно отмежевавшись от них, но никакой поддержки слева он получить уже не мог, ибо сам объективно занял позицию даже справа от либералов. Левыми письмо Ходорковского было воспринято как попытка цинично использовать оппозиционное движение, причем сделанная с наивной открытостью, исключающей малейший шанс на успех. Только лидер «Родины» Дмитрий Рогозин радостно согласился с опальным олигархом, видимо узнав себя в образе «левого» президента, который не мытьем так катаньем прорвется к власти и под прикрытием социальной демагогии начнет проводить жесткую политику в интересах правящего класса.

Даже последовательно правая газета «Ведомости», опубликовавшая послание бывшего олигарха, не удержалась и в передовой статье подправила автора: нельзя все средства производства доверять частной собственности, все распределение доверять рынку. А если уж доверять что-то государству, то где-то надо найти «чиновников, которым нужны не «мерседесы», а правда и справедливость для народа. В какой «Родине» или компартии этих чиновников брать? Кто будет заботиться о тех, кого обделили либералы? Откуда, в конце концов, возьмется это богатство? Чего левая идея стоит без тех,

кто мог бы стать ее бескорыстными проводниками? Ведь тут нужны настоящие рыцари»[371].

А рыцари, увы, не служат частной собственности. У них свой кодекс чести.

ОППОЗИЦИЯ НОВАЯ И СТАРАЯ

Углублявшийся кризис КПРФ показывал, насколько безосновательны были надежды Ходорковского и других представителей элиты, ожидавших, что эта партия сможет стать силой, способной взять власть и эффективно стабилизировать российский капитализм. После думских выборов 2003 г. партия находилась в состоянии нокдауна. Утешением для Геннадия Зюганова стало лишь то, что либеральные политики потерпели еще большее поражение. Ни «Яблоко», ни Союз правых сил в Думу вообще не попали. Причем, если леволиберальное «Яблоко» могло объявить себя жертвой фальсификации, то СПС был вчистую отвергнут избирателями. Сразу же после выборов перегрызлись между собой и разношерстные карьеристы, собравшиеся в «Родине»: Рогозин и Глазьев публично предали друг друга анафеме всего через два месяца после «победы» на выборах в Думу.

На протяжении всего периода 2004—2005 г. «Родину» сотрясал один скандал за другим. Сперва Рогозин при поддержке третьего человека во фракции Сергея Бабурина разделался с Глазьевым. Позднее он сцепился с Бабуриным, в результате чего образовалось сразу две фракции «Родины» — обе получившие официальный статус в Думе. При этом Глазьев неожиданным образом вновь всплыл рядом с Рогозиным. Пока руководство фракции уговаривало функционеров из «Социалистического Интернационала» признать «Родину» в качестве российской социал-демократии, ее депутаты развлекались написанием антисемитских писем в про-

[371] Ведомости. 1.08.2005.

куратуру, требуя запретить любые проявления еврейской культуры и религии. Надо отметить, что авторы писем проявили себя людьми по-своему образованными: аргументация двух депутатских писем детально воспроизводила пропаганду «Третьего Рейха». Творчество коллег из «Родины» поддержали и пять депутатов из КПРФ. Обиженные представители еврейских организаций написали жалобу «по начальству» — в «Социалистический интернационал», а на парижской ассамблее Европейского еврейского конгресса приняли решение «добиваться запрета на выдачу виз в страны Шенгенской зоны 14 авторам обращения в Генпрокуратуру, депутатам Госдумы от „Родины" [372]. Депутатов от КПРФ, видимо, решили простить. Спохватившийся Рогозин разъяснял западным журналистам, что сам подобные взгляды не разделяет, продолжая тесное сотрудничество с авторами письма.

Несмотря на все эти скандалы, «Родина» сохраняла политическое влияние и даже постепенно теснила КПРФ. Действовали национально ориентированные политики просто и без изысков, прибегая к надежным и эффективным методам: например, скупая депутатов зюгановской партии в региональных собраниях. Однако успехи Рогозина имели и другую причину. «Рассматривая „Родину" как „запасную партию власти", — писал столичный политический еженедельник, — Кремль разрешил ей демонстрировать свою оппозиционность и критиковать любых представителей исполнительной власти, кроме президента»[373]. В отличие от вялых и унылых представителей КПРФ, которые даже с разрешения самого Кремля не решались использовать резкие слова для критики власти, развязные политики из «Родины» по крайней мере хорошо смотрелись на экране.

Скандалы в «Родине» дали некоторую передышку КПРФ, однако борьба фракций внутри партии велась уже совершенно открыто. Зюганов не мог предложить ничего

---

[372] Еврейская газета (Берлин). Август. 2005. С. 9.
[373] КоммерсантЪ-Власть. 9.08.2004. № 31. С.15.

нового. Сторонники сближения с Кремлем объединились вокруг бизнесмена Геннадия Семигина, спонсировавшего изрядную часть партийного аппарата. Семигиным была создана еженедельная «Родная газета», которая была призвана постепенно вытеснить партийную прессу в провинциальных регионах.

В свою очередь сторонники левого курса и обновления партии нашлись главным образом среди молодежи. Обновленцы стали группироваться вокруг Информационно-технологического центра (ИТЦ КПРФ), возглавляемого Ильей Пономаревым (журналисты тут же прозвали его «лидером молодежного крыла партии»). Вскоре после выборов партийное руководство расформировало ИТЦ КПРФ, но это уже не могло остановить назревавший бунт. В январе после начала парламентских выборов Союз коммунистической молодежи (СКМ) даже без особого влияния Пономарева отказался поддерживать партийного кандидата в президенты и выступил за бойкот выборов. Был создан Молодежный левый фронт, куда вошли также альтернативные коммунистические организации и троцкисты.

Как писала близкая к Молодежному левому фронту газета «Тюменский рабочий», объединительный процесс стимулировал радикальные перемены во всех вовлеченных в него группах. Создание МЛФ привело «к отходу от идеологических баталий к баталиям классовым, к баталиям реальной политики»[374]. В отличие от левых групп 1990-х гг., которые зачастую оставались идеологическими клубами, МЛФ стремился стать «корпорацией прямого действия»[375].

Однако очень скоро сам МЛФ столкнулся с серьезным кризисом. Механическое объединение различных группировок еще не означало выхода движения на новый уровень. Каждая из вошедших во фронт групп продолжала собственное организационное строительство.

---

374 Тюменский рабочий. Октябрь. 2004. № 4. С. 1.
375 Там же.

В Оргкомитете шли острые споры о полномочиях его членов и о том, кто имеет право говорить от имени всего фронта. Однако легитимное общее руководство создать было невозможно: для этого нужно заниматься организационным строительством, а оно было парализовано.

Союз коммунистической молодежи, являвшийся самой многочисленной структурой в рамках МЛФ, сам был раздираем противоречиями между активистами, стремившимися к решительным и самостоятельным действиям, и функционерами, оглядывавшимися на начальство КПРФ. Причем первые не готовы были идти на разрыв со вторыми. Страх перед гневом зюгановского окружения парализовал «обновленцев», которые пытались решить две взаимоисключающие задачи одновременно: противопоставлять национализму и оппортунизму руководства собственные принципы и одновременно поддерживать лояльные отношения с этим самым руководством. Неудивительно, что опытные партийные функционеры вчистую переиграли молодых людей. В 2005 г. Союз коммунистической молодежи официально вышел из МЛФ.

Борьба за контроль над «брэндом» КПРФ привела к параличу принятия решений. Зюганов отказался выдвигаться в президенты, Семигин был близок к успеху, но тоже потерпел поражение. Компромиссной фигурой стал Николай Харитонов. Его скромный результат (13% голосов), слегка превзошедший количество, набранное партией на парламентских выборах, тут же был объявлен великой победой.

Очередная склока в руководстве КПРФ произошла летом 2004 г., когда сторонники Семигина и Зюганова провели два параллельных съезда. Партия даже не смогла толком расколоться: обе группировки, претендующие на руководство оппозиционными силами, бросились к кремлевскому начальству, прося признать именно их легитимными представителями коммунистического движения.

Антон Суриков иронично заметил, что действия путинской команды по отношению к КПРФ мало отличаются от того, что делали с ЮКОСом: «подобно тому как

кремлевские структуры попытались осуществить недружественный захват крупнейшей российской компании, точно так же, теми же методами они попытались захватить крупнейшую российскую политическую партию»[376].

Министерство юстиции, однако, признало законным зюгановский съезд. В условиях, когда в стране росло недовольство политикой власти, это был разумный выбор. По мнению журналистов, имела место обычная сделка: «Кремль, оценив всю тяжесть нависшей над реформами угрозы, решил отложить окончательный разгром КПРФ, а Зюганов, оказавшись на краю пропасти, согласился ради сохранения партии жить дружно с исполнительной властью»[377]. Экзамен на лояльность лидер КПРФ выдержал с честью, организованная партией волна выступлений против отмены льгот «оказалась подозрительно маломощной»[378]. Число участников акций протеста было существенно ниже общего количества членов КПРФ. А противники Зюганова, вычищенные из рядов партии, создали собственную организацию с удивительным названием: Всероссийская коммунистическая партия будущего (ВКПБ) во главе с губернатором Ивановской области Владимиром Тихоновым. Очень скоро им пришлось в очередной раз на собственном опыте убедиться, чего стоят посулы президентской администрации. Партию Тихонова не зарегистрировали. А Семигин, потеряв интерес к своим недавним соратникам, создал партию «Патриоты России». Не имея ни материальной поддержки, ни опоры на массы, ВКПБ начала разваливаться и к лету 2005 г. утратила официальную регистрацию.

Развал, впрочем, царил не только в партии Зюганова. Мелкие коммунистические группы, на протяжении 1990-х гг. критиковавшие оппортунизм КПРФ, сами находились в кризисе. Созданная ими Ассоциация марк-

---

376 Россия – новый этап истории. С. 74.
377 КоммерсантЪ-Власть. 9.08.2004. № 31. С. 10—11.
378 Там же. С. 11.

систских организаций, обрушиваясь на «бесплодный опыт» зюгановщины, вынуждена была признать, что «и остальные коммунистические партии и организации во многом живут вчерашним днем»[379].

Между тем падение левой оппозиции в том виде, в каком она сложилась на протяжении предыдущего десятилетия, отнюдь не было связано с потерей в обществе интереса к левым идеям. Скорее наоборот, в стране просыпалась потребность в осмысленной левой идеологии, отражающей классовые интересы трудящихся, а потому очищенной от националистического мусора, ностальгии и бюрократической демагогии. Четыре года экономического роста изменили общество, помогли людям осознать свои социальные интересы. Произошла стабилизация трудовых коллективов, за чем последовало и оживление рабочего движения. Поскольку новый Кодекс законов о труде делал забастовку практически невозможной, наиболее популярные профсоюзные лидеры пошли в политику, добиваясь успеха на местных выборах — самым известным случаем стала победа Валерия Мельникова, ставшего мэром Норильска в жесткой борьбе с корпорацией «Норильский никель».

Возникающая буквально на глазах новая оппозиция часто не могла использовать собственные успехи, упускала множество бросавшихся в глаза возможностей, а главное, упорно не могла организоваться, собраться под единое знамя или хотя бы оформить мало-мальски эффективную коалицию. Профсоюзные активисты, постепенно втягиваясь в политику, не имели ни опыта, ни компетентности, чтобы справиться с новыми задачами, а радикальные левые демонстрировали не только современное марксистское образование, но и поразительное знакомство с тонкостями западно-европейского сектантства. Тем не менее смена поколений была налицо.

«Российские левые стремительно молодеют, — жаловался праволиберальный журнал «Профиль». — На

---

379 Голос коммуниста. 2004. № 1. С. 1.

митингах бабушек сменяют студенты. Они борются с «диктатором» Путиным, разоблачают «ревизиониста» Зюганова и со дня на день ждут антикапиталистической революции»[380]. При всей иронии в словах журналиста невозможно не почувствовать искренней тревоги. Ведь еще несколько лет назад либеральная пресса внушала своим читателям, что время левых прошло безвозвратно и поддерживать антикапиталистические идеи могут лишь старики, ностальгирующие по советскому прошлому.

В повестку дня вставала реконструкция оппозиции. Пришло время для «нормальных» левых, опирающихся на социалистическую, интернационалистскую и демократическую идеологию.

Бессмысленность и противоречивость лозунгов старой оппозиции была теперь очевидна. Вместо прежней «национальной» и «антиолигархической» оппозиции нужна была новая — демократическая и антикапиталистическая.

В условиях, когда в России складывался буржуазно-бюрократический авторитарный режим, левые оказывались единственно последовательной демократической силой. Но для того чтобы успешно выполнить свою роль, сами левые должны преобразиться. Молодежные организации почувствовали зов времени быстрее всего. Подобно тому как антиглобалистские выступления на Западе стали возможны благодаря радикализации молодых людей, выросших за годы неолиберального порядка, новое левое движение в России создается в значительной степени поколением, выросшим уже после крушения Советского Союза.

Получив формальные свободы в условиях бесправия, люди не могут не относиться к демократии, мягко говоря, скептически. При всех формальных свободах люди в России сегодня чувствуют себя более бесправными, чем в советскую эпоху. Тогда рядовой гражданин мог куда-

---

[380] Профиль. 23.02.2004. № 7. С. 14.

то жаловаться, на чем-то настаивать. К тому же люди эту систему понимали и умели, когда надо, ей пользоваться. Ведь гражданские права не сводятся лишь к возможности раз в два года опускать в урну бумажки с именами коррумпированных политиков. Даже свобода передвижения превратилась в фикцию, поскольку денег на билеты у двух третей граждан нет, а всевозможные издевательства над приезжими в столице просто уже выходят за любые пределы.

Реально демократическими правами в России 1990-х гг. воспользовался только новый средний класс. И против него как раз сегодня начинается наступление. В начале 1990-х, когда Россия входила в капиталистический мир, а новый средний класс только формировался, он горой стоял за либеральные реформы. Эти реформы дали ему не только свободу, но и невиданные ранее материальные возможности, доступ к западному стандарту потребления и европейскому образу жизни. Что покупалось это ценой развала отечественной промышленности, что все эти блага оставались недоступны для двух третей населения — не волновало победителей. Новый средний класс считал себя стратегическим союзником олигархии, даже если публично не признавался в этом. Ситуация переломилась в 1998 г., когда упал рубль. Расплачиваться за это пришлось именно среднему классу. Средний класс осознал, что его место в системе гораздо более уязвимое и зависимое, чем казалось сперва, что в условиях кризиса правящие круги вполне могут именно за его счет решить свои проблемы.

Полицейское государство заставляло обиженный средний класс понять, что чувствовали на протяжении последних десяти лет бесправные массы. Формировалась своего рода **культура равенства большинства перед дубинкой**. Именно **большинства**, а не **всех**. Исключение делалось для тех, кто на самом верху — дубинкой не дотянешься. Но зона действия дубинки при такой политике расширяется чрезвычайно.

Ужесточение политического режима толкало интеллигенцию влево, по крайней мере — представителей молодого поколения. В таких условиях даже критически мыслящие либералы превращаются в радикалов и революционеров.

УКРАИНСКИЙ СИНДРОМ

Под занавес 2004 г. администрация Путина получила еще один совершенно неожиданный удар. Им оказался политический переворот на Украине.

Взаимоотношения между Москвой и Киевом никогда не были особенно теплыми. Но когда массовое недовольство властью на Украине достигло критической отметки, киевские начальники бросились за помощью именно к Кремлю. Администрация Путина радостно оказала поддержку украинским коллегам. Результат, естественно, получился прямо противоположный ожидаемому. В ходе разразившегося кризиса власть перешла в руки оппозиции.

Официальные круги в Москве охватила самая настоящая истерика. Оранжевый цвет, использовавшийся на флагах украинской оппозиции, стал символом страшной политической угрозы, надвигающейся на Россию с Запада. Виновником переворота на Украине объявили американцев и западноевропейцев, благодаря финансированию которых якобы произошла «оранжевая революция».

Сами кремлевские политтехнологи, проигравшие в Киеве, умудрились растратить и присвоить огромные суммы. Вместо того чтобы объяснять, куда делись деньги, они ссылались на обстоятельства непреодолимой силы. На сей раз абсолютное зло было воплощено американцами, которые приезжают в любую страну и за большие доллары в пять минут могут организовать там революцию. Жители данной страны выглядят в таких рассказах кем-то вроде подопытных кроликов или павловских

собак, управляемых с помощью простейших рефлексов. Такая версия событий, впрочем, выглядела вполне убедительно для политиков, у которых выработался устойчивый хватательный рефлекс при виде долларов. Судя о людях по себе, российская элита представляла собственный народ в качестве бессмысленного быдла.

На самом деле события, произошедшие в Киеве, имели мало общего с образами, создававшимися прессой, как официальной, так и либерально-оппозиционной. Рухнувший на Украине режим Леонида Кучмы и Виктора Януковича был вполне проамериканским (точно так же, как и режим Эдуарда Шеварднадзе в Грузии и Аскара Акева в Киргизии, рухнувшие в ходе волны «цветных революций»). Именно президент Кучма и премьер-министр Янукович отправили украинские войска в Ирак участвовать в организуемой американцами оккупации. Именно они продвигали идею «евроатлантической интеграции», начали переговоры о вступлении Украины в Североатлантический альянс и во Всемирную торговую организацию.

Однако Государственный департамент США отнюдь не собирался класть все яйца в одну корзину. Он проявил живой интерес к процессам, разворачивающимся в Грузии, на Украине и в Киргизии. Различные фонды и неправительственные организации обеспечивали серьезную финансовую поддержку оппозиционным партиям и движениям, которые в итоге одержали верх.

Подход Вашингтона легко понять. Лидеры 1990-х были испытанными, верными людьми. Они пожертвовали своей популярностью, придерживаясь политического и экономического курса, одобренного и поддержанного Вашингтоном. Недостаток популярности вынудил их занять жесткую позицию во внутренней политике и восстановить авторитарные меры. Однако это не давало им права рассчитывать на вечное покровительство со стороны США.

Поведение Вашингтона оказалось неожиданностью только на Востоке Европы. В других частях мира американская дипломатия уже неоднократно отрабатывала

подобный сценарий, оказывая поддержку либеральной оппозиции против вполне лояльного по отношению к Америке, но дискредитированного в глазах собственных граждан авторитарного режима. Достаточно вспомнить Индонезию, Филиппины, некоторые латиноамериканские страны. Как только Вашингтон понимал, что в стране поднимается народное недовольство и изменение режима неизбежно, он немедленно начинал искать новых партнеров. Деньги, вложенные в оппозиционные движения различными неправительственными организациями, оказывались своего рода страховкой, цель которой — не допустить, чтобы смена режима привела к изменению курса и чтобы в случае, если такая смена неизбежна, она не была радикальной.

Если Вашингтон не проявлял никакого снисхождения по отношению к партнерам и союзникам, то Москва с не меньшим упрямством отчаянно пыталась защищать политиков, которые до недавнего времени были если не врагами, то, уж конечно, и не добрыми друзьями России.

Вашингтон стремился сохранить статус-кво. И прагматичные люди из Госдепартамента понимали, что иногда, чтобы сохранить политический курс, приходится менять политиков. Москва пыталась достигнуть ровно тех же целей. Разница состояла лишь в том, что Буша от нестабильного Киева отделял океан и опасаться распространения «оранжевого вируса» на Штаты ему не приходилось. Совершенно иначе чувствовал себя Путин. Потому совершенно логично, что Кремль избрал стратегию противоположную американской: бороться против любых перемен, поддерживать существующие режимы любой ценой.

Гибкость Вашингтона и косность Москвы означали, что люди Буша и люди Путина то и дело оказывались по разные стороны баррикады. Когда лидеры постсоветских республик понимали, что США их покинули, Москва оставалась их последней надеждой. Старые обиды моментально забывались. Обреченные диктаторы Евразии хватались за Путина, как утопающий за соломинку.

Ранней весной 2005 г. контраст между эффективностью подхода Вашингтона и неэффективностью подхода Москвы просто бросался в глаза. Однако неуклюжая стратегия Кремля была по-своему разумнее, чем гибкое маневрирование американских дипломатов. Пытаться управлять революцией — это все равно, что пытаться ехать верхом на тигре. Уже к середине 2005 г. обнаружилось, что «оранжевая революция» так и не смогла стабилизировать положение на Украине. Новая власть оказалась безнадежно расколота на либералов, собравшихся вокруг нового президента Виктора Ющенко, и популистов, возглавляемых премьер-министром Юлией Тимошенко.

Правительство Тимошенко пыталось регулировать цены, вызвав панику у иностранных бизнесменов, которые дружно жаловались, что премьер «ведет себя как социалист и распугивает инвесторов». Представители российского и западного капитала, ссылаясь друг на друга, в один голос жаловались, что экономическая политика новой власти «подрывает образ Украины как рыночно-ориентированной страны, стремящейся вступить в Евросоюз»[381]. Нью-йоркская «The Wall Street Journal», имеющая репутацию «центрального органа» американского финансового капитала, вообще стала задаваться вопросом, на правильной ли стороне выступили США во время «оранжевой революции». Возмущение вызвало уже решение украинского парламента отозвать войска из Ирака. Но с еще большим ужасом газета писала про «национализацию на Украине», имея в виду пересмотр жульнических приватизационных сделок, начатый после того как министром по делам государственного имущества стала представительница Социалистической партии Валентина Семенюк. «Куда идет Украина, вперед или назад?» — риторически вопрошал корреспондент газеты.[382] Попытка вернуть государству хоть часть

---

[381] The Moscow Times. 5.07.2005. P. 7.
[382] См. The Wall Street Journal. 4.05.2005.

украденного добра приравнивалась к восстановлению сталинского тоталитаризма.

В Киргизии события тоже развивались не совсем так, как хотел американский Государственный департамент. Вскоре после своего избрания президентом бывший лидер оппозиции Курманбек Бакиев объявил о предстоящем выводе из страны американской военной базы (российская база, напротив, сохранялась). Если за несколько месяцев до того, паникующий президент Акаев утверждал, будто его свергают американские спецслужбы, то теперь американские представители намекали, что новая власть действует под давлением Москвы и Пекина. Австралийский еженедельник «Green Left Weekly» ехидно заметил по этому поводу, что представители новой власти в Бишкеке просто «отражают чувства большинства киргизского народа»[383]. Еще при Акаеве большинство населения республики выступало категорически против американского военного присутствия. Но режим Акаева с подобными настроениями мог не считаться. В условиях демократизации, однако, власти пришлось идти навстречу мнению граждан.

Преждевременным оказался не только оптимизм американских политиков относительно «оранжевой революции», но и страх московских чиновников, ждавших ее неминуемого экспорта в Россию. Несмотря на растущее напряжение в обществе, механический перенос украинского сценария на Восток был совершенно невозможен. Украина (как, кстати, и Грузия) являлась к концу 2004 г. страной, где неолиберальные реформы проводились медленнее и менее последовательно, чем в России. Украинское общество в большей степени сохранило черты «советскости», напоминая скорее Россию образца середины 1990-х гг. Именно это предопределило характер мобилизации масс обеими соперничающими группировками. Сторонники Виктора Януковича на востоке республики все еще могли пользоваться советско-

---

383 Green Left Weekly. 27.7.2005.

корпоративными методами мобилизации. Директора предприятий по-прежнему были в состоянии контролировать своих работников, организованно выводить их на митинги, как в лучшие коммунистические времена. Напротив, толпы, собравшиеся в Киеве, напоминали московские митинги начала 1990-х гг.

Ни в том ни в другом случае имущественное и классовое расслоение общества не влияло на политический выбор. В Киеве богатые бездельники, разъезжающие на «порше», и нищие пенсионеры дружно славили демократию, а на востоке шахтеры, рискующие жизнью за грошовое вознаграждение, и ворующие их зарплату директора единодушно верили в необходимость защитить родину от тлетворного западного влияния. Подобное корпоративное единодушие вряд ли возможно в России, прошедшей суровую школу капитализма.

Украинский синдром, охвативший в начале 2005 г. как власть, так и оппозицию, свидетельствовал не о скором повторении киевских событий в Москве, а о внутреннем напряжении, накопившемся в самом российском обществе. Слово «революция», еще несколько лет назад употреблявшееся только в учебниках истории и в леворадикальных листовках, неожиданно вновь заполонило страницы газет, речи либеральных интеллектуалов и близких к Кремлю политиков. Одни ее расхваливали, другие ею пугали, хотя ни те ни другие ее не хотели.

Сталкиваясь с возрастающим числом проблем, кремлевская администрация становилась похожа на опытного жонглера, вращающего над головой все увеличивающегося число шаров. Жонглер проявляет чудеса ловкости, но шары все прибывают. Стоит ему ошибиться один раз, как все посыплется на голову.

[Глава 11]

Гроздья гнева

К концу 2004 г. тревожные симптомы стали проявляться и в экономике. Доллар стал дешеветь по отношению к европейской валюте. Поскольку Россия выплачивала свои долги и расплачивалась за импорт в евро, а экспортные доходы получала в долларах, это было больше, чем просто плохой новостью. В ноябре внезапно прекратился рост промышленности, производство снизилось за месяц на 1,4%. Сократилась и добыча нефти. Подобные колебания конъюнктуры случались и раньше, к тому же они компенсировались продолжающимся повышением мировых цен на нефть. Но в условиях развивающегося политического кризиса неустойчивость экономического роста усиливала нервозность чиновников, подталкивая их к радикальным и безответственным решениям.

В период 1994—1998 гг. рабочее движение находилось в полном упадке. Какой смысл бастовать, если предприятия все равно «лежат»? Но за два года экономического подъема начало расти стачечное движение. Более того, резко повысилась и его эффективность. Социологическая теория говорит, что рабочие выступления нарастают в период улучшения рыночной конъюнктуры и сокращаются в период спада, но наибольшей **остроты** классовая борьба достигает в моменты перехода от подъема к спаду. В такие моменты движение еще сохраняет «наступательную» инерцию, но одновременно стал-

кивается с новыми раздражителями. Переходя к более конкретным ситуациям, это можно сформулировать так: одно дело, когда люди привыкли, что им по полгода не платят зарплату, другое дело, когда они уже привыкли, что зарплату выплачивают в срок, а ее снова перестали платить. Последняя ситуация вызывает гораздо больший гнев.

Разумеется, когда массы людей одновременно в разных концах страны начинают делать примерно одно и то же, хочется привлечь на помощь теорию заговора. Так получается и на сей раз. Как только рабочие начинают бастовать, власти и журналисты начинают искать агитаторов, пытаться выяснить, кто из олигархов вложил деньги в рабочие протесты. На самом деле заговоры плетутся в Кремле и вокруг него. Управлять большими массами с помощью таких методов невозможно. Поскольку же нет и пресловутого субъективного фактора — ни в лице «авангардной партии», ни просто в виде рабочей партии, то процессы, скорее всего, окажутся вообще неуправляемыми.

В ходе предвыборной кампании четко выявилось, что режиму Путина возможны две оппозиции — либеральная, опирающаяся на идеологию прав человека и верховенство закона, и радикально демократическая, поднимающая знамя социальных прав и антиолигархической революции. Теоретически первую должен был сформировать Явлинский, а вторую — КПРФ Зюганова. На самом деле ни тот ни другой справиться с подобной задачей оказались не в состоянии, ибо российский либерализм бесперспективен, а КПРФ перестала быть левой партией.

Страх и карьеризм полностью парализовали официальную верхушку партии. Парадоксальным образом, однако, **эрозия КПРФ ведет не к ослаблению, а, наоборот, к усилению левого фланга в обществе.** Левые смогут показать, что именно они являются в условиях правого авторитарного режима наиболее последовательными демократами.

«Управляемая демократия исключает возможность смены власти в стране легитимным путем, — констатировал политлог Владимир Филин. — Однако борьба за власть как таковая при этом никуда не исчезает, а просто переходит на нелегитимное поле. Поэтому мы сегодня и живем от одного теракта до другого, когда никому, от рядового гражданина до обитателя Кремля, не гарантирована личная безопасность»[384]. В свою очередь левые интепретировали наступление Путина на Конституцию как конец думской политики и начало этапа массовой борьбы. По словам близкой к Молодежному левому фронту газеты, «неизбежно начинается переход политики в уличную стадию с митингами, демонстрациями, другими формами протеста, ведь иного пути не оставляет сама власть»[385].

Осень 2004 г. знаменовалась неожиданным всплеском социальной активности. Резко увеличилось число забастовок и других акций протеста. То там то здесь люди выходили на улицы. Часто доходило до схваток с милицией. В Карачаево-Черкессии взбунтовавшаяся толпа захватила здание местной администрации и два дня его удерживала.

Становилось ясно, что ситуация выходит из-под контроля. «Скорее всего, — констатировал Филин, — объявленную ей войну власть проиграет. Проиграет значительно раньше, чем это кому-то кажется»[386]. Подобные предостережения выглядели особенно мрачно, если учесть, что связь Филина со спецслужбами не была секретом.

«ЗАКОНОТВОРЧЕСКАЯ ЧЕСОТКА»

Новый 2005 год был избран кремлевскими правителями как время генерального наступления на остатки социального государства. В кругах администрации сложилось

---

384 Россия — новый этап истории. С. 194.
385 Тюменский рабочий. 2004. № 5. С. 1.
386 Россия – новый этап истории. С. 194.

твердое убеждение, что настало время для второй волны реформ: теперь или никогда! Своеобразным стимулом для нового поворота вправо оказалось и дело ЮКОСа. Стремясь успокоить западных и отечественных инвесторов, Кремль предпринял новые шаги по приватизации в нефтяной отрасли. Овладев имуществом ЮКОСа, правительство четко дало понять, что расширять государственный сектор не намерено.

Принадлежащий правительству пакет акций Газпрома решено было увеличить, но за счет приобретения новых акций по рыночной цене. «Для того чтобы профинансировать эту сделку, государство одновременно собирается продать неконтрольный пакет акций в госкомпании «Роснефть», доказав делом, что для Кремля слово „приватизация» совсем не чуждо», — одобрительно писала деловая газета «Ведомости». Итогом этой политики должен был стать переход «последней золотой курицы» России в частные руки[387]. Дело ЮКОСа не оказало и особого влияния на курсы акций других компаний. Как заметили биржевые аналитики, рынок «проглотит эту горькую пилюлю, не поморщившись»[388]. А сочувствовавшая ЮКОСу американская пресса жаловалась, что западные нефтяные компании, энергично развивая свой бизнес в России, «предпочитают не слышать» (choosing not to hear) про несчастья Ходорковского и его партнеров[389].

Компенсируя проблемы, порожденные делом ЮКОСа, Кремль демонстрировал верность либеральному курсу по всем направлениям. Ускорились переговоры о вступлении России во Всемирную торговую организацию. Началась досрочная выплата долгов. Уже в феврале 2005 г. долг перед Международным валютным фондом был погашен полностью. В то же время на внутренние нужды из многомиллиардных средств Центрального банка

---

387 Ведомости. 27.06.2005. С. 1.
388 Прямые инвестиции. 2004. № 9. С. 78.
389 The Time. 6.12.2004. P. 37.

и Стабилизационного фонда, накопленных за счет высоких цен на нефть, решено было ничего не выделять (во избежание инфляции). В целом дело ЮКОСа, создав у московского начальства своеобразный «комплекс вины» перед Западом и собственными олигархами, способствовало ужесточению неолиберальных мер.

Если первая волна реформ, проведенная Борисом Ельциным и Егором Гайдаром, была направлена на приватизацию собственности, то вторая волна должна была снять с правительства оставшиеся на нем социальные обязательства перед населением. С точки зрения рыночной логики эти обязательства действительно являлись анахронизмом. Гайдар не решился посягнуть на них в условиях, когда его реформы и так вызывали массовое недовольство. На фоне катастрофического спада производства лишать людей последних форм социальной поддержки значило обрекать их уже не на бедность, а на голодную смерть. На это реформаторы пойти не могли — не из-за гуманности, а просто потому, что опасались быть растерзанными первыми.

В условиях экономического подъёма на фоне все еще сохранявшихся у части общества иллюзий относительно Путина, шансы выглядели куда лучше. Действительно, отнимать социальные гарантии у населения, заработная плата которого в целом повышается, казалось менее опасно, чем делать то же самое на фоне резкого спада уровня жизни. Однако кремлевские стратеги не учли двух факторов. Во-первых, за 15 лет реформ российское общество более или менее разобралось в происходящем, адаптировалось к новой реальности, а следовательно, научилось и более эффективно сопротивляться. А во-вторых, в условиях экономического подъема трудящиеся всегда чувствуют себя гораздо увереннее и более готовы к решительным действиям.

Стратегическим приоритетом правительства стали рыночные реформы по трем направлениям: реорганизация жилищно-коммунального хозяйства, отмена бесплатного проезда на транспорте и прочих льгот для пенсио-

неров и некоторых других категорий граждан, коммерциализация и свертывание государственной системы образования.

Новый жилищный кодекс, вступивший в силу с 1 марта 2005 г., даже у многих либералов вызвал содрогание. Депутат Государственной думы Галина Хованская заявила, что принятое законодательство снимает с властей всякую ответственность за положение дел в этой сфере. Суммируя ее взгляды, вполне лояльная к Кремлю газета «Известия» констатировала: «Собственники квартир заплатят за все, а бедных лишат даже очереди на жилье». Для миллионов законопослушных граждан получалось, что «жилищный кодекс страшнее уголовного»[390].

Не меньшую тревогу вызывала и реформа образования, направленная на коммерциализацию высших учебных заведений, сокращение числа студентов и выделение небольшого числа элитных учебных заведений, противопоставляемых большинству других. Школьная реформа вызывала дружное недовольство учителей, жаловавшихся, что внедряемая система тестов приводит к тому, что понимание предмета заменяется механическим заучиванием учениками разрозненных фактов. Экономическая перспектива реформы была очевидна: подготовить учебные заведения, а во многих случаях их опустевшие здания, к приватизации. Одновременно с реформой образования развернулось и наступление на Академию наук — архаичную и малоэффективную структуру, которую в ходе преобразований предполагалось превратить в высокоэффективное коммерческое учреждение, малоспособное к организации фундаментальных исследований. Государственная поддержка должна была уступить требованиям рынка. «Приватизация добралась до науки», — констатировала «Независимая газета»[391].

Принятый Думой пакет законов был откровенным вызовом обществу, причем не только его беднейшим

---

390 Известия. 2.02.2005. С. 3.

391 Независимая газета. 19.10.2004. С. 3.

слоям, но и значительной части столичного среднего класса. Разрушение бесплатного образования и подорожание жилья ставило под вопрос с таким трудом достигнутое этими семьями мелкобуржуазное благополучие.

«Законотворческая чесотка „единороссов", — иронизировал левый публицист Виктор Шапинов, — заводит часовой механизм социального взрыва гигантской силы. И недаром политики и журналисты все чаще вспоминают 1905-й год. Дело не в его столетнем юбилее. Дело в том, что 1905-й год становится актуален, «лезет» изо всех щелей, надвигается. Не почувствовать это нельзя даже за толстыми стенами Государственной думы»[392].

И все же именно федеральный закон № 122 о «монетизации» льгот вызвал самое большое возмущение в обществе. Право на бесплатный проезд в транспорте, которым пользовались пенсионеры, инвалиды, военнослужащие и целый ряд других категорий граждан, было заменено денежными компенсациями, на которые, как правило, невозможно было купить даже месячного проездного билета. Одновременно были ликвидированы права на приобретение льготного жилья, в некоторых случаях отменены налоговые льготы, ликвидировано право на дополнительную оплату за работу в некоторых медицинских учреждениях и т. д. Оставшиеся обязательства по социальной поддержке населения были переданы с федерального на местный уровень. В условиях нарастающей централизации бюджета и постоянной нехватки средств во многих регионах это означало гарантированное неисполнение государством даже тех своих обязательств, от которых оно не решилось отказаться публично. Как отмечал один из критиков правительства, закон № 122 «представляет собой программу развития общества и взаимоотношений между обществом и властью на ближайшую перспективу. Государство отказывается от какого-либо значимого участия в поддержке самых разных групп населения по единственной причи-

---

[392] Правда-info. Июнь. 2005. С. 2.

не — их бесполезности для целей, которые ставит перед собой политическая „элита". Эти — слишком старые, эти — больные, эти — маленькие, а эти еще учатся и пользы от них никакой. В общем, единственной категорией населения, которую государство согласно признавать в качестве полноценных членов общества, остаются люди в возрасте от 25 до 37 лет»[393].

Для того чтобы как-то успокоить страсти, правительство предоставило пенсионерам право на бесплатное получение определенного количества лекарств. Главную выгоду от этого, разумеется, извлекли не больные старики, а уполномоченные компании, получившие возможность поставлять государству препараты по ценам выше рыночных. Явившись в начале января за лекарствами, пенсионеры обнаружили, что выписанных им снадобий на прилавках нет. Зато можно было в больших количествах сметать с полок совсем не нужные больным товары — просто чтобы реализовать выделенную сумму. Даже весной 2005 г., когда правительство начало специально следить за положением дел в этой отрасли, положение радикально не изменилось, по крайней мере в провинции. «Бесплатные лекарства, спустя три месяца после вступления в силу закона о монетизации льгот, федеральные льготники по-прежнему получают с большим трудом, — писала сибирская газета. — Одни препараты в аптеки поступают в избытке, а других — катастрофически не хватает»[394].

КРАСНЫЙ ЯНВАРЬ

На протяжении 2004 г., когда обсуждался и принимался роковой закон, правительство игнорировало любую критику, не обращая внимания на митинги и пикеты, регулярно появлявшиеся под стенами Государственной думы.

---

393 *В. Р. Захарьин.* Правда об отмене льгот. М.: Издание КПРФ. С. 4.
394 Томская неделя. 24.03.2005. № 12. С. 12.

Впрочем и само население не проявляло особой активности, предпочитая участию в акциях протеста тихое бурчание на кухнях.

Первые несколько дней января, когда закон, наконец, вступил в силу, все выглядело более или менее спокойно. Люди праздновали Новый Год и Рождество (благо Государственная дума организовала всей стране бессмысленные и беспрецедентные десятидневные рождественские каникулы). Но первые же будние дни 2005 г. знаменовались стихийными уличными демонстрациями, прокатившимися по всей стране. Обнаружив, что транспорт перестал быть бесплатным, а компенсации больше похожи на нищенское подаяние, люди начали протестовать.

9 января — почти в годовщину начала первой русской революции — начались волнения в Подмосковье. В течение нескольких дней протесты, подобно лесному пожару, распространились по всей стране, охватив Сибирь, Урал, Петербург, южные города России. Оазисом спокойствия оставалась лишь первопрестольная столица.

Демонстрации и митинги быстро сменились более радикальными акциями. Сначала перекрывали дороги, затем начали осаждать административные здания. В Перми, в ответ на задержание молодых левых активистов, толпа протестующих захватила исполняющего обязанности губернатора и удерживала его в заложниках, пока задержанные не были освобождены. В Краснодаре взяли в заложники вице-губернатора[395]. В Томске 18 января многотысячная толпа, заняв весь центр города, кинулась на штурм областной администрации, но была остановлена милицией. Кульминацией январских событий

---

[395] Любопытно, что события тут же обрастали легендами. Во многих случаях из-за ошибок информационных агентств сообщения об одних и те же событиях повторялись дважды, причем применительно к разным городам. Так, например, захват моста в Красноярске был приписан Краснодару. Показательно, что опрошенные жители соответствующих регионов впоследствии нередко считали, что подобные события и в самом деле имели место или могли иметь место.

стали выступления в Санкт-Петербурге. Лидер местного Комитета единых действий Евгений Козлов признавался, что даже сами организаторы марша протеста 15 января «не ожидали, что люди сами выйдут на несанкционированные митинги и что акции будут такими массовыми»[396]. Заняв Невский проспект, демонстранты двинулись к Смольному (по горькой иронии бывший легендарный штаб Октябрьской революции теперь оказался цитаделью буржуазно-бюрократической власти). Переговоры с губернатором начались 17 января, после того как центр города был блокирован на протяжении двух дней подряд. Требования протестующих были поставлены участниками акции на голосование, переговоры показывали по местному телевидению. Первоначальные предложения губернатора был отвергнуты, но позднее представители демонстрантов и местное начальство пришли к компромиссу.

Антиправительственные лозунги быстро сменялись антипрезидентскими и антисистемными. Толпы восторженно скандировали: «Революция! Революция!» Как отмечал сибирский леворадикальный бюллетень, возможности дурить население «сократились после смены состава депутатов, разгрома оппозиции и отставки премьер-министра»[397].

Во многих городах протестующие создавали координирующие органы. В разных местах назывались они поразному — комитеты единых действий, советы спасения, координационные советы. Возникновение таких стихийных органов народовластия оживляло в памяти историю первых Советов, созданных во время революции 1905 г. в Иваново-Вознесенске, Петербурге, Москве.

Совпадение январского протеста с историческими датами 1905 г. было воспринято самими участниками событий как символическое, хотя говорить о «годовщине» можно только условно. Кровавое воскресенье

---

396 Известия Советов. № 1. 2005. С. 2.
397 Дело №1 (Красноярск). 2005. С. 2.

состоялось 9 января 1905 г. по старому стилю, иными словами — на 13 дней позже.

Тем не менее сходство январских протестов 2005 г. с выступлениями рабочих, положивших начало первой русской революции, безусловно бросается в глаза. И в том и в другом случае демонстрации начались под экономическими лозунгами. И в том и в другом случае их фоном была война, от которой страна порядком устала (в первом случае — русско-японская, во втором — чеченская). Демонстрации переросли в массовые волнения, а лозунги протестующих быстро политизировались. На этом, однако, сходство заканчивается. Русско-японская война была для царского режима очевидным поражением. Режим Путина был не в силах разрешить чеченскую проблему, но как и всякий «конфликт малой интенсивности», противостояние на Кавказе могло продолжаться неопределенно долго, не приводя к катастрофическим для власти последствиям.

Участниками акций протеста в 1905 г. были в основном промышленные рабочие, по большей части — люди среднего возраста. В 2005 г. на улицы вышли пенсионеры, лишившиеся льгот, и студенческая молодежь. В свою очередь, правительство, правильно оценивая ситуацию, решило проявить сдержанность. Силу применяли, но в разумных пределах. Милиция неоднократно использовала дубинки, но преимущественно против молодежи. Во многих случаях, напротив, стражи порядка равнодушно наблюдали за тем, как возмущенные толпы блокируют улицы, перекрывают мосты и осаждают правительственные здания. Причину подобной невозмутимости надо, впрочем, искать не только в сдержанности высших инстанций или в их растерянности, но и в том, что сами силовые структуры чувствовали себя обиженными. Федеральный закон 122 лишил льгот также военнослужащих и работников милиции. В Калининграде было несколько случаев, когда вооруженные армейские патрули снимали с рейса кондукторов, требовавших плату за проезд с утративших льготы офицеров.

К началу февраля уличные выступления начали стихать. Перепуганные власти пошли на уступки. Бесплатный проезд для льготников был во многих городах восстановлен, компенсации увеличены. Хотя закон № 122 официально отменен не был, правительству пришлось по многим позициям публично дать задний ход. Чиновники стали оправдываться. Путин, привычно исчезнувший из поля зрения в разгар кризиса, вновь появился в Кремле. Вопреки ожиданиям он не решился отправить в отставку кого-то из особо провинившихся чиновников. Все ограничилось очередными призывами учитывать интересы населения.

Для граждан страны, привыкшей к тому, что власть никогда не уступает и никогда не извиняется, январский кризис оказался психологическим переломом. Несмотря на то, что полной победы достигнуто не было, уступки, сделанные начальством, воспринимались как проявление слабости и доказательство того, что с властью можно эффективно бороться. Политические потрясения, только что пережитые соседней Украиной, тоже не могли не повлиять на общественное мнение России. Независимо от того, что к новой украинской власти в России относились со вполне обоснованной подозрительностью, сам факт того, что массовые уличные протесты повлияли на исход политической борьбы элит, не мог не произвести глубочайшего впечатления как на народ, так и на начальство. «По моим ощущениям, — писала читательница левой газеты „Правда-info", — наше общество высушено, накалено — может оказаться достаточно малой искорки, чтобы оно вспыхнуло, и, возможно, более основательно, чем это случилось у соседей»[398].

---

[398] Правда-info. Июнь. 2005. С. 1.

ОППОЗИЦИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ

Официальная думская оппозиция была застигнута этими событиями врасплох. Некоторые члены КПРФ выходили на митинги, но их никто не организовывал. Если партийные функционеры и пытались играть какую-то роль в происходящем, то сводилось это к попыткам уговорить людей разойтись, не перекрывать улицы и не вступать в конфронтацию с начальством. Призывы эти так же регулярно игнорировались. Кое-где на улицах и площадях появлялись красно-оранжевые флаги «Родины», но ни в подготовке акций протеста, ни в переговорах с властями эта группировка не участвовала. Лишь к началу февраля, когда все уже заканчивалось, лидеры КПРФ, оправившись от шока, призвали своих сторонников встать в «авангарде» движения протеста. Однако акции, проведенные по партийной инициативе, оказались исключительно маломощными, что особенно бросалось в глаза на фоне массовых беспорядков, прошедших всего за неделю-другую до того. Лидеры официальной оппозиции в очередной раз показали, что являются не альтернативой власти, а скорее удобным прикрытием для нее.

Январь 2005 г. выявил изменения, произошедшие в моральном климате российского общества. В начале 2000-х гг. известный левый журналист Анатолий Баранов сетовал на страницах «Правды-5», что, несмотря на невероятные лишения, «бедный человек в нашей стране не революционен». В крупных городах все более популярны становятся идеи левых, но большинство населения мечтает исправить свое положение «без коренной ломки, без риска»[399]. С точки зрения Баранова, эта ситуация трагична. А бывший диссидент Рой Медведев, напротив, радовался апатии масс, подчеркивая, что такое положение дел «не повод не для отчаяния, но основание для надежды»[400].

---

399 Правда-5. 9—16.01.1998.

400 *Медведев Р.* Капитализм в России? С. 300.

Никто не спорит, что *при прочих равных условиях* мирные реформы (с точки зрения интересов рядового гражданина) предпочтительнее революционных потрясений и уж тем более — если эти преобразования могут сопровождаться насилием. Но, увы, история не делается на заказ. История, тем более история России, для комфорта мало приспособлена. Трагизм ситуации, отмеченный Барановым, состоял именно в том, что большинство людей продолжало рассчитывать на эволюционные перемены или умеренные реформы в ситуации, когда для всего этого не было абсолютно никаких шансов. Однако Баранов писал прежде всего о беднейших слоях населения. А они никогда не были главными носителями революционного импульса. После августа 1998 г. началась радикализация обманутых и обворованных средних слоев, технологической элиты, квалифицированных рабочих наиболее конкурентоспособных предприятий (главным образом — экспортного сектора).

События 2005 г. показали, что психологический климат если и не изменился окончательно, то определенно меняется. Среди радикальных левых январские протесты вызвали настоящую эйфорию. Красноярская газета Молодежного левого фронта писала про «начало новой революции»[401]. Руководитель информационного агентства «Товарищ» Дмитрий Галкин, заметил, что после катастрофы 1993 г. для российских левых было характерно подсознательное, а порой и сознательное неверие в собственные силы. Эта глубоко укоренившаяся привычка к бессилию в значительной мере предопределила их политическое поведение. Левые «постоянно ищут союзников, которые представляются им более сильными и влиятельными, и вступают с ними в соглашения, не слишком думая об условиях. Этой части левых кажется, что иного пути сохраниться в политическом процессе просто не существует. Другая часть левых давно плюнула

[401] Дело № 1 (Красноярск). Январь. 2005. С. 1.

на политический процесс и совершенно им не интересуется. У них есть более важное дело — самореализация, состоящая в выдвижении лозунгов, программ и постановке политических задач, никак не связанных ни с состоянием общественного сознания, ни с социальными условиями». Однако события января 1993 г. серьезно изменили ситуацию на левом фланге. «Неверие в собственный успех у левых постепенно проходит под воздействием социально-политического кризиса. Чем слабее становится власть, тем увереннее в своих силах делаются левые»[402].

Следствием новой ситуации стали и организационно-политические перемены на левом фланге. С одной стороны, по мере того как слабели позиции КПРФ и усиливалось массовое движение, оппозиционные группы и активисты все меньше оглядывались на партийное руководство. Даже те, кто формально сохраняли членство в партии, начинали действовать самостоятельно. С другой стороны, новый импульс получил объединительный процесс.

Лояльная к власти газета «Версия» с тревогой писала, что «на левом фланге полным ходом идет перегруппировка сил, и большинство старых заслуженных оппозиционеров теряет контроль над левыми. На арену выходят новые молодые люди, о которых еще год-два назад никто не знал и которые самоорганизуются в новую формацию»[403].

Несмотря на не слишком удачный опыт Молодежного левого фронта, необходимость организации, координирующей деятельность левых сил, становилась очевидна. В апреле 2005 г. в Москве прошел Российский социальный форум (РСФ), собравший более тысячи участников со всей страны. В отличие от аналогичных

---

[402] Голос коммуниста. 2005. № 4. С. 2.

[403] Версия. 2005. № 22. С. 10. Разумеется, бульварная газета и тут искала происки спецслужб, «которые, в свою очередь, могут опереться на ресурсы олигархической оппозиции Путину» (там же).

встреч в Западной Европе, российский форум был сильно политизирован. Он обсуждал не только формы сопротивления неолиберальному курсу властей, но и возможности политического объединения левых. Тем не менее многие участники жаловались на бюрократизацию мероприятия, на то, что не был достигнут «конкретный организационный результат»[404]. Следующий шаг не заставил себя долго ждать. 19 июня 2005 г. в Москве на конференции, собравшей представителей полутора десятков антикапиталистических групп, был провозглашен лозунг Левого фронта. В отличие от МЛФ новое объединение должно было основываться не только на коллективном, но и на индивидуальном членстве.

Весна 2005 г., впрочем, выявила не только возможности нового левого движения, но и его проблемы. Массовые выступления пошли на спад. Улицы снова оказались под контролем властей, которые извлекли уроки из произошедшего и принимали меры для того, чтобы более эффективно встретить следующую волну народного протеста. Широкое недовольство реформой жилищно-коммунального хозяйства и начавшейся реформой образования не привело к немедленному организованному сопротивлению.

Образовательный форум, проходивший в рамках РСФ, произвел удручающее впечатление на присутствовавших там студенческих активистов, которые, по их собственному выражению, готовы были впасть в «недетский пессимизм». А проходивший тогда же «Молодежный форум» продемонстрировал «одновременно и разрозненность и претенциозность»[405].

Российская политика 2005 г. представляла собой суетливо-бессмысленное маневрирование многочисленных и разрозненных сил, образующих причудливые и случайные альянсы, заведомо обреченные на недолговечность. Единственное, что объединяло всех, это предчувствие

---

404 Правда-info. Май. 2005. С. 2.

405 Студенческая солидарность. Май. 2005. № 4. С. 3.

политических перемен, которые по причине полного отсутствия фантазии, представлялись исключительно в виде российского аналога украинской «оранжевой революции». Коммунистическая партия то объединялась с либералами, кляня антидемократический режим, то призывала бороться против оранжевой чумы. А политики из «Родины» то сами примеряли «оранжевые» цвета, то демонстративно бегали советоваться в Кремль. Формирование Левого фронта подчинялось той же неустойчивой логике: одни и те же группы то громогласно объявляли о готовности самораспуститься во имя единства социалистических сил, то пускались во все тяжкие, пытаясь нажить собственный политический капитал. По существу, ни одна политическая организация, унаследованная от 1990-х гг., не была готова к новой общественной ситуации. И все же, общая тенденция медленно, но верно прокладывала себе дорогу: на левом фланге формировалась новая политическая сила.

НА РАСПУТЬЕ

Первоначальная январская эйфория сменилась трезвым пониманием реальных проблем и возможностей, которые встали перед левым движением. Нужно было организовываться по ходу борьбы, не имея ни готовых политических структур, ни даже устойчивой идеологии, преодолевая удручающее наследие 1990-х гг. и сталкиваясь с постоянным противодействием не только власти, но и официальной думской оппозиции.

А главное, левые должны были четко ответить на вопрос о собственной стратегии в ходе назревающего кризиса. Если в начале 2000-х гг. само слово «революция» применительно к России многим казалось бессмысленным, а марксистская лексика — всего лишь привычной данью сектантским традициям левых радикалов, то после событий на Украине и массовых волнений января 2005 г. это слово замелькало на страницах либеральных

изданий, зазвучало в университетских аудиториях и в «закрытых» правительственных докладах. Однако открытым оставался главный вопрос — какая революция, в чьих интересах, и какова в ней роль левых?

Разумеется, левые не могли не говорить о социализме. Однако сам по себе кризис режима Путина отнюдь не был равнозначен предстоящему торжеству социалистических идей. Больше того, на роль наследников кремлевской власти вполне серьезно претендовали лидеры либеральной оппозиции, не говоря уже о группировках внутри правящей бюрократии, планировавших сохранить и даже укрепить свои позиции, слегка подкорректировав лозунги.

Как и в начале XX в., левая оппозиция авторитарному режиму разделилась на несколько течений в зависимости от отношения к либералам. Известный левый публицист Алексей Цветков писал, что у сторонников социализма в России нет другого выхода, кроме как поддерживать бюрократию против буржуазии, либо буржуазию против бюрократии.

«Если вдруг так получилось, что вам отвратительны оба способа принуждения: административный (бюрократы) и экономический (буржуа) — и вы мечтаете о сетевом обществе поствластных и пострыночных отношений, вам все равно придется выбирать, кого вы видите ближе к своей утопии, выбирать, с кем из них объединяться, потому что третьей стороны сейчас нет (это не значит, что она в принципе невозможна). Пресловутый „трудящийся“ (он же „народ“) — безголовый, а потому слепой гигант, которого с переменным успехом используют друг против друга две вышеназванные элиты.

На мой взгляд, в сегодняшних странах с советским прошлым любая критика буржуазности (с которой начинается всякий утопизм на Западе) оборачивается объективной поддержкой бюрократии. А значит, ответственным утопистам не остается ничего, кроме как добавлять

свои усилия к буржуазному проекту как к исторически более прогрессивному»[406].

Поразительным образом вся теоретическая база здесь сводится к наивно заученному сталинистскому истмату с его механистическими представлениями о прогрессивности. Капитализм и бюрократия отнюдь не антиподы. Современная бюрократия (в том числе и в России Нового времени) есть как раз порождение буржуазной модернизации, ее необходимое условие. Российский капитализм авторитарен не потому, что чиновники коррумпированы или государственные традиции заимствованы из Византии. Не в советском и византийском прошлом надо было искать объяснение, а в капиталистическом настоящем.

В начале XXI в. ситуация воспроизводится. Российская буржуазия нуждается в бюрократии для стабильности, для контроля за «народом», для того чтобы удерживать его в положении «слепого гиганта». Бюрократии, напротив, буржуазия необходима как источник обогащения. Буржуазия наша оказалась насквозь бюрократична, а бюрократия до мозга костей буржуазна. С самого начала перестройки бюрократия работала на буржуазный проект. То, что соотношение сил несколько иное, чем на Западе — естественно. Российский капитализм — периферийный. И это обстоятельство нельзя было изменить никакими «оранжевыми революциями», ибо подобные перевороты не затрагивают ни структуру экономики, ни место страны в глобальном разделении труда.

Неолиберальные оппозиционеры со своей стороны мечтали заполучить поддержку слева, но ни на малейшие политические уступки со своей стороны идти были не готовы. Мало того, что они ни слова не сказали против рыночного курса Путина, но они продолжают обвинять президента в том, что его экономическая политика недостаточно рыночная, недостаточно либеральная.

---

[406] http://www.aglob.ru/analysis/?id=1000 , 21.07.2005.

Между тем именно протест против рыночной, антисоциальной политики Путина лежал в основе событий января 2005 г. и всех других массовых выступлений, подтачивавших основы режима. Иными словами, народ возмущала именно та сторона политики Путина, которую либеральная оппозиция поддерживала.

Серьезной массовой оппозицией правящему авторитарному режиму в России всегда могли быть только сами левые. Им не нужен блок с либеральными политиками, чтобы стать серьезной общественной силой. Скорее наоборот. Чем более они независимы, тем они сильнее, их аргументы тем более убедительны.

КТО СТАНЕТ НОВЫМИ БОЛЬШЕВИКАМИ?

Революционный процесс в стране периферийного капитализма неизбежно противоречив (впрочем, это же относится и вообще к любой революции). Необходимо решать одновременно задачи демократической и социальной борьбы, накладывающиеся друг на друга. Необходимо ставить вопросы модернизации, которые не решил и не может решить капитализм, одновременно выходя за рамки буржуазного порядка.

В то время как Цветков призывал к сотрудничеству с либералами, бывший диссидент-марксист Рой Медведев, руководствуясь, в сущности, той же самой логикой, говорил о необходимости защитить Путина от либералов. Они как бы воспроизводили две стороны одного и того же противоречия. Задачи демократической борьбы, казалось бы, диктуют союз с либералами, а задачи социальной борьбы требуют непримиримого противостояния с теми же либералами. Но суть дела в том, что эти задачи неразделимы. Без социальных перемен невозможна демократизация, а социальные преобразования немыслимы без смены режима.

«Столетняя история революций в России и во всем мире, — говорил лидер петербургского Комитета единых

действий Евгений Козлов, — показала, что чистых социалистических революций не бывает, все прошедшие социалистические революции выросли из революций национально-освободительных, антифашистских, общедемократических»[407].

Все подобные противоречия уже выявились в ходе русской революции 1917 г. и продолжали воспроизводиться в каждом новом революционном кризисе на периферии мирового капитализма.

Генералы не так уж не правы, когда готовятся к «прошлой войне». У них просто нет иного выбора. В новой войне побеждает не тот, кто отказывается тратить время на изучение предшествующего опыта, а тот, кто сумел извлечь из него актуальные уроки. С революциями то же самое. Русская революция отличалась от французской, а та — от английской. И тем не менее во всех трех революциях заметна общая логика, схожая последовательность. Именно изучение этого опыта позволило Ленину сформулировать понятие «революционной ситуации», выработать стратегию и тактику, успешно примененную в Октябре 1917 г. И не случайно называл он большевиков «русскими якобинцами».

Каждая революция своеобразна, но что-то их объединяет, иначе не назывались бы они одним общим словом. Это общность исторической динамики, политическая логика процесса, который начинается с кризиса верхов и радикализируется по мере того, как в политическую борьбу сознательно вмешиваются все более широкие массы.

Эту логику не отменяет течение времени. Ей подчинена любая революция, точно так же, как реактивный «Боинг» и аэроплан братьев Райт основаны на одних и тех же принципах механики, хотя на технологическом уровне являются совершенно разными системами.

---

[407] Голос коммуниста. 2005. № 4. С. 3.

Идеологически и эстетически каждая новая революция апеллирует к образам прошлого. Англичане в XVII столетии за неимением лучшего обращались к библейским персонажам, французы, как известно, примеривали тоги античных героев, а деятели русской революции на первых порах стилизовались под французов (от якобинцев перекочевала в наше отечество почти вся революционная лексика — не только «комитеты» и «комиссариаты», но также «красный террор» и «враги народа»). Легко догадаться, что новая русская революция будет неизбежно восприниматься сознанием левых через аналогии с 1917 г. Другого способа просто нет.

Аналогии могут помочь понять сегодняшний день, хотя могут и запутать нас. В любом случае сами по себе они не являются аргументами в споре. Но и не заметить их невозможно. А если внимательно посмотреть на складывающуюся сегодня ситуацию, некоторые параллели с 1917 (точнее с 1916) годом просто бросаются в глаза.

Это относится и к расстановке идеологических сил на левом фланге. Как известно, в преддверии Великой русской революции левая оппозиция разделилась на три лагеря. На правом фланге оказались так называемые «оборонцы», готовые поддержать царский режим во имя «защиты Отечества». Любые политические и социальные требования отбрасывались до лучших времен. Победа Российского государства над внешним врагом объявлялась главной и на данный момент единственной задачей, все те, кто думал иначе — врагами и предателями Родины. То, что реально существующее Российское государство не способно было кого-либо победить, и поддержка его лишь продлевала агонию страны, оставалось недоступно их затуманенному национализмом сознанию.

Второй группой оказались, по определению Ленина, «мелкобуржуазные демократы с почти социалистической терминологией». Люди, верившие, что возможна и необходима демократическая революция, но не понимавшие или боявшиеся понять логику революционного процесса. Они готовы были свергать царя, искренне считая,

что на этом исторические задачи общественного переворота будут исчерпаны, а социальная система встанет на путь естественной «прогрессивной эволюции».

Наконец, на самом левом фланге оказались «новые якобинцы» (большевики и часть радикальных народников), понимавшие, что, начавшись как политический переворот, революция либо станет социальным переворотом, либо потерпит поражение. Как говорила Роза Люксембург, локомотив не может остановиться посреди подъема. Он может либо добраться до верхушки склона, либо упасть.

В основе радикального прогноза Ленина и Троцкого лежала, однако, не только аналогия с французской и английской революциями, но и их анализ текущей расстановки классовых сил в России и в мире. В первом случае они оказались полностью правы, понимая, что российская буржуазия слаба, что она тесно и неразделимо связана с самодержавно-помещичьим государством, а потому не сможет ни самостоятельно взять власть, ни тем более удержать ее. События 1917 г. это полностью подтвердили. В международном плане прогноз Ленина и Троцкого оказался менее точным. Ожидаемая рабочая революция на Западе не состоялась, что в значительной мере и предопределило трагический исход «советского эксперимента». Но и в данном вопросе лидеры большевиков заблуждались не так сильно, как порой считают. Ведь революционные взрывы в Европе все же происходили — в Германии и Венгрии власть рухнула. Да и во Франции политическая ситуация была крайне накалена. Кто знает, какой оборот приняла бы немецкая революция, окажись среди ее лидеров персонажи масштаба Ленина?

В начале XXI в. Рой Медведев и другие «красные путинисты» в точности воспроизводили аргументы «оборонцев», только место кайзеровской Германии в их сознании заняла Америка Джорджа Буша. Сходство усиливается, если сопоставить судьбу «отца русского марксизма» Г. В. Плеханова, сделавшегося «оборонцем»,

и ветерана советского диссидентского движения Роя Медведева, превратившегося из проповедника «критического марксизма» в пропагандиста путинского режима. Трагизм ситуации в том, что, став на подобные позиции, заслуженный левый теоретик объективно оказывался инструментом реакции, причем реакции черносотенной: избранная политическая позиция заставляет его поддерживать и антисоциальные реформы, и репрессии против других левых, не говоря уже о свертывании демократических свобод и притеснении национальных меньшинств под предлогом борьбы с терроризмом. Ведь любая борьба с властью ведет к дестабилизации, работает на руку «враждебным силам», подрывает государство и т.д. Соответственно, какие бы мерзости власть ни вытворяла, у наших героев уже просто не остается иного выбора, кроме как ее поддерживать, поскольку они являются ее политическими и моральными заложниками.

Либеральные радикалы (или, пользуясь ленинским термином, «мелкобуржуазные левые»), напротив, по форме своих выступлений могли выглядеть ужасно революционными. Их ненависть к власти совершенно искренна. Но их политический горизонт определялся задачами либеральной оппозиции: действующую власть необходимо свалить, но дальше ни шагу. Либеральная буржуазия всегда кровно заинтересована в том, чтобы остановить революционный процесс. Радикалы, как ни странно, оказались в этом вполне согласны с либералами. В этом плане показательны заявления Эдуарда Лимонова, который обнаружил полное отсутствие интереса к социальной борьбе. Предел политического горизонта подобных радикалов — это «правильная» на западный манер демократия, при которой заслуженные борцы с путинским режимом получают возможность заседать в парламентах и министерских комиссиях. Либеральная оппозиция, со своей стороны, аплодировала героизму таких революционеров и всегда была готова бороться за их права. Ведь сама она в тюрьму идти не собиралась и спины под полицейские дубинки подставлять не хотела.

Наконец, группы и течения, составившие костяк формировавшегося Левого фронта (пока еще организационно очень рыхлая, но идеологически постепенно консолидирующаяся масса). Суть ее позиции, при всех поправках на изменившуюся эпоху, оказывалась та же, что у большевиков предыдущего столетия. Демократическая революция необходима, но она является не более чем ступенькой, начальной фазой для социального переворота, который и является нашей целью — не в отдаленном будущем, не в абстрактной исторической перспективе, а непосредственно в ходе развертывающейся борьбы.

По большому счету, конечно, важны не позиции политических течений, а объективный расклад общественных сил. Социально-политическая ситуация в России начала XXI в. оказалась критической. Страна была обречена на дестабилизацию в той или иной форме. И политические силы, пытавшиеся остановить этот закономерный процесс, обречены были на крах.

Кризис совершенно не зависит от усилий левых и даже от стараний либеральной оппозиции. Ничего не меняют ни иностранные субсидии правозащитникам, ни многомиллионные затраты на проведение семинаров для прокремлевского движения «Наши». Власть сама внутренне расколота, в ней началась непримиримая борьба группировок. А власть, лишенную внутреннего единства в условиях кризиса, спасти не может ничто.

Раскол верхов — важнейшее условие перемен. Ленин прекрасно понял это, поставив данный признак на первое место в описании революционной ситуации. Когда верхи консолидированны, а государственный репрессивный аппарат находится в безупречном порядке, даже самая передовая революционная партия свалить власть, а тем более изменить систему, не сможет (кстати, именно в восторженной поддержке репрессивно-силового аппарата проявляется реакционная сущность «оборонцев» и «красных путинистов»).

Слабость буржуазии предопределяет несовместимость либерального общественного проекта с демокра-

тией. Раскол власти, возникшее в Кремле противостояние «силовиков» и «либералов» дало обществу исторический шанс избавиться и от тех и от других.

История расставит все на свои места. Каждому предстоит сыграть свою роль. Но для того чтобы сыграть свою роль хорошо, надо ее понять. Не тешить себя иллюзиями, но и освободиться от заблуждений. А потому уроки революций прошлого становятся чрезвычайно важны для нас. Мы не должны повторять ошибок, совершенных нашими предшественниками, но обязаны использовать их опыт.

Заключение:
на пороге революции?

Российская власть лучше всего умеет управлять самой ею же спровоцированными катастрофами. Это уже не crisis management, а именно disaster management, причем ничего другого российские элиты, по большому счету, делать не умеют и не хотят. Агония режима реставрации может оказаться затяжной. Не столько потому, что режим силен, сколько потому, что общество слабо. И все же рано или поздно эта политика приведет к краху. Кризис не может поддерживаться бесконечно. Порождая большие и малые катастрофы, власть рискует сама рано или поздно стать их жертвой. Если, вопреки усилиям власти, общество и экономика все же стабилизируются, это даст мощный толчок к развитию новых сил и интересов, которые не смогут уместиться в рамках ельцинского или постельцинского порядка.

Снова, как в конце прошлого века, Россия находится на развилке неведомых дорог. Мы не созрели для социализма, но жить при капитализме не можем. Мы не в состоянии догнать Запад, но не можем и позволить себе сохранение отсталости. Мы не готовы к демократии и не хотим диктатуры. Иностранный опыт совершенно непригоден, но без него немыслимо развитие.

И наконец, общество насквозь политизировано, но полноценная политическая жизнь невозможна из-за разложения общества. А это разложение, в свою

очередь, усугубляется несостоятельностью политики.

Политическая жизнь современной России напоминает драму (или трагедию?) без положительного героя. Остается лишь надеяться, что этот герой появится по ходу действия.

Исторической задачей, в конечном счете — вопросом выживания, становится поиск новых форм **СОЦИАЛЬНОСТИ,** без чего ни политика, ни экономика вообще невозможны. Эта социальность не может быть буржуазной из-за отсутствия буржуазии. И перспективы развития экономики не могут быть капиталистическими из-за неэффективности сложившейся модели.

Идеология левых может стать важным фактором организации общества именно в силу своего коллективизма. В свое время миф о пролетариате сыграл огромную роль в становлении рабочего класса. Задача левых в России не только в том, чтобы выражать уже сложившиеся интересы, но и в том, чтобы помочь им сформироваться. И одновременно — создавать самих себя как политическую силу.

Восстановление социальности не равнозначно торжеству демократии, но является единственным шансом для демократического развития. Коллективизм не всегда гарантирует свободу, но без него наша свобода уже ничем не может быть защищена. Левый радикализм, естественным образом вызревающий *в стране провалившегося капитализма,* может и не стать идеологией прогресса, но без него прогресс невозможен.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И РЕСТАВРАЦИЯ

Ленинская книга «Что делать?» могла быть написана только социалистом из России. Европейскому социал-демократу никогда не пришло бы в голову, что нужно создать партию рабочих фактически раньше возникновения массового рабочего класса, а затем еще и

«вносить» пролетарское сознание в ряды пролетариата. Но этот «теоретический абсурд» был порожден абсурдом реальной русской истории.

Людям придется организоваться для совместных действий или смириться со своей судьбой. Но даже пассивность и покорность низов не приведут к стабильности, ибо источником дестабилизации являются верхи.

Сегодня мы видим исторические издержки этого пути. Но видим мы и реальные противоречия нового периода, поразительное повторение пройденного, на которое обрекла нас восторжествовавшая реакция. А значит, идеологический фактор по-прежнему будет играть огромную роль. И нам надлежит усвоить уроки русской революции, пытаясь избежать повторения ее ошибок и преступлений.

Альтернатива представляется в виде смешанной экономики, включающей элементы демократического капитализма, государственного управления и демократического социализма. Но эта модель не родится иначе как из политических и социальных потрясений. И она невозможна без радикального изменения государственных структур и господствующей в обществе идеологии.

В конечном счете речь идет не об отказе от рыночных механизмов, но о радикальном отказе от рыночной идеологии в экономике, о совершенно других ориентирах, критериях и задачах развития. О смене элит и ценностей.

Режим реставрации завел страну в такой тупик, выйти из которого можно только через новую революцию. «Кризис власти и государства подходит к своему логическому завершению, — писал в сентябре 1999 г. на страницах „Независимой газеты" Петр Акопов. — И если у России есть будущее, то восстановление (и спасение) самого государства возможно только через смену элиты. Нужно ли напоминать, в каком случае происходит решительное, практически полное обновление правящего слоя? Революция, так нелюбимая нами в последнее десятилетие, приближается незаметно, но неминуемо.

Попытки остановить ее могут быть разные — от „черных полковников" из спецслужб до организации псевдонародных движений в поддержку кого-то из рвущихся к власти. Но отсутствие лидера не исправить его имитацией. Если в стране не появится государственного деятеля, масштаб личности которого соответствовал стоящему перед ней вызову, то вместо политиков ответ на требования времени даст народ. Его стихия вынесет вверх новых лидеров. Может быть, они сумеют сохранить страну? Даже если нет, то в этом будет лишь малая доля их вины»[408].

Призрак, гуляющий по России, это еще не призрак коммунизма, это призрак передела собственности. Либеральная пресса пугает обывателя реками крови, которые прольются, если кто-то покусится на награбленные олигархами богатства. Между тем передел собственности в 1998—2000 гг. уже начался, а кровь и не переставала литься — на улицах Москвы и Выборга, в горах Чечни. Экономические перспективы России зависят от того, удастся ли нашей стране революционным образом изменить сложившуюся структуру. Из всех стран Восточной Европы именно Россия и Украина оказались в наихудшем положении после «свержения коммунизма». Но даже более успешно развивающиеся общества не смогли преодолеть отсталости и решить проблемы, характерные для периферийного капитализма. В 1999 г. лишь в Польше валовой внутренний продукт превысил уровень 1989 г., и следует помнить, что в Польше спад начался задолго до 1989 г. Венгрия в 1999 г. приблизилась к уровню производства, существовавшего при коммунистическом режиме, но при том, что количество бедных удвоилось, появились безработные и бездомные. В России положение дел намного хуже. Даже при самом оптимистическом сценарии, отмечает Андрей Колганов, Россия обречена на резкое усугубление отсталости. Экономический рост сам по себе мало что меняет: «Через

---

408 Независимая газета. 15.09.1999.

некоторое время потенциал использования наших разваливающихся и простаивающих мощностей будет исчерпан при таком развитии, и экономика упрется в тупик. Сможет ли она накопить ресурсы для модернизации при 1—3% прироста валового внутреннего продукта? Нет, не сможет. Это совершенно очевидно. Это совершенно недостаточный рост для того, чтобы резко изменить финансовое положение нашей экономики. Это невозможно сделать без революционного изменения характера внутренней экономической политики»[409].

Разумеется, даже небольшой экономический рост должен оказать благотворное влияние на общество. Не потому, что он примирит население с олигархическим капитализмом, а напротив, потому, что он создаст более благоприятные условия для борьбы. Именно в условиях экономического роста усиливается рабочее движение, его требования из оборонительных становятся наступательными. Люди лучше осознают свои интересы, начинают за них бороться. Они не забывают о прошлых страданиях и унижениях, но думают уже не о том, как выжить, а о том, как изменить свое социальное положение. В этом смысле экономический рост не только не способен стабилизировать систему, но, напротив, выявляет ее структурные противоречия и усиливает ее кризис, что в полной мере стало ясно уже к лету 1999 г.

Переход к рынку с присоединением к капиталистической миросистеме был начат в Советском Союзе под лозунгом модернизации, однако результат оказался обратный обещанному. Капитализм в России, как и в XIX в., насаждался властью вопреки сопротивлению общества и даже части элит. Парадокс в том, что именно *политика насаждения капитализма «сверху» сделала принципиально невозможным формирование демократического капитализма «снизу»*. Эти элементы демократического капитализма могли бы в определенных формах сосуществовать с демократическим социализмом,

---

[409] Россия в конце XX века. С. 183.

но не с олигархическо-корпоративными структурами и экономической диктатурой международного финансового капитала. Под флагом «искоренения коммунизма», пишет Тамаш Краус, «режим Ельцина уничтожает и накопленные ценности традиционной гуманистической культуры, ростки социалистического, коллективистского мышления, причем делает это во имя агрессивного античеловеческого индивидуализма»[410]. Это не совсем так. Специфика постсоветской России состоит как раз в сочетании безответственного индивидуализма с авторитарным бюрократическим коллективизмом. Они взаимно дополняют друг друга, делая принципиально невозможным формирование гражданского общества.

Реставрация разрушала в России не только и не столько бюрократические структуры, характерные для сталинизма, сколько элементы социализма, существовавшие в советском обществе. Она закономерно сопровождалась демодернизацией страны. Еще один парадокс, обнаружившийся в ходе ельцинского правления, состоит в том, что несмотря на всю свою авторитарность и враждебность западным ценностям (а может быть, как раз из-за этого), советский «коммунизм» оказался наиболее эффективной идеологией модернизации, предложенной в истории России. У нас не было ни феодализма с его традицией сословных «вольностей» и личной ответственности, ни Реформации с ее знаменитой протестантской этикой. Не было у нас и конфуцианской традиции, как на Востоке. Своего рода заменой протестантской этики стала коммунистическая идеология с ее культом долга и дисциплины, фаталистической верой в «светлое будущее». Протестантизм насаждал веру в предопределение, советская идеология провозглашала неизбежность победы коммунизма. Совпадения между протестантизмом и ортодоксальным марксизмом замечал еще Г. В. Плеханов, но именно сталинская система превратила «марксизм-ленинизм» в светскую

---

[410] Конец ельцинщины. Будапешт, 1999. С. 150.

религию, удивительным образом повторявшую моральные догмы кальвинизма XVI в. Если в Китае поворот к капитализму опирался на сочетание конфуцианской традиции с коммунистической моралью, то в России «победа над коммунизмом» одновременно подрывала те минимальные моральные и психологические условия, без которых рыночная экономика невозможна вообще.

Впрочем, неудача России и успех Китая имеют и другие, еще более фундаментальные причины. Центристская и отчасти левая критика либеральных реформ в 1990-е гг. постоянно предлагала «китайскую модель» в качестве альтернативы приватизации и «свободному рынку». И в самом деле, если Россия на протяжении 1990-х гг. непрерывно падала, то Китай поднимался. Из всех стран, имевших «коммунистическую» власть к концу 1980-х, именно «красный» Китай больше всех преуспел не только в плане экономического роста и технологической модернизации, но и в плане насаждения частного предпринимательства. Схожие результаты были достигнуты и в «коммунистическом» Вьетнаме. Проблема, однако, в том, что «китайская модель» представляла собой не только набор решений в области управления и собственности, которые в принципе были вполне применимы в России, но и определенную стратегию включения в капиталистическую мироэкономику. И здесь мы видим принципиальные различия между двумя странами. Китай к началу 1980-х, когда реформы там начались в полном масштабе, обладал ограниченными природными ресурсами, промышленностью со скромным технологическим потенциалом и огромным населением. Именно его трудовые ресурсы привлекали иностранный капитал. Эффективное использование этих ресурсов требовало развития промышленности. Хотя ее технологический уровень оставался не самым высоким, он в целом повышался по сравнению с тем, чем обладала страна к концу 1970-х. Точно так же повышался и уровень образования, благосостояния.

Хотя экономический рост Китая создавал определенные проблемы для центров мирового капитализма, он,

по крайней мере в 1980—1990-е гг. XX в., не являлся для них стратегическим вызовом. Обладая промышленностью со средним уровнем технологии, Китай, несмотря на все свои успехи, не мог радикально изменить соотношение сил в мировой системе. В то же время, несмотря на все противоречия, интеграция в мировую экономику сопровождалась увеличением промышленного потенциала, реальной модернизацией, ростом жизненного уровня. В данном случае приоритеты международного капитала в значительной мере совпадали с национальными интересами Китая.

С Россией все обстояло по-другому. Обладая огромной территорией и сырьевыми ресурсами, она имела (по своим масштабам) небольшое население. Рабочая сила была высокообразованной, но не очень дисциплинированной и «избалованной» социальными гарантиями. Технологический потенциал страны был очень высок, хотя использовался совершенно неэффективно. К тому же наиболее развитые в технологическом отношении отрасли были связаны с военно-промышленным комплексом и, соответственно, «дублировали» такие же отрасли в странах Запада (авиастроение, машиностроение и т. д.). Таким образом, реальный интерес для «центров» капиталистической миросистемы Россия представляла лишь как поставщик природных ресурсов и рынок сбыта. В ином качестве Россия была Западу не только не нужна, но даже опасна.

«Избыточные» ресурсы России могли быть либо поглощены странами «центра», либо использованы для экономической, политической и военной экспансии самой России. Иными словами, в рамках капиталистических «правил игры» наша страна может быть либо сверхдержавой, либо полуколонией, третьего не дано. Разумеется, логика капитализма не является единственно возможной, но коль скоро российские элиты включились в процесс глобализации и стремились действовать в соответствии с его требованиями, альтернативы у них не было.

Реформа, которая повысила бы эффективность промышленности и позволила бы успешно использовать в рыночных целях накопленный в советское время технологический потенциал, привела бы к конфликту с Западом не менее острому, чем во времена холодной войны. Перманентная «торговая война» была бы совершенно неизбежна, а в определенных ситуациях могли бы начаться и локальные войны. К такому конфликту и народ России, и ее элиты были политически и психологически не готовы.

В сложившейся ситуации избранный российскими элитами курс на уничтожение собственной промышленности, разорение населения (удешевление рабочей силы), разрушение науки и превращение отечественной экономики в полуколониальную был совершенно логичным и по-своему «правильным» ответом на вызов глобализации. Во всяком случае иного способа безболезненно вписаться в «открытое общество» и «мировую цивилизацию» у них просто не было. Другое дело, что включив Россию в капиталистическую миросистему в качестве полуколонии, Запад, возможно, создал условия для новых глобальных потрясений в будущем.

ПИРРОВА ПОБЕДА КАПИТАЛА

Победа над «русским коммунизмом» может оказаться для западного капитализма пирровой. В результате произошедшего со страной в 1990-е гг., отмечает Тамаш Краус, «не поддающаяся интеграции» Россия снова становится «слабым звеном», «больным человеком» мировой капиталистической системы в конце XX века, как и в его начале[411]. Россия должна экспериментировать или погибнуть. Она не просто должна отстоять свою автономию по отношению к капиталистической миросистеме, но, изменив себя, изменить и мировой экономический порядок.

---

[411] Конец ельцинщины. Будапешт. 1999. С. 150.

Вырваться из состояния отсталости можно, лишь покончив с логикой периферийного капитализма (а другого капитализма в России при данных обстоятельствах быть не может). Инвестиционный кризис в сочетании с кризисом государственности и культурным кризисом не может быть преодолен иначе как на основе новой мобилизационной модели. Опасность состоит в том, что до сих пор мобилизационная модель у нас ассоциируется со сталинским опытом, который повторить в современных условиях невозможно — к нашему величайшему счастью. Однако новый вариант мобилизационной модели должен быть найден, иначе стране предстоит десятилетиями прозябать на периферии мировой системы. Задача состоит в том, чтобы, отказавшись от имитационных моделей «догоняющего развития», сделать ставку именно на те технологии и структуры, которые станут лидирующими в XXI в. Экономист Александр Бузгалин называет это «опережающим развитием». Мобилизация финансовых ресурсов должна задействовать главный потенциал — человеческий. Вместо того чтобы экономить на науке, необходимо превратить ее в ведущую отрасль экономики. Новая экономическая модель потребует экспроприации олигархов в сочетании с реформой государства, резким повышением вертикальной мобильности для низов общества за счет доступа к образованию, здравоохранению и престижным рабочим местам. Воссоздание сильного государственного сектора, ориентированного на передовые технологии, вполне может сочетаться с ростом свободного предпринимательства «снизу». И наконец, ориентация на Запад должна смениться усилением хозяйственных, политических и культурных связей с большинством человечества — «третьим миром».

Проблема в том, что любые модели экономического развития в конечном счете упираются в вопрос о социальной природе государства. Какой класс, какие социальные группы станут опорой власти? В чьих интересах и чьими руками будет проводиться политика? Как будет

обеспечена демократия в ее первоначальном смысле слова: **власть народа?**

Главный урок, который мы должны извлечь из событий 1990-х гг. ушедшего века, прост: нет капиталистического решения для проблем России. Но это еще не значит, что любая успешная попытка преодоления кризиса неизменно приведет к социализму (тем более что на самом деле социализм вообще возможен лишь как новая мировая система, приходящая на смену нынешней). Это лишь значит, что экономическая и социальная политика, которая сможет вывести страну из кризиса, должна подчиняться другим принципам, другим социальным интересам и другой логике, чем при капитализме. Сколько бы ни говорилось про «смешанную экономику», «регулирование», «приоритет национальных интересов», все это ничего не даст до тех пор, пока ядром этой смешанной экономики не станет общественный сектор, живущий по собственным, некапиталистическим правилам. Точно так же невозможна в России эффективная экономическая политика, не основывающаяся на экспроприации олигархии и возвращении народу отнятого у него достояния.

Перемены конца 1980-х и начала 1990-х гг. лишь подготовили почву для новых потрясений, создавая объективную потребность в новом политическом проекте — не только для России, но и для всего региона. Это проект национальный и одновременно последовательно антинационалистический. Национальный постольку, поскольку речь идет о собственных приоритетах развития, о том, чтобы преодолеть зависимость от Запада и поставить экономику на службу собственным интересам. Антинационалистический постольку, поскольку национализм — это идеология местных элит, заинтересованных в сохранении своих привилегий, а следовательно, и в консервации периферийного капитализма. В современном мире за национальную независимость невозможно бороться в одиночку. Народы Восточной Европы не раз проявляли солидарность, отстаивая свои права перед совет-

ским «Большим Братом». Солидарность еще более необходима, когда на место московского «Большого Брата» приходит вашингтонский или брюссельский. Несмотря на все старые обиды, без региональной интеграции никаких надежд на самостоятельное развитие нет. Точно так же народам Восточной Европы рано или поздно придется отбросить расистское самодовольство и осознать, что историческая судьба объединила их не с Западной Европой, не с Соединенными Штатами, а с Латинской Америкой, Азией и Африкой.

Интеграция в Европейский союз — последняя надежда, последняя великая иллюзия восточно-европейского потребителя. Этим надеждам не дано оправдаться ни для тех, кто останется за бортом, ни для тех, кто будет принят. Первые не получат ничего, вторые в очередной раз получат не то, что ожидали. Политический цикл завершается. На смену мечтам об интеграции в «клуб богатых» придет понимание того, что свои интересы надо защищать. Потребитель должен стать гражданином и пролетарием.

Национальный проект левых должен быть антинационалистическим еще и потому, что опереться он может только на широкий блок, включающий как различные группы трудящихся, так и значительную часть технократии, заинтересованной в изменении приоритетов развития. Идеология «этнической солидарности» и «избранного народа» равно несовместима с принципами демократии и трудовой солидарности. В Восточной Европе нет однородного и единого рабочего класса, описанного в произведениях традиционного марксизма. В сущности, его нет нигде. В условиях периферийного капитализма левое движение возникает не как «классовое», а как «народное». Но в то же время даже элементарные требования — такие как своевременная выплата зарплаты или сохранение угольной отрасли — ставят под вопрос само существование системы. Они просто не могут быть удовлетворены до тех пор, пока радикальным образом не изменились все экономические отношения, включая

и отношения с Западом, с Международным валютным фондом.

Кризис элит означает и кризис официальных посткоммунистических левых партий, тесно с этими элитами сросшихся. Но одновременно это и шанс на появление нового левого движения. Выходом из сложившейся ситуации является не «общественное согласие», а жесткая конфронтация и экспроприация посткоммунистической олигархии, радикальные структурные реформы. Национальные интересы должны быть противопоставлены интересам элит. Местные элиты по своей сути антинациональны, ибо они антинародны. Националистическая риторика лишь прикрывает ежедневное ограбление большинства населения. Ни международный, ни местный капитал не могут решить задач социальной и технологической модернизации просто потому, что такие задачи перед ними не стоят. Тем более не могут они мобилизовать ресурсы, необходимые для радикальных перемен, ибо данные ресурсы могут быть получены лишь путем экспроприации этих же элит. Любой проект национального развития требует резкого повышения роли государства в качестве ключевого инвестора. Это значит, что на смену приватизации рано или поздно должна придти политика расширения общественного сектора.

Возвращение старых проблем неизбежно порождает соблазн повтора старых решений. Значит ли это, что в Восточной Европе или, по крайней мере в некоторых ее странах, возможен remake рухнувшей в 1989 г. коммунистической системы? Одни мечтают об этом, другие боятся. Но в одну реку не удастся войти дважды. Несмотря на сходство между концом века и его началом, между ними есть принципиальная разница. Годы существования советского режима не прошли даром. Общество стало гораздо более образованным, развитым и сложным. Именно поэтому так слабы и беспомощны ортодоксальные коммунистические группировки, пытающиеся жить по рецептам 1920-х гг.

Левым предстоит извлечь уроки как из истории советского коммунизма, так и из опыта национального развития в «третьем мире». В данном случае проблема не в том, насколько социалистическими были обе эти модели. Существенно то, что обе они возникли как альтернатива периферийному капитализму. Обе потерпели поражение. Восточно-европейские страны вернулись в капиталистическую world-system, а государства «третьего мира» так из нее и не вырвались. Но сама эта система в момент своего величайшего исторического торжества столкнулась с собственными неразрешимыми противоречиями. Она все больше погружается в кризис. А страны, ставшие ее периферией, получают новый шанс вырваться из порочного круга зависимости и отсталости.

И советская модель, и национальные движения в «третьем мире» обеспечивали ускоренное развитие ценой ликвидации демократии. Неуважение к правам и свободам человека в конечном счете стало решающей причиной их поражения. Не только потому, что миллионы людей в 1989 г. вдруг захотели свободы (на самом деле многие из них даже не знали, что это такое), а потому, что несвободное общество не может мобилизовать свой инновационный потенциал, не может успешно противостоять пропагандистскому наступлению и потребительским соблазнам капитализма.

К концу 1990-х гг. выяснилось, что политическое освобождение было не более чем побочным продуктом кризиса коммунистических режимов. Периферийный капитализм в долгосрочной перспективе с демократией несовместим, в лучшем случае она превращается в декорацию, фасад. Возвращение левых в Восточной Европе (да и во всем мире) в конечном счете зависит от того, насколько они смогут стать ведущей демократической и новаторской силой. В первую очередь левые должны предложить новую модель государства и общественного сектора — открытую, динамичную, ориентированную на решение стратегических задач развития. Успех левых

зависит и от того, смогут ли они в качестве альтернативы глобализации выдвинуть новую модель региональной интеграции — равноправной и свободной от имперского наследия.

Исторический цикл русской революции еще не закончен. История Западной Европы учит нас, что за реставрациями следовали «Славные революции», иногда целая череда революционных потрясений. И если надежды на то, что Россия сможет вырваться из своего катастрофического состояния единым мощным рывком, выглядят несколько наивно, то в долгосрочной перспективе основания для оптимизма все же имеются. В этом плане ельцинская реставрация в России не только не положила конец всем революциям, а напротив, создала предпосылки для нового революционного цикла.

РЕВОЛЮЦИЯ СТЫДА

Многократно обманутый советский обыватель понемногу осознал, что его обвели вокруг пальца, но так и не испытал по этому поводу должного стыда. А ведь российские либералы не просто манипулировали незрелым массовым сознанием, не просто пользовались неопытностью людей, не знающих законов рыночной экономики. Они изначально апеллировали к самым темным и низменным сторонам человеческой натуры — жадности, зависти, самоуверенности, жестокому пренебрежению участью слабых и расистскому равнодушию к судьбе других народов. Те, кто в 1989 г. считали себя «сильными» и потенциальными победителями, на самом деле оказались «слабыми» и проигравшими. Но с моральной точки зрения их позиция не стала бы более приемлемой, даже если бы дела сложились несколько иначе. В целом советские люди получили именно то, чего заслуживали. Маркс был совершенно прав, когда заявил: «У неразумного народа не может вообще быть речи о разумной

государственной организации»[412]. Ни стоны разоренных вкладчиков, ни даже жалобы полуголодных учителей или ярость обманутых шахтеров не могут вызывать сочувствия до тех пор, пока сами люди не пытаются изменить свое положение. Борьба не всегда ведет к победе, но без борьбы не может быть не только победы, но и элементарного уважения к себе.

Для того чтобы изменить свое положение, россиянин должен переделать себя, превратившись из жертвы в борца, из обывателя в гражданина, из обманутого потребителя в сознательного пролетария. Превращение далеко не простое и такое болезненное, что оно требует резкого разрыва с собственным прошлым опытом. Но другого пути нет.

«Надо заставить народ *ужаснуться* самого себя, чтобы вдохнуть в него *отвагу»*, — писал молодой Маркс[413]. Речь идет в данном случае не только о смелости людей, готовых безоружными выйти навстречу армии и полиции, — такой бесшабашной и безответственной удали в России всегда было довольно. Речь идет об отваге политического действия, о способности к самоорганизации, о готовности отвечать за *собственные* поступки, не полагаясь на указания «начальства» и поучения интеллектуальной элиты.

Идеологический и социальный кризис режима капиталистической реставрации создал своеобразный спрос на левую идею. Происходит смена поколений, накапливается новый политический опыт, а главное, в самом обществе, несмотря ни на что, консолидируются групповые и классовые интересы. Этот процесс идет чрезвычайно медленно, создавая своего рода островки новой политизации, но как бы ни были они малы, именно здесь единственный реальный шанс не только для возрождения левого движения, но и для демократического развития страны.

---

[412] Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. I. С. 285.
[413] Там же. Т. I. С. 417.

Спрос на радикальные и социалистические идеи прямо пропорционален растущему разочарованию в итогах капиталистической реставрации. Вопрос лишь в том, как долго будет происходить формирование обновленной левой идеи в стране, где население разобщено, интеллигенция потеряла свою традицию, а классовая борьба развивается в рамках корпоративного общества. Однако в значительной степени это зависит от нашей способности извлечь политические, организационные и моральные уроки из предшествующих поражений, соединить политику, выражающую потребности модернистских «новых средних слоев» с активной защитой интересов «корпоративных» и «маргинальных» масс.

Пытаясь объяснить причины собственных неудач, идеологи левых ссылались на информационный террор, который развернуло против них правительство. Александр Бузгалин считает корнем зла «конформизм большинства населения страны». Этот конформизм, «сформированный десятилетиями застоя, едва поколебленный годами перестройки», в условиях капиталистической реставрации лишь слегка изменил форму. Чтобы противостоять ему, левые должны уподобиться «садовникам», выращивающим нового, способного к самоорганизации человека в «саду» массового демократического движения[414]. Этот подход, весьма близкий к западному постмодернистскому марксизму, не мог не получить распространения среди левых, деморализованных не только событиями 1989—1991 гг., но и чередой поражений в 1993—1996 гг. К тому же, как ни парадоксально, он вполне соответствовал и просветительским традициям русской интеллигенции. Однако «конформизм» постсоветского общества порожден определенными социальными условиями, которые не могут быть просто преодолены воспитанием. Проблема в том, чтобы объединить и организовать людей такими, каковы они есть, исходя из их реальных проблем и потребностей. Задача, решить

---

[414] *Бузгалин А.* Белая ворона. М., 1993. С. 174, 204.

которую российским левым к середине 90-х оказалось не под силу.

Кризис 1989—1991 гг. заставил многих социалистов отказаться от своих первоначальных идей и ценностей. Начался болезненный поиск новых ориентиров для левого движения. Психологически это напоминает блуждание в потемках. Но заблудились мы на хорошо знакомом месте. Крах коммунистических государств Восточной Европы не столько создал новую мировую ситуацию, сколько восстановил старое положение вещей, существовавшее до 1917 г., когда капитализм был единой мировой системой. Капитализм 1990-х гг. гораздо более традиционен и примитивен, нежели система, существовавшая в 1960-е или 1970-е гг. Конфликт «Север—Юг» тоже знаком социалистам, хорошо знающим дискуссии о «колониальном и восточном вопросе» в начале века. Не нова для России и ситуация, когда развитие капитализма сочетается с сохранением докапиталистических порядков, а недовольство модернизированных слоев — с протестом «общинных» трудящихся.

Каждая ситуация требует соответствующих ей подходов и методов. Там, где требуется пинцет, не пригоден гаечный ключ. И наоборот. Ирония истории в том, что именно деятели, которые размахивали гаечным ключом на протяжении 1970-х и 1980-х гг., сегодня упорно предлагают пользоваться пинцетом. Между тем, на грубую силу надо отвечать грубой силой, на политику приватизации — политикой экспроприации. Можно ли действовать по-другому? Можно. Но тогда нужно заранее быть готовым к неизбежному поражению.

Если мы действительно хотим стать выразителями интересов масс, не плетясь за ними в хвосте и не претендуя на роль самозваного авангарда, левая политика должна быть «пограничной». Иногда «в системе», иногда «вне системы». Иногда парламентская, иногда внепарламентская, но всегда классовая. Можно быть непримиримыми в одном и идти на компромисс в другом, но нужно помнить, в чем критерий приемлемого

компромисса — классовые интересы трудящихся и социалистическая перспектива это не общие слова, а конкретная формула политических задач. Надо отстаивать стратегические принципы и проявлять тактическую гибкость. Но главное — постоянно прислушиваться к тому, что происходит вокруг, критически оценивая каждый сделанный шаг. Нам предстоит постоянный трудный выбор, сомнения, риск, тяжелая моральная ответственность за каждый поступок, каждое решение. Очень легко сорваться, ошибиться, сойти на один из «простых» путей. Но лишь так можно добиться действительных перемен в обществе.

По сравнению с началом XX в. отличие в том, что тогда Россия, несмотря на всю свою отсталость, была страной растущей, с молодым населением. К началу XXI в. страна подошла с населением, стареющим и деморализованным, с экономикой, переживающей глубокий многолетний спад. Все это заставляет сомневаться в перспективах нового революционного подъема. Но в то же время опыт XX в. не мог пройти для страны бесследно, ее прошлые жертвы и достижения не могли оказаться совершенно бессмысленными. Мы (как общество) уже не так молоды, но зато опытнее и образованнее.

«Раскручивая» Путина, политтехнологи пообещали народу перемены, твердо зная, что никаких перемен (во всяком случае — к лучшему) не будет и быть не может. Какая-то часть населения поверила, но это уже в последний раз. Больше нынешним властям не поверят, даже если те начнут говорить правду. Но обманутые надежды — спусковой крючок для массовых протестов.

Для борьбы против олигархии нужно не укреплять нынешнее российское государство, а, наоборот, ломать его. Но Путина для того и поставили, чтобы он не допустил подобного развития событий.

Крах оппозиции, административные и пропагандистские успехи Кремля создали у многих в России ощущение, что путинский новый порядок пришел всерьез и надолго. Для значительной части недавних «борцов с ан-

тинародным режимом» это послужило сигналом к «примирению с действительностью». В конце концов, разве Путин не пытается построить сильное государство, выступающее наследником Российской империи? И разве не об этом мечтали ораторы на националистических митингах? В поклонников президента наспех переквалифицировались и «реалистически мыслящие» деятели из официальной компартии, и радикалы, уставшие ждать немедленной революции.

При более пристальном взгляде, конечно, обнаруживалось, что социальная база режима весьма узка, что экономический рост имел крайне ограниченные перспективы, а зависимость страны от вывоза сырья и ввоза иностранного капитала превращала в насмешку любые рассуждения об имперском величии и даже «независимой внешней политике». Но, в конечном счете, вопрос не в этом.

Если вы действительно уверены, что капитализм пришел к нам на века, если вы твердо убеждены, что рабочее и левое движение заведомо не способны не только победить капитал, но и реформировать его в своих интересах, если, наконец, демократические свободы не имеют для нас самостоятельной ценности, а Россия воспринимается как страна, для которой просвещенный абсолютизм является пределом мечтаний, тогда, безусловно, есть все основания поддерживать Путина с его программой буржуазной модернизации и авторитарного порядка. Господам и товарищам, рассуждающим подобным образом, надо расслабиться и получать удовольствие.

Тем, кто рассуждает иначе, не остается иного пути, кроме борьбы.

Борис Кагарлицкий

УПРАВЛЯЕМАЯ ДЕМОКРАТИЯ: РОССИЯ, КОТОРУЮ НАМ НАВЯЗАЛИ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

Ирина Глущенко

ОФОРМЛЕНИЕ

Кир Иванов, Александр Касьяненко

ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕДАКТОР

Надежда Овчинникова

КОРРЕКТОРЫ

Юлия Мухина, Ольга Шарлай

МЕНЕДЖЕР ПРОИЗВОДСТВА

Вероника Рямова

Подписано в печать 28.10.2005. Формат 84 × 108 $^{1}/_{32}$.
Гарнитура Helios. Бумага писчая. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 30,24. Тираж 3000 экз.
Заказ № 799

ООО «Издательство «Ультра.Культура»
620142, Екатеринбург, ул. Большакова, д. 77, к. 205
e-mail: money@ultraculture.ru, cult@ultraculture.ru
http://www.ultraculture.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»
620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13
http://www.uralprint.ru
e-mail: book@uralprint.ru